

Книга, которую обязательно следует прочитать.
Sunday Express

ДЖУЛИАН ФЕЛЛОУЗ

Тени прошлого

От создателя сериала
«АББАТСТВО ДАУНТОН»,
который покори́л весь мир

Annotation

Благодаря своему другу Дэмиан попадает в высший свет, где сразу же становится душой общества. Приглашения на балы, вечеринки, пикники и праздники в загородных имениях следуют одно за другим. Девушки готовы на все, лишь бы привлечь внимание остроумного и красивого молодого человека.

Почти сорок лет спустя смертельно больного, одинокого, но очень богатого Дэмиана гложет одна мысль: кому завещать свое состояние? Его бывший друг, а ныне заклятый враг соглашается найти женщину, письмо которой утверждало, что она родила ребенка от Дэмиана. Отправляясь на поиски, рассказчик сталкивается не только с прошлым Дэмиана, но и со своим собственным...

Впервые на русском языке!

- [Джулиан Феллоуз](#)
 -
 -
 - [Дэмиан](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Люси](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Дагмар](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Серена](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Джоанна](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Терри](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Кандида](#)

- [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Португалия и после](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Предыстория «Теней прошлого»](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

Джулиан Феллоуз

Тени прошлого

Julian Fellowes

PAST IMPERFECT

Copyright © Julian Fellowes 2008

The right of Julian Fellowes to be identified as the author of this work has been asserted in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved

First published in Great Britain in 2008 by Weidenfeld & Nicolson, London

© Е. Кисленкова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Эмме и Перегрину, без которых ничего и никогда не
было бы написано*

Дэмиан

Глава 1

Мой нынешний Лондон населен призраками, и один из них – я сам. Я иду по своим делам, и каждая улица, каждая площадь шепчет об иных, прежних периодах моей жизни. Короткая прогулка по Челси или Кенсингтону приводит к двери, за которой когда-то были мне рады, но сегодня никто не узнает. Я возникаю из воздуха – молодой, ради позабывшейся уже шалости разодетый в подобие национального костюма какой-то балканской страны, вечно раздираемой войнами. Эти расклешенные брюки, эти рубашки в рюшах с отложными воротниками – о чем мы тогда только думали? Перед моими глазами мимо призрака меня, юного и стройного, проходят тени усопших: покойные родители, тетушки и бабушки, дядюшки и кузены, друзья и подруги, уже покинувшие этот мир или, по крайней мере, покинувшие остаток моей жизни. Говорят, одна из примет надвигающейся старости – когда прошлое становится реальнее настоящего. И я уже чувствую, как минувшие десятилетия жестче давят на мое воображение, отчего недавние воспоминания меркнут и гаснут.

Вполне понятно, почему я удивился, даже опешил, обнаружив среди счетов, писем с благодарностями и просьбами о финансовой поддержке, что ежедневно скапливаются у меня на столе, письмо Дэмиана Бакстера. Такого я не мог и предположить. С нашей последней встречи мы не виделись уже лет сорок и не поддерживали никаких отношений. Это может показаться странным, но каждый из нас прожил жизнь в своем мирке. И хотя Англия – страна маленькая, она тем не менее достаточно велика, чтобы за все это время наши с ним пути ни разу не пересеклись. Но была и другая, более веская причина удивиться.

Я ненавидел его.

Одного взгляда на конверт мне хватило, чтобы понять, от кого письмо. Почерк остался тем же, хотя изменился, как детское лицо, над которым потрудились безжалостные годы. Так или иначе, до того утра я почти не вспоминал о Дэмиане и не поверил бы, что существует причина, заставившая его написать мне. Или меня написать ему. Надо сказать, однако, что получение столь неожиданного послания меня вовсе не оскорбило. Ничуть. Всегда приятно получить письмо от старого друга, но в моем возрасте еще приятнее весточка от заклятого врага. В отличие от друга, враг расскажет вам о вашем прошлом то, чего вы еще не знаете. И если в полном смысле врагом Дэмиана назвать было нельзя, он мог

считаться моим бывшим другом, что намного хуже. Мы расстались со скандалом, жестко, в порыве безудержной ярости, которую еще больше распалял жар сожженных за нами мостов, и разошлись каждый в свою сторону, не предпринимая попыток загладить ущерб.

Письмо, во всяком случае, было честное. Англичане, как правило, не любят ситуаций, вследствие чьего-то поведения запомнившихся как «неловкие». Обычно значимость всех неличеприятных сцен из прошлого принижают, о них упоминают туманно и снисходительно: «Помните тот ужасный обед, который давала Джоселин? И как только мы его пережили?» Или, если эпизод никак нельзя подобным образом подать как незначительный и безвредный, собеседники делают вид, что его и не было. «Как давно мы с вами не виделись!» – такое начало нередко следует перевести как: «Не стоит продолжать нашу вражду, все это произошло в незапамятные времена. Вы готовы подвести черту?» Если слушающий готов, ответ будет дан в столь же невозмутимой манере: «Да, надо бы встретиться. Чем вы занимались, с тех пор как покинули компанию „Лазард“?» Этого оказывается вполне достаточно, чтобы обозначить: все дурное закончилось, можно возобновить добропорядочные отношения.

Но сейчас Дэмиан отказался от общепринятой практики. Его прямолинейность была сродни древнеримской. «Осмелюсь предположить, что после всего произошедшего ты не рассчитывал еще раз услышать обо мне, но ты окажешь мне большую любезность, если почтишь меня своим присутствием, – писал он в своей жесткой и по-прежнему достаточно злой манере. – Не представляю себе, что после нашей последней встречи может подвигнуть тебя на подобный визит, но, рискуя напроситься на жалость, скажу, что жить мне осталось недолго, и это будет как исполнить последнюю волю умирающего». Что ж, по меньшей мере на уклончивость я ему попенять не мог. Некоторое время я убеждал себя, будто размышляю о его просьбе и пытаюсь принять решение, но на самом деле я сразу понял, что поеду, так как мне необходимо утолить любопытство и я готов снова очутиться в блаженных временах утраченной юности. Поскольку с лета 1970 года я не поддерживал с Дэмианом никаких связей, то, когда всплыло его имя, это не могло не напомнить мне со всей остротой, что мой мир сильно изменился, как, впрочем, и мир любого другого человека.

Хотя это и неправильно, но я прекратил бороться с печальной мыслью, что воздух моих юных лет мне слаще того, в котором я обитаю сейчас. Сегодняшние молодые, резонно защищая свое время, обычно скептически относятся к нашим воспоминаниям о золотом веке, когда покупатель был всегда прав, когда патрули Автомобильной ассоциации отдавали честь

эмблеме «АА» на вашей машине, а полицейские, приветствуя, касались шлемов. Слава богу, что закончилась эпоха этой повальной учтивости, говорят они, но учтивость – часть упорядоченного, устойчивого мира, а он, по крайней мере на взгляд из нашего времени, отличается теплотой и добротой. Пожалуй, более всего я скучаю по доброте Англии полувековой давности. Правда, трудно сказать, о ней я сожалею или о собственной ушедшей юности.

– Не понимаю, кто такой этот Дэмиан Бакстер? Что в нем примечательного? – спросила Бриджет, когда вечером мы сидели дома и ели какую-то непомерно дорогую и плохо прожаренную рыбу, купленную у знакомого итальянца на Олд-Бромптон-роуд. – Ты про него никогда не говорил.

В те времена, когда Дэмиан отправил свое письмо – не так давно, в сущности, – я еще жил в большой квартире на первом этаже дома в Уэзерби-Гарденс. Это было уютное местечко, удобное по целому ряду причин и расположенное вблизи ресторанчиков, где можно брать еду на дом, – традиция, к которой мы в последние несколько лет пристрастились. Адрес был не без претензии, и купить эту квартиру я бы никогда не смог, но за много лет до этого ее уступили мне родители, когда окончательно покинули Лондон. Отец пытался возражать, но мать горячо настаивала, что мне нужно же с чего-то начинать, и он сдался. Я воспользовался их щедростью, от души рассчитывая в этом жилище не только начинать, но и заканчивать. В сущности, я почти ничего не изменил там после матери, и в квартире по-прежнему оставалось полно ее вещей. Вот и сейчас мы сидели у окна за маминым круглым столиком для завтрака. Вся квартира могла показаться женской – с очаровательной мебелью эпохи Регентства и портретом кого-то из предков в детстве, мальчика в кудряшках, – если бы моя мужская натура не проявляла себя полным пренебрежением к ее обстановке.

В то время, когда произошла вся эта история с письмом, Бриджет Фицджеральд была моей тогдашней – я хотел сказать «девушкой», но не уверен, что они бывают у людей за пятьдесят. С другой стороны, если для девушки ей слишком много лет, а для компаньонки еще недостаточно, то как ее называть? Современная речь украдала столько слов, извратив их смысл, что, возникни необходимость найти подходящее определение, в заглазниках ничего не нашлось бы. Говорить «партнер» где-либо, помимо средств массовой информации, уже старомодно и небезопасно. Недавно я отрекомендовал второго директора маленькой компании, которой владею, как своего партнера и не сразу понял недоуменные взгляды людей,

считавших, что хорошо меня знают. «Вторая половина» звучит точно фраза из комедии положений о секретарше гольф-клуба, а до того момента, когда можно будет сказать: «Это моя любовница», мы еще не вполне дошли, хотя до этого оставалось уже немного. В общем, мы с Бриджет встречались. Мы были довольно необычной парой: я, не слишком преуспевающий литератор, и она, энергичная ирландская бизнесвумен, занимающаяся недвижимостью, не успевшая в личной жизни вскочить в последний вагон и довольствующаяся мною.

Мама бы не одобрила этого, но она умерла, так что теоретически ее можно было не принимать в расчет, хотя вряд ли мы когда-нибудь освобождаемся от гнета родительского порицания, живы наши родители или нет. Есть, конечно, шанс, что загробная жизнь смягчила ее, но сомневаюсь. Может, мне и стоило прислушаться к ее рекомендациям с того света, ибо не могу не признаться: у нас с Бриджет было мало общего. Но при этом она была умна и мила, и это больше, чем я заслуживал, а я все же одинок, и мне надоели телефонные звонки с приглашениями на воскресные семейные обеды. Так или иначе, мы нашли друг друга, и, хотя формально не жили вместе, поскольку Бриджет продолжала возвращаться в собственную квартиру, мы довольно мирно провели бок о бок уже пару лет. Это была не то чтобы любовь, но все же кое-что.

Возвращаясь к письму Дэмиана, что повеселило меня – это хозяйский тон Бриджет, когда она вспомнила о прошлом, которое не могло быть ей известно. Фраза «Ты о нем никогда не говорил» заявляла только об одном: если бы этот человек был значим в моей жизни, я бы о нем упомянул. Или хуже того: обязан был упомянуть. Все это связано с распространенным убеждением, что если вы тесно с кем-нибудь общаетесь, то вправе знать о нем все до мельчайших подробностей, но такого никогда не бывает. «У нас нет друг от друга секретов!» – говорят в фильмах молодые жизнерадостные лица, тогда как все мы хорошо знаем, что вся наша жизнь наполнена секретами, часто даже от самих себя. Понятно, что в этот момент Бриджет заволновалась: если Дэмиан для меня так важен, но при этом я никогда о нем не заговаривал, то сколько еще важных моментов от нее скрываются? В оправдание я сказал только, что и ее прошлое, подобно моему, да и прошлому всех остальных, – темный лес. Время от времени мы позволяем окружающим заглянуть туда одним глазком, но, как правило, только издали. С темными пучинами воспоминаний все справляются в одиночку.

– Он учился со мной в Кембридже, – ответил я. – Мы познакомились, когда я был на втором курсе, в конце шестидесятых, как раз когда я участвовал в сезоне^[1]. Я представил Дэмиана девушкам. Они его приняли,

и некоторое время мы болтались по Лондону вместе.

– Кавалеры дебютанток, как же, как же! – произнесла Бриджет со смесью притворного восторга и насмешки.

– Рад, что мои юные годы неизменно вызывают на твоих губах улыбку.

– Так что же произошло?

– Ничего не произошло. По окончании университета мы без особой причины расстались. Просто пошли каждый своей дорогой.

Тут я, конечно, солгал.

Бриджет глянула на меня, услышав в моих словах больше, чем я намеревался сказать.

– Если ты поедешь, то, видимо, один.

– Да, я поеду один.

Я ничего больше не объяснял, но, надо отдать Бриджет должное, она и не спросила.

Поначалу я считал Дэмиана Бакстера своим творением, хотя это лишь демонстрирует мою неопытность. Любой фокусник может достать из шляпы кролика, только если он там уже сидит, пусть и хорошо спрятанный. Дэмиан никогда бы не снискал себе успеха, который я ставлю себе в заслугу, если бы не обладал качествами, сделавшими его триумф возможным и даже неизбежным. И тем не менее я не верю, чтобы он в молодости мог пробиться в верхние слои общества без посторонней помощи. И эту помощь оказал ему я. Наверное, поэтому и негодовал потом так яростно на его предательство. Я делал хорошую мину при плохой игре – по крайней мере, старался, – но рана все равно саднила. Трильби предала Свенгали, Галатея разбила мечты Пигмалиона.

«Мне подойдет любой день и любое время, – говорилось в письме. – Теперь я не выхожу и не принимаю у себя, так что полностью в твоём распоряжении. Ты найдешь меня неподалеку от Гилфорда. Если поедешь на машине, это полтора часа, но поездом быстрее. Сообщи мне, что ты решил, и я либо напишу, как доехать, либо отправлю кого-нибудь тебя встретить, на твое усмотрение».

В конце концов, прекратив придумывать отговорки, я написал ему ответ, где предложил дату обеда и указал поезд, на который сяду. Он, в свою очередь, пригласил остаться у него переночевать. Как правило, я, подобно Джорроксу^[2], предпочитаю «где обедаш, там и спиш», поэтому согласился. На том и порешили. И вот однажды приятным июньским вечером я вышел за шлагбаум на вокзале Гилфорда.

Я предполагал увидеть какого-нибудь иммигранта из Восточной Европы с табличкой в руках, на которой фломастером будет с ошибками

намалевано мое имя, но вместо этого ко мне подошел шофер в униформе – вернее, человек, похожий на актера, играющего роль шофера в фильме про Эркюля Пуаро. Он негромко и почтительно представился, приподняв фуражку, и повел меня на улицу к новенькому «бентли», припаркованному в нарушение всех правил на местах для инвалидов. Я говорю «в нарушение всех правил», хотя в окне четко был виден знак – полагаю, такие знаки не раздаются направо и налево, – чтобы хозяин мог встречать друзей прямо у поезда и тем не пришлось бы мокнуть под дождем или далеко тащить свой багаж. Но если есть удобная возможность, почему ею не воспользоваться?

Я был в курсе, что дела у Дэмиана пошли хорошо, хотя, как я это узнал, сейчас уже и не припомню: у нас не было общих друзей и мы вращались в совершенно разных кругах. Должно быть, я увидел его имя в списке «Санди таймс»^[3] или в статье из раздела финансов. Но до того вечера я не вполне понимал, насколько он на самом деле преуспел. Мы мчались по узким дорогам Суррея, и вскоре, глядя на аккуратно подрезанные изгороди и расшитые швы каменной кладки, на лужайки, ровные, как бильярдные столы, и поблескивающий под травой гравий дорожек, я понял, что мы очутились в царстве богатства. Здесь не найти крошащихся воротных столбов, пустых конюшен и сараев с протекающей крышей. Здесь не веяло традицией или былой славой. Я наблюдал не воспоминание о прежнем богатстве, а живое присутствие денег.

Этот мир был отчасти мне знаком. Любой более или менее преуспевающий писатель вращается среди тех, кого бабушка назвала бы всякими личностями, но не могу похвастаться, что эти люди стали для меня своими. Большинство знакомых мне так называемых богатых обладают уцелевшими с былых времен, а не нажитыми с нуля состояниями, это люди, которые раньше были намного богаче. Но дома, что я сейчас проезжал, принадлежали «новым богатым», а это совсем другое. Исходящее от них ощущение силы наполняло меня энергией. Странно, но в Британии до сих пор сохранился снобизм по отношению к новой денежной аристократии. Ожидать гордого презрения к ним со стороны традиционалистов-правых – это еще понятно, но, как ни парадоксально, открыто выражают свое неодобрение людьми, добившимися успеха своими силами, как раз высоколобые левые. Не представляю, как это совмещается с представлениями о равных возможностях. Вероятно, левые и не пытаются объединить эти две идеи, а просто повинуются противоположным порывам души, что в той или иной степени делаем все мы. Но если в юности меня можно было обвинить в ограниченности воззрений, сейчас я уже не таков. Сегодня я без зазрения совести

восхищаюсь теми, кто самостоятельно сколотил состояние, как и теми, кто, всматриваясь в уготованное им от рождения будущее, не боится перечеркнуть его и набросать другое, получше. Люди, всем обязанные только самим себе, имеют больше шансов, чем остальные, найти свою жизненную стезю. Отдаю должное им и их блистательному миру. Правда, тогда меня, в глубине души, немало раздражало, что частью этого мира оказался Дэмиан Бакстер.

В качестве декорации для своей роскошной жизни он избрал не дворец обедневшего аристократа, а солидный особняк в стиле «Движения искусств и ремесел»^[4], несколько хаотичный, словно из диснеевского мультфильма. Такие дома плохо вязались с образом старой доброй Англии еще на исходе позапрошлого века, когда Лаченс их строил. Дом стоял в парке с террасами, аккуратно подстриженном, с пересекающими его крест-накрест ухоженными дорожками, но никаких других земель вокруг не было. Видимо, Дэмиан решил не играть в мелкого землевладельца. Здание не походило на усадьбу, уютно расположившуюся среди просторных полей. Это был просто дом, где обосновался успех.

Хотя жилище не было традиционно аристократическим, все же оно оставляло ощущение 1930-х годов, словно его построили на барыши спекулянта времен Первой мировой войны. Присутствие шофера придавало происходящему атмосферу романов Агаты Кристи, ее подкреплял кланяющийся у дверей дворецкий и даже горничная в черном платье и фартуке с оборками, которую я мимоходом заметил, пока шел к лестнице из серого дуба. Хотя горничная была для Агаты Кристи, пожалуй, чересчур фривольна, словно я вдруг переместился в сцену из мюзикла Гершвина. Ощущение причудливой нереальности только укрепилось, когда меня, прежде чем дать поздороваться с хозяином, провели в мою комнату. Такой распорядок всегда вызывает чувство легкого детективного холодка тревоги. Образ одетого в темное слуги, который маячит в дверном проеме, бормоча: «Пожалуйста, спускайтесь в гостиную, когда будете готовы, сэр», больше сочетается с оглашением завещания, чем со светским визитом. Но комната оказалась довольно милой. Стены обиты голубым дамаском, из него же – полог над высокой кроватью. Мебель английская, солидная и надежная, а несколько висевших в проеме между окнами рисунков по стеклу в псевдокитайском стиле были просто очаровательны, хотя во всем этом чувствовался скорее привкус загородного отеля, чем настоящего сельского дома. Впечатлению способствовала и грандиозная ванная комната, с огромной ванной, душевой кабиной, блестящими кранами на длинных трубах, поднимающихся прямо из пола, и новехонькими

полотенцами, огромными и пушистыми. В частных домах Центральной Англии подобное увидишь редко. Я привел себя в порядок и спустился. Гостиная, вполне ожидаемо, оказалась громадной, как пещера, со сводчатым потолком и пружинистыми коврами, которые тоже постелили совсем недавно. Это были не ворсистые паласы состоятельного владельца клуба и не примятый от старости антиквариат аристократических домов, а гладкие ковры, упругие и абсолютно новые. Вся обстановка комнаты была приобретена в наше время и даже, видимо, одним покупателем. Никакой мешанины вкусов, которую нередко являют собой загородные виллы, где в одну комнату свезено содержимое десятка домов – плоды двух-трехвековой работы нескольких десятков коллекционеров-дилетантов. Но выглядела комната неплохо. Просто отлично. Мебель по большей части относилась к началу XVIII века, картины чуть более поздние, все превосходное, сверкающее чистотой и в отличном состоянии. Первый раз я отметил это в своей спальне, и теперь мне подумалось, что Дэмиан мог нанять специального закупщика, в задачу которого входило обустроить его жизнь. Хотя никаких видимых следов присутствия такого человека в доме не было. Здесь вообще не ощущалось присутствия людей. Я побродил по комнате, разглядывая картины, не зная, сесть мне или остаться стоять. Как ни странно, несмотря на все свое великолепие, она казалась нежилой, горящий в камине уголь не разгонял стлого воздуха, словно комнату содержали в порядке, но давно ею не пользовались. И еще я не увидел цветов – их отсутствие всегда казалось мне верным признаком отсутствия жизни. Здесь не было ничего живого, отчего безукоризненная чистота приобретала какую-то затхлость, безжизненную стерильность. Я не мог представить, чтобы в создании этой комнаты участвовала женщина или, того пуще, ребенок.

В дверях послышалось шевеление.

– Мой дорогой друг, – произнес голос все с той же хорошо помнившейся мне легкой заминкой, словно говорящий борется с заиканием. – Надеюсь, я не заставил тебя ждать.

В «Гордости и предубеждении» есть такой эпизод, когда Элизабет Беннет замечает свою сестру, которая возвращается с подлым Уикхэмом, спасенная от бесчестия усилиями мистера Дарси. «Лидия по-прежнему оставалась Лидией»^[5], – замечает Элизабет. Так и Дэмиан по-прежнему оставался Дэмианом. Несмотря на то что обаятельный широкоплечий юноша с кудрявыми волосами и непринужденной улыбкой исчез и его место занял ссутулившийся человек, больше всего вызывающий в памяти

доктора Манетта^[6], я видел скрытое за характерной запинаящейся речью глубокое и отточенное чувство превосходства и сразу узнал знакомое покровительственное высокомерие, с которым он протянул мне костлявую руку.

– Как приятно тебя видеть, – улыбнулся я.

– Правда?

Мы вглядывались друг в друга, дивясь изменениям – или отсутствию изменений, – которые находили.

Присмотревшись внимательнее, я увидел, что когда Дэмиан писал в письме об исполнении «последней воли умирающего», то говорил истинную правду. Он не просто преждевременно постарел, но был болен, очень болен, возможно, уже прошел точку невозврата.

– По крайней мере, интересно. Можно так сказать.

– Да, так можно сказать. – Он кивнул дворецкому, ожидавшему у дверей. – Скажите, а нельзя ли нам немножко того шампанского?

Меня не удивило, что даже сорок лет спустя он по-прежнему любил облекать свои приказания в неуверенные вопросы. Эта фигура речи звучала в моем присутствии столько раз, что меня можно считать старейшим ее слушателем. Мне кажется, что Дэмиан, как и многие другие люди, практикующие такие фразы, считают, что они придают их словам оттенок милой робости, неловкого, но благородного желания не совершить ошибки, – чувство, которое, как мне доподлинно известно, Дэмиан не испытывал года с 1967-го, да и тогда тоже вряд ли о нем задумывался. Человек, к которому он обратился, не счел, что от него требуется ответ, как это наверняка и задумывалось. Он просто пошел за вином.

Чопорно-молчаливый обед проходил в обеденном зале, неудачно сочетавшем в себе стиль Уильяма Морриса^[7] и Артура Либерти^[8] с эстетикой голливудских холмов. Высокие венецианские окна, тяжелый резной камин и неизменный пружинистый ковер складывались в нечто унылое и невыразительное, словно стол и стулья по непонятной причине поставили в пустом, но дорогом офисе адвоката. Еда тем не менее оказалась отменной, хотя Дэмиан к ней почти не притрагивался, но нас обоих порадовало выбранное им «Шато Марго». Безмолвный дворецкий – как я теперь узнал, его звали Бассетт – не оставлял нас ни на минуту, поэтому беседа, протекавшая в его присутствии, то и дело прерывалась. Помню, как одна моя тетушка вспоминала, что в предвоенные дни ее поражали застольные разговоры, которые ничуть не сдерживало присутствие слуг. Политические секреты, семейные сплетни,

неосмотрительные замечания личного характера – все это щедро изливалось перед находившимися тут же лакеями и, верно, оживило немало вечеров в местном пабе и хорошо хоть не издано в мемуарах, как было бы в наши отличающиеся жадностью и распущенностью времена. Но мы уже потеряли непоколебимую уверенность предыдущего поколения в правильности своего образа жизни. Нравится нам это или нет – лично мне чрезвычайно нравится, – но время заставило нас отдавать себе отчет, что те, кто нам прислуживает, тоже живые люди. Для всех, кто родился после 1940-х годов, стены имеют уши.

Поэтому мы с Дэмианом болтали о том о сем. Он расспросил меня о моих родителях, потом я спросил о его родителях. Мой отец немало ему благоволил, но мать, которую природное чутье обычно не подводило, с самого начала предчувствовала беду. Но мамы не стало уже после нашей с ним последней встречи, а у него умерли оба родителя, поэтому говорить тут особенно было не о чем. Потом мы обсудили общих знакомых, так что, когда пришло время переходить к другой теме, мы перебрали весьма солидный список неудачных карьер, разводов и преждевременных смертей.

Наконец он встал, обращаясь к Бассетту:

– Нельзя ли нам выпить кофе в библиотеке?

И снова вопрос прозвучал кротко, словно просьба об одолжении, в которой может быть отказано. Что произойдет, задумался я, если неуверенный вопрос будет воспринят буквально? «Нет, сэр. Я сейчас занят. Постараюсь принести вам кофе, когда освобожусь». Забавно было бы посмотреть. Но этот дворецкий знал, что надо делать, и отправился выполнять завуалированный приказ, а Дэмиан тем временем провел меня в самую очаровательную из виденных мной комнат. По ее виду можно было заключить, что предыдущий владелец, а может, и сам Дэмиан, целиком купил библиотеку из какого-то старого дома – с темными блестящими полками и рядом колонн с искусной резьбой. Камин светло-розового мрамора был изящен. К нашему появлению в стальной топке уже разожгли огонь. Дрожащие язычки пламени, поблескивающие кожаные переплеты, несколько превосходных картин, в том числе большой морской пейзаж, напоминающий Тернера, и портрет молодой девушки работы Лоуренса, – все это вкуче создавало атмосферу теплоты, которой заметно недоставало в остальном доме. Я был несправедлив в своих суждениях. Не отсутствие вкуса, а отсутствие интереса придавало унылость другим комнатам. А здесь Дэмиан, в сущности, и жил. Вскоре нам принесли напитки и кофе и оставили одних.

– Ты хорошо устроился, – сказал я. – Поздравляю.

– Удивлен?
– Не слишком.
– Если ты имел в виду, что я всегда отличался целеустремленностью, признаю, что это так.

– Ты бы от меня не отстал, если бы я сказал по-другому.
– Да нет, – покачал он головой. Я не вполне понял, что он имел в виду, но, прежде чем успел уточнить, Дэмиан продолжил: – Я еще тогда осознал, что проиграл. Оказавшись в ситуации, где успех не предусмотрен в качестве возможного исхода, я принял ее и пошел дальше. Это ты должен поставить мне в заслугу.

Полная чушь!

– Не поставлю, – ответил я. – Возможно, такое похвальное свойство ты приобрел впоследствии, не знаю. Но когда я с тобой познакомился, ты хотел все сразу и проигрывать не умел.

Дэмиан на секунду растерялся. Возможно, оттого, что большую часть жизни он провел в окружении людей, которым, в том или ином виде, платил за соглашательство, он забыл, что не все обязаны следовать их примеру. Дэмиан глотнул бренди, помолчал и кивнул:

– Сейчас, так или иначе, я потерпел поражение. У меня неоперабельный рак поджелудочной железы. Сделать ничего нельзя. Доктор дал мне примерно три месяца жизни.

– Они часто ошибаются в своих прогнозах.

– Они редко ошибаются в таких прогнозах. Но не в моем случае. Может быть, погрешность в несколько недель, но не более того.

– Ясно.

Трудно решить, как следует отвечать на такие заявления, поскольку людям в подобной ситуации нужно очень разное. Вряд ли Дэмиан ожидал от меня причитаний или советов по альтернативному лечению макробиотической диетой. Но как знать. Я ждал.

– Не думай, будто я сетую на несправедливость судьбы. В каком-то смысле моя жизнь подошла к естественному финалу.

– То есть?

– Как ты справедливо заметил, я был весьма удачлив. Я хорошо пожил. Много путешествовал. И в делах успел достичь всего, что хотел. Неплохо, правда? Знаешь, чем я занимался?

– Не особо.

– Я создал компьютерную компанию. Мы одними из первых предвидели огромный потенциал этой области.

– Какая проникательность!

– Ты прав. Звучит скучно, но мне нравилось. В общем, этот бизнес я продал и новый начинать не стану.

– Мало ли. Откуда ты знаешь? – Не понимаю, почему я так сказал, ведь он, безусловно, прекрасно знал.

– Я не жалею. Продал я его большой и солидной американской компании, и они дали мне столько денег, что хватило бы поднять на ноги экономику Малави.

– Но ты же не собираешься потратить их таким способом?

– Вряд ли.

Он замялся. Наступал, что называется, момент истины, готовилась открыться главная причина того, почему я здесь, но Дэмиан был не в силах сделать следующий шаг. Мне показалось, что теперь моя очередь подтолкнуть его в нужном направлении.

– А как личная жизнь? – решил любезно осведомиться я.

Дэмиан на мгновение задумался:

– Нет у меня никакой личной жизни. Ничего такого, что стоило бы называть личной жизнью. Кое-какие варианты для удобства, но ничего более, уже много лет. Я необщителен.

– Когда мы были знакомы, ты был весьма общителен, – проговорил я, не успев оправиться от формулировки «кое-какие варианты для удобства». Черт! Я счел за благо держаться как можно дальше от любых попыток уточнения.

Подталкивать разговор больше не было нужды. Дэмиан уже пустился в воспоминания.

– Как ты знаешь, мне не нравился мир, куда ты меня ввел. – Он с вызовом посмотрел на меня, но мне нечего было ответить, и он продолжил: – Но как ни странно, когда я оставил его, оказалось, что развлечения моего прежнего мира меня тоже не прельщают. Через некоторое время я окончательно перестал ходить на приемы.

– Ты женился?

– Один раз. Мы прожили недолго.

– Прости.

– Не стоит извиняться. Я женился лишь потому, что вступил в возраст, когда начинаешь чувствовать себя неловко, если не женат. Мне было уже тридцать шесть, и люди недоумевали, глядя на мой образ жизни. Я, конечно, сглупил. Надо было подождать еще лет пять, друзья начали бы разводиться, и я оказался бы не единственным уродом в цирке.

– Я ее знал?

– О нет! К тому времени я уже бежал из твоего круга общения и,

уверяю тебя, не горел желанием туда возвращаться.

– Настолько же и мы не имели ни малейшего желания видеть тебя, – почувствовав облегчение, парировал я. Замаячил след нашей давней вражды, и она была понятнее, чем видимость дружбы, в которую мы весь вечер играли. – И потом, ты не знаешь, каков мой круг. Ты ничего не знаешь о моей жизни. В ту ночь она переменилась, так же как и твоя. Ты считаешь, после лондонского сезона сорокалетней давности у меня был только один путь?

Он не стал протестовать:

– Все верно. Извини. Но Сьюзан ты и правда вряд ли знал. Когда мы познакомились, она владела фитнес-центром под Лезерхедом.

Внутренне я согласился, что наши пути с бывшей миссис Бакстер вряд ли могли пересечься, поэтому ничего не ответил.

– Она была славная, – устало вздохнул Дэмиан. – Не могу сказать о ней дурного. Но нас ничто не связывало... Ты ведь в итоге так и не женился?

– Нет. В итоге.

Ответ прозвучал более резко, чем мне бы хотелось, но Дэмиан не удивился. Тема была болезненна для меня и неприятна для него. По крайней мере, должна быть неприятна, черт побери! Я решил вернуться на более безопасную почву:

– Чем занималась потом твоя жена?

– Замуж вышла. За одного славного парня. У него своя фирма по продаже спортивного оборудования, так что, полагаю, у них больше общего, чем было у нас с ней.

– Дети были?

– Два мальчика и девочка. Не знаю, где они сейчас.

– Я имел в виду, дети от тебя.

– Не было, – покачал головой Дэмиан. На этот раз установилась глубокая тишина. Через несколько минут Дэмиан закончил мысль: – У меня не может быть детей.

Несмотря на внешнюю безапелляционность этого утверждения, в его голосе прозвучала странная незаконченность, как будто он ставил тот чудной и ненужный вопросительный знак, который молодые люди привезли из Австралии, где им заканчивают каждую фразу.

– Вернее, – продолжил он, – когда женился, не мог иметь детей.

Дэмиан замолчал, словно давая мне время осознать эту причудливую фразу. Что же он имел в виду? Вряд ли незадолго до того, как он сделал предложение владелице фитнес-центра, его кастрировали. Поскольку тему

задал он сам, я не ощущал вины за то, что мне захотелось задать ему несколько вопросов, но Дэмиан ответил раньше:

– Мы ходили по врачам, и те сказали, что численность сперматозоидов у меня на нуле.

Даже в нынешнем циничном и разобщенном мире на такое тяжелое заявление трудно чем-то возразить.

– Как это печально... – проговорил я.

– Да уж. Было очень... печально.

Судя по всему, с ответом я не угадал.

– И ничего не могли поделать?

– Практически ничего. Называли причины, по которым это могло произойти, но все сочли, что процесс необратим. Так что вот так.

– Вы могли бы попробовать что-нибудь другое. Сейчас столько всего мудреного изобрели... – Я не смог заставить себя изъясниться конкретнее.

– Я бы не стал воспитывать чужого ребенка, – покачал головой Дэмиан. – Сьюзан пыталась переубедить меня, но я не разрешил. Не видел смысла. Если ребенок не твой, то ты ведь по большому счету просто играешь в куклы. Да, это живые куклы. Но куклы.

– Многие бы с тобой не согласились.

– Знаю, – кивнул он. – Сьюзан тоже. Она не могла понять, почему ей приходится оставаться бесплодной, когда она не виновата, и это было вполне резонно. Пожалуй, мы поняли, что расстанемся, как только вышли из кабинета врача.

Дэмиан встал, чтобы еще налить себе вина. Он заслужил.

– Ясно, – сказал я, чтобы заполнить тишину. Меня страшило то, что должно было прозвучать.

Когда он продолжил, голос его стал решительней...

– Два специалиста утверждали, что это могут быть последствия перенесенной во взрослом возрасте свинки.

– Я думал, это миф, которым пугают нервных молодых людей.

– Так бывает. Редко, но бывает. Заболевание называется орхит, поражает яички. Обычно оно проходит, и все нормализуется, но иногда, изредка, не проходит. В детстве я не болел свинкой и считал, что уже не могу подхватить ее, но только я подумал, что она мне уже не страшна, у меня сильно заболело горло – через несколько дней после того, как я вернулся из Португалии, в июле тысяча девятьсот семидесятого года. Пару недель провалялся в постели, гланды распухли, так что, наверное, врачи были правы.

Я поежился и выпил. Мое присутствие начинало принимать

неприятный оборот. Можно сказать, что это я пригласил Дэмиана в Португалию со своими друзьями. На самом деле все было гораздо сложнее, но отговоркой послужило то, что в компании недостает мужчин и хозяйка попросила меня пригласить Дэмиана. Последствия, как выясняется, оказались катастрофичными. Попытается ли он сейчас обвинить в своей бесплодности меня? Может быть, он вызвал меня для того, чтобы я признал свою вину? Чтобы показать, что я причинил ему той поездкой столько же зла, сколько и он мне?

– Не помню, чтобы тогда кто-нибудь заболел, – сказал я.

Но он все прекрасно помнил.

– Подружка парня, у которого была вилла. Нервная белесая американка. Как ее звали? Элис? Аликс? Пока мы там жили, она постоянно жаловалась на боль в горле.

– У тебя исключительная память.

– У меня было много времени поразмышлять.

В голове внезапно возник образ той выбеленной солнцем виллы в Эшториле, изгнанный из моей сознательной памяти лет на десять. Жаркий белый пляж под террасой, атмосфера пьяных ужинов, пропитанная чувственностью и намеками, подъем на гору под Синтрой, к замку с привидениями, купание в голубых, перешептывающихся волнах, ожидание на огромной площади перед Лиссабонским собором, чтобы пройти мимо тела Салазара... Все впечатления разом воскресли, стали живыми, яркими, как в кино. Это была такая поездка, что отделяет отрочество от зрелости, со всеми сопутствующими опасностями такого путешествия, после которого возвращаешься домой совсем иным, не таким, каким ты был, когда отправлялся в путь. Поездка, в сущности, переменившая всю мою жизнь.

– Да, – кивнул я. – У тебя было предостаточно времени.

– Правда, если бы все дело было в ней, то ребенок мог родиться у меня до этой поездки.

Несмотря на всю его серьезность, я не смог подыграть.

– Даже ты бы не успел. Нам было всего двадцать один. Это сегодня любая девчонка из рабочих кварталов может забеременеть к тринадцати годам, но тогда люди вели себя по-другому.

Я ободряюще улыбнулся, но Дэмиан на меня не смотрел. Он открыл ящик красивого бюро, стоящего под Лоуренсом, и протянул мне письмо. Конверт был уже старый. Я с трудом разобрал штемпель. Что-то вроде: «Челси. 23 декабря 1990 г.»

– Прочти, пожалуйста.

Я осторожно развернул бумагу. Письмо было целиком напечатано на

машинке, даже обращение и подпись в конце не были приписаны от руки.

«Здравствуй, дерьмо!» – начиналось оно. Какая прелесть... Я удивленно посмотрел на Дэмиана.

– Читай, читай!

Здравствуй, дерьмо! Скоро Рождество. А еще сейчас довольно поздно, выпито уже очень много, так что у меня хватит духу сказать, что ты на девятнадцать лет превратил мою жизнь в сплошную ложь. Эту ложь я изо дня в день вижу перед собой, и все из-за тебя. Никто никогда не узнает правды, а я скорее сожгу это письмо, чем отправлю его, но ты должен знать, куда завели меня твой обман и моя слабость. Я тебя, пожалуй, не прокляну – не смогу. Но и не прощаю тебя за то, какой стала моя жизнь. Я такого не заслуживаю.

И в конце, после всего текста, автором было напечатано: «Идиотка».

Я недоуменно смотрел на письмо.

– Все-таки она его отправила, – сказал я. – Интересно, сознательно или так получилось случайно?

– Может быть, кто-нибудь взял его со стола в холле и отправил, не говоря ей.

Объяснение не показалось мне невероятным.

– Это должно было сильно ее встревожить.

– Ты уверен, что «ее», а не «его»?

Я кивнул:

– А ты нет? «Моя жизнь – сплошная ложь». «Твой обман и моя слабость». Непохоже, чтобы это писала мужская рука. И какая забавная подпись: «Идиотка». Напоминает слова эстрадных песен нашей молодости. В общем, я предполагаю, что обман, о котором она пишет, относится к области романтических отношений. Вряд ли это писал человек, которого обманом заставили вложить деньги в неудачное предприятие. Следовательно, делаем вывод, что автор письма – женщина. Я не прав? Или жизнь вывела тебя на новые, неизведанные пути?

– Делаем вывод, что женщина.

– Вот видишь, – улыбнулся я. – Как мило, что она не в состоянии тебя проклинать. Очень по-китсовски. Помнишь «Изабеллу, или Горшок с базиликом»? «В урочный час к ней не любовь явилась – воспоминаний сладострастный рой»^[9].

– Как думаешь, что все это значит?

Какие уж тут сомнения.

– Не вижу большой загадки, – ответил я. Но Дэмиан ждал, и мне пришлось произнести вслух: – Судя по всему, ты кого-то обрюхатил.

– Да.

– Полагаю, обман, о котором она говорит, был некой клятвой в вечной любви. Ты принес ее ради того, чтобы заставить свою пассивку прыгнуть в койку.

– Ты груб.

– Да что ты? И в мыслях не было. Как все мальчишки в те дни, я и сам часто пытался проделать то же самое. Слова о ее слабости означают, что в тот раз твои старания все же увенчались успехом.

Но я мысленно вернулся к его вопросу. Значит ли, что Дэмиану все казалось не столь очевидным?

– А почему ты спросил? Есть другое истолкование? Полагаю, эта женщина была в тебя влюблена, и ее жизнь с тех пор превратилась в сплошную ложь, потому что бедняжка вышла замуж за другого, хотя ей хотелось быть с тобой. Ты об этом думаешь?

– Нет. Не совсем. Если она только об этом, то стала бы она писать двадцать лет спустя?

– Некоторым людям требуется много времени, чтобы это пережить.

– «Эту ложь я изо дня в день вижу перед собой». «Никто никогда не узнает правды». Не узнает правды о чем?

Он произнес это так, будто в ответе на этот вопрос не могло быть никаких сомнений. И я с ним согласился.

– Как я уже сказал, она от тебя забеременела, – повторил я.

Дэмиан словно вздохнул с облегчением, что никакого другого объяснения этому письму быть не может, словно до сих пор он экзаменовал меня.

– И родила, – кивнув, добавил он.

– Видимо, так. Правда, все становится похоже на историческую пьесу. Она могла бы избавиться от ребенка.

На это Дэмиан ответил мне своим неповторимым высокомерным взглядом с презрительной ухмылкой. Как же я хорошо ее помнил...

– Полагаю, аборт был противен ее принципам. У некоторых людей, знаешь ли, есть принципы.

Теперь пришел мой черед презрительно фыркнуть.

– Из твоих уст я не готов выслушивать наставления, – сказал я, и ему пришлось это проглотить. Вся эта история начинала меня раздражать. Почему мы тратим на нее столько времени? – Ну хорошо. Она родила

ребенка. И никто не знает, что отец – ты. Всё. Точка. – Я посмотрел на конверт, который он так тщательно сберег. – Или не точка? Приходило что-то еще?

– Именно так я поначалу и подумал, – кивнул он. – Что это начало какой-то... аферы по вымоганию денег.

– Аферы?

– Так выразился мой адвокат. Я отправился к нему. Он снял копию и велел мне ждать следующего обращения. Сказал, что она выстраивает основание требовать денег и нам нужно заранее подготовить план действий. В те дни обо мне часто писали в газетах, мне уже сопутствовала удача. Вполне логично, что эта женщина вдруг осознала, что отец ее ребенка богат и сейчас самый удобный момент нанести удар. Моему сыну или дочери тогда должно было быть около двадцати лет...

– Девятнадцать, – поправил я. – Ее жизнь была сплошной ложью девятнадцать лет.

На секунду Дэмиан озадаченно задумался, потом кивнул:

– Девятнадцать. Как раз начинает самостоятельную жизнь. Деньги пришлись бы очень кстати.

Он покосился на меня. Мне нечего было добавить, поскольку, как и его адвокат, я считал, что все вполне логично.

– Я бы ей заплатил, – словно оправдываясь, проговорил он. – Я был к этому готов.

– Но она больше не писала.

– Нет.

– Может быть, умерла.

– Может быть. Хотя такой исход слишком напоминает мелодраму. Вероятно, ты прав, письмо отправили случайно. В общем, больше мы от нее ничего не получили, и мало-помалу все забылось.

– Так почему мы все это обсуждаем?

Дэмиан ответил не сразу. Сперва встал, подошел к камину. Перед топкой лежало выкатившееся из огня полено, и он с утомительной педантичностью взялся поправлять его каминными щипцами.

– Дело в том, что... – наконец, глядя в огонь, но обращаясь ко мне, начал он, – я хочу найти этого ребенка.

Это уже было совершенной бессмыслицей. Если он хотел совершить благое дело, то почему было не совершить его восемнадцать лет назад, когда в том был какой-то смысл?

– А не поздновато? – спросил я. – Прийти и представиться папашей было нелегко даже тогда, когда она только написала письмо, а сейчас этот

«ребенок» – мужчина или женщина лет под сорок. Состоявшийся человек. Теперь уже поздно его воспитывать.

Все эти шпильки не возымели ни малейшего действия. Сомневаюсь даже, что Дэмиан меня вообще услышал.

– Я хочу найти его, – повторил он. – И хочу, чтобы его нашел ты.

Было бы глупо притворяться, что я еще не сообразил, к чему он клонит. Но братья за такое поручение мне совсем не улыбалось. И я ни в коей мере не собирался соглашаться.

– Почему я?

– К тому моменту, как мы с тобой познакомились, я переспал всего с четырьмя девушками.

На любого мужчину моего поколения уже это произвело бы впечатление. К девятнадцати годам – столько нам было, когда мы впервые встретились, – я, насколько мне помнится, добрался, самое большее, до поцелуя на танцплощадке.

Но Дэмиан продолжал:

– Со всеми четырьмя я встречался вплоть до начала семидесятых, и это наверняка не одна из них. Потом мы с тобой бегали по балам, и я все время был занят. Пару лет спустя, когда тот период подошел к концу, мы поехали в Португалию. И после этого я стал бесплоден. Кроме того, посмотри на почерк, посмотри на бумагу, прочитай, какие выражения она использует. Эта женщина образованна...

– И склонна к театральности. И пьяна.

– Что не мешает ей принадлежать к аристократическому классу.

– Пожалуй, – поразмыслив, ответил я. – А что происходило в те несколько лет, что прошли между концом того сезона и Португалией?

– Почти ничего, – покачал он головой. – По большей части девушки легкого поведения да еще парочка осталась с тех времен, когда мы с тобой дружили. Никто из них не родил ребенка до того лета. – Он устало вздохнул. – Так или иначе, если женщина говорит, что ее жизнь превратилась в ложь, значит ей есть что терять. Есть за что держаться, есть то, чему грозит опасность, если вскроется правда. Она написала мне в девятинадцатом году, когда последними, кто еще задумывался о законнорожденности, остались высший класс и верхний слой среднего класса. Любой нормальный человек уже давно бы сделал тайну всеобщим достоянием.

Усилия, потребовавшиеся, чтобы проговорить эти слова, да еще возня с камином лишили Дэмиана последних сил, и он со стоном опустился в кресло.

Мне не было жаль его. Совсем напротив. Меня поразила бестактность его просьбы.

– Но я тебе никто. Я не имею к тебе никакого отношения. Мы совершенно разные люди. – Я не пытался оскорбить его. Мне просто было не понять, почему все эти дела должны оказаться на моей совести. – Пусть мы и были когда-то приятелями, но сейчас уже нет. Подумаешь, сходили вместе на танцы сорок лет назад. Потом разругались. Наверняка есть люди, которые тебе гораздо ближе. Не верю, что я единственный человек, который способен взвалить подобный груз на себя.

– Но это так и есть. Эти женщины принадлежали к твоему кругу, а не к моему. У меня нет других друзей, которые могли быть с ними знакомы или хотя бы слышали о них. И если мы ведем с тобой этот разговор, то именно потому, что других друзей у меня нет.

Это уже был неслыханный эгоизм.

– Значит, у тебя вообще нет друзей, потому что меня считать не надо.

Как только у меня вырвались эти слова, я сам пожалел о них. Раз я увидел, что он умирает, не было смысла наказывать его за прошлое, как бы ни хотелось вернуть то, чего уже не вернешь.

Но Дэмиан улыбнулся:

– Ты прав. У меня нет друзей. Как тебе прекрасно известно – лучше, чем многим другим, – я никогда не понимал этот способ человеческих отношений. Если ты откажешься, мне больше просить некого. Я даже частного детектива не могу нанять. Та информация, которая мне нужна, должна быть доступна только своему человеку.

Я чуть было не предложил ему самому заняться поисками, но лишь только глянул на его трясущееся, словно пустое внутри тело, слова застряли у меня в горле.

– Сделаешь? – спросил он.

К этому моменту я уже был уверен, что мне категорически не хочется соглашаться. Не только по причине того, что поиски представлялись делом болезненным, трудоемким и щекотливым, но еще и потому, что мне все больше претила мысль копаться как в прошлом Дэмиана, так и в своем собственном. Время, о котором он говорил, миновало. Для нас обоих. Я почти не поддерживал отношений с людьми из тех лет, и виноват в этом был Дэмиан, что он сам прекрасно понимал. Да и какая мне польза ворошить все эти дела? Я решил напоследок предпринять попытку воззвать к лучшим сторонам души Дэмиана Бакстера. Даже в таких людях, как он, бывает что-то хорошее.

– Дэмиан, задумайся! Ты вправду хочешь перевернуть этому человеку

всю жизнь? Этот мужчина или женщина знают, кто они такие, и живут как могут. Обрадуется ли твой сын или дочь, узнав, что на самом деле он или она совсем другой человек? Ты собираешься заставить их считать своих родителей неродными, а то и порвать с ними? Ты это хочешь повесить на свою совесть?

Дэмиан невозмутимо смотрел на меня:

– Мое состояние, после вычета налога на наследство, составит пятьсот миллионов фунтов с лишним. Я намерен сделать своего ребенка единственным наследником. Ты готов взять на себя ответственность лишить его наследства? Ты хочешь это повесить на свою совесть?

Делать вид, что разницы никакой, было неразумно.

– С чего начинать? – спросил я.

Он заметно расслабился:

– Я предоставляю тебе список девушек, с которыми переспал за эти годы и которые родили ребенка до апреля семьдесят первого года.

Впечатляющее заявление. Список девушек, с которыми за тот же период переспал я, как родивших ребенка, так и не родивших, уместился бы на обратной стороне визитной карточки. К тому же как-то все это было педантично и по-деловому. Я-то думал, мы ведем некий философский диспут, но теперь понял, что мы подошли, что называется, ближе к делу. Дэмиан наверняка почувствовал мое удивление.

– Мой секретарь уже немного поработал с этим списком. Тебе ни к чему связываться с теми девушками, у которых не было детей.

Что ж, логично.

– Полагаю, этот список полон.

– А девушки, которые спали с тобой, но в указанное время не забеременели?

– О них беспокоиться не будем. Зачем проделывать лишнюю работу, – улыбнулся он. – Мы уже существенно проредили этот список. Есть еще парочка тех, с кем я спал, и они рано родили, но, пользуясь выражением матери императрицы Евгении, когда утверждали, что она родила дочь не от законного мужа, «les dates ne correspondent pas»^[10]. – Он рассмеялся с видимым облегчением, убедившись, что его план осуществится. – Хочу, чтобы ты знал: я подошел к делу очень серьезно, и вероятность, что искомым окажется любое имя из списка, достаточно велика.

– Так с чего же мне начать?

– Просто свяжись с ними. За одним исключением, у меня есть все нынешние адреса.

– Почему ты не хочешь попросить их сдать тест на ДНК?

– Женщины этого круга никогда не согласятся на это.

– Ты их романтизируешь из-за своей неприязни. Подозреваю, что никто бы не отказался. Так же как и их дети, когда узнали бы, для чего это нужно.

– Нет. – Он вдруг снова стал тверд. Видно было, что мое замечание его раздосадовало. – Я не хочу, чтобы об этом заговорили. Только мой настоящий ребенок должен знать, что я его ищу. Когда деньги окажутся у него, пусть это будет его выбор, раскрывать или нет, откуда и почему он их получил. До тех пор все это для моего личного удовлетворения, не на потребу публике. Проведи анализ для одного из кандидатов, который окажется не моим ребенком, и на следующей неделе мы прочитаем всю историю в «Дейли мейл». – Он покачал головой. – Может быть, мы в конце концов проведем тест, но только когда ты определишь, кто из предполагаемых моих отпрысков на самом деле мой.

– Но предположим, что одна из этих женщин родила ребенка втайне от всех и отдала на усыновление?

– Никто из них этого не сделал. По крайней мере мать моего ребенка так не поступила.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что в этом случае она не видела бы каждый день перед собой свою ложь.

Мне больше нечего было добавить, по крайней мере пока я все не обдумаю. Дэмиан это, кажется, понимал и не желал торопить события. Он собрался с силами и неуверенно встал:

– Я иду спать. Несколько месяцев не ложился так поздно. Список ты найдешь в конверте у себя в комнате. Если хочешь, можем еще раз обсудить его завтра утром перед твоим отъездом. Рискую показаться вульгарным, как выразился бы ты, но там же тебя ждет кредитная карта, которая покроет любые издержки, какие ты за время работы сочтешь необходимым на нее отнести. Я не стану оспаривать никакие траты.

Последнее замечание меня не на шутку взбесило, поскольку вынуждало считать Дэмиана благородным. Но какое уж тут благородство! Откровенное выкручивание рук.

– Я еще не согласился, – ответил я.

– Надеюсь, что согласишься. – Дэмиан уже был у дверей, но остановился. – Ты с ней сейчас видишься? – спросил он, уверенный, что пояснять ничего не потребуется. И не ошибся.

– Нет. Почти нет. – Я задумался. Прошло несколько болезненных секунд. – Очень редко, на каком-нибудь вечере, на свадьбе и тому

подобное. Считай, не видимся.

– Но вы не враги?

– О нет! Улыбаемся. И даже разговариваем. Никоим образом не враги.

Мы друг другу никто.

Он колебался, словно размышлял, можно ли продолжать в этом направлении.

– Я тогда был совершенно не в себе.

– Да.

– Но я хочу, чтобы ты понимал: я отдаю себе в этом отчет. Я просто обезумел. – Он помолчал, словно я мог дать на это какой-то подходящий ответ. Но отвечать тут было нечего. – Поможет, если я скажу, что сожалею? – спросил он.

– Не особенно.

Он кивнул. Мы оба знали, что добавить больше нечего.

– Можешь сидеть здесь, сколько тебе захочется. Выпей еще виски, посмотри книги. Некоторые из них тебя наверняка заинтересуют.

Но я еще не закончил.

– Почему ты тянул до сегодняшнего дня? – спросил я. – Почему не навел справки сразу, как получил письмо?

Вопрос заставил его остановиться и задуматься. Свет из холла падал сквозь приоткрытую дверь, и морщины на его измученном лице становились еще глубже.

– Даже не знаю. Возмущало, что кто-то возомнил, будто может на меня претендовать. Я полагал, что если найду ребенка и удостоверюсь в его происхождении, то дам ему власть над собой. И мне, в сущности, никогда не хотелось иметь детей. Наверное, поэтому я и не прислушался к просьбам жены. Ребенок не входил в мои планы. Никогда не испытывал отцовского инстинкта.

– Однако сейчас ты готов отдать этому незнакомцу столько денег, что хватило бы на постройку целого промышленного городка. Почему? Что изменилось?

Дэмиан задумался и едва заметно вздохнул, отчего его узкие плечи поднялись и опали. Пиджак, видимо когда-то сидевший безупречно, свободно болтался на высохшем теле.

– Я умираю и ни во что не верю, – просто сказал он. – Это мой единственный шанс на бессмертие.

Сказав это, он ушел, и я остался наедине с его библиотекой.

Глава 2

Я плохо разбираюсь в людях. Мои впечатления при первой встрече неизменно оказываются ошибочны. Хотя – что поделаешь с человеческой природой – прошло немало лет, прежде чем я заставил себя признать этот недостаток. В молодости мне казалось, что я обладаю великолепным чутьем отличать хорошее от плохого, утонченное от низкопробного, благородное от вульгарного. Но Дэмиан Бакстер всегда оценивал характер безупречно. Он сразу понял, что мной легко манипулировать.

Как выяснилось, в сентябре 1967 года мы оба приехали учиться в Кембридж, но в разные колледжи, вращались среди разных людей, и только в начале летнего семестра 1968 года – кажется, в начале мая – наши пути впервые пересеклись на вечеринке в университетском дворе, и я наверняка там отчаянно рисовался. Мне было девятнадцать лет, я входил в ту бурную пору жизни, когда такой человек, как я, по крайней мере в те годы, внезапно осознает, что мир сложнее, чем казалось, в нем множество людей и возможностей и ты вовсе не обязан вечно прозябать в тесных границах интерната и родного округа, – всё, что так называемое привилегированное воспитание предоставило в мое распоряжение на тот момент. Я вовсе не был нелюдом, но и крупными успехами среди сверстников похвастаться не мог. Меня затмевали обаятельные, остроумные кузены, и, поскольку я не обладал ни внешностью, ни обаянием, чтобы составить им конкуренцию, мне нечего было предпринять, чтобы меня замечали.

Моя дорогая матушка понимала мое бедственное положение, которое с горечью наблюдала много лет, но облегчить его ничем не могла. До тех пор пока, увидев, как благотворно сказывается на моей уверенности в себе поступление в университет, не решила этим воспользоваться, чтобы поддерживать во мне любовь к приключениям, и снабдила лондонских друзей, у которых подросли дочери подходящего возраста, соответствующими инструкциями. Как ни удивительно, но я послушался ее и начал сам выстраивать себе круг общения, где мне не пришлось бы больше выносить удручающие сравнения не в свою пользу и где я смог бы воспрянуть духом.

Сегодняшним молодым людям может показаться странным, что я позволял родителям так себя опекать, но сорок лет назад мир был устроен по-другому. Во-первых, тогда люди не боялись постареть. В те дни еще не возникла наша причудливая культура снисходительного отношения к

старости, в которой телеведущие средних лет, стремясь завоевать доверие подростковой аудитории, беззастенчиво притворяются, что разделяют ее вкусы и мнения. Здесь, как и во многих других областях, мы мыслили не так, как мыслят сегодняшние люди. Разумеется, нас разделяли политические воззрения, принадлежность к социальным классам и – в меньшей степени, чем сейчас, – религия, но главное различие проходило не между правыми и левыми, не между аристократами и низшими сословиями, а между поколением шестьдесят восьмого года и людьми на четыре десятилетия старше.

В моем мире начала шестидесятых родители устраивали жизнь своих детей до невозможности дотошно, договариваясь друг с другом, когда на школьных каникулах организовывать вечеринки и в чьих домах, какие предметы будет изучать в школе их отпрыск, какую стезю ему предстоит избрать после университета и, прежде всего, с какими друзьями он будет проводить время. По большому счету тиранией назвать это нельзя, но если наши родители решали воспользоваться своим правом вето, мы редко его оспаривали. Помню наследника одного соседа-баронета: молодой человек часто напивался и постоянно дерзил и по этой причине вызывал исключительный восторг у меня и сестры и резкое неприятие у наших родителей. Мой отец, ни больше ни меньше, отказал ему от дома, за исключением случаев, когда его отсутствие вызовет разговоры. Можно ли поверить, что подобная фраза могла быть произнесена в наши дни? Да, мы даже тогда посмеялись над этим вердиктом. Но не нарушали его. Мы были типичным продуктом своего происхождения, какой сегодня встретишь редко. Многие сетуют на падение родительского авторитета. Было ли оно срежиссировано извне, как хочет нас убедить консервативная пресса? Или все случилось потому, что пришло время, как пришло оно для двигателя внутреннего сгорания и пенициллина? В любом случае непререкаемая власть родителей исчезла из многих областей жизни общества, растаяла как прошлогодний снег.

Так или иначе, в ту весну во внутреннем дворе университета устраивали коктейльный вечер, на который почему-то пригласили и меня. Сейчас уже не скажу, было то официальное мероприятие или частная попойка, но все мы собрались и чувствовали себя умными и исключительными и, наверное, все еще гордились, что пользуемся репутацией талантливых ребят. Как ни вздорно выглядит с высоты утомленного жизнью среднего возраста это мелкое тщеславие, все же вряд ли стоит приписывать нам тогдашним серьезные грехи. Нам казалось, что мы взрослые – это неправда, – что обладаем изящными манерами – на

самом деле не слишком – и что все рады с нами познакомиться. Хотя после моей тягостной юности я по сей день сохранил хорошо знакомое мне сочетание заносчивости и страха, столь типичное для подростка лет восемнадцати, когда надменный снобизм идет рука об руку с болезненным неумением общаться. Видимо, как раз эта несочетаемая смесь сделала меня таким уязвимым к нападкам.

Как ни странно, я четко помню, в какой момент Дэмиан вошел в мою жизнь. Это было очень символично: когда он появился, я разговаривал с Сереной, так что мы с Сереной познакомились с ним одновременно, в одно и то же мгновение, – подробность, которая лишь впоследствии показалась мне любопытной, хотя в тот момент я не обратил на нее внимания. Не знаю, почему Серена оказалась там. Она была не из числа девушек, стремящихся попасть в компанию студентов. Может быть, остановилась у кого-нибудь жившего недалеко от колледжа, и ее взяли с собой на вечеринку. Сейчас уже не узнать. Тогда я еще плохо знал ее, но мы были знакомы. Любопытная отличительная черта, на нее не обращают внимания в современном мире, где люди, которые пожали руки и приветственно кивнули, скажут вам, что знают друг друга. Порой человек заходит еще дальше и на основе лишь того, что здороваются с кем-то за руку, заявляет: «Он мой друг». Если вторую сторону это устраивает, та молча одобряет выдумку и в какой-то мере превращает ее в правду. Хотя на самом деле ни о какой дружбе речи не идет. Сорок лет назад мы более отчетливо осознавали градации человеческих отношений, в том числе и отношений с людьми настолько недоступными для меня, как Серена.

Леди Серена Грешэм с рождения не страдала от печати неуверенности в собственных силах, которая мучила всех остальных, и от этого с самого начала выделялась среди нас. Я мог бы назвать ее необычайно самоуверенной, но это было бы неправильно, поскольку такая фраза вызывает в уме образ яркой и дерзкой красотишки, стремящейся быть в центре внимания. Из всех возможных определений это последнее, которого заслуживала Серена. Ей не приходило в голову мучиться размышлениями, кто она и что собой представляет. Она никогда не задавалась вопросом, понравится ли другим, и когда нравилась, не извлекала из этого выгоды. Как мы бы сказали сегодня, Серена находилась в гармонии с самой собой, а в юные годы как тогда, так и сейчас это выглядит притягательно. Ее легкая отстраненность, словно она неспешно плыла под водой, сразила меня с первого взгляда, и должно было пройти много лет, прежде чем Серена перестала каждые полчаса возникать в моем беззащитном мозгу. Теперь я знаю, что главная причина ее кажущейся отстраненности состояла в том,

что я не интересовал ее, как, впрочем, и большинство из нас, но тогда в этом виделась чистая магия. Я бы сказал, что отношение к ней определяли не столько красота, происхождение или положение в обществе – хотя все это у нее имелось, – а эта призрачная недосыгаемость. И мне достоверно известно, что не для одного меня 1968-й – это год Серены. Уже весной того года я чувствовал себя счастливым, что хотя бы разговариваю с ней.

Ее положение было высоким, но не исключительным. Серена принадлежала к последним уцелевшим остаткам старого мира. Состояния, нажитые собственным трудом, в те времена были намного меньше, чем несколько десятилетий спустя, и самые богатые, по крайней мере те, кто богато жил, происходили, как правило, из семейств, которые тридцать лет назад были еще богаче. Странные времена для них, бедолаг. В послевоенные годы вылетели в трубу немало семей. Друзья, с которыми они обедали, танцевали и охотились до 1939 года, сами остались ни с чем, и через непродолжительное время большую часть этих несчастных принял в себя верхний слой среднего класса, потерянного статуса они себе так никогда и не вернули. Даже среди тех, кто не утратил присутствия духа, продолжая жить в своих домах и стрелять в собственных фазанов, нашлось немало тех, кто мрачно принял философский принцип «после нас хоть потоп». Через ворота их поместий постоянно выезжали пылящие грузовики, увозящие веками собиравшиеся сокровища, они направлялись в сторону лондонских аукционных домов, чтобы еще одну зиму у семьи было тепло и что-то приличное из одежды.

Но на Серене все эти трудности не сказывались. Она и остальные Грешэмы входили в число немногих избранных, очень немногих, и жили практически так же, как всегда. Возможно, там, где раньше стояло шесть лакеев, осталось только двое. Возможно, шеф-повару приходилось справляться в одиночку, не думаю также, чтобы Серена и ее сестры продолжали пользоваться услугами камеристки. Но в остальном с начала 1880-х годов мало что изменилось, если не считать длины юбки и разрешения обедать в ресторанах.

Отец Серены был девятым графом Клермонтом – милый, даже очаровательный титул. Когда я познакомился с самим графом, он тоже оказался милым и очаровательным человеком, никогда не повышающим голоса, потому что на него никогда не повышали голос, и, как и его дочь, очень легким в общении. Граф Клермонт, как и его дочь, пребывал в некоем блаженном тумане, но если она напоминала мифологический персонаж, прелестную наяду, ускользающую от воздыхателя, его неприкаянность больше напоминала о мистере Пейстри^[11]. Во всяком случае, он плохо

воспринимал суровую реальность. Временами казалось, будто под защитой уютного фамильного титула в их роду развилось благодушное и безоговорочное принятие всего происходящего. И сейчас мне кажется, что им стоило позавидовать. В то время я считал, что любовь, состояние влюбленности дается им с трудом, ибо с ним связано слишком много беспорядка, который грозит отвратительными, неприятными последствиями, такими как несварение желудка и расстройство сна. Но ненависти и ссор среди них тоже не было.

Нельзя сказать, что такую жизнь трудно было терпеть. Посредством осмотровых вложений и дальновидных браков, семья легко пережила бури XX века, обзаведясь крупными поместьями в Йоркшире, замком где-то в Ирландии, который я никогда не видел, и домом на Миле миллионеров – частной улице, идущей вдоль Кенсингтонского дворца и считавшейся весьма престижной. В наши дни эти просторные здания расхватили восточные правители и владельцы футбольных клубов, и это снова стали частные владения, но в те годы тамошние здания, одно за другим, превращались в посольства, пока там не осталось ни одной семьи. За исключением Клермонтов, конечно, которые занимали дом под номером тридцать семь, очаровательный каменный торт 1830-х годов, почти у самого Ноттинг-Хилла.

В довершение всего Серена была красавицей, с густыми каштановыми волосами, а кожа словно списана с картины прерафаэлитов. Черты ее лица подчеркивали уникальный дар излучать умиротворенность и подлинную грацию. Эти слова плохо вяжутся с образом девушки восемнадцати лет, но к Серене их можно было отнести в полной мере. Не помню, о чем именно мы говорили, ни на той вечеринке в Кембридже, ни на множестве других приемов и домашних вечеров, на которых мы встречались в следующие два года. Наверное, об искусстве или, может быть, об истории. Сплетничать она не любила. Это свойство объяснялось не столько природной добротой, сколько отсутствием интереса к жизни других. Не говорили мы и о будущей профессии, хотя не Серену в этом надо винить. Если бы она вела разговоры о карьерных планах, то даже в конце 1960-х неприятно выделялась бы среди сверстников. При этом я никогда не скучал в ее обществе, и не в последнюю очередь потому, что уже тогда был в нее влюблен, задолго до того, как смог себе в этом признаться. Но фатальная безнадежность любви к такой звезде представлялась слишком очевидной тому скопищу страхов, коим являлось мое подсознание, я страшно пасовал перед заведомой неудачей. Как и любой на моем месте.

– Можно с вами поговорить? – произнес глубокий, приятный голос,

как раз когда я приближался к соли анекдота, который рассказывал.

Мы оба подняли глаза и увидели, что к нам присоединился Дэмиан Бакстер. И нас это обрадовало, что сегодня мне представляется самым странным.

– Я здесь никого не знаю, – прибавил он с улыбкой, способной растопить Гренландию.

Мои впечатления от Дэмиана настолько перекрылись последующими событиями, что мне тяжело докопаться до своих ранних чувств, но, бесспорно, в ту пору он удивительно притягивал к себе в равной мере мужчин, женщин и детей. Помимо всего прочего, Дэмиан был красив здоровой красотой человека, много времени проводящего на открытом воздухе, красив просто удивительно: яркие, завораживающие синие глаза, длинные густые волосы, которые вились кудрями. Мы все тогда отпускали волосы. И еще он был подтянут, обладал хорошо развитыми мускулами, но не выглядел при этом горой мяса. Он просто излучал здоровье и ум, что, по моему опыту, было сочетанием необычным, и выглядел так, словно каждый день спал по десять часов и никогда в жизни не брал в рот спиртного. Хотя на поверку все было иначе.

– Теперь вы знаете нас, – ответила Серена и протянула ему руку.

Едва ли мне стоит говорить, что Дэмиан прекрасно знал, кто мы такие. Вернее, кто такая она. Выдал он себя позже в тот же вечер, когда мы втиснулись за столик в углу одного сомнительного и довольно обшарпанного ресторанчика недалеко от Магдален-стрит. Когда вечеринка выдохлась, мы прихватили с собой еще пару студентов, но без Серены. Было бы странно, если бы она с нами пошла. Она редко присоединялась к подобного рода спонтанным незатейливым развлечениям. Обычно у нее оказывалась веская, хотя и не уточнявшаяся причина уклониться от приглашения.

Официант принес неперенные дымящиеся тарелки говядины по-бургундски с густым блестящим соусом – наше основное блюдо. Говорю это не ради критики заведения, а только чтобы показать, как и чем мы тогда питались, и неблагодарно было бы ворчать. Горы политого соусом тушеного мяса в терпком красном вине были для нас отрадой, если учесть, какой выбор предлагался за десять лет до того. Полемика о благотворности изменений в обществе за последние четыре десятилетия не прекращается, что неудивительно, но вряд ли найдутся люди, не радующиеся тому, как благотворно изменилась английская кухня, по крайней мере до тех пор, пока вместе со знаменитыми шеф-поварами нового века не явилась сырая рыба, а также традиция не доводить блюда до готовности. Когда я был

ребенком, еда, доступная широкому британскому обществу, представляла собой печальное зрелище и состояла главным образом из безвкусных школьных обедов, где овощи безнадежно вываривались. В частных домах иногда можно было попробовать что-то получше, но даже дорогие рестораны подавали на вычурных тарелках с ужасными розетками из зеленого майонеза блюда, есть которые было тем труднее, чем дороже они стоили. И поэтому, когда стали появляться бистро, с традиционными скатертями в клеточку и тающими свечами в горлышках зеленых винных бутылок, мы им обрадовались. Десятилетие спустя они стали темой для анекдотов, но тогда явились нашим спасением.

– Вы бывали в доме у Серены в Йоркшире? – спросил Дэмиан.

Остальные двое присутствующих озадаченно переглянулись, и их можно было понять: за все время разговора никто не упоминал ни Йоркшир, ни династию Клермонт.

Эти слова должны были прозвенеть для меня тысячей звонких колокольчиков, но я был так глуп тогда, что меня они не насторожили. Я просто ответил на заданный вопрос:

– Один раз, пару лет назад, на каком-то благотворительном вечере.

– И как там?

Я задумался. Точной картины у меня в голове не сохранилось.

– Массивное здание в григорианском стиле. Богатое. Но красивое.

– И большое?

– О да! Не Бленхейм, конечно. Но большое.

– Вы, наверное, с ней всю жизнь знакомы?

И опять, как я потом понял, это была подсказка, если бы мне хватило ума расшифровать ее. Давно, задолго до этого вечера, Дэмиан приобрел отчаянно романтическое представление о высшем свете, понимая, что он чужак для этих людей, но исполнившись решимости войти в их круг. Хотя даже в 1968 году эти планы были несколько странными, особенно для такого человека, как Дэмиан Бакстер. Нельзя сказать, что он был одинок в своих стремлениях – есть предостаточно таких, кто и сейчас желает того же, – но Дэмиан был порождением своего века, целеустремленной, амбициозной, сильной личностью – и раз я так говорю, можно не сомневаться, что это правда. Ему всегда нашлось бы место в новом, зарождающемся обществе. С чего цепляться за увядающую славу голубой крови, за эти унылые ходячие учебники истории, когда у многих из этих семей как у картошки: лучшее уже в земле? Мне представляется, что в юности на каком-то сборище его, вероятно, бойкотировали, возможно, в присутствии девушки, которая ему нравилась. Возможно, его унижал и

оскорблял какой-то подвыпивший фат, так что у жертвы появилась неоригинальная, но очень конкретная цель, выражающаяся словами: «Я вам покажу! Вы у меня еще попляшете!» В сущности, со времен завоевания Англии норманнами эта идея была движущей силой многих успешных карьер. Если я и прав, мне все равно неизвестен инцидент, который спровоцировал решение Дэмиана. Но к тому времени, как мы познакомились, у него в голове расцвел его личный миф о британской аристократии. Ее члены казались Дэмиану связанными друг другом от рождения – крошечный, сплоченный клуб, враждебный к новоприбывшим, лояльный до беззастенчивой лжи, когда надо защищать своих. Доля истины в этом, конечно, есть, и немалая, если говорить об отношениях внутри этого клуба, но мы уже не живем под властью олигархии вигов, состоящей из нескольких тысяч семей. К 1960-м годам сфера обитания остатков лондонского высшего общества была намного шире, чем ему казалось, и разнообразие типов внутри нее намного больше. Люди есть люди, что бы их ни объединяло, ни один мирок не будет настолько однородным, как Дэмиану это представлялось.

– Нет, не настолько давно, да мы толком и не знакомы. За несколько лет, может, несколько раз встречались, не более того, но впервые поговорили только на чаепитии на Итон-сквер, месяц или два назад.

– На чаепитии? – улыбнулся он.

Это прозвучало и впрямь слегка старомодно.

То чаепитие устраивала в квартире родителей на северной стороне Итон-сквер девушка по имени Миранда Хоутон. Миранда была крестницей моей тетушки или кого-то из друзей моей матери, я уже забыл. Как и Серену, я видел ее время от времени, хотя мы не производили друг на друга особого впечатления, однако этого оказалось достаточно, чтобы включить меня в список ее гостей, когда чаепития начали входить в моду. Они были одним из первых ритуалов лондонского сезона. Правда, рассказывая о них, чувствуешь себя безвестным архивариусом, сохраняющим для потомков утерянные традиции инуитов. Девушкам вменялось в обязанность приглашать на чай в лондонские дома своих родителей других дебютанток, заводя тем самым полезные знакомства и связи для будущих развлечений. Их матери получали списки девушек, занимавшихся тем же, от неофициального, но признанного эксперта Питера Тауненда, который бесплатно и с удовольствием предоставлял эти списки тем, кого считал достойным. В этом состояла его благородная, но заведомо проигрышная попытка сопротивляться наступлению современного мира. Позже те же самые матери просили у него другие списки – возможных претендентов на

руку и сердце. У Питера имелись и эти списки, хотя они скорее требовались для коктейльных приемов и балов, чем для чаепитий, где мужчин бывало очень мало и часто гости лично знали хозяйку, как я Миранду. На этих собраниях подавали и выпивали мало чая, и, по моему мнению, несколько странной была атмосфера, когда вновь прибывшему приходится неуверенно пробираться через толпу гостей. Но чаепития мы все равно посещали, и я не составлял исключения. Так что готовиться к сезону мы начинали достаточно рано, что бы все потом ни говорили.

Я сидел в углу, рассказывал об охоте скучноватой девушке с веснушками, когда вошла Серена Грешэм, и по легкому ропоту, обжевавшему зал, сразу стало понятно, что она уже снискала себе репутацию звезды. Больше всего поражало, как Серена с ней справляется. Невозможно было представить менее заносчивого и более скромного человека, чем она. К счастью, я сидел рядом с последним пустым стулом и помахал ей рукой. На секунду она задумалась, вспоминая, кто я, а потом подошла ко мне. Любопытно было, что Серена решила следовать моде. Двадцать лет спустя, когда сезон превратился в балаган для хвастливых молодых людей, с одной стороны, и алчных дочек нуворишей – с другой, Серена и не подумала бы устраивать подобные сборища. Видимо, это была дань традиции, которую в те унылые времена соблюдал даже такой не скованный условностями человек, как она: делать то, что полагается.

– Как вы с Мирандой познакомились? – спросил я.

– Да мы и не слишком знакомы, – был ее ответ. – Впервые встретились, когда обе приехали погостить к моим кузенам в Ратленд.

Одним из талантов Серены было отвечать на каждый вопрос легко и быстро, без тени таинственности, но не сообщать при этом ничего существенного.

– Значит, ты решила, как полагается, поиграть в дебютантки? – кивнув, спросил я.

Не хочу преувеличивать собственную значимость, но не уверен, что до этого момента Серена в полной мере осознавала масштабы всего предприятия. Она задумалась, потом, нахмурившись, ответила:

– Я не знаю. – Словно вглядывалась в какой-то незримый хрустальный шар, висящий в воздухе. – Посмотрим, – прибавила она, и от ее слов мне показалось, что она лишь наполовину принадлежит к роду человеческому и именно это во многом составляет ее очарование.

То был ее входной билет в сферу человеческих эмоций, который давал ей возможность в любое мгновение отстраниться от происходящего. Она меня просто завораживала.

Пока мы ели, я в общих чертах изложил это Дэмиану. Он восхищался каждой подробностью, как антрополог, давным-давно постулировавший некую теорию, но лишь недавно обнаруживший реальные подтверждения своей правоты. Подозреваю, что Серена была первой подлинной аристократкой, которую он встретил, и, к своему облегчению, нисколько не разочаровался. Она была ровно такой, какой читатели исторических романов, купленных в железнодорожном киоске перед долгим утомительным путешествием, представляют аристократических героинь: и в своей умиротворенной красоте, и в своей холодной, почти ледяной отстраненности. Что бы ни думали об этом сами аристократы, лишь немногие из них в достаточной степени соответствуют воображаемому прототипу. И Дэмиану выпала удача – или неудача? – начать свои знакомства в обществе с представительницы высших кругов, которая превосходно воплощала этот образ. Было видно, что ему эта встреча доставила несказанное удовлетворение. Правда, глядя на то, как все обернулось, может, лучше бы ему не удалось так легко вторгнуться в тот мир.

– И как же попасть в список гостей на эти чаепития? – спросил Дэмиан.

Мне странно это говорить, но я симпатизировал ему. Бывали времена, когда я об этом забывал, но на самом деле он мне нравился. С ним было интересно и весело, он обладал располагающей внешностью. Мне всегда представлялось, что это весьма полезные качества. И еще он имел свойство, которое новое время удостоило термином «позитивный настрой», а в те времена характеризовало человека, не утомлявшего вас. Много лет спустя одна знакомая, описывая мне свой мир, сказала, что он населен исключительно излучателями и поглотителями. Тогда Дэмиана можно было назвать лучшим излучателем. Он согревал компанию, в которой оказывался. Он мог добиться того, что люди хотели ему помогать, и эту алхимию с исключительной успешностью практиковал и на мне.

Но сейчас я не мог предоставить Дэмиану то, чего он просил, поскольку чаепития уже прошли. Эти скромные неофициальные приемы играли главным образом роль предварительного отбора. Девушки искали себе кавалеров на год, а ко времени того нашего ужина в Кембридже уже сформировались группы и начались коктейльные вечера. Хотя первый вечер, который мне полагалось посетить, был не балом дебютанток, но одним из серии приемов, дававшихся Питером Таунендом, церемониймейстером сезона, в его лондонской квартире. Тот, кто будет изучать эти ритуалы, возможно, удивится, что последние двадцать-

тридцать лет существования ими целиком распоряжался северянин без роду без племени и с весьма скромными средствами, но так уж повелось. Дэмиану, разумеется, было знакомо это имя, и он тотчас же, своим собачьим чутьем унюхав добычу, спросил, не может ли он составить мне компанию, и я ответил согласием. Я шел на несомненный риск, ибо Тауненд ревниво относился к своей власти и привилегиям. Явиться попросту, с непрошеным спутником означало показать неуважение к своему приглашению. Тем не менее я согласился, и неделю или две спустя, когда я изящно припарковал на Челси-Манор-стрит свой потертый зеленый мини, рядом со мной на пассажирском месте сидел Дэмиан Бакстер.

Я сказал, что Питер к своей роли относился ревниво, и это правда, но ему и было положено. Человек скромного происхождения, чем он нимало не тяготился, поработав журналистом и редактором, специализирующимся на светской жизни, он в один прекрасный день обнаружил, что его призвание – не дать погибнуть сезонам, когда принятое в 1958 году решение ее величества прекратить церемонии представления при дворе, казалось, приговорило всю традицию сезонов к немедленному уничтожению. Сегодня мы знаем, что на самом деле сезонам было уготовано умереть медленной смертью, и, может быть, простое обезглавливание было бы предпочтительнее, но никому не дано предвидеть будущее, и в то время казалось, что это Питер добился на неопределенное время отсрочки приговора. Конечно, царствующая особа уже никак не участвовала в мероприятиях, что для многих немедленно лишило сезон идеи и содержания, но все же сезон выполнял свою задачу сводить вместе отпрысков родителей, придерживающихся одного и того же образа мыслей, и именно эту обязанность взял на себя Питер. Ни на какую награду он надеяться не мог. Он выполнял свою работу лишь ради почета, что, на мой взгляд, вполне достойно уважения, что бы мы ни думали о результате этой работы. Год за годом он прочесывал родословные книги как пэров, так и джентри, писал матерям дочерей, беседовал с сыновьями – и все для того, чтобы еще на несколько месяцев обеспечить существование своему делу. Неужели это было всего сорок лет назад, спросите вы? Отвечу – да!

Приемы, устраиваемые самим Питером, были предназначены не для того, чтобы отбирать девушек и помогать им. Это проделывалось заранее. Нет, главной целью его вечеров было провести смотр тех молодых людей, что привлекли его внимание как возможные кавалеры и партнеры по танцам для будущих приемов. После тщательной проверки юношей их имена либо подчеркивались, либо вымарывались из списков, которые раздавались нетерпеливым нервным мамашам. Те полагали, что всех

грубиянов и соблазнитель, алкоголиков и картежников, а также тех, с кем небезопасно отправлять в такси, из предоставленного списка решительно изгнали. Так должно было быть, только, видимо, эта задача оказывалась не такой уж простой, судя по двум молодым людям, что первыми приветствовали нас, когда мы протиснулись в узкую прихожую тесной и плохо обставленной квартиры на верхнем этаже здания, построенного в худших традициях конца 1950-х годов. Это были младшие сыновья герцога Трентского лорд Ричард и лорд Джордж Тремейн, оба уже в подпитии. Поскольку ни тот ни другой не отличались красотой и остроумием, сторонний наблюдатель мог бы решить, что Питер не сочтет их идеально подходящими на ближайший год. Но не вина Питера, что некоторые кандидатуры он исключить не мог. Братья Тремейн наверняка будут пользоваться определенной популярностью и непостижимым образом снизят себе репутацию души компании, кем они, разумеется, не были. Главное, что их отец – герцог, и пусть в реальном мире он не справился бы даже с работой парковщика, его титула было достаточно, чтобы гарантировать юношам приглашения.

Мы протиснулись в переполненную людьми большую комнату, которую я не решусь назвать гостиной, поскольку она выполняла сразу несколько функций, но именно там мы нашли Питера. Неизменные вихры падали на его помятое, как морда мопса, лицо. Он ткнул пальцем в Дэмиана.

– Кто? – громко и неприязненно спросил Питер.

– Разрешите представить вам Дэмиана Бакстера, – сказал я.

– Я его не приглашал, – бескомпромиссно отрезал Питер. – Что он здесь делает?

Как я уже говорил, Питер не стал выдавать себя за продукт системы, к которой с таким трепетом относился, и в подобные моменты я понимал почему. Не притворяясь утонченным джентльменом, он не старался быть вежливым, если в том не было особой надобности. Иначе говоря, Питер никогда не скрывал своих чувств, и за много лет мне это начало в нем нравиться, более того, я даже стал им восхищаться. Его слова можно было интерпретировать так, будто его гнев направлен на незваного гостя, но на самом деле предназначался целиком для меня. Нарушил правила я. И боюсь, что перед этой атакой я спасовал. Мне сегодняшнему это кажется странным, но тогда меня вдруг встревожила мысль, что блага, на которые я уже рассчитывал и которыми распоряжался Питер, могут от меня ускользнуть. Если бы так и произошло, возможно, все оказалось бы гораздо проще.

– Не вините его, – почувяв беду и поспешно приблизившись к нам, сказал Дэмиан. – Вините меня. Я так хотел с вами познакомиться, мистер Тауненд, что заставил его взять меня с собой. Виноват один я.

Питер оглядел его:

– Видимо, мне теперь полагается сказать: добро пожаловать.

Тон был далеко не гостеприимный, но Дэмиан, как всегда, остался невозмутимым.

– Вам полагается попросить меня уйти, если пожелаете. И я тогда, конечно же, уйду. – Он умолк, но по правильным чертам его лица промелькнула тень тревоги.

– Складно, – сказал Питер в своей причудливой, двусмысленной и несколько грубоватой манере и кивнул в сторону озадаченного испанца, держащего поднос. – Можете выпить, если хотите.

Ни тогда, ни потом я не поверил, что Питер был покорен очарованием Дэмиана. Скорее, он распознал достойного соперника, который, возможно, обладает бóльшим мастерством, и не хотел с первой же встречи превращать его во врага. Когда Дэмиан отошел, Питер снова повернулся ко мне:

– Кто он такой? И где он тебя подцепил?

Еще одна необычная фраза.

– В Кембридже. Мы познакомились на вечеринке в моем колледже. Что до того, кто он... – замялся я. – По правде сказать, я мало о нем знаю.

– И не узнаешь.

– Он неплохой человек, – попытался оправдываться я, сам не до конца понимая, как и почему вдруг превратился в его защитника. – Мне показалось, что и вам он тоже должен понравиться.

Питер проследил глазами за Дэмианом. Тот уже взял бокал и завел разговор с безнадежно уродливой толстой девицей с тяжелым подбородком, которая нервно похаживала с краю.

– Он манипулятор, – сказал Питер и ушел встречать вновьприбывших.

Если Дэмиан был манипулятором, то манипуляции его принесли плоды немедленно. Это не удивило бы меня потом, когда мы познакомились более коротко и я уже знал, что Дэмиан не замешкается, когда надо не упустить возможность. Он всегда был деятелен. Это признал бы за ним и злейший враг. Собственно, злейший враг только что это признал. Дэмиан проник в святилище Питера без малейшей надежды на повторное приглашение. Нельзя было терять ни минуты.

Нескладную девицу с тяжелым подбородком я узнал, пока наблюдал, как Дэмиан осыпает ее любезностями. Она звалась Джорджина Уоддилава. Дочь банкира из Сити и богатой американки. Не вполне понятно, как

Дэмиан выбрал ее для своего первого залпа. Может быть, чутье воина, знающего, где легче всего пробить стену крепости и какая девушка больше других уязвима перед атакой. Джорджина была меланхолична по натуре. Любой, кто проявлял к ней интерес, а таких случалось не много, обнаруживал, что эта черта унаследована ею от матери. Та, слабо представляя себе Англию, после периода ухаживаний, целиком уложившегося в послевоенную нью-йоркскую командировку ее будущего мужа, на момент свадьбы находилась под властью иллюзии, что входит в семью гораздо более высокого положения, чем было на самом деле. Когда в конце 1950-х они все же вернулись в Англию с двумя мальчишками и совсем маленькой дочкой, она твердо рассчитывала, что будет в своей новой стране расхаживать по Балморалу^[12] и ужинать всей семьей в Чатсуорте^[13] и Стратфилдсее^[14]. Однако обнаружила, что друзья и члены семьи мужа почти все происходят из тех же самых преуспевающих финансистов, с которыми она с самого детства играла в теннис в Хэмптонсе. Ее муж Норман – одно имя могло бы стать для нее подсказкой – не по злому умыслу обманывал ее, но, как и многие англичане его типа, особенно находясь за границей, невольно привык намекать, что происхождение его более завидно, чем на самом деле. В Нью-Йорке это было совсем легко. После проведенных там девяти лет Норман почти поверил в собственную выдумку. Он так свободно говорил о принцессе Маргарет, о Вестминстерах или леди Памеле Берри^[15], что, видимо, и сам не меньше слушателей удивился бы, узнав, что все сведения об этих людях он почерпнул со страниц «Дейли экспресс».

Однако развод не стал окончательным результатом этого разочарования. Энн Уоддилав надо было думать о детях, а развод в 1950-х еще обходился в глазах общественного мнения в слишком высокую цену. Норман скопил довольно много денег, и Энн решила, что пустит их на то, чтобы избавить своих детей от разочарований собственного существования. Для мальчиков это означало хорошие школы, стрельбу и достойные университеты, а дочь она с самого начала вознамерилась вывести в свет через головокружительно успешный сезон, который закончится блестящим замужеством. Дальше должны были появиться внуки – они помогут впоследствии возвыситься и ей. Так спланировала миссис Уоддилав будущее несчастной Джорджины, обреченной с того момента, как научилась ходить, проживать жизнь за мать, а не за себя. Что отчасти объясняет, почему родители не видели простой истины, столь очевидной остальному миру: Джорджина категорически непригодна для

уготованной ей роли. Красивая и гордая Энн Уоддилава не ожидала, что природа сыграет с ней злую шутку и подарит дочь, которая будет толстой, как бочка, да еще и неуклюжей. Хуже того, из-за робости и боязливости Джорджины у всех складывалось первое, ложное, впечатление, будто она глупа. К тому же она не любила общаться. Поскольку на главную часть наследства Джорджина не претендовала – наличие в семье двух мальчиков обычно портит все планы, – то к тому времени, как у нее подошли к концу первые несколько недель в качестве дебютантки, партия, о которой мечтала миссис Уоддилава, казалась крайне невероятной.

Должен сказать, что, когда я познакомился с Джорджиной Уоддилава, она мне понравилась, и, хотя не могу утверждать, что испытывал к ней романтический интерес, я всегда был рад оказаться рядом с ней за обедом. Она много знала о фильмах – одна из тем, которые живо меня интересовали, так что нам было о чем поговорить. Но нельзя отрицать: девушка не была предназначена для успеха на жестокой арене, избранной для нее матерью. Было что-то гротескное в том, как ее нескладная фигура грустно и одиноко бродит из одного бального зала в другой, разряженная по тогдашней инфантильной моде в кружевное платье и с цветами в волосах. В таком виде она напоминала говорящую обезьяну из рекламы чая «Пи-Джи Типс». Нехорошо так говорить, но Джорджина считалась у нас комическим персонажем, и сейчас, став старше и более восприимчивым к чужим страданиям, я очень об этом сожалею. Такое положение, должно быть, причиняло Джорджине сильную боль, которую она таила, а скрытая боль становится лишь острее.

Не почувствовал ли все это подсознательно и Дэмиан, потому что направился напрямик к ней, когда по всей гостиной Питера стояли блестящие красотки высокого положения, смеялись, болтали, потягивали напитки? Не так ли чувствует раненую птицу лиса, как Дэмиан, оглядев толпу, обнаружил самую уродливую, самую неуклюжую девушку и направился к ней, точно ракета? Если да, то его тактика оказалась успешной. Несколько дней спустя он заглянул в мои комнаты, показать, что с утренней почтой ему принесли первое приглашение: жесткую белую открытку с гордо выгравированным заголовком «Миссис Норман Уоддилава, домашний прием», приглашавшую его на коктейльный вечер, который они дают для Джорджины седьмого июня, у электромобильной площадки в Баттерси-парке.

«Как может быть домашний прием в парке аттракционов?» – спросил он меня.

За десятилетия, прошедшие после войны, Баттерси-парк сменил свое

положение в Лондоне. Физически его, конечно, не перемещали, но сейчас он нечто совсем иное по сравнению с той сценой, где полвека назад разворачивалось столько увлекательных событий нашего детства. Построенный викторианцами как увеселительная площадка для местной буржуазии, с рукотворными скалами, с фонтанами и мягкими дорожками по берегам населенных лебедями озер, к 1950-м годам парк без сожаления утратил лоск и превратился в уникальное место для целого поколения детей, став единственным в Лондоне постоянно действующим парком развлечений. Воздвигнутый в 1951 году в рамках «Фестиваля Британии», этого символа национального обновления, парк процветал до середины шестидесятых, когда его стали вытеснять новые формы развлечений. Трагический инцидент на «американских горках» в 1972 году ускорил неизбежное, и два года спустя парк закрылся. Милые добрые аттракционы, ставшие серыми и грязными, а то и откровенно опасными, без следа унесло время, как унесло оно висячие сады Семирамиды.

Сегодня, когда восстановили пруды, водопады и лужайки, парк стал красивее, чем когда я впервые вышел сюда гулять, крепко сжимая руку тети или няни, и ныл, чтобы мне разрешили еще разок прокатиться, прежде чем идти домой. Стал красивее, но не для меня. Не для одного меня воспоминания окрашены в розовые тона, к 1968 году ностальгия уже начинала окутывать это место, где в детстве, когда парк переживал расцвет, мы до тошноты объедались сахарной ватой. Те дети выросли, превратились в подростков и юношей, так что миссис Уоддилав поступила очень мудро, выбрав местом для праздника парк. Ее дочь, как уже было сказано, популярностью не пользовалась, так что, если бы вечеринку устроили в одном из отелей на Парк-лейн или в кофейной комнате клуба, куда ходил мистер Уоддилав, вполне могло стать, что Джорджине пришлось бы терпеть унижительное положение хозяйки приема, проигнорированного половиной приглашенных. Легкость, с которой молодые пренебрегали своими обязанностями в обществе ради каких-то более современных и более увлекательных дел, в те дни приводила взрослых в ужас. Сегодняшние родители, как правило, пожимают плечами и закатывают глаза, сталкиваясь с необязательностью своих детей, но не принимают ее слишком близко к сердцу. Конечно, не сейчас придумано, что можно, пообещав, не прийти на вечеринку или явиться непрошеным гостем и тому подобное, но в 1968-м к таким поступкам относились серьезно. В данном случае Баттерси-парк сыграл свою притягательную роль, и пришли все.

Так вышло, что я появился довольно поздно, и через весь парк, мимо всех павильонов меня вел гул голосов, пока я не подошел к временному

крашеному забору с калиткой, которую охраняли два служителя парка. Большой плакат на доске объявлений гласил, что аттракцион «Электромобили» закрыт на частное мероприятие. Это вызвало несколько недовольных взглядов у тех, кто нацелился было покататься, но гости Джорджины сделали вид, что ничего не замечают. Пара ворчащих прохожих не могла испортить им веселье. Как бы ни скрывали это привилегированные классы, время от времени они с удовольствием становятся объектом зависти.

Некоторые девушки уже катались, визжа, смеясь и проливая вино, а их сегодняшние кавалеры рисовались и с самодовольным видом врезались в чужие машины. В нынешние времена повсюду висели бы объявления о том, что бокалы на поле выносить нельзя, или просто все пили бы из пластмассовых стаканчиков, но не помню, чтобы кого-то сильно тревожили такие мелочи, как липкие лужи или осколки стекла. Наверняка и того и другого было в избытке. Для удобства уже подвыпивших гостей стоял открытый с одной стороны шатер. Я огляделся в поисках Джорджины, надеясь увидеть ее в центре благодарной толпы, но она, как обычно, молча стояла одна у столика с шампанским. Можно было взять себе бокал и заодно поздороваться с хозяйкой, убив сразу двух зайцев.

– Привет! – сказал я. – Славно получилось – шумно и весело.

– Пойдешь кататься? – вяло улыбнулась Джорджина.

– Да схожу, пожалуй, – бодро ответил я. – А ты?

Но она, кажется, не услышала мой вопрос – ее глаза неотрывно следили за площадкой, и я разглядел машинку, в которой отчетливо видна была фигура Дэмиана, согнувшегося над рулем. Его второй пилот – девушка – показался мне достаточно необычным, по крайней мере издали. Ее лицо почти полностью скрывала завеса кудрей, но было видно, как она спокойна и невозмутима. Она не вопила, как остальные, а спокойно сидела, будто величественная принцесса, которую обстоятельства вынудили терпеть недостойную публику деревенского паромы, чтобы перебраться на другой берег.

– В честь чего твой ужин? – повернулась ко мне Джорджина.

– Какой ужин? – растерялся я.

– Сегодняшний. Дэмиан сказал, что не может поехать с нами в «Риц», потому что пообещал быть у тебя.

Я сразу все понял. Джорджина уже выполнила свое предназначение в жизни Дэмиана, дав ему старт, и теперь от бедняжки можно было освободиться. Незадачливая девушка поддалась на его лесть, очарование и теплоту и открыла ему дверь в этот мир, но теперь, проникнув сюда,

Дэмиан без угрызений совести предоставил ее самой себе. И так, мечте Джорджины о том, что рядом с ней на скучном, чопорном обеде, который устроит для немногих избранных ее мать, сядет новый блестящий спутник, суждено было разбиться вдребезги. Что касается выдумки, которая помогла Дэмиану избежать этого обеда, я вынужден со стыдом признать, что подыграл ему. В мою защиту можно сказать, что сделал я это не по своей воле, но лишь повинаясь естественному порыву. Когда женщина приводит мужчине отговорку, предложенную ей другим мужчиной, собеседник непременно поддержит ложь, из мужской солидарности. Слова «Роберт говорит, что вы с ним на следующей неделе обедаете» заставляют любого мужчину ответить нечто вроде: «Жду не дождусь, когда мы с ним хорошенько посидим», даже если про этот план он только что услышал. Нередко впоследствии мужчина устраивает разнос приятелю, который все это придумал. Мол: «Как ты смеешь меня втягивать в такие дела?!» Но все равно говорить в этом случае правду противно мужской природе. Альтернативой было бы сказать: «Я ничего не слышал ни о каком обеде. Должно быть, Роберт завел любовницу». Но ни один мужчина не в состоянии произнести подобные слова, даже будучи целиком на стороне женщины, которую обманывают.

– С скромный обед, нас будет всего несколько человек, – улыбнулся я Джорджине. – Если Дэмиан тебе нужен, то там ничего такого важного.

– Нет-нет, – покачала она головой. – Пусть все остается как есть. Все равно папа был недоволен, что я пригласила Дэмиана. Потому мне и пришлось не приглашать тебя, – неловко прибавила она. – Он считает, что нас и так уже много.

Куча неудачников и мало возможностей, подумал я. Но и Дэмиан не проходил по конкурсу. Миссис Уоддилав не устраивал авантюрист.

– Кто придет?

– Жаль, что не будет тебя, – заученно пробубнила Джорджина. – Но, как я уже сказала, вечеринка будет маленькой.

Я кивнул. Произнеся необходимые формальности, она перечислила около пяти имен.

– Принцесса Дагмар. И наверное, братья Тремейн, но тут могут быть проблемы.

Наверняка будут, подумал я.

– Эндрю Саммерсби с сестрой. – Она мысленно ставила галочки в списке, хотя сам список нес на себе отпечатки пальцев ее матери, а не ее самой. – Вот, пожалуй, и все.

Я поглядел туда, где хмуро стоял неряшливый, краснолицый виконт

Саммерсби, крутя в руках бокал. Он уже, похоже, оставил все попытки вести разговоры с соседями. Их состояние явно внушало больше оптимизма. Тем временем перед ним нарезала круги его сестра Аннабелла, визжа и что-то выкрикивая, а рядом с ней дрожал ее бледный и осунувшийся напарник. Ее плотно облегающее коктейльное платье, добытое из материнского послевоенного гардероба, чуть не лопалось по швам, когда она крутила руль вправо и влево. Аннабелла Уоррен блистала красотой не больше брата, но, если выбирать из них двоих, я отдал бы пальму первенства ей. Оба они не представляли собой увлекательную компанию для дружеского вечера, но она, по крайней мере, была живее. Джорджина, проследив за направлением моего взгляда, кажется, молча со мной согласилась.

– Удачно провести вечер! – сказал я.

Автомобильчики остановились, и водителей с пассажирами погнала прочь с площадки толпа окружавших трассу гостей, с нетерпением дожидавшихся своей очереди. По металлическому полу с заклепками побежали девочки, торопясь втиснуться в замызганные, помятые машинки. Тогдашних девочек отличал одинаковый характерный облик. Что-то от Диора 1950-х, что-то от Карнаби-стрит 1960-х. Они признавали современный мир, но еще не вполне подчинились ему. В последующие сорок лет это десятилетие заглушил голос либеральной тирании. У них был Вудсток как воплощение одной из разновидностей того времени. «Если вы в состоянии вспомнить шестидесятые, то по большому счету вас там не было», – заявляли они. Им не хватало духу целиком поддерживать ценности поп-революции, но либо эти ребята обманывают, либо обманули их. Для нас, тех, кто жил в то время, по-настоящему необычным в той эпохе были не группы людей с гитарами, курящих травку и носящих причудливые шляпы с перьями и кожаные куртки на овечьем меху. От всех других эпох, в которые я жил, это время отличало то, что, подобно Янусу, оно было обращено в обе стороны.

Одна составляющая той культуры действительно была неразрывно связана с поп-музыкой, наркотиками, хеппенингами, Марианной Фейтфулл, батончиками «Марс» и свободной любовью, но другая, не меньшая часть общества все еще оглядывалась на пятидесятые, на традиционную Англию, где поведение определяла практика если не многих веков, то по крайней мере предыдущего века, где строго прописывалось все: от одежды до сексуальной морали. И даже если мы не всегда подчинялись правилам, мы знали, что они существуют. Еще лет за десять до того этот свод законов свято соблюдался. Девушки не целовались на первом свидании, юноши

всегда повязывали галстук, их матери не выходили из дому без шляпки и перчаток, отцы надевали котелок, отправляясь в город. Все эти установления были столь же полноправной частью шестидесятых, как и та часть, о которой постоянно напоминают нам в документальных фильмах. Разница только в том, что старые законы отмирали, а новая, анархическая культура шла им на смену. Именно она одержала верх, а историю, как всегда, пишет победитель.

Широко распространена была мода на накладные волосы в виде локонов или шиньонов, они придавали прическе выразительность. Они задумывались как имитация настоящих, но это была реалистичность театрального костюма. На следующий день их можно было отколоть, и это не считалось неприличным. Поэтому девушка могла в понедельник вечером появиться в свете с кудрями до плеч, а на обед во вторник выйти со стрижкой под мальчика. Волосы использовались как набор шляпок. Пожалуй, это единственный вид изменения внешности, который не ставил целью обман – в отличие, например, от париков наших дней. Мода пошла дальше, когда в практику вошло оставлять шиньоны у парикмахера за день-два до назначенного события. Там их накручивали, ухаживали за ними и даже украшали цветами или бусинами, а в день выхода в свет вся затейливая прическа прикреплялась к голове владелицы. Этот стиль достиг апогея, когда наступало время балов, но даже в начале года, едва только начинались первые коктейльные приемы, он казался аллегорией воображаемого, в которой принимали участие все. Дебютантки два-три раза в неделю коренным образом меняли свою внешность. Гости замечали, что к ним направляется незнакомка, и, лишь когда она приближалась, узнавали под прической лицо старой подруги. Так было и на этом вечере, когда я вдруг понял, что величественная королева, едущая на сиденье рядом с Дэмианом, – не кто иная, как Серена Грешэм. Она вышла из автомобильчика невозмутимая, точно скала, и подошла к тому месту, где стоял я.

– Привет, – сказала она.

– Привет! Как ты?

– Совсем растрясло. Чувствую себя коктейлем, который взболтали и сейчас разольют по бокалам.

– А я хотел спросить, не захочешь ли прокатиться еще разок, со мной.

– Вряд ли, – ответила Серена. – Чего я хочу, так это еще выпить.

Она огляделась и, не успев я предложить помощь, раздобыла себе бокал шампанского.

Оставив ее в окружении потенциальных поклонников, я пошел к

площадке. Автомобили уже все были заняты. Тут я услышал, как меня окликнули, и, оглянувшись, увидел Люси Далтон, которая махала мне. Я подошел к ней.

– Что случилось? – спросил я.

– Ради бога, сядь ко мне! – Люси похлопала по кожаному потертому сиденью рядом с собой. – Сюда идет Филип Ронсли-Прайс, а у меня и так уже вся задница будет в синяках.

Сзади послышался мужской голос, требующий уступить дорогу.

– Садись быстро! – прошипела она.

Я сел. Но отсрочка оказалась лишь временной. Не успели мы отъехать, как Филип, игнорируя крики оператора, пошел напрямик между начавшими двигаться машинками. Фразу «соблюдение техники безопасности» в те дни еще не изобрели.

– Если ты хочешь от меня сбежать, можешь даже не надеяться! – бросил он Люси с ухмылкой, которую, видимо, считал сексуальной. – Нам суждено быть вместе!

Пока она собиралась придумать ответную колкость, мы вдруг резко остановились. Нас ударил в бок один из братьев Тремейн, рядом с которым сидела хихикающая спутница, и мы, чуть не сломав спину, оказались в хаотичном потоке машин. Филип захохотал и неспешно пошел обратно к краю площадки.

Люси Далтон будет занимать на этих страницах довольно существенное место и поэтому заслуживает представления, хотя, по-моему, она не слишком сложный персонаж. Как и Серене, Люси незаслуженно достались все блага мира, но на более скромном уровне, и это менее отдаляло ее от жизни обычных людей. Людям со стороны трудно отследить различия в статусе и благосостоянии членов привилегированной, вызывающей всеобщую зависть группы, но эти различия существуют, с какой бы башней из слоновой кости ни приходилось иметь дело. Чемпионы по футболу, каждый богаче Мидаса, прекрасно знают, кто в их кругах заслуживает зависти, а кому следует посочувствовать. Кинозвезды легко отличают среди своих тех, кто не сделает карьеры, и тех, кто продержится на плаву еще много лет. Простой публике само предположение, что одному миллионеру стоит завидовать меньше, чем другому, покажется претенциозным и элитаристским, но для членов клуба эти градации реальны, и если попытаться понять, что движет тот или иной мир, эти различия тоже необходимо принимать во внимание. Так было и у нас. Хотя к 1960-м годам сама идея сезона уже подвергалась критике, в нем принимала участие более узкая группа людей, чем было бы в наши дни,

если бы кому-то хватило глупости попытаться его возродить. Можно сказать, что мы находились где-то посередине между избранным обществом довоенных лет и непритязательным миром 1980-х. В наш круг входили и те девушки, которые не соответствовали бы требованиям представления их при дворе, если бы оно существовало, но им давали это понять. Внутренний круг пополнялся из традиционных источников. И в нем легко было увидеть, кому повезло больше, а кому меньше.

Люси Далтон была младшей дочерью баронета, сэра Мармадюка Далтона, чей предок получил титул в начале XIX века в качестве награды за службу короне на какой-то мелкой должности. Семья до сих пор владела солидным поместьем в Саффолке, но усадьба сдавалась в аренду еще с 1930-х, и после войны там открылась подготовительная школа для девочек. Мне кажется, сами Далтоны были вполне рады жить в доме для вдовствующей матери семейства, из которого над вершинами деревьев можно было мельком разглядеть остатки их бывшего величия, пусть и окруженные пристроенными классными комнатами и площадками для игры в лакросс. Иными словами, вид был далек от идеального.

Как гражданин современного мира, сейчас, на исходе зрелых лет, я прекрасно понимаю, что воспитывалась Люси в исключительно привилегированных условиях. Но большинство людей сравнивают себя только с людьми в обстоятельствах, сходных со своими, и я хотел бы попросить у читателя снисхождения, когда скажу, что, принимая во внимание время, в которое происходили события, для нашей компании происхождение Люси не казалось столь уж примечательным. Ее семья, с не слишком громким титулом и уютным вдовьим домиком, жила примерно так же, как все мы: в доме приходского священника, в усадьбе, в загородном доме, но главное различие существовало между теми, кто жил обычной жизнью, и теми, кто жил, как наши семьи до войны. Эти немногие уцелевшие аристократы были нашими боевыми знаменами, символами лучших дней, нашими признанными лидерами. Имея в своем распоряжении лакеев и пышные гостиные, они представляли волшебную противоположность нам, остальным. Отцы у нас пошли работать, а матери научились готовить... хотя бы немного. Мы считались «обычными» людьми, а они – «богатыми», и лишь много лет спустя я задумался, так ли это. В свою защиту могу сказать, редко кто осознает, что жизнь, которую он ведет, – образчик экстравагантности или сибаритства. Подобные эпитеты заслуживают лишь те, кто намного богаче нас, и Люси считала себя лишь более или менее состоятельной.

Я находил ее жизнелюбивой, милой, хотя и не красавицей, приятной,

но не обворожительной. Мы познакомились за год до того, случайно оказавшись в одной компании на благотворительном балу, а когда начался сезон и выяснилось, что мы оба в нем участвуем, то невольно потянулись друг к другу, как притягивает людей к любому дружескому знакомому лицу в новой и не слишком увлекательной обстановке. Пожалуй, Люси бы мне понравилась, если бы я с самого начала повел себя аккуратнее, но если у меня и был шанс, я упустил его, позволив нам стать друзьями – неизбежное противоядие серьезным мыслям о романтических отношениях.

– Что за человека ты нам навязал? – спросила она, яростно крутя руль, чтобы избежать очередной шутливой атаки автомобиля лорда Ричарда.

– Не припомню, чтобы я его кому-то навязывал.

– Навязал, что уж. Не успел он пробыть здесь и двадцати минут, а уже четыре девушки записывали его адрес. Как я понимаю, он не от мистера Тауненда?

– Вряд ли. На той неделе я прихватил его с собой к Питеру, и в первое мгновение мне показалось, что нас обоих выставят.

– А зачем ты прихватывал его с собой? С чего ты стал его покровителем?

– Я и не знал, что я чей-то покровитель.

Люси посмотрела на меня с сочувственной улыбкой.

Может быть, неосознанное стремление искупить вину перед Джорджиной, превратив ложь в правду, заставило меня собрать группу гостей на ужин, когда вечеринка начала выдыхаться, и тем же вечером мы ввосьмером спустились в подвал по предательски крутым ступеням «Хэддиз», популярного тогда местечка на углу Олд-Бромптон-роуд, где можно было сносно перекусить, а также протанцевать до утра, и всего шиллингов за тридцать с носа. Мы часто проводили там целые вечера, ели, болтали, танцевали, хотя трудно себе представить, каким был бы современный аналог подобного заведения, поскольку сегодня вряд ли можно устроить в одном месте и то, и другое, и третье. Сегодня там, где играют музыку для танцев, она запускается с дикой, изуверской громкостью. Видимо, в то время как я перестал ходить на дискотеки, музыка там стала громче, но я не знал этой новой моды, пока совершенно нормальные люди сорока-пятидесяти лет не переняли ее и не начали устраивать приемы, которые должны войти в историю как самые провальные. Я нередко слышу, что ночной клуб, где можно посидеть и поболтать под музыку, предназначен для тех, кто старше меня на одно поколение: люди в вечерних одеждах сидят в «Мирабель» тридцатых-сороковых годов, танцуют под «Снейкхипс» Джонсона и его оркестр,

потягивая коктейль «Белая леди», но, как и большинство общеизвестных мифов, это неправда. Возможность есть, разговаривать и танцевать была доступна и нам, и я сполна ею наслаждался.

«Хэддиз» вряд ли можно назвать ночным клубом. Он предназначался главным образом для людей, которые не могли позволить себе ходить в настоящие ночные клубы. «Хэддиз», «Анджеликс», «Гаррисон» – забытые ныне названия, но в те времена они заполнялись каждый вечер, меню предлагали незатейливое, но, как все успешные нововведения, они вполне удовлетворяли возникший спрос. Еда относилась к недавно появившемуся стилю деревенской кухни, но непритязательная трапеза сочеталась со сравнительно новым изобретением: публичными танцами не под оркестр, а под пластинки. Ими распоряжался своего рода диск-жокей – должность, понимание которой еще только зарождалось. Вино чаще всего было дешевым пойлом, а чего еще ожидать, когда платили мы, молодежь, но преимущество состояло в том, что владельцы не рассчитывали продать столик больше одного раза за вечер. Поужинав, мы оставались далеко за полночь пить и трещать о том, что занимало наши мятущиеся юношеские умы, и так из вечера в вечер, без каких бы то ни было возражений со стороны администрации, насколько я помню. Боюсь, они просто были плохими бизнесменами. Неудивительно, что их заведения не выдержали проверки временем.

В тот день по какой-то странной причине к нам, в числе прочих, присоединилась Серена Грешэм, когда я сказал ей, куда мы собираемся. Я удивился. Обычно она вежливо выслушивала наши планы на вечер и, изображая на лице сожаление, сетовала, что не может пойти. Но на этот раз она на мгновение задумалась и сказала: «Давайте. Почему нет?» Ответ мог показаться достаточно равнодушным, но при этих ее словах у меня в сердце заголосили певчие птицы. С нами была Люси, безуспешно пытавшаяся отделаться от Филипа, своего злого рока, – он навязался уже после того, как ее машина уехала в ресторан. Дэмиан, конечно, тоже пришел, и какая-то новая девушка, которую я до того вечера не встречал: Джоанна Лэнгли, роскошная голливудская блондинка, довольно неразговорчивая. Я слышал только, что она очень богата, одна из богатейших девушек того года, пусть и нового поколения, выросшего после отмены представления королеве. Ее отец основал фирму, продававшую по каталогу повседневную одежду или что-то в этом духе, и хотя деньги гарантировали, что в лицо ей никто не грубил, за спиной о ней говорили не столь приятные вещи. Мне лично Джоанна понравилась с самого начала. Сидела она слева от меня.

– Как тебе? – спросила она, когда я плеснул вина ей в бокал.

Я не понял, о чем она говорит, об ужине или о сезоне, но решил, что последнее.

– Пожалуй, неплохо. Я еще почти нигде не был, но компания собирается неплохая.

– А тебе? – подал голос Дэмиан, сидевший за столом чуть поодаль.

Я заметил, что он уже пытается опробовать свой сверлящий взгляд на Джоанне. Как и я, он наверняка знал, кто она такая.

Она удивилась, но кивнула:

– Пока да. А тебе как?

– Ну, я тут чужой. Спроси его. – Он шутливо дернул подбородком в мою сторону.

– Но ты же сидишь здесь, верно? – довольно жестко парировал я. – Что у нас еще есть такого, по-твоему?

Замечание было не вполне справедливым, но меня это мало беспокоило, поскольку я знал, что его энтузиазм не погасит ничто.

– Не позволяй ему ввести тебя в заблуждение. – Дэмиан перевел свой фирменный взгляд обратно на Джоанну. – Я вполне обычный парень из вполне обычной семьи. Мне думалось, что интересно будет взглянуть на это все самому, но я из другого мира.

Эти слова были тщательно продуманы, как и все, что он говорил, и сейчас я понимаю, чего он намеревался добиться. Сказанное предназначалось для того, чтобы каждая девушка за столом немедленно почувствовала стремление защитить Дэмиана, и никому из них или из их друзей уже не будет позволено обвинить его, что он за кого-то себя выдает. Внешняя скромность предоставляла ему возможность бесконечно брать, не чувствуя ответственности перед миром, к которому он, по собственному заявлению, не принадлежит и которому ничего не должен. Это больше всего обезоруживало людей. С этого момента они переставали бояться, что такой человек может их использовать. К чему бояться, если он сам сказал, что не питает никаких амбиций? Не успели мы заказать еду, как Дэмиан уже писал свой адрес Джоанне и двум другим сидящим за столом девушкам.

Только сейчас я заметил, как написал, что Дэмиан, «конечно», был с нами. Почему казалось само собой разумеющимся, что он будет? Еще только в самом начале своей лондонской карьеры? Может быть, потому, что я начал принимать во внимание его таланты. Сейчас по одну сторону от него сидела Серена, а по другую – Люси, и он заставил их обеих слушать его и смеяться, но не заходил дальше необходимого ни с одной ни с другой.

И тогда я понял, что он из тех редких натур, которые безупречно вписываются в новую компанию и очень скоро становятся неотъемлемой ее частью, основой. Дэмиан балагурил и подшучивал над остальными, но порой и слегка хмурился. Он серьезно их слушал и заинтересованно кивал, как друг, который их знает, но все же не слишком хорошо. За все время, что я был с ним знаком, он никогда не совершал типичной ошибки парвеню: впадать в излишнюю фамильярность. Не так давно я перед охотой разговаривал с одним человеком. Накануне вечером мы с ним неплохо пообщались за ужином, и он, видимо полагая, что мы теперь друзья, принялся шутливо тыкать меня в живот и поддразнивать насчет лишнего веса. При этом он улыбался и смотрел мне в глаза, но то, что он в них увидел, вряд ли его порадовало, поскольку в тот момент я понял, что больше никогда не буду искать его общества. Дэмиан подобных оплошностей не допускал. Его манера общения была спокойной и непринужденной, а вот грубой или развязной – никогда. Она была тщательно продуманной и хорошо сыгранной, и в тот вечер мне впервые представилась возможность наблюдать, как умело он приманивает добычу.

Ужин закончился, у девушек забрали нетронутое жаркое, свет немного притушили, и по всему залу пары начали занимать места для танцев. Никто из нашей группы еще не отважился выйти вперед, но мы уже почти созрели, и в короткую паузу между разговорами я услышал, как Дэмиан обратился к Серене.

– Потанцуем? – предложил он таким тоном, словно рассказывал анекдот, забавный секрет, который в полной мере понятен только им обоим.

Прекрасная работа!

Крутили какую-то пластинку, которая нам всем нравилась. Может быть, «Flowers in the Rain»? Уже забыл. Во всяком случае, Серена почти сразу кивнула, и они встали. Но дальше меня ждало удивление. Когда они проходили мимо моего края стола, я услышал, как Дэмиан мимоходом отметил:

– Чувствую себя полным идиотом. Знаю, что тебя зовут Серена, и помню, где мы впервые встретились, но фамилии так и не расслышал. Если я дольше буду откладывать, спрашивать будет уже неудобно.

Как мошенник или придворный, он подождал, всего секунду, посмотрел, сработает ли его хитрость. Вдохнул ли он с облегчением, когда Серена с виду никак не показала, что понимает его задумку?

Она лишь улыбнулась.

– Грешэм, – тихонько ответила Серена, и они вышли на площадку для танцев.

Я наблюдал за всем этим в изумлении. Да и мудрено ли? Задолго до того вечера Дэмиан знал не только ее имя, но и где живет ее семья, и, скорее всего, площадь земельных угодий. Думаю, он смог бы перечислить годы жизни каждого графа Клермонта со дня создания титула и даже, наверное, девичьи фамилии каждой графини. Я встретился с ним взглядом. Он знал, что я слышал этот разговор, и я знал, что он это знает. Но он словно не придавал значения, что я могу вывести его на чистую воду и испортить всю игру. Такая стратегия риска в светском скалолазании заслуживает восхищения.

Люси смотрела, как я наблюдаю за ним, и на губах у нее играла легкая улыбка.

– Что смешного? – спросил я.

– У меня такое чувство, что до сегодняшнего вечера ты считал себя покровителем Дэмиана, а на самом деле можно предположить, что, когда сезон закончится, ты, если повезет, окажешься у Дэмиана биографом. – Она посмотрела на танцующую пару и посерьезнела. – Если хочешь заявить свои права на ту территорию, я бы на твоём месте не откладывала.

– Он не в ее вкусе, – покачал я головой. – Я, правда, тоже. Но он – наверняка нет.

– Ты так говоришь, потому что идеализируешь ее, а его считаешь во всем ниже, чем на самом деле. Но это точка зрения влюбленного. Сама она так не думает.

Теперь я внимательнее пригляделся к Дэмиану. Музыка стала медленной и чувственной, и оба раскачивались из стороны в сторону, исполняя танец без шагов, как тогда мы танцевали.

– Ошибаешься. – Я снова покачал головой. – В нем нет ничего, что ей нужно.

– Напротив, у него есть именно то, что ей нужно. Ни родовитости, ни денег она искать не будет. И того и другого у нее в избытке. Сомневаюсь, что она так уж падка на внешность. Но Дэмиан... – Пока Люси говорила, ее взгляд снова сфокусировался на темной голове, возвышавшейся над большинством танцующих рядом мужчин. – Он обладает одним качеством, которого не хватает ей. Не хватает всем нам, если на то пошло.

– И что это за качество?

– Он принадлежит нынешнему веку. Он поймет правила игры, которую будут вести в будущем, – не той, что играли до войны. И потому в нем есть какая-то надежность.

В эту минуту к ней в радостном ожидании вопросительно наклонился Филип, но Люси отвергла его приглашение, кивнув на меня:

– Меня уже пригласил он, и я обещала.

Она встала, и я послушно последовал за ней танцевать.

Люси

Глава 3

Список, который лежал у меня на подушке, когда я поднялся к себе в спальню, был невелик. Но определенные сюрпризы в нем имелись. Там значилось пять имен, и все эти девушки спали с Дэмианом, видимо, до того, как он стал бесплоден после каникул, проведенных под жарким португальским солнцем. Все они также родили ребенка в пределах указанного времени. Там оказалась и Люси Далтон, что с легкой печалью отметил я. От нее я ожидал большего, ибо она одной из первых разглядела личину Дэмиана. Попадание в этот список Джоанны Лэнгли удивило меня меньше. Я еще тогда знал, что у них роман, и мне казалось, они хорошо друг другу подходят. Я еще удивлялся, почему он ничем не закончился. Наверняка мне предстоит это выяснить. Чего я не ожидал, так это увидеть, что среди зарубок на ложе Дэмиана значилось и имя ее королевского высочества принцессы Моравии Дагмар, а также имя краснолицей, шумной охотницы на мужчин Кандиды Финч, которую я бы никак не считал соответствующей его вкусам. Боже! Погулял он знатно, ничего не скажешь. А вот Терри Витков, напротив, входила во многие списки побед того года, включая мой собственный. Американская авантюристка со Среднего Запада, она владела меньшими деньгами, чем готова была признаться, и приехала в Лондон лишь после того, как исчерпала все возможности высшего общества Цинциннати. Ее сексуальные представления, которые скорее предвосхищали следующее десятилетие, чем восходили к периоду до ее рождения, как у большинства девушек, помогали ей пользоваться неизменной популярностью. По крайней мере, среди мальчиков.

Каждое имя было аккуратно напечатано. Рядом с ним значилась нынешняя фамилия женщины – фамилия по мужу, и там, где необходимо пояснение, – имя мужа. После этого стояло имя, пол и дата рождения ребенка, который нас интересовал, с краткой пометкой об остальных детях в семье. Наконец колонка адресов, иногда по два или даже три, с телефонными номерами и адресами электронной почты, хотя вряд ли большое количество моей работы могло быть проделано по Интернету. Сопроводительная записка наверху: «Насколько мы смогли установить, сведения следующие» – означала, что я не мог быть полностью уверен в этой информации. Некоторые записи содержали больше подробностей, чем остальные, но в целом, судя по виду, всем данным можно было доверять. Ни с кем из этих женщин я больше не встречался, даже случайно, но то

немногое, что знал, совпадало с содержанием списка. К листку скрепочкой был приколот конверт. В нем, как обещано, лежала платиновая кредитная карта, выпущенная на мое имя.

Завтракал я в одиночестве. Компанию мне составляли, кажется, все известные в нашем мире газеты, аккуратно сложенные на другом конце длинного стола. Дворецкий спросил меня, может ли он собирать вещи или есть причина, по которой ему следует с этим повременить. Таковой причины не оказалось. Он поклонился, радостный, что я позволил ему оказаться полезным мне, но прежде, чем выйти из комнаты и отправиться выполнять свое дело, проговорил:

– Мистер Бакстер спрашивает, не будет ли у вас времени заглянуть к нему, прежде чем вы уедете на станцию?

Я умею отличать приказ от вопроса.

Спальня Дэмиана располагалась в противоположной части дома. Наверху от лестничной площадки широкая галерея вела к полуоткрытым двустворчатым дверям. Только я поднял руку, чтобы постучать, меня окликнули по имени, и я очутился в светлой комнате с высокими потолками, обшитой панелями цвета «гри-трианон»^[16]. Может быть, я ожидал увидеть мрачное логово колдуна, но нет – это было явно то второе место в доме, где, помимо библиотеки, обитал Дэмиан. Большая георгианская кровать красного дерева на ножках стояла у завешанной гобеленами стены, так чтобы лежащий был обращен к резному камину в стиле рококо. Над камином висел один из многочисленных портретов очаровательной леди Гамильтон работы Ромни. Высокие окна выходили в парк, на некий миниатюрный дендрарий, солидное и ухоженное собрание редких деревьев. По всей комнате беспорядочно стояли инкрустированные стулья. Письменный стол и маленькие столики были завалены книгами и уставлены всевозможными ценными предметами. Довольно милая кушетка, которая называется «герцогиня Бри», со сложенным в ногах пледом ждала, когда ей представится возможность принять и уютно устроить своего хозяина. Вся атмосфера была прелестной, утонченной и неожиданно женской – комната, оформленная в более тонком вкусе, чем я ожидал от хозяина.

Дэмиан лежал в постели. Я не сразу увидел в тени полога его размытые очертания. Сгорбившегося и обложенного подушками Дэмиана окружали письма и новые горы газет. Я невольно подумал, что для местных почтальонов наступит черный день, когда Дэмиан «снимет покров земного чувства»^[17].

– Ты нашел список, – сказал он.
– Нашел.
– Удивился?
– Про Джоанну я знал. По крайней мере, подозревал.
– У нас все закончилось еще задолго до того. Но я переспал с ней один последний раз в ту ночь, когда она вернулась из Лиссабона. Она тогда заглянула ко мне на квартиру. Видимо, хотела убедиться, что со мной все в порядке.

– Я не удивлен.
– И все продолжилось.
– Но разве к тому времени ты не переболел свинкой?
– Горло у меня заболело только несколько дней спустя. К тому же в организме сохраняется некоторое количество этого самого, не задетое болезнью.

– Слишком много информации.
– Как ты понимаешь, я успел стать величайшим в мире экспертом, – невесело ухмыльнулся он. Удивительно, как крепко он держался, несмотря на все, что с ним происходило. – А как остальные?

– Ну, с Терри спал даже я, и Кандида тоже не слишком меня удивляет, хотя не подумал бы, что тебе такие нравятся. Но про остальных двух я не подозревал.

– Полагаю, ты огорчился, увидев там свою старую подружку Люси.
– Только потому, что мне казалось, она не любит тебя так же сильно, как я.

Эти слова впервые за утро заставили его рассмеяться. Но затраченное усилие отдалось болью, и нам пришлось подождать, пока он придет в себя.

– Ее тянуло только к тем людям, которых она не любила. Всех остальных она делала своими друзьями. Включая тебя.

В какой-то степени это было справедливо, и я не стал перебивать.

– Ты с кем-нибудь из них видишься? – спросил Дэмиан.

Странно было слышать от него такой беззаботный тон, если вспомнить, как все закончилось.

– Почти нет. Сталкиваешься иногда с людьми – как это обычно бывает. Так что, они все вышли замуж?

Мне вдруг показалось странным, что я этого не знаю.

– Да, рядом и в горе и в радости, в некоторых случаях – в очень горьком горе. Кандида – вдова. Муж погиб одиннадцатого сентября. Но я слышал, что до этого они жили очень счастливо.

Моменты, когда друзья из другой жизни внезапно оказываются тесно

связанными с нынешним миром, порой потрясают.

– Мне очень жаль. Он был американец?

– Англичанин. Но работал в каком-то банке, нью-йоркский офис которого находился на одном из верхних этажей. По трагической случайности в тот день его вызвали туда на совещание.

– Боже, какой ужас... Дети есть?

– Двое от него. Но он не мог быть отцом ребенка, который меня интересует. Когда они поженились, мальчику было восемь.

– Да, помню, она была матерью-одиночкой. Храбрая!

– Для племянницы пэра в семьдесят первом году? Еще бы не храбрая! Грубовата, но энергична. Этим она мне и нравилась. – Дэмиан замолчал, и легкая улыбка тронула уголки его рта. – Есть ли имена, которые ты рассчитывал увидеть, но не нашел?

Мы переглянулись.

– Нет, но ведь список все равно не полон.

– Что ты имеешь в виду?

– Здесь только девушки, которые родили в определенный период времени.

– Конечно, – кивнул Дэмиан. – Все правильно. Он и во всех остальных отношениях не полон. – Пояснять он не стал, да и мне крайне не хотелось, чтобы он углублялся в эту тему. – Карточку нашел?

– Да. Правда, не думаю, что она мне понадобится.

– Пожалуйста, перестань вести себя как англичанин и глупец, – вздохнул Дэмиан. – У тебя нет денег. У меня денег столько, что если я начну до конца жизни тратить по миллиону фунтов в день, то едва ли оставлю в этой сумме заметную брешь. Пользуйся картой. Отведи душу. Ни в чем себе не отказывай. Воспринимай это как свой гонорар. Или как мою благодарность. Или как мои извинения, если хочешь. Но возьми ее.

– Я бы не сказал, что у меня совсем нет денег, – ответил я. – Просто у меня не столько денег, как у тебя.

Он не дал себе труда подтвердить мои слова, а я не стал дальше протестовать, так что, видимо, можно было считать, что я согласился.

– У тебя есть какие-то предпочтения, с кого мне стоит начать? – спросил я.

– Ни малейших, – покачал головой Дэмиан. – Начинай с кого хочешь. – Он помолчал, чтобы перевести дух. – Но пожалуйста, не откладывай это надолго. – Его голос стал резче и более хриплым, чем накануне вечером. То ли так всегда с ним бывало по утрам, то ли он чувствовал себя хуже. – Торопить я тебя, конечно, не хочу, – прибавил он.

Особенно горько во всем этом, даже для меня, было то, что он пытался говорить с приподнятой любезностью, как в комедии Рэттигана^[18]. Таким тоном он мог произнести: «Может, партию в теннис?» Или: «Кого подбросить до Лондона?» Стойкости ему было не занимать.

– Мне кажется, времени на все это должно уйти немало, – сказал я.

– Разумеется. Но прошу тебя, не больше, чем необходимо.

– А если я не найду никаких сведений, ни положительных, ни отрицательных?

– Вычеркни тех, кто точно не подходит. Потом подумаем о тех, кто остался.

В этом была логика, и я кивнул:

– До сих пор не понимаю, почему я за это взялся.

– Потому что если откажешься, то будешь чувствовать себя виноватым, когда я умру.

– Перед ребенком – может быть. Но не перед тобой.

Обычно я не бываю резок и не могу сказать, почему я так говорил с ним в то утро. На злодеяния, которые я ему вменял, к тому времени уже вышел срок давности, они были забыты, а если и не забыты, то теперь не имели никакого значения, даже для меня. Но он тем не менее, кажется, меня понял.

Мои слова растворились в молчании. Потом Дэмиан поднял взгляд и твердо посмотрел на меня:

– За всю жизнь у меня не было друга, который был мне более дорог, чем ты.

– Тогда зачем ты это сделал?

Он плохо меня знал, если считал, что эти любезные, слащавые сантименты сотрут воспоминания о его поведении в тот вечер, который был худшим в моей жизни. И очень надеюсь, худшим не только в моей.

– Даже не знаю... – Дэмиан углубился в свои мысли, уставившись невидящим взглядом на пейзаж за окном. – Мне кажется, я с детства страдал от своего рода клаустрофобии души. – Он улыбнулся. – Просто я всегда терялся, когда дело касалось любви. И больше всего, когда мне приходилось принимать чью-то любовь.

На этом мы и расстались.

Может показаться, что я постоянно думал обо всех этих людях, и прежде всего о Дэмиане, с тех пор как сорок лет назад покинул последнюю в своей жизни танцевальную площадку, но это не так. Как любой человек, за прошедшие годы я пытался разобраться в запутанной алогичности своей жизни и уже давно не задумывался о том, что происходило со мной, да и со

всеми нами. Тот мир, в котором мы тогда жили, был другой планетой, с другими чаяниями и надеждами, и, подобно планете, удалился от нас, следуя по собственной орбите. Время от времени на свадьбе или благотворительном собрании я мельком видел тех девушек, теперь покрывшихся морщинами и превратившихся в сидящих матерей семейства. Мы улыбались, говорили об их детях, и почему они уехали из Фулема, и лучше ли оказалось в Сомерсете, но не критиковали изменения, произошедшие в мире вокруг нас. Тот мир я полностью оставил сразу после Португалии и, несмотря на то что все уже забыто, никогда к нему не возвращался. Теперь, когда я задумался о нем, оказалось, что по некоторым из его персонажей я скучаю. Люси Далтон, например, всегда была моим надежным союзником. Ведь именно она окончательно повлияла на мою решимость пройти сезон. Я, правда, недолго любил ее мужа. Пожалуй, в этом и была причина, по которой мы отделились. Но сейчас это казалось слишком вздорной причиной, чтобы терять друга, поэтому я решил начать свое расследование с нее. Список подсказал мне, что Люси переехала в Кент и живет где-то неподалеку от Танбридж-Уэллс, так что позвонить и напроситься на обед будет нетрудно, под предлогом того, что я «проезжал мимо».

Говоря о том, что на мою решимость пройти сезон повлияла Люси, я имел в виду то, что по ее приглашению я оказался на Балу королевы Шарлотты, который тогда считался официальным началом балов и главной церемонией среди всех мероприятий. Не присутствовать на нем означало, что ты не считаешься полноправным участником, но я не собирался идти туда, поскольку изначально не нацеливался на полное членство. До бала оставалось совсем немного времени, как вдруг, к своему удивлению, я получил открытку от леди Далтон, которая просила меня составить им компанию. Прежде чем дать ответ, я позвонил ее дочери.

– Мы должны были взять с собой моего кузена, Хьюго Грекса, но он нас кинул, – без экивоков ответила Люси. – Если не можешь пойти, не страшно, только скажи сейчас, чтобы мы успели найти кого-нибудь другого. Все, кто хотел, уже идут.

Не самое лестное приглашение, но мне было любопытно, и, кроме того, я начинал понимать, что если собираюсь пройти сезон, то нужно делать все как полагается.

– Нет, почему же. Я с удовольствием пойду. Спасибо.

– Напиши маме, а то она подумает, что ты странный. К тому же она скажет, где и когда надо быть. Ты знаешь, что нужен фрак?

– Еще бы!

– Тогда если не увидимся раньше, то до встречи на балу. – И Люси повесила трубку.

Может быть, потому, что изначально я не собирался на бал, когда я в тот же день узнал, что Дэмиан Бакстер уже приглашен, это было для меня откровением. В те дни студентам колледжа Магдалены, как наверняка и многих других колледжей, предоставляли не просто комнатку для сна и занятий. Вместо этого у каждого студента была не только спальня, но и гостиная, что требовало немалого пространства под жилые помещения. В тот год мои комнаты находились в старом перестроенном домике на противоположной от колледжа стороне Магдален-стрит, который в 1950-х годах был поглощен новым университетским двором, появившимся вокруг него. Апартаменты были очаровательные, и я до сих пор вспоминаю о них с любовью, но находились они в различных частях здания. Я немало удивился, когда, сходя в спальню за книгой, вернулся в гостиную и обнаружил там Дэмиана, который стоял у камина и грел ноги перед клокочущим газом.

– Как я понимаю, ты идешь на Бал королевы Шарлотты с Далтонами, – начал он. – Нельзя ли у тебя переночевать? Не хочется после всего сюда тащиться.

– Откуда ты знаешь?

– Люси поведала. Я сказал, что иду с Уоддилавами, и тогда она решила позвонить тебе. Ревную!

В этих словах содержалось очень многое. Даже больше, чем он сам понимал. Но может быть, и нет. Дэмиан явно был полон решимости попасть на бал. Зная о чувствах очарованной им Джорджины и подогревая их, он был уверен, что для него путь на бал лежит в этом направлении. Помимо этого, Дэмиан таким образом сообщал мне, что первым кандидатом Люси на замену отказавшегося кузена был он, а я всего лишь запасной вариант. Дэмиан хотел, чтобы я и это знал.

– Ты не говорил, что идешь.

– А ты и не спрашивал. – Он поморщился. – Джорджина Уоддилав. Фу! – Мы обменялись улыбками, что с моей стороны было постыдным вероломством. – Где ты берешь напрокат фрак?

– У меня свой, – ответил я. – Достался в наследство от кузена. Думаю, еще впору. По крайней мере, налез прошлым Рождеством, когда я ходил на охотничий бал.

Дэмиан кивнул и проворчал:

– Конечно, у тебя есть свой. Я и не подумал. – Настроение Дэмиана

слегка изменилось. Он глотнул терпкого белого вина, которое я ему протянул. – Даже не знаю, зачем я туда иду.

– Тогда зачем идешь? – искренне удивился я.

Он на мгновение задумался:

– Потому что могу!

История костюма сама по себе увлекательный предмет, и любопытно, что я наверняка застану смерть по крайней мере одного вида одежды, который в свои лучшие времена играл весьма значимую роль, а именно фрака. С начала XIX века стараниями мистера Браммела и до середины XX фрак был излюбленным мужским костюмом для любого вечера в свете, униформа британской аристократии. Когда в конце 1920-х годов шурин спросил герцога Ратленда, надевает ли тот когда-либо смокинг, герцог ненадолго задумался и ответил: «Когда обедаю с герцогиней в ее спальне».

Некоторых удивило, что фрак пережил войну, так как шесть лет царствования смокингов и мундиров могли бы с ним покончить, но Кристиан Диор, возродив почти эдвардианский стиль одежды, с турнюрами, корсетами, стегаными тканями и подбойками, дал ход моде на пышные вечерние наряды, рядом с которыми скучный короткий смокинг выглядел неуместным. Затем летом 1950 года графиня Лестер давала в Холкеме для своей дочери леди Энн Коук бал, где присутствовали король и королева. Следующее утро ознаменовалось двумя открытиями. Первое, что вечером в фонтан упал официант и утонул. Второе, что фрак бесповоротно вернулся. Но в чем Диор и многие другие не отдавали себе отчета, так это в том, что фрак не просто одежда, а образ жизни, и этот образ жизни уже мертв. Фрак был частью заключенной в незапамятные времена сделки между аристократами и теми, кому повезло меньше, что первые большую часть дня будут проводить в дискомфорте, дабы создавать убедительный и солидный образ сильных мира сего. Все же блеск и роскошь веками были неразрывно связаны с властью, вплоть до сравнительно недавнего появления правительства уныло одетых людей. До Первой мировой войны для высших классов непреложным правилом было, находясь в загородном доме, переодеваться пять-шесть раз в день: для прогулки, для охоты, для завтрака, для обеда, для чая и для ужина. По меньшей мере три костюма в день были необходимы в Лондоне. Знать соблюдала эти утомительные ритуалы переодевания по той простой причине, что понимала: стоит им перестать выглядеть правящим классом, как они вскоре перестанут таковым быть. Наши политики лишь недавно усвоили то, что высшее общество знает уже тысячу лет: внешний вид – это всё.

Но почему же тогда традиция так стремительно отмерла? Потому что

аристократы перестали верить в себя. Не только потеря слуги стала фатальной для гардероба. Важнее оказалась потеря присутствия духа, которая охватила правящие круги в 1945 году и продолжила разрушать уверенность в своих силах до тех пор, пока к концу семидесятых для всех них, за редким исключением, роль в жизни нации, а с ней и идея фрака потеряли значение. Мое поколение застало окончание этого процесса. Когда мне было восемнадцать лет, все охотничьи балы еще проводились во фраках, как и майские балы в Кембридже, и выпускные балы в Оксфорде. Несколько балов дебютанток еще пытались требовать фраки, и единственное событие, на которое фраки надевали безоговорочно, – это был Бал королевы Шарлотты. Сегодня, за исключением государственного приема в Букингемском дворце или Виндзоре или какого-то редкого и помпезного события в Коллегии адвокатов, фрак практически исчез. Странно даже подумать, что сорок лет назад мы все еще достаточно часто нацепляли на себя этот пиджак с длинными фалдами, поэтому имело смысл завести себе собственный.

Бал королевы Шарлотты не был закрытым торжеством. Это крупное благотворительное событие, и поэтому оно не следовало обычным правилам. Для начала он назывался обедом с балом, и это означало, что там мы должны были есть, поэтому собирались намного раньше, чем обычно. В те дни, когда еще не изобрели алкотестеры, обед с балом многими считался неформальным, уже не помню, почему так. Возможно, потому, что на них была атмосфера вечера в клубе где-то на задворках империи. Но в тот день нас ждала торжественная церемония, которая и придавала мероприятию такую важность. Наш план был собраться на лондонской квартире Далтонов в Куинсгейте, убедиться, что все на месте, и немедленно выдвинуться в сторону отеля «Гросвенор-Хаус».

Я позвонил во входную дверь, и домофон – у нас тогда они уже были – впустил меня. Квартира находилась на первом этаже, не нужно было настраиваться на долгий подъем по лестнице. Видимо, входная дверь была дверью в столовую, когда этот недавно построенный дом служил жилищем преуспевающей семьи поздних викторианских времен, но к 1960-м годам столовую разделили на прихожую и средних размеров гостиную. Как принято у таких семей, в квартире сохранили несколько ценных предметов, чтобы мы ненароком не ошиблись, определяя ранг обитателей. Со стены над камином, который из-за перепланировки комнаты оказался сдвинутым далеко в сторону, стеклянным взглядом смотрел на нас портрет бабушки Люси в возрасте девятнадцати лет, принадлежащий, кажется, кисти Ласло. Странность пропорций увеличивала бытовавшая тогда мода закрывать

каминную решетку большими листами оргалита, а перед ними помещать электрический огонь, как было сделано и здесь. За всю свою жизнь не могу припомнить обычай, который бы до такой степени намертво и гарантированно убивал комнату, чем это закрывание камина, но так делали все. Подобно омерзительной обшивке балюстрады лестницы, которую можно наблюдать почти в каждом доме, разделенном на квартиры, это нововведение было призвано придать пространству современный и рационализированный вид. Но потерпело неудачу.

– Вот и ты! – воскликнула Люси и торопливо поцеловала меня. – Страшно?

В комнате, не считая Люси, было еще четыре девушки, одетые во все белое – пережиток предвоенной традиции надевать белое на первое представление монарху. Конечно, в последние годы существования представления при дворе, которое приняло формы приема в саду, эта традиция не удержалась: девушки стали надевать изящные летние платья и шляпки с широкими полями, но когда эта традиция прекратилась и Бал королевы Шарлотты стал официальным началом сезона, правило белого вернули. Надевали даже длинные белые перчатки, но вместо «перьев Принца Уэльского»^[19], украшавших головы как дочек, так и матерей на всех довоенных фотографиях Ван Дика и Ленара, в этот год волосы убирали белыми цветами, а вот диадемы считались для незамужних девушек неподходящим украшением. На леди Далтон, как я с удовольствием отметил, красовалась недурственная диадема, и когда ее владелица подходила ко мне, приветливо улыбаясь, бриллианты отбрасывали огонь по всей комнате.

– Очень любезно, что вы пришли, – сказала она, протягивая руку в перчатке.

– Очень любезно, что вы меня пригласили.

– Бог знает, что бы мы делали, если бы вы отказались! – прибавил грубоватый, солдафонский тип, в котором я безошибочно угадал сэра Мармадюка. – Не иначе, остановили бы автобус и схватили первого попавшегося.

Позднее приглашение заставляет подозревать, что вами довольствовались за неимением лучшего. Но несколько удручает, когда вам сообщают об этом откровенно.

– Не обращайтесь внимания, – жестко сказала его жена и повела меня прочь, туда, где стояла остальная молодежь.

На приеме ожидалось большее разнообразие возрастов, чем обычно, поскольку с нами в тот вечер собирались присутствовать большинство

матерей и отцов если не всех молодых людей, то хотя бы всех девушек. Я познакомился с парой довольно приятных банкиров и их женами, а также с миловидной итальянкой миссис Уэйкфилд, замужем за кузеном леди Далтон. Она приехала в столицу из Шропшира открывать светскую карьеру своей младшей дочери Карлы. Мы перешли к самым девушкам. Среди них была некрасивая, краснолицая Кандида Финч, с которой я уже был знаком. По правде сказать, мне с ней было тяжело, но в те дни нас программировали вести разговор с любым, кто окажется рядом, и я без особых затруднений пустился в требуемую светскую беседу: перечислил общих знакомых, напомнил ей, что мы оба были на той коктейльной вечеринке и на этой, хотя до сих пор едва ли перекинулись друг с другом парой слов. Кандида кивала и отвечала достаточно учтиво, но, как всегда, слишком громко, слишком напористо, а порой внезапно раздражалась громовым хохотом, так что можно было подпрыгнуть от неожиданности. Сейчас, конечно, я понимаю, что она злилась на то, как повернулась ее жизнь, но в юности мы нередко бываем слепы и бессердечны. Я глянул на взрослых, потягивающих коктейли в другом углу комнаты:

– Твоя мама здесь?

Она покачала головой:

– Мама умерла. Когда я была еще ребенком.

К такому я оказался не готов, да и прозвучало это с надрывом. Я пробормотал какие-то неопределенные извинения, заговорил о том, что, видимо, спутал ее с кем-то другим на их общей фотографии в журнале. На этот раз Кандида заговорила намного жестче:

– Ты имеешь в виду мою мачеху. Нет. Ее тут нет. И слава богу!

По интонации было все понятно, а выражением в конце фразы она, видимо, хотела сообщить мне и всем стоящим рядом о своих неладах с мачехой. Удивительно, почему люди порой так стремятся оповестить чужих о не самых гладких отношениях в семье. Должно быть, потому, что зачастую это единственная трибуна, где они имеют власть высказать, что думают о близких, и находят в этом определенное удовлетворение. Так или иначе, я принял это к сведению. В конце концов, ситуация не такая уж уникальная.

Как я впоследствии узнал, история Кандиды была печальна. Ее мать приходилась сестрой матери Серены Грешэм, леди Клермонт, так что девушки были двоюродными сестрами. Но миссис Финч умерла в тридцать с небольшим лет – я так и не знаю от чего, – и овдовевший муж, которого в семье и так уже не слишком жаловали, едва осушив слезы, заключил брак с бывшей агентшей по недвижимости из Годалминга. Все сошлись на том,

что он женился неудачно. Кандиде была навязана равнодушная мачеха, которую девочка к тому же возненавидела, а Клермонты обрели нежеланную родственницу. В довершение, когда Кандида была подростком, ее отец, мистер Финч, тоже умер – и в этом случае известно, что от инфаркта, – бросив дочь на милость своей вдовы, коей перешли остатки его состояния до последнего пенни, а также обязанность исполнять роль опекуниши. В этот момент вмешалась тетя Кандиды, леди Клермонт, и попыталась перехватить бразды правления. Но миссис Финч из Годалминга на кривой кобыле не объедешь! Она оставалась глуха ко всем советам по обучению падчерицы, и лишь с большими трудностями добились ее разрешения, чтобы Кандида участвовала в сезоне, расходы по которому, надо думать, леди Клермонт взяла на себя. Все понимали, что девушка очутилась в незавидном положении, и ему сочувствовали бы больше, если бы оно не отражалось в ее шумных и несурзных манерах. Не способствовала успеху и внешность Кандиды. Темные волосы, выющиеся и непослушные, каким-то образом лишь подчеркивали цвет лица, более подходящий чернорабочему. Кроме прочего, у нее были веснушки и нос как у Пиноккио. При рождении Кандиде Финч выпала очень непростая карта.

– Ну ладно. Пора идти! – хлопнула в ладоши леди Далтон. – Как поедem? У кого есть машина?

Отцы допили двойной мартини и подняли руки вверх.

Есть одна важная характеристика другого мира, в котором я некогда обитал, – ее нечасто упоминают, но она затрагивала каждую минуту каждого дня, – это дорожное движение. То есть его отсутствие. Или, по крайней мере, такой его объем, что не сравним с сегодняшним. Количество машин, выезжающих сегодня на улицы Лондона в начале обычного рабочего дня, можно было увидеть разве что в шесть часов вечера в пятницу в конце декабря, когда люди отправлялись из города на Рождество. Тема невозможности припарковаться просто еще не родилась. Время, которое отводилось на дорогу, было реальным временем. Лондон – по крайней мере, тот город, где обитало большинство из нас, – оставался невелик, и редко когда кто-нибудь выходил больше чем за десять минут до встречи. Если говорить о напряженности жизни, разница невероятна.

Еще один контраст с днем сегодняшним представлял район, где мы жили. Начнем с того, что в Лондоне верхняя часть среднего класса и высший класс еще не вышли за пределы своих традиционных мест обитания: Белгравии, Мейфэра и Кенсингтона – или Челси, если они отличались некоторой экстравагантностью. Помню, мать везла меня мимо очаровательных георгианских домов на Фулем-роуд, по дороге на

футбольное поле. Я восхитился ими, и мама кивнула: «Они очаровательны. Жаль, что жить здесь нельзя».

И если уж Фулем не принимался к рассмотрению, то Клэпхем или, того хуже, Уондсуорт вообще никак не были связаны с их жизнью и не входили в их понятийное пространство – разве что как место, где живет приходящая прислуга или где можно вырезать стекло, отремонтировать ковер или найти аукционный зал подешевле. Вскоре этой ситуации суждено было измениться: когда мое поколение начало вступать в брак и началась «джентрификация» южного берега Темзы. Но в конце 1960-х этого еще окончательно не произошло. Хорошо помню, как я ехал с родителями на обед к их обедневшим друзьям, которые на заре новой эры, за отсутствием других возможностей, купили дом в Баттерси. Когда мать зачитала вслух сидящему за рулем отцу, как надо ехать, и расположение конечной точки нашего пути прояснилось, она подняла глаза от листка бумаги и спросила: «Они что, с ума сошли?»

Нужно помнить, что по крайней мере до середины 1960-х сравнительно дешевое жилье можно было найти в любой части города, так что острой необходимости переселяться в другой район не было. Можно было обосноваться отнюдь не во дворце, но это не значит, что не нашлось бы местечка поблизости от дворца. Одно время мы жили на углу Херефорд-сквер, и рядом с западной ее стороной, хотите верьте, хотите нет, находилось небольшое поле, где кто-то держал пони. На углу поля стоял домик, возможно когда-то входивший в комплекс конюшен, и в моем детстве, пришедшемся на середину пятидесятых, его занимали не слишком удачливый актер и его жена, художник-керамист. Замечательные люди, мы часто с ними виделись, но бедны они были как церковные крысы. Но тем не менее жили в домике рядом с модной площадью. В следующий раз я вошел в этот дом тридцать лет спустя. Его арендовал звездный голливудский режиссер, снимавший фильм на студии «Пайнвуд». Недавно этот домик продали за семь миллионов. Результатом строительного бума стало не только расселение людей с родных мест, но и конец «разномастности» лондонского населения. Художники, едва сводящие концы с концами, писатели без гроша в кармане больше не обитали в небольших, тесно прижавшихся друг к другу домиках в Найтсбридже или за Уилтон-Кресент, где некогда они ходили в одни магазинчики и на одну почту с графинями и миллионерами. Учителя, поэты, профессора, ученые, портнихи, оппозиционные политики были изгнаны. На их место явились банкиры. И мы от этого только потеряли.

Большой зал «Гросвенор-Хаус» был подходящим местом для

официального старта сезона. Он сиял такой узнаваемой сегодня и типичной для шестидесятых напыщенной роскошью, которую Стивен Полякофф^[20] окрестил еврошиком. Через вестибюль отеля надо было пройти к галерее, откуда широкая лестница с алюминиевой балюстрадой вела вниз, к залу со сверкающим полом. Мне вдруг стало радостно, что я пришел. Стояло начало июня, вечер был теплый, слишком теплый для юношей, поскольку тогда наши фраки делались из шерсти, но есть что-то многообещающее в приеме, который проводится теплым летним вечером. Обычно он обещает больше, чем приносит.

Несколько лет спустя, когда традиция уже исчезала, сезон должен был учитывать интересы выпускников и не забывать о деловых девушках, сдававших в это время экзамены на аттестат о среднем образовании, но тогда такого еще не было. Если бы кто-нибудь изложил подобные соображения в 1968-м, его сочли бы странным, эксцентричным и мелкобуржуазным. Вспоминая те дни, я понимаю, что едва ли нашлись бы родители, которые считали, что будущее их дочерей может быть каким-то иным, нежели точным повторением их настоящего. Как они могли быть столь уверены в своих ожиданиях? Неужели им не приходило в голову, что случаются перемены? Ведь их же поколение пережило достаточно событий, перевернувших мир!

Я постоял, прислонившись к балюстраде. Есть нечто притягательное в том, чтобы смотреть сверху на бальный зал, который заполняют украшенные цветами лебеди. Признаюсь, в то мгновение, когда мы с Люси вместе спустились, улыбаясь и кивая, как полагается, при всех плюсах и минусах этого ритуала, я был счастлив оказаться его частью. Издалека мне махнула Серена, и меня это воодушевило.

– За каким столиком она сидит? – спросил я.

Люси проследила за моим взглядом. Мне не нужно было уточнять ей, о ком мы говорим.

– С матерью. Она в голубом. Беседующая пара в конце стола, похоже, Мальборо, а эта толстая, рядом с лордом Клермонтом, наверняка принцесса Дании. Насколько я помню, одна из крестных Серены.

Я решил туда не ходить.

Люси остановилась.

– А вон твой друг. Кует железо, пока горячо.

В нескольких ярдах от нас Дэмиан весело перешучивался с Джоанной Лэнгли.

Я не собирался спускать этого Люси.

– И твой друг тоже, насколько я понимаю, – язвительно произнес я, за

что заслужил извиняющийся взгляд.

За сплетничающей парой с кислым видом наблюдала трагическая фигура Джорджины Уоддила. Несчастливая Джорджина! Стиль, который шел всем без исключения, подавал ее в невыгодном свете. Она напоминала огромное белое бланманже. Цветы, прикрепленные к целой горе накладных локонов, походили на клочки бумаги, застрявшие в ветвях дерева. Я подошел к Дэмиану:

– Вещи у тебя с собой?

– Все в гардеробе, – кивнул Дэмиан и улыбнулся Джоанне. – Я сегодня у него ночую.

– Разве у твоих родителей нет местечка в Лондоне?

Подобными вопросами Джоанна время от времени выдавала себя. По крайней мере, показывала, что не входит в число столпов этого мироустройства. Даже глядя из дня сегодняшнего, я уверен, что у нее не было злого умысла – вовсе нет, но она не научилась щадить чужие чувства, избегая темы, которая могла оказаться деликатной. Отчасти так случалось, потому что, невзирая на большие планы, Джоанна не слишком интересовалась деньгами. Если бы выяснилось, что у родителей Дэмиана нет дома в Лондоне, поскольку это им не по карману, она не стала бы хуже о них думать. И значит, она обладала гораздо большей щедростью души, чем большинство из нас. Дэмиан, как обычно, остался невозмутим.

– Нет, местечка нет, – сказал он, не пускаясь в дальнейшие объяснения.

Тогда я еще этого не заметил, но Дэмиан никогда не сообщал о себе ничего лишнего, если ему не задавали прямой вопрос. И даже тогда информация выдавалась строго дозированной.

– Давайте лучше сядем. – Джорджине наконец надоело, что Дэмиана, как она выражалась, оккупировала мисс Лэнгли.

Я улыбнулся ее недовольству.

– Ты в этой группе? – спросил я Джоанну.

– С моей матерью? Конечно нет! – Джоанна тряхнула головой и засмеялась.

И я поймал себя на том, что слежу за движениями ее губ. Ее красота казалась мне гипнотически совершенной, словно я стоял рядом с кинематографическим идолом, проецирующимся на невидимом экране.

– Думаешь, она бы упустила шанс набрать себе собственных гостей? – Джоанна кивнула в сторону, и я увидел маленькую женщину, энергичную и деятельную, с большим количеством драгоценностей, которая тревожно смотрела в нашу сторону. – Надо идти, – сказала Джоанна и побрела прочь.

– Ты, наверное, тоже уходишь? – спросил Дэмиан. – Обо мне подумай!

Последние слова были прибавлены раздосадованным полусшепотом, достаточно громким, чтобы их уловила Джорджина, хотя не уверен, что она услышала.

– У тебя была возможность оказаться в другой группе. Мог бы быть на моем месте, если бы принял первое предложение.

Я не предпринял попытки скрыть эти слова от слуха Люси и не собирался, так что Дэмиан мог адресовать свой ответ ей.

– Цитируя мадам Греффюль, «Que j'ai jamais su», – произнес он.

Люси засмеялась. Но тут люди уже окончательно начали рассаживаться, и мы отправились в обратный путь к столику ее матери.

– Кто эта мадам, как ее там? – спросил я.

– Марсель Пруст захаживал на ее приемы, когда был молод. Много лет спустя ее спросили, что она чувствовала, принимая у себя в салоне такого гения, и она ответила: «Que j'ai jamais su!»

– «Если бы я только знала».

– Именно так.

Я молчал, размышляя о том, откуда Дэмиану известны такие тонкости. Как он догадался, что их поймет Люси? Позже я узнал, что это один из его талантов. Точно белка, он выискивал любые ненужные с виду крохи информации, например сейчас: поразительный факт, что Люси Далтон читала Пруста, – и приберегал их до поры до времени, когда они пригодятся, чтобы создать мимолетную магическую связь, которая отсечет всех остальных присутствующих и объединит его с объектом притязаний в их общий уютный клуб для двоих. Я видел подобный трюк в исполнении других, но редко с такими потрясающими результатами. Дэмиан всегда выбирал правильный момент.

– Пожалуйста, не говори мне, что ты удивлен, – улыбнулась Люси.

– Немного. – Я окинул взглядом толпу в сияющих белых одеждах, которая пододвигала себе стулья, болтая и смеясь. – Сомневаюсь, что многие тут читали Пруста.

– Если и читали, то не скажут. Присутствующие мужчины будут преувеличивать свои знания. Женщины – скрывать.

Надеюсь, что сейчас эти слова оказались бы неправдой, но тогда, боюсь, они были справедливы.

Люси наслаждалась моим озадаченным молчанием, пока я не прервал его.

– Я думал, тебе он не нравится, – проговорил я, как могло показаться, невпопад, но на самом деле вполне логично.

– Не слишком, – пожала плечами она. – Кто тебе сказал, что первым я

пригласила его?

– Он сам и сказал. А что? Это секрет?

– Нет. – Она посмотрела на меня. – Прости. Я должна была пригласить тебя раньше его. Наверное, я просто подумала, что ты и так уже идешь.

– Все правильно, – беззлобно кивнул я. – Не извиняйся. Почему тебе не просить его первым? Он намного красивее меня.

Это ее позлило, как я и рассчитывал, но возможность для ответного выпада была упущена. Мы уже подошли к их группе, и леди Далтон указала нам наши стулья. Меня посадили между Карлой Уэйкфилд и Кандидой.

Во время первой перемены блюд я разговаривал с Карлой о том, кого мы оба знаем там, где она и я учились, о наших планах на лето и о том, какие виды спорта нам нравятся, пока не унесли недоеденный лосось и не принесли неизменную курицу. Тут я повернулся ко второй соседке и сразу понял, что продолжать в том же духе не выйдет.

– У тебя хорошо получается, – заметила она, хотя сказано это было не то чтобы враждебно, но и не особо дружелюбно.

– Благодарю, – ответил я.

Кандида, конечно же, не собиралась меня хвалить, но, ответив на ее слова как на комплимент, я не оставил ей возможностей для маневра. Она сердито уставилась себе в тарелку.

Я попробовал более прямолинейный подход:

– Если тебе здесь не нравится, почему ты сюда пришла?

Кандида зыркнула на меня:

– Потому что тетя все сама устроила, не предоставив мне выбора. Она единственный мой родственник, кому небезразлично, жива я или умерла. И главное, потому что я не знаю, чем еще заняться. – Как обычно, обсуждая свою семью, она говорила с плохо скрываемым гневом. – Я под опекой мачехи с четырнадцати лет, и теперь из-за ее вывернутых представлений о том, чему должна учиться девушка, я осталась без образования, без профессии и совершенно не готова ни к какой работе. А теперь от меня ждут, чтобы я сама строила свою жизнь. Не знаю, что они имеют в виду. Моя кузина Серена говорит, что все наладится, если я буду знать в Лондоне больше людей. С этим я не спорю. Только тут не такие люди, которых я хотела бы узнать. – Презрительно фыркнув, она показала рукой на зал.

Тяжело потерять к восемнадцати годам обоих родителей, даже если Оскар Уайльд считал это небрежностью^[21].

– В какую школу ты ходила?

– Каллингфорд-Грэндж.

Едва ли я про такую слышал.

– Это в Хартфордшире?

Кандида кивнула:

– Такое место, где они беспокоятся, если ты слишком много читаешь, вместо того чтобы гулять на свежем воздухе. – Она закатила глаза, давая понять, что думает о странности выбора, сделанного мачехой. – Правила хоккея – ночью разбуди, расскажу. А литературе, математике, истории, искусству, политике или жизни там не учили.

Я верил ей, потому что описание было мне очень знакомо.

Мне кажется – дай бог не ошибиться, – что я происхожу из последнего поколения привилегированного класса, не занимавшегося образованием своих дочерей. Даже в 1968 году в Кембридже и Оксфорде существовали женские колледжи, но они, как правило, заполнялись дочерьми буржуазной интеллигенции. Девушки высшего света были там в диковинку, и единственная студентка, которую я помню из своего курса, после первого семестра вышла замуж за владельца замка в Кенте. Случались исключения, но эти девушки, как правило, происходили из семей, известных эксцентричной традицией давать своим женщинам образование, а не из обычных землевладельцев. Что до остальных, то родители экономили на всем, чтобы отправить мальчиков в Итон, Винчестер или Хэрроу, а их сестер препоручали какой-нибудь спившейся бельгийской графине, выдавая той единственное распоряжение: не беспокоить родителей.

Окончив школу, девушка могла провести год в пансионе, где совершенствовалась в языках и катании на лыжах. Еще год она выезжала в свет, после чего получала должность – украшала цветами кабинет правления компании, готовила обеды для директоров или работала у своего отца, – до тех пор, пока не обнаруживала мистера То Что Надо, который, если повезет, оказывался наследником лорда То Что Надо. Вот, собственно, и всё. При удачном стечении обстоятельств достойный Джон То Что Надо оказывался то что надо и для мамочки с папочкой, поскольку они, как и их родители, собирались одобрить выбор. В тридцатые-сороковые годы нашим матерям если и не навязывали мужа, то, по крайней мере, препятствовали браку, не одобренному родителями. У всех нас имеются истории о тетях и двоюродных бабушках, которых отсылали изучать живопись во Флоренцию, или погостить у родственницы в Шотландии, или учить французский в швейцарском горном шато, лишь бы отвадить их от злосчастной сердечной привязанности. И чтобы поклонники Барбары Картленд не обольщались, это, как правило, срабатывало.

Вовсе не хочу сказать, что все девушки, шедшие этой дорогой,

страдали. Многие из них были абсолютно счастливы. Первые годы замужества они проводили в некой части Лондона, которую их матери считали сомнительной, потом, если девушка сделала хороший выбор, она могла переселиться в большой дом в поместье свекра. «Нам с Физзи столько места не надо, мы и решили, что пора детям начать свою жизнь». У некоторых свекор оказывался несговорчивым и не желал съезжать, а у большинства не было дома, который они могли бы получить в наследство, поэтому молодая пара обычно покупала коттедж или сельский дом, а если дела в Сити шли отменно, то особняк в стиле королевы Анны в Глостершире, Оксфордшире или Саффолке. После этого свекор ходил на охоту и ругал политику, они вдвоем катались на лыжах и тревожились за детей, а свекровь занималась благотворительностью, принимала гостей, а если дела в Сити шли хуже, продавала искусственные драгоценности друзьям, которым было неудобно отказаться от покупки. И так пока не вырастали дети и пора было сперва переезжать в дом поменьше, а там уже и умирать. Но прежде чем пожалеть о них, стоит подумать, что вести такое существование не в пример приятнее, чем с трудом добывать себе пропитание в грязи степей Узбекистана.

Но что оставалось делать таким, как Кандида Финч? Она была явно умна, но ее внешность и манеры, мягко скажем, не могли возместить недостатка образования. И вряд ли стоило ожидать, что вот-вот появится какой-нибудь муж. Или много денег. Какие возможности оставались ей?

– Ты знаешь, чем бы ты хотела заниматься? – спросил я.

Она снова в раздражении закатила глаза:

– А что я могу?

– Я спросил, чего бы тебе хотелось.

Этого хватило, чтобы Кандида немного смягчилась. Как-никак это был искренний, заинтересованный вопрос.

– Пожалуй, я бы хотела попробовать себя в писательстве, но я не училась в университете. И не предлагай мне пойти учиться сейчас, мы оба знаем, что этого не будет. Сейчас уже слишком поздно, я все упустила. Можно было бы выпросить пару фунтов у крестных и попробовать опубликоваться за свой счет, но они должны быть готовы, что потеряют эти деньги, и все ради того, чтобы купить мне право говорить на приемах о моих книгах. Это самое большее, чего я могу достичь.

– Смотри, чтобы ты не поставила себе целью ничего не добиться, чтобы досадить мачехе. Насколько я понял из твоего рассказа, ей будет все равно, выиграешь ты или проиграешь.

Я побоялся, что зря сказал это, ибо наше короткое знакомство не

давало мне на это никакого права, но она рассмеялась.

– Это ты прав! – Голос ее стал теплее. – Ты хорошо смыслишь в таких вопросах.

Когда ужин закончился, по какому-то заранее условленному сигналу белоснежные дебютантки упорхнули, оставив за столами только родителей, молодых людей и случайно затесавшихся девушек-недебютанток, пестрых и угрюмых. Наступило время церемонии, ради которой мы пришли, и хотя не стану лукавить, что разделял восторги и ликующее ожидание собравшихся в зале матерей, нам, остальным, все же было любопытно. Сперва в центр бального зала выкатили невероятных размеров торт, футов шести-семи высотой, не иначе. Затем со своего места сурово и торжественно поднялась патронесса бала, подошла к торту и встала рядом. Мне помнится, что эту должность всегда занимала леди Ховард де Уолден, но могу ошибаться. Возможно, они по очереди выполняли свои обязанности с герцогиней Какой-То. Во всяком случае, это была крупная фигура на весах, измеряющих значимость в обществе. Иначе все теряло бы смысл. Ибо ее строгая, безупречная осанка, уверенность и достоинство коронованного монарха, которыми многие из этих женщин обладали от природы, в отличие от многих из дочерей, придавали действию солидность. Оркестр грянул, и все посмотрели вверх лестницы, где выстроились парами девушки этого года, ожидая сигнала. И вот они в медленном и размеренном ритме начали двигаться вниз, суровые, словно прислуживают на похоронах папы римского.

Они спускались, и огни играли на белых цветах в блестящих локонах, на длинных белых перчатках, на белых кружевах и шелке платьев, на светящихся, гордых, полных надежды лицах. Как только девушки доходили до подножия лестницы, каждая пара шествовала к тому месту, где стояла патронесса, приседала в глубоком придворном реверансе и продолжала путь дальше. Не все они выглядели в самом выгодном для себя свете. Джорджина, пока неуклюже ковыляла до твердой почвы, напоминала Годзиллу в саване. Но у большинства девушек в их одинаковости виделось нечто неземное. Шестьдесят обликов ангелов Монса^[22], спустившихся облегчить скорбь тех, кто собрался внизу.

Не исключено, что к этим выводам я пришел уже сейчас, оглядываясь на все прошедшее, но именно в тот момент я осознал, что событию, свидетелями которого мы стали, жить остается недолго. Всего несколькими поколениям еще суждено принять участие в этом действе и ему подобных. Мечта наших родителей любыми силами сберечь для своих детей частичку старого, довоенного мира была химерой, а я наблюдаю лишь начало конца.

Забавно – и вы, возможно, мне даже не поверите, – но это было потрясающее зрелище. Как и все четкие, синхронные процессии, эта завораживала своим видом. Девушки подходили и подходили, пара за парой скользя по лестнице, опускались в низком реверансе и двигались дальше. И все происходило перед гигантским тортом. Может быть, в рассказе это звучит нелепо. Абсурдно. Даже смешно. Но на самом деле вовсе не казалось таковым. Могу лишь добавить, что я там был и все это не вызывало смеха.

Проход завершился. Девушки прошли обряд посвящения, их статус дебютанток этого года утвержден, и пора было начинать танцы. В противоположность своей недавней торжественности оркестр заиграл мелодию, стоявшую в те дни на вершине хит-парада, «Simple Simon Says», одну из тех утомительных песен, которые содержат множество назойливых указаний для слушателя: «Вместе руки поднять, а теперь помахать» – и так далее, но, будучи безнадежно пошлой, она прекрасно разряжала обстановку. Люси уже танцевала с другим мужчиной из нашей группы, и я пригласил Кандиду. Мы вышли на середину зала.

– Что за человек, с которым ты разговаривал перед обедом? – спросила она.

Мне не было нужды следить за направлением ее взгляда.

– Дэмиан Бакстер, – ответил я. – Он остановился у меня в Кембридже.

– Ты должен нас представить.

Тогда-то я впервые столкнулся с самой пугающей частью репертуара Кандиды. Каждый раз, едва она находила кого-то привлекательным, с ее стороны следовал дикий, вроде маорийского приветственного танца, ритуал, который она считала кокетливым. Кандида закатывала глаза, фыркала, раскачивалась вперед-назад, сопровождая это оглушительным хохотом, больше приличествующим пьяному рабочему, а не выходящей в свет молодой девушке. Будем откровенны, достаточно часто это поведение приводило к желаемым целям, поскольку в сути предлагаемого не оставалось никаких сомнений, а выбором в те дни мы не были избалованы. Но вряд ли такая манера помогала установить серьезные связи, и к исходу сезона Кандида заработала репутацию доступной девушки. На меня непосредственно это шоу никогда обращено не было, так как я Кандиду совершенно не интересовал, но даже для наблюдателя из зрительного зала оно выглядело пугающе.

Следуя за ее голодным взглядом, я оглянулся и увидел Дэмиана, стоящего в центре небольшого, но восторженного скопления. Там была и смеющаяся Серена Грешэм с Карлой Уэйкфилд и еще парой девушек,

которых я не знал. Джорджина держалась с краю, на своем обычном месте обиженного свидетеля чужого веселья. Потом я заметил, что там же стоит Эндрю Саммерсби и миссис Уоддилав настойчиво, но безрезультатно пытается втянуть его в разговор или, точнее, пытается вовлечь его в разговор с дочерью. Но ни тот ни другая не поддавались, видимо, за отсутствием интереса с обеих сторон. Один мой приятель из Атланты называет подобного рода светское времяпрепровождение перекачиванием грязи буровым насосом. С другой стороны стола за ними наблюдала женщина постарше, вероятно из числа гостей миссис Уоддилав, но я ее не узнал. Необычный персонаж даже в той компании. У нее было капризное лицо деревянной куклы. А из-за странного сочетания неестественно темных волос, больше свойственных уроженцам Бенидорма, чем старой доброй Англии, и пронизывающих бледно-голубых глаз, испещренных зелеными и желтыми пятнышками, облик ее был несколько безумен: что-то от Лиззи Борден^[23], что-то от хищного горноста. Она сидела не шелохнувшись и слушала вялый разговор, но неподвижность ее таила скрытую опасность: зверь, застывший, но готовый к прыжку.

– Кто это стоит напротив миссис Уоддилав и Эндрю Саммерсби?

Кандида оторвала жадный взгляд от Дэмиана и посмотрела в указанную сторону:

– Леди Белтон, мать Эндрю.

Я кивнул. Мог бы и догадаться, судя по тому, что его сестра Аннабелла Уоррен тоже стояла среди девушек в группе Уоддилавов. Я оглянулся на Madame Mère^[24], которая проводила смотр войскам. О леди Белтон мне доводилось слышать, но до этого вечера я не видел ее. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в справедливости ее репутации.

Графиню Белтон не любили, потому что человеком она была неприятным. Глупа, чванлива до безумия и беспредельно высокомерна. Ее нельзя было назвать ни тщеславной, ни экстравагантной, но в своей невзрачности она доходила до такой крайности, что это уже переставало быть добродетелью. В тот вечер графиня была одета словно с витрины благотворительного магазина Сью Райдер в Уэст-Хартлпуле. Впоследствии я узнал ее лучше и возненавидел, но сейчас уже не могу объяснить почему. Возможно, ее решительное нежелание подчиняться нынешним временам придавало ей ощущение внутренней правоты. В моей памяти леди Белтон резко выделяется среди матерей того года, хотя тогда я еще не познакомился с ее многострадальным мужем, который всегда находил отговорку, чтобы не вмешиваться. И еще я перекинулся парой слов, не

более того, с лордом Саммерсби, их скучным и бестолковым старшим сыном и наследником. Но и не зная ничего этого, я сразу увидел, что мать Джорджины ведет себя слишком откровенно, а избранные ею цели безнадежны.

Глядя, как она вспыхивает улыбками в адрес каждого и пытается завладеть интересом своей дочери, Кандида произнесла вслух то, что я подумал:

– Мечтайте дальше, миссис Уоддилав!

Кандида была права. Безнадежная фантазия. Самому непредвзятому наблюдателю было очевидно, что предубеждения леди Белтон никогда не позволят ей одобрить союз с такими, как Уоддилавы, хотя при этом она преспокойно могла есть и пить в тот вечер за их счет. У леди Белтон и в мыслях не было породниться с ними, даже если бы девушка блистала красотой. Разве что в деле будет фигурировать сумма, примерно эквивалентная совокупному национальному долгу стран Африки. А юноша, похоже, был неспособен к самостоятельному мышлению, и в этом я оказался прав. К несчастью, Джорджина была не из того типа женщин, что пробуждают безрассудную любовь.

Мы потанцевали еще. Как хорошо воспитанный мальчик, я пригласил на танец свою хозяйку леди Далтон – традиция, повсеместно соблюдавшаяся в те дни, но теперь почти забытая. Для меня в этой практике всегда было нечто комичное: ты ведешь женщину средних лет, она жалеет, что это не фокстрот, а ты не дожدهшься, когда это все закончится, рука невесомо лежит на жестком корсете, который обычно чувствуется под тканью вечернего платья, но, как ни забавно мне было, я жалею, что ушла традиция танцевать с родителями друзей. В нашем все более и более разобщенном обществе она выстраивала между поколениями мостик, а ни одним из уцелевших мостиков пренебрегать не стоит.

– Вы знаете, что будете делать, когда окончите университет? – спросила меня леди Далтон, пока мы равномерно переминались на паркете.

– Не особо, – покачал я головой. – Нет еще.

– Значит, у вас нет какого-то заранее predetermined примера?

И вновь я ответил отрицательно.

– Нет поместья, которое достанется мне в наследство, как нет и семейного бизнеса, который бы меня поглотил.

– Чем занимается ваш отец?

В те времена, в конце шестидесятых, этот вопрос звучал на грани неприличия, поскольку английские аристократы еще продолжали делать вид, что профессиональная деятельность человека представляет небольшой

и только личный интерес. Но понятно, что леди Далтон в тот момент вела активные поиски.

– Он дипломат. Но даже если я захочу пойти по его стопам, министерству иностранных дел больше не нужны такие, как я.

Это было отчасти правдой. Если бы я был каким-то исключительным кандидатом, могло бы сложиться по-другому, но что касается регулярного набора, министерство, всегда бывшее королевством в британском королевстве, в шестидесятые годы решило, что эпоха посла – благородного джентльмена закончилась и поэтому необходимо набирать на дипломатические должности более низкие сословия, видимо, чтобы к ним серьезнее относилась послевоенная интеллигенция. Или это был способ сменить политическую ориентацию. Получившиеся сорок лет спустя результаты такой политики вышли противоречивыми еще и потому, что ее не поддерживали на материке. Сегодня на британского посла в мировых столицах смотрят как на чудака и зарубежные коллеги, и высшее общество города, в котором он оказывается. Можно было бы подумать, что эта политика пагубно сказалась на возможностях нашего закулисного влияния. Но может быть, на то и был расчет.

Леди Далтон кивнула:

– Как интересно будет увидеть, что с вами со всеми станет!

Тут музыка закончилась, и я проводил леди Далтон обратно к столику. Она была славной женщиной, и дружеские отношения связали нас сразу, как наши дороги пересеклись, но с того момента она полностью потеряла ко мне интерес.

Около часа ночи руководитель оркестра, подойдя к микрофону, велел нам выбрать себе партнеров для галопа, и мы поняли, что вечер подходит к концу. Когда я наблюдаю за современным поколением, мне кажется совершенно невероятным, что мы, принимавшие активное участие в жизни в «бушующих шестидесятых», немало балов заканчивали этой старинной пляской. В отличие от шотландских рилов, которые тоже составляли часть программы большинства вечеров, галоп всегда шел последним танцем и на самом деле был всего лишь поводом показать, насколько вы пьяны. Надо было схватить самую невзрачную девушку и промчать ее по залу, натываясь на всех, едва попадая в ритм громкой незатейливой музыки, падая, что-то выкрикивая и всячески демонстрируя, какой вы славный малый. Излишне напоминать, что уровень подобного танца оставлял желать лучшего, и порой тоска брала от вида визжащих провинциальных девочек, с распрямившимися локонами, часто с порванными платьями и тающей под румянцем и потом косметикой. Но как бы то ни было, мы, те,

кто от души веселился в шестьдесят восьмом, протанцевали галоп, и Бал королевны Шарлотты закончился до будущего года.

Квартира моих родителей находилась на первом этаже высокого дома в Уэзерби-Гарденс на улочке, идущей от Саут-Кенсингтона до Эрлс-Корта. В те дни это было примерно как от рая до ада, и моей матери казалось немаловажным, что квартира находилась существенно ближе к первому, чем ко второму. Сейчас оба конца улочки ценятся на вес золота. И так же, как в лондонском доме Далтонов, бывшую столовую викторианской семьи, для которой был построен дом, разделили на гостиную, прихожую и, в нашем случае, на кухню. Комната, бывшая некогда, скорее всего, библиотекой, превратилась в маленькое темное и довольно тесное помещение, где мы завтракали, обедали и ужинали. А из очаровательной утренней комнаты, выходящей на принадлежащий квартире садик и начинающийся за ним огромный общественный парк, общий для всего квартала, сделали две спальни, разделив шаткой стеной так, чтобы каждой спальне досталось по половине двустворчатой двери и по солидному куску окна. Мои родители, как и многие другие представители их поколения, отличались удивительной нетребовательностью к жилью. Когда позже, в семидесятых-восьмидесятых, мы все принялись сносить стены, переносить ванны и благоустраивать чердаки, родители, особенно отец, взирали на все это с удивлением и чуть ли не ужасом, считая, что если бы Бог хотел видеть эту полочку на другом месте, Он бы устроил, чтобы так было, и кто такой мой отец, чтобы вмешиваться в планы Провидения? Довольно странно, если вспомнить, как их предки в XVIII и XIX веке без колебаний сносили древние фамильные дома, чтобы построить на их месте нечто более модное. Может быть, виновата привычка военного времени экономить на всем и обходиться тем, что есть.

Я уже лег и заснул, когда меня вытащил обратно на грань реальности настойчивый звонок в дверь. На мгновение этот звук принял форму звона церковного колокола, в который по какой-то странной причине звонил Уильям Эварт Гладстон, но затем я проснулся, а звон не прекратился.

Вид у Дэмиана был крайне виноватый.

– Прости, пожалуйста. Надо было попросить у тебя ключ. Но я подумал, что ты, может быть, захочешь идти с нами продолжать?

– Куда?

– Да мало ли. – Он беспечно пожал плечами. – Мы заглянули в «Гаррисон» выпить, потом съели по сэндвичу с кофе в домике на той стороне Челси-бридж.

Так повелось, что в течение года мы проделывали это довольно часто.

Юноши и девушки в вечерних нарядах на рассвете стояли вместе с байкерами в очереди за сэндвичами с беконом, которые продавали в маленькой деревянной будке под громадной электростанцией. Славные были ребята эти мотоциклисты, обычно дружелюбные. Наш ухоженный внешний вид их больше веселил, чем задевал. Пусть у них все будет хорошо.

– На этом все закончилось?

– Не совсем, – улыбнулся Дэмиан. – Завершилось в доме Клермонтов.

– На Миле миллионеров.

– Рядом с Кенсингтонским дворцом.

– Да, это там, – кивнул я.

Каким же шикарным и подтянутым выглядел Дэмиан. Можно было подумать, что он собирается выходить, а не возвращается после, скажем так, долгой ночи.

– Вы много успели. Как вам все удалось?

– Серена предложила, – снова пожал плечами Дэмиан, – и я решил, почему бы и нет.

– Вы разбудили ее родителей?

– Маму – нет. А отец спустился и попросил нас поменьше шуметь. – Дэмиан незаметно окинул взглядом гостиную.

– Хочешь выпить? – предложил я.

– Ну, может, один бокальчик. Если ты ко мне присоединишься.

Я налил два бокала виски с водой.

– Льда положить?

– Мне – нет.

Он быстро учился.

– Куда делась Джорджина? Она была с тобой?

Дэмиан едва смог сдержать смехок:

– Нет, слава богу! Даже врать не пришлось. Они отвозили домой леди Белтон и Эндрю, и миссис Уоддилава не дала Джорджине потихоньку ускользнуть.

Что-то в этом всем было очень неправильное.

– Бедняжка Джорджина! Боюсь, она в тебя чуть-чуть влюблена.

На этот раз он все-таки рассмеялся:

– Многим приходится нести эту ношу.

Мне подумалось, что в том возрасте, в котором мы тогда находились, иметь подобную уверенность в себе – это блаженство. Дэмиан принял зависть в моих глазах за оттенок неодобрения и тут же принялся меня убеждать:

– Ну перестань. Я выманил ее на Бал королевы Шарлотты. При всех будущих встречах я буду с ней дружелюбен. Ты же не можешь требовать от меня жениться на ней, потому что она первой позвала меня в свою группу.

Этого я, разумеется, требовать не мог.

– Просто не обижай ее, – предупредил я и провел его по коридору к тесной комнатке, которая обычно служила мне спальней. Но родители были за городом, и я решил спать у них в комнате. – Ты этого ожидал? – спросил я, когда мы уже закрывали двери. – Или осуждаешь?

– Не знаю, чего я ожидал, – задумавшись, ответил Дэмиан. – И я не вправе осуждать... Есть один момент... я постоянно замечаю его и, наверное, завидую. – (Я ждал.) – Вы все принадлежите к некоему сообществу, пусть даже трудно его описать. Вопреки мифу, вы не всегда знаете друг друга, да и не всегда любите. Но у вас есть некое чувство общности, которого нет у меня.

– Может, еще появится.

– Нет, – покачал он головой. – Пожалуй, мне этого и не хочется. Разве что ненадолго. У меня есть подозрение, что еще до конца сезона принадлежать некой общности буду я. А ты – не будешь.

Именно так и произошло.

Глава 4

Не могу с определенностью сказать, рассмеялся я или заплакал, услышав, что Люси Далтон выходит замуж за Филипа Ронсли-Прайса. Это было в конце семидесятых. Помню только, что для меня это оказалось потрясением. Удивительно нелеп он был не только из-за своих грубых и неуклюжих ухаживаний за Люси или за любой другой девушкой, которая соглашалась его выслушивать. Он уже родился нелепым. У него было плоское лицо, словно карнавальную маску уронили на дорогу и по ней проехался тяжелый грузовик. Землистая кожа была почти оливковой, но, как ни странно, не придавала его облику экзотичности. Он напоминал захворавшего средиземноморского лифтера, с круглыми влажными глазками, потонувшими в волнах морщин, – два яйца, жарящихся в жире. Очень скоро после помолвки я был приглашен на свадьбу и принял приглашение, но проходила церемония как-то натянуто и скомканно. Утратившая свою обычную жизнерадостность леди Далтон целовала гостей, вереницей проходивших мимо нее. Все традиции были соблюдены: старинная сельская церковь, шатер на лужайке, блюда малоаппетитных закусок, довольно неплохое шампанское, – но все как-то без особого оживления. Даже речи произносились формально. Единственное, что запомнилось, – это когда престарелый дядюшка Люси забыл, где находится, и обратился к нам как к соратникам по общему делу, хотя какое дело, по его мнению, нас объединяло, так и осталось тайной.

Все стало понятно, когда в самом начале следующего года Люси разрешилась девочкой. Некоторое время я потом виделся с этой семьей на неформальных ужинах, где собирались девушки вроде нее и юноши вроде меня, но задолго до того, как «Настольная книга Слоун-Рейнджера»^[25] дала этому племени имя и характеристику. В мои дни их называли девушками в жемчугах, а нас – великосветскими оболтусами. Но я всегда был невысокого мнения о Филипе, даже когда балы отошли в прошлое и все мы начали немного взрослеть. Он был из таких людей, кто умудряется сочетать полную никчемность с невероятным высокомерием, и в конце концов жизнь понемногу нас развела. Кроме того, они с восторгом приняли шестидесятые, бóльшая часть которых, как мы знаем, проходила в семидесятых. Как и многим другим, им пришлось искать способы справиться с разочарованием, настигшим их, как только стало ясно, что Эра Водолея так и не наступит. Они уехали из Лондона, а Филип

перепробовал несколько профессий, или, как он это называл, «начинал карьеру в разных областях». Недавно я узнал, что последним его делом стал какой-то фермерский магазин, который они с Люси открыли в Кенте. К тому моменту они уже попытались счастья в обслуживании банкетов, оказании услуг по приему гостей, продаже спортивной одежды и еще, кажется, во всевозможных вариантах строительных проектов, так что питать больших надежд в отношении Филипа и Люси не приходилось. Когда я позвонил ей в первый раз за тридцать лет, то даже сомневался, действителен ли еще указанный в списке телефонный номер. Но Люси ответила, и после того как мы перебросились несколькими дежурными шутками, я сказал, что на следующей неделе окажусь неподалеку от ее мест и мог бы заглянуть, возобновить знакомство. Мое предложение вызвало легкое замешательство. Затем Люси произнесла:

– Конечно. Это замечательно. В какой день ты хотел зайти?

– Как скажешь. Я подстроюсь под тебя.

Это было не совсем честно, но я подозревал, что если назову конкретную дату, это, как на грех, окажется тот единственный день, когда она занята. А при таком предложении не было иного выхода, как благородно сдаться.

– Только не рассчитывай на разносолы. На кухне я управляюсь не лучше, чем во времена последней нашей встречи.

– Я просто хотел взглянуть, как ты живешь.

– Польщена!

Судя по ее голосу, не слишком. Но тем не менее в следующий четверг я катил по узким дорогам Кента в сторону Пекхэм-Буша.

Я следовал по указанному маршруту: через центр, потом выехать из города и наконец по ухабистой дорожке свернуть в промежуток между двумя высокими изгородями на бывший двор фермы. Крупные вывески указали мне на ярко освещенный магазин и провели на парковку, где было предостаточно свободных мест, но старый фермерский дом с красной черепичной крышей стоял чуть позади этого деревенского торгового комплекса, и я остановился не на парковке, а перед домом. Из машины я вышел, только когда появилась Люси.

– Ну здравствуй! – сказала она.

Итак, мы не виделись много лет. Только при таких долгих перерывах можно заметить, насколько беспощадно время, и почувствовать разочарование, как я в тот момент.

Ее жизнь не всегда была такой. Я видел перед собой лишь усеченную версию ее образа времен нашей молодости. Люси была любимицей средств

массовой информации, одной из первых светских львиц – предвестниц культуры поклонения знаменитостям, которая вскоре захлестнула наше общество. Но главное, что в отличие от большинства девушек она в полной мере восприняла дух бушующих шестидесятых, пусть и не настолько безоглядно, чтобы пугать матерей своих сверстниц. Она носила мини-юбки чуть короче, чем все, подводила глаза чуть темнее и изрекала фразы, которые заставляли журналистов смеяться. То одобряла этих славных грабителей поездов, то вдруг объявляла Че Гевару самым сексуальным в мире мучеником. Однажды ее попросили рассказать о радостном мгновении в ее жизни, и она ответила, что это было, когда на Пи Джей Проби^[26] лопнули джинсы, – ее слова стали заголовком в «Ивнинг стандарт». Это был тихий бунт, подрыв принципов общества светских гостиных, одобрение ценностей, которым суждено было уничтожить ее мир, но сопровождавшееся лукавой усмешкой. Это производило фурор и укрепляло репутацию Люси, и во время сезона в «Татлере»^[27] появлялись ее фотографии в рубриках, которые сегодня читаются как послания из «Земли, забытой временем»^[28]: «Дебютантки этого года», «Взгляните на моды», «Молодые законодатели традиций». Лорд Личфилд^[29] попросил разрешения сфотографировать ее и получил его. Помню, как после этого какая-то ныне забытая телевизионная личность – понятие настолько новое, что звучало забавно, – пригласила ее на свое шоу. Разумеется, по настоянию матери Люси приглашение отклонила, но сама просьба подняла ее популярность.

От всего этого озорства и веселья на представшем передо мной печальном, усталом лице не осталось и следа. Она по-прежнему носила волосы до плеч, но упругость их пропала, они стали жидкими, редкими и начали седеть. Одежда, прежде броская, сейчас выглядела поношенной: старые джинсы и рубашка, обшарпанные туфли. Прикрыть наготу, не более того. Даже косметика лишь равнодушно обозначала принадлежность к женскому полу.

– Входи, – кивнула в сторону дома Люси.

После такого начала я с некоторым облегчением убедился, что время не обратило ее к домовитости. Можно было подумать, что в прихожей террористы только что взорвали бомбу, которая разнесла все семейные пожитки на новые и необъяснимые места. Бывает такой беспорядок в доме, который нельзя объяснить одной ленью его обитателей. В создание этого хаоса вносят лепту своего рода гнев, протест против ценностей мира, и за него я был готов сделать Люси комплимент. Судя по виду, внутри дом

был отделан в худший период семидесятых, с гнетуще яркими стенами, коричневыми с оранжевым, на них висели рамки с постерами незаслуженно разрекламированных фильмов, с массой тростниковой мебели и индийских тканей. Кухня, как и следовало ожидать, была обита сосновыми панелями, а горизонтальные поверхности выложены керамическими плитками, стыки между которыми почернели от копоти. По стенам было развешано множество полочек, где беспорядочно скопились разрозненные кружки, фотографии детей, украшения, выигранные на каких-то допотопных ярмарках, страницы из журналов, уже неизвестно зачем вырванные. И грязь. Люси огляделась, воспринимая все свежим взглядом, как бывает, когда в дом приходит чужой человек.

– Ох! Прости, у нас сейчас с деньгами туго. Давай я тебе чего-нибудь налью, и пойдем отсюда.

Она порылась в большом холодильнике, нашла огромную полупустую бутылку «Пино гриджо» и, прихватив из шкафчика под раковиной два сомнительных мутных бокала, повела меня в комнату, которая когда-то, видимо, была опрятной гостиной жены фермера, жившего здесь раньше – до того, как мир перевернулся с ног на голову.

В гостиной грязь и запустение угнетали еще больше, чем в остальных комнатах, через которые мы прошли. Впечатления добавляли потертые вязаные коврики, разбросанные по громоздким разрозненным креслам и диванам, и кирпичная книжная полка, обшитая деревом. Над камином криво висел довольно симпатичный портрет молодой женщины 1890-х годов как неправдоподобное свидетельство бывшего статуса, пришедшее из иного времени и иного места. За выщербленную раму были заткнуты два приглашения и счет. Люси увидела, куда я смотрю.

– Это мне мама подарила. Она считает, что с портретом вид в комнате будет поприличнее, – пояснила она и поправила картину.

– Кто это?

– Кажется, прабабушка. Точно не знаю.

На мгновение мне представилась та далекая леди Далтон, возвращающаяся после верховой прогулки, переодевающаяся к обеду, обрезающая розовые кусты. Как бы она отнеслась к своей роли в этой мусорной корзине?

– Где Филип?

– Боюсь, что в магазине. Филипу его не оставить. Я покормлю тебя, потом вместе туда сходим, – ответила Люси и глотнула вина.

– Как идет торговля? – шутливо осведомился я, поймав себя на том, что стараюсь говорить с задором. Хотя трудно сказать, кого я хотел

подбодрить, ее или себя.

– Да нормально, – вяло улынулась она. – Мне так кажется.

Очевидно, еще один прожект Филипа был готов накрыться.

– Только вот магазин очень привязывает, – продолжила Люси. – Когда мы только собирались его открывать, я думала, друзья будут заходить поболтать, будем печь пироги и пить чай, а вышло иначе. Приходится стоять там часами, разговаривать с незнакомыми людьми, которые сами никогда не знают, чего им нужно. А когда заплатишь за все, ну, там, за товар, помощникам и так далее, остаются каких-то три пенса.

«Три пенса» она произнесла на старый манер: «трипнс». На секунду я почувствовал прилив ностальгии.

– Что вы будете делать, если придется закрыться?

– Даже не знаю, – пожалала плечами Люси. – У Филипа есть идея сдавать людям в аренду картины.

– Какие картины? Каким людям?

– Знаю, знаю. – Люси разбила мои попытки скрыть недоумение. – Мне тоже не понять. Он считает, что на этом можно неплохо заработать, но я не вижу как. Макароны будешь?

Я последовал за ней обратно в кишашую микробами кухню. Люси принялась доставать из холодильника мисочки с оставшейся от прошлого обеда потемневшей едой, двигать тарелки и с грохотом составлять вместе сковородки.

– Как мама? – спросил я.

– Нормально. Хорошо, – задумчиво кивнула Люси, словно этот вопрос уже почему-то ее долго занимал. – Ты знаешь, что они продали Херствуд?

– Нет, не знал. Сочувствую.

– Ни к чему! – Она решительно помотала головой. – Лучшее, что могло произойти. – Отчеканив это сурово, как указ русского царя, чтобы всем стало ясно, что никаких сожалений здесь быть не может, она позволила себе расслабиться и пояснить: – Это было года четыре назад, и в тот момент, конечно, все рыдали в три ручья, но других вариантов не было. Папа все подсчитал. И плюс еще в том, что теперь они совершенно свободны, впервые в жизни. Джонни унаследовать поместье никогда не стремился, так что... – Она задумалась, пытаясь найти еще не называвшееся слово, которое бы удачно подкрепило ее аргументы. Но не смогла. – Все хорошо.

Меня всегда удивляло, что пострадавшие от революции стараются продемонстрировать свою поддержку и одобрение перемен, которые их уничтожили. Видимо, это разновидность стокгольмского синдрома, при

котором жертвы начинают защищать своих похитителей. За последние несколько десятилетий мы такого видели и слышали немало, особенно от аристократов, решительно желающих показать, что они не отстали от остальных. «Нельзя цепляться за прошлое! – жизнерадостно восклицают они. – Надо двигаться в ногу со временем!» Но на самом деле оставшееся для них направление движения, после того как были опорочены и уничтожены их ценности, – это вниз.

– Где они живут? – спросил я.

– Неподалеку от Чейни-Уок. У них квартира в многоэтажке.

– А Джонни с Дианой? Что стало с ними?

За тот сезон я познакомился с братом и сестрой Люси, не слишком близко, но достаточно, чтобы улыбаться и целоваться при встрече.

– У Джонни ресторан. В Фулеме. По крайней мере, был. Когда я последний раз с ним разговаривала, мне показалось, что дела пошли как-то криво. Но он справится. У него всегда масса идей.

– Он женат?

– Разведен. Два мальчика, но они живут с его бывшей недалеко от Колчестера, и это ужасно. Поначалу мама всячески старалась поддерживать отношения. Но ты же понимаешь, что такое для детей несколько часов в поезде. Все, чего мальчики хотели, когда добирались до нее, – это вернуться домой. Сейчас она уже меньше настаивает, но говорит, что станет легче, когда ребята подрастут.

Люси принесла неаппетитные тарелки с желто-серыми макаронами и какой-то жижей сверху – кажется, кроличьи потроха – и торжественно поставила мою порцию передо мной. Все та же выдавшая виды бутылка «Пино гриджо» снова вернулась в игру.

– Что за человек была его жена? – спросил я, без энтузиазма взявшись за вилку.

– Герда? Скучновата, если честно, но не слишком. Скажем так, ничего особенного собой не представляла. Шведка. Они познакомились в Гластонбери. На самом деле она мне, в общем-то, нравилась, и весь разрыв прошел очень цивилизованно. У них просто не было ничего общего. Сейчас она замужем за нейрохирургом, и это, пожалуй, расклад получше.

– А Диана?

Я всегда считал, что старшая сестра красивее Люси. Она была похожа на молодую Дебору Керр и в отличие от своей неистовой сестры обладала неким душевным спокойствием, необычным для человека ее возраста. Мы все считали, что она удачно выйдет замуж, и, к неподдельному восторгу своей матери, у нее, когда мы общались, были серьезные отношения с

наследником графства на юге Шотландии. Правда, с тех пор я слышал, что в конце концов ничего из этого не вышло. Я заметил, этот вопрос проделал брешь в броне Люси, и понял, еще до того, как мне рассказали, что и здесь тоже не все в порядке. Похоже, со всеми Далтонами время обошлось сурово.

– Боюсь, у Дианы сейчас дела неважные. Она тоже развелась, но у нее все прошло довольно жестко.

– Я знаю, что она не вышла замуж за Питера Бервика.

– Да. К несчастью. Хотя я никогда не думала, что это скажу. Он всегда был такой чванливый и утомительный, когда они вместе выходили в свет, но сейчас, оглядываясь на эту пропасть времени, я думаю о нем как о потерянном рае. Муж Дианы был американцем. Его ты вряд ли знаешь. Я бы тоже с удовольствием не знала, если бы это было возможно. Они познакомились в Лос-Анджелесе, и он все время обещает вернуться туда, но до сих пор так и не вернулся. К сожалению.

Внезапно мне в красках вспомнилось, как Диана Далтон засмеялась над шуткой, которую я рассказал ей. Мы сидели рядом в обеденном зале Херствуда, готовясь ехать на бал, проходивший где-то неподалеку. Она в этот момент пила и от смеха выплонула все прямо на колени ни в чем не повинного лорда-лейтенанта, сидевшего по другую руку от нее.

– Дети у нее были?

– Двое. Но сейчас они, конечно, уже взрослые. Один в Австралии, второй работает в кибуце под Тель-Авивом. Это неприятно, потому что с тех пор, как она попала в Прайори^[30], все заботы легли на меня и маму.

Еще одна фраза – и я бы закричал. Бедная леди Далтон! Бедный сэр Мармадюк! Чем они заслужили эту месть фурий? Когда мы в последний раз с ними виделись, они были идеальными представителями класса, который правил империей. Они управляли поместьями, играли важную роль в жизни графства, шокировали деревню, но в целом исполняли свой долг. И я прекрасно знал, что для своих детей они мечтали примерно о таком же будущем. Их мечты ничем не походили на то, что произошло с ними в реальности. Мне вспомнилось, как на Балу королевы Шарлотты леди Далтон осторожно допытывалась о моих видах на будущее. Какие прекрасные браки она распланировала для двух своих дочерей, хорошеньких, веселых и родовитых! Неужели от Вселенной ubyло бы, сбудься хотя бы одно из ее желаний? Но вместо этого через сорок лет все здание семейства Далтон – если представить все века их истории в виде крепости – рухнуло. Деньги закончились, а то немного, что осталось, скоро приберут нерадивый сын и безрассудный зять. Это если последние

остатки не уйдут на оплату больничных счетов. И каковы же их преступления, раз они заслужили подобное наказание? Родители не поняли, как справиться с изменениями, которые несли с собой годы, а дети, все трое, верили в песню сирен из шестидесятых и вложили все в дивный новый мир, который им коварно пообещали.

У дверей послышался шум.

– Мам! Ты купила?

Я поднял глаза. Там стояла девушка лет двадцати. Она была высокая и могла бы показаться красивой, если бы ее не окутывала завеса гнева, не уродовали досада и нетерпение, словно мы беспричинно заставили ее ждать. Не в первый раз меня поразили еще один побочный продукт социальной революции последних четырех десятилетий: в наши дни родители нередко принадлежат к совершенно другому общественному классу, чем их дети. Это явно была дочь Люси, но говорила она с южнолондонским акцентом, резким и неблагозвучным, а косички и грубая одежда могли бы заставить стороннего наблюдателя решить, что девушка ведет тяжелую борьбу за выживание в неблагополучном районе, а не проводит выходные с дедушкой-баронетом. Поскольку я познакомился с Люси, когда она была примерно в этом возрасте, могу свидетельствовать, что они обе словно родились в разных галактиках. Почему родители мирятся с этим? Или просто не замечают? Не есть ли желание привить подрастающему поколению привычки и традиции своего племени одним из основных императивов в животном мире? И это явление затрагивает не только высшее общество. Повсюду в современной Британии родители воспитывают кукушат, пришельцев из чужих краев.

На меня вновь прибывшая не обращала никакого внимания. Она была озабочена единственно получением ответа на свой вопрос.

– Ты купила, мам? – Слова пронзительно звенели в воздухе.

– Купила, – кивнула Люси. – Но у них были только синие.

– Ну вообще!..

Я пишу «ну вообще», хотя на самом деле это было, скорее, «ну-вы-ще». Она говорила, как Элиза Дулитл, до того как ее взял в обучение Хиггинс.

– Я розовую просила! Я тебе сказала, что хочу розовую!

Вернее, «хчу ро-о-зы-ва-ю».

Ровный, терпеливый голос Люси даже не дрогнул.

– Розовых у них не осталось, поэтому я решила, что синяя лучше, чем ничего.

– Вот и не надо было! – Девушка резко развернулась и пошла наверх,

кряхтя и громко топая.

– У тебя есть дети? – повернулась ко мне Люси.

– Так и не женился, – покачал я головой.

– Сейчас одно с другим не всегда связано! – рассмеялась она.

– В общем, да.

– Они порой с ума сводят. Но без них, конечно, никак.

Мне подумалось, что без только что состоявшегося выступления я бы обошелся с легкостью.

– Сколько у тебя?

– Трое. Маргарет старшая. Ей тридцать семь, и она замужем за фермером. Потом Ричард, ему тридцать, пытается пробиться в музыкальном бизнесе. И вот эта, Китти. Неожиданно получилась.

Нетрудно догадаться, что старшая представляла для меня особый интерес.

– А у Маргарет брак удачный?

– По-моему, да, – кивнула Люси. – Муж у нее, по правде сказать, не подарок, но никто не совершенен, а он, по крайней мере... надежный. Ей, кажется, именно это и важно.

«Ну хоть так», – подумал я.

– У них четверо детей, и она продолжает вести бизнес. Не представляю, как справляется, но у нее раз в шестьдесят больше энергии, чем у любого из нас.

Над столом замаячил призрак Дэмиана.

– Значит, у тебя были большие перерывы. Я про детей.

– Да. Это безумие! Только подумаешь, что больше не придется греть бутылочки и возить за собой детские кровати, как все начинается сначала. Двадцать лет каждый раз, как мы загружали машину, чтобы уехать на выходные, мы напоминали беженцев, пытающихся выбраться из Праги, пока не нагрянули русские! – засмеялась она, вспомнив себя. – Я, конечно, не собиралась так рано начинать, но когда Маргарет... – Она оборвала себя на полуслове, и ее смех превратился в неловкое хихиканье.

– Когда Маргарет – что?

Люси бросила на меня стыдливый взгляд:

– В наши дни люди не обращают внимания на такие дела, но, когда мы поженились, она уже была на подходе.

– Не хочу тебя расстраивать, но большинство из нас еще тогда прикинули, что здоровые дети редко рождаются пятимесечными.

– Конечно, – кивнула она. – Просто тогда о таком не говорили. А потом все забылось. – Люси помолчала, затем подняла на меня взгляд. – Ты с кем-

нибудь видишься из наших тогдашних общих знакомых? Откуда вдруг возник такой интерес?

– Не знаю. – Я постарался как можно невозмутимее пожать плечами. – Взглянул на карту и увидел, что проезжаю как раз мимо твоего дома.

– Но с кем ты продолжаешь поддерживать связь?

– Сейчас я совсем в другой среде, – покачал я головой. – Я писатель. Меня приглашают на приемы издателей, на викторины ПЕН-клуба и на вручение премии за самый плохой секс в беллетристике. Дни светских бесед с графинями из Камберленда для меня остались в прошлом.

– Так ведь и для всех они остались в прошлом?

– Иногда хожу на охоту. Когда пригласят. Если какой-нибудь раскрасневшийся майор нетвердой походкой подойдет ко мне через весь зал и скажет: «Мы, кажется, учились с вами в одной школе?» или «Вы ведь приходили на бал к моей сестре?» – то отвертеться не удастся. Меня всегда до потери дара речи потрясает, что я принадлежу к одному поколению с этим скучным надравшимся стариканом. – (Люси молчала, чувствуя, что я уваливаю от темы.) – Но на некоторые знакомые лица иногда натыкаешься. Недавно видел на благотворительном балу Серену.

Кажется, я смог подтвердить невысказанные подозрения.

– Да, я так и думала, что ты, наверное, видишься с Сереной.

– На самом деле не вижу. Практически нет.

Люси удивленно подняла брови, и я, чтобы сдвинуться с мертвой точки, отважился произнести:

– Кстати, совсем недавно видел Дэмиана Бакстера. Помнишь его?

Последний вопрос можно было и не задавать.

– Конечно помню! – Она переменилась в лице. – Я же там была, ты помнишь.

– Была, – подтвердил я.

– Да и все равно никто не забудет этого сердцееда года! – На сей раз в ее смехе прозвучала легкая горчинка. – Наверное, он сейчас ужасно богат.

– Ужасно богат и ужасно болен.

– О господи! – С Люси в момент слетела вся веселость. – Он поправится?

– Не думаю.

– Ох... – Эта новость загнала всю обиду обратно, и Люси стала рассуждать философски: – Когда-то я смеялась, вспоминая, как наши матери уводили нас от него подальше. Если бы они тогда знали, что он чуть ли не единственный из всех наших партнеров по танцам смог бы удержать этот корабль на плаву! Он женился?

– Да, но женат был недолго, и его жену ты не знаешь.

Люси помолчала, осозная услышанное:

– Он мне страшно нравился.

Мне начало надоедать собственное напускное неведение.

– Откуда тебе было знать, что так обернется, – сказал я.

– Все потому, что к тому моменту ты уже начинал его ненавидеть. Мне не хватало смелости сказать тебе. Я тебя расстроила?

– Немного. Ты всегда делала вид, что тебе он неприятен так же, как мне. Даже до того случая. Еще когда мы с ним были друзьями.

Через это возражение Люси с легкостью перешагнула.

– Это было давно. – Из философского ее тон стал меланхоличным. И тут же, словно устыдившись мимолетной слабости, она собралась с духом. – Я бы вышла за него замуж, если бы он сделал мне предложение.

– Что бы на это сказала твоя мать?

– А мне все равно. На самом деле был момент, когда мне, может быть, пришлось бы заставить его силой. – Она негодуя хмыкнула вслед этим словам. Я ожидал продолжения. – Когда я забеременела Маргарет, то точно не знала, от кого она, – усмехнулась Люси.

Я чуть не ахнул. Неужели мне удалось забить гол с первого же удара? Лишь огромным усилием я заставил себя молчать и дать ей закончить рассказ.

– На тот момент мы с Дэмианом уже почти не встречались. Но потом был один эпизод, однажды днем в Эшториле... – смущенно хихикнула она. – Вы все были на террасе, а я тайком сбежала и... – Видимо, вид у меня был неодобрительный, потому что Люси иронично фыркнула. – Это были шестидесятые! Мы уже говорили тогда «дитя природы»? Этот термин уже изобрели? Не помню. В общем, это про меня. Очень забавно, потому что Маргарет – самая правильная из моих детей. Нет, даже единственная правильная.

Ситуация была мне знакома.

– Наши родители часто говорили, что в любой семье есть проблемный ребенок, – ответил я. – Теперь, похоже, норма – когда есть один непроблемный. Если повезет.

– Ну вот, в нашем доме – это Маргарет! – рассмеялась Люси. – И это даже странно, потому что в детстве она нас очень напугала.

– Чем?

– Сердце. Так несправедливо, когда это случается с ребенком, правда? У нее началась такая штука, которая называется «семейная гиперхолестеринемия».

– Как-как?

– Я сама с месяц училась это произносить.

– Сейчас у тебя просто с языка слетает.

– Так оно всегда. Поначалу даже выговорить не можешь, а потом так поднатореешь, что хоть клинику открывай. – Люси на несколько секунд растворилась в воспоминании о том ужасном эпизоде своей жизни, который с тех пор не забылся. – Забавно. Сейчас я даже посмеяться об этом могу, но тогда все казалось таким жутким. Это значит, что организм вырабатывает слишком много холестерина, отчего в конце концов случается сердечный приступ, который человека убивает. Это сегодня слово «холестерин» – в каждой бочке затычка, но тогда оно звучало по-иностранному и пугающе. И раньше эта болезнь была стопроцентно неизлечимой. Первый доктор, который поставил Маргарет этот диагноз, в одной больнице в Стоке, считал, что и сейчас неизлечим. Так что можешь себе представить, что нам пришлось пережить.

– Что ты делала в Стоке?

– Сейчас уже не помню. А, кажется, у Филипа появилась идея возродить фарфоровую фабрику. Долго она не протянула.

Только что мне приоткрылась еще одна страница долгой и запутанной истории несостоявшейся карьеры Филипа.

– В общем, приехала моя мама, схватила нас в охапку и увезла к одному специалисту на Харли-стрит, и новости стали порадостнее.

– То есть к тому моменту, как Маргарет заболела, болезнь уже научились лечить?

– Вполне, слава богу! – кивнула Люси, заново переживая испытанное когда-то облегчение. – Но совсем недавно, буквально года за четыре до нашего визита. Мы долго не могли оправиться от шока. Несколько месяцев жили в страхе. Помню, однажды ночью я проснулась и вижу, что Филип склонился над ее кроватью и плачет. Сейчас мы об этом не заговариваем, но каждый раз когда я на него сержусь, то вспоминаю ту минуту и прощаю его. – Люси замаялась, борясь с голосом совести. – По крайней мере, стараюсь простить, – прибавила она.

Я кивнул. Легко было понять, почему она прощает его. Филип, рыдающий по своему невинному ребенку в полутемной детской, был не только намного благороднее, но и в тысячу раз содержательнее, чем бальный фанфарон, которого я знал.

– Но что мы никак не могли понять, – продолжала Люси, – это почему нам все говорили, что это только наследственное, но ни он, ни я не знали, чтобы в наших семьях встречалось такое заболевание. Расспросили

родителей, разузнавали – никаких следов. Но так или иначе, мама нашла нам чудесного доктора, и как только мы начали лечиться, все прошло. – Люси помолчала. Видимо, на эту территорию она отваживалась заходить нечасто. – Я порой думаю, что, может быть, страсть Маргарет к простой, обычной жизни возникла оттого, что ей грозило так рано эту жизнь потерять. Ты не согласен со мной?

Вся эта речь имела непосредственное отношение к делу, которое привело меня в Кент, но не успел я произнести и слова, как почувствовал, что у двери кто-то есть.

– Здравствуй, незнакомец!

Там стоял помятый, обрюзгший мужчина, лишь отдаленно напоминающий юношу, которого я знал как Филипа Ронсли-Прайса. В дни нашей зеленой молодости Филип ходил на молодого и гораздо более симпатичного и бойкого актера Бэрри Эванса, известного тогда по фильму «Here we go round the mulberry bush»^[31], где он изображал одного из нас, человека, который хотел быть современным, но не знал как. Таких людей много в любое время, что и обеспечило Эвансу популярность. К сожалению, его звездная карьера продлилась недолго. Бывший актер был найден мертвым в компании пустой бутылки виски в возрасте пятидесяти двух лет, последние три из которых он водил такси в Лестере. Припоминаю, что от полиции требовали расследования обстоятельств смерти Эванса, анализа улик, среди которых числились обрезанные телефонные провода и прочие странные детали, что не на шутку тревожило его родственников, но полиции было наплевать. Полагаю, их решение было бы иным, если бы несчастный мистер Эванс погиб в зените славы.

Глядя на Филипа, стоящего в дверном проеме, трудно было избавиться от мысли, что выпавшая ему судьба обошлась с ним почти так же жестоко. На нем были древние, все в пятнах, плисовые брюки, потертые мокасины и клетчатая рубашка с обтрепанным воротником. Очевидно, старая одежда была отличительным знаком этой семьи. Как и я, он набрал вес и начал лысеть. В отличие от меня Филип приобрел рябое, покрасневшее лицо пьющего человека. Больше всего его выдавал потухший, усталый взгляд глаз, напоминавших яичницу-глазунью, – весьма характерный для людей, родившихся в благородном семействе, но опустившихся. Он протянул мне руку с усмешкой, которая, видимо, казалась ему лукавой:

– Рад тебя видеть, старик! Что занесло тебя в нашу дыру?

Он взял мою ладонь и пожал ее тем безжалостным, заставляющим собеседника морщиться рукопожатием, которым пользуются такие люди, как он, в тщетной попытке убедить, что от них еще многое зависит. Люси,

только что так романтично распространявшаяся о муже, теперь негодовала, что ей не дали договорить.

– Что ты тут делаешь? Мы бы сейчас пообедали и пришли. Кто в магазине?

– Гвен.

– Одна?! – Тон стал резким и назидательным. И предназначался не только Филипу, но и мне.

Явным намерением Люси было показать мне, что ее муж – ни в чем не разбирающийся болван. Всего минуту назад ее захлестнул трогательный пафос облика заливающегося слезами отца, но сейчас ей важно было продемонстрировать, что их жизнь пошла наперекосяк вовсе не по ее вине. На первый взгляд такое поведение нелогично и противоречиво, но встречается нередко. Их брак дошел до той стадии, когда жена, а возможно, и муж могли проявлять снисхождение и благородство по отношению к другому в его отсутствие, но при физическом присутствии своей второй половины начинали срываться. Этот эмоциональный парадокс нередко встречается в культурах, где развод до сих пор считается проявлением слабости. Даже сегодня высший класс и верхи среднего класса находят, что страдать от несчастной личной жизни, по крайней мере признаваться в этом, – банально и пошло, поэтому на публике, да и с близкими друзьями говорить необходимо так, будто все связанное с семьей у них блестяще. Для большинства из них самое предпочтительное – поддерживать легенду при условии, что рядом нет никого, чье присутствие может испортить спектакль. Обычно все придерживаются этой линии поведения, вплоть до критического момента. Он может оказаться для окружающих весьма неожиданным, так как среди них часто вращаются множество пар, с виду вполне довольных жизнью, и вдруг внезапный телефонный звонок или приписанная на рождественской открытке строчка внезапно оповестит окружающих о разводе.

– Справится! – кивнул Филип в ответ на ее строгий вопрос. – Больше часа никого не было.

В этом незатейливом отчете о состоянии его бизнеса звучало смирение и безнадежность. Необходимое в этой сфере деятельности лицедейство отняло у Филипа всю энергию. Он был в состоянии стоять за прилавком, но с восторгами расписывать свою каторгу было выше его сил. Он взял с буфета ложку и полез в кастрюлю с макаронами.

– Люси говорит, ты теперь писатель? Я что-нибудь мог из твоего читать?

Это был особый способ обороны – через попытку умалить меня и мои

занятия, но не верю, что сделано было по злему умыслу. Филип подозревал, и подозревал справедливо, что я не одобряю его, и показывал, что сохраняет за собой право не одобрять меня. Всякому человеку моего круга и моего поколения, решившему зарабатывать на жизнь искусством, это отношение знакомо. В юности наш выбор профессии все, и родители, и друзья, считали полнейшим безумием, но пока мы пробиваемся, наши более трезвомыслящие современники рады подбадривать нас, и сочувствовать нашим начинаниям, и даже подкармливать. Беда приходила, когда мы, работники цеха искусств, достигали успеха. Сама мысль о том, что мы можем зарабатывать деньги или, хуже того, зарабатывать больше денег, чем наши взрослые и благоразумные знакомые, была сродни дерзости. Они-то избрали скучную дорогу, чтобы обеспечить себе стабильность. Но обеспечить стабильность, по пути наслаждаясь радостями жизни, – это безответственность, заслуживающая порицания.

– Вряд ли, – улыбнулся я. – Потому что если бы ты что-нибудь читал, то наверняка запомнил бы, кто автор.

Филип поднял брови, глядя на жену, словно шутливо намекая, что я капризный артист, которому надо потакать.

– Люси читала кое-какие твои книги. Насколько я понимаю, она очень высокого о них мнения.

– Я рад. – Мне неудобно было комментировать, что его замечание делает предыдущий его вопрос неуместным.

Мои слова утонули в молчании. Вокруг словно все остановилось, и мы трое это чувствовали. Такое часто случается, когда старые друзья собираются вместе после многолетнего перерыва. Перед встречей они представляют себе, как произойдет нечто взрывное и увлекательное, но потом оказывается, что перед ними унылая группа людей старше средних лет, у которых уже нет ничего общего. Семейство Ронсли-Прайс проделало большой совместный путь, я прошел свой, и сейчас мы были всего лишь трое незнакомых людей на очень грязной кухне. Кроме того, я должен был получить нужную информацию, прежде чем считать свое путешествие оконченным, а получить ее, пока Филип с нами, я не мог. Группу пора было разбивать.

– Покажете мне магазин? – спросил я.

Последовала пауза, в воздухе повисло нечто невысказанное. Полагаю, это было всего лишь мужское стремление Филипа представить себя как равного мне в достижении жизненного успеха, что даже при моих достаточно скромных достижениях могло оказаться непростой задачей, когда я увижу его бизнес своими глазами. Или, может быть, это Люси

внезапно поняла, что после совместно проведенного дня я увезу с собой впечатление, будто у них не все идет гладко. Большинство из нас питает затаенное желание, чтобы сверстники видели нас преуспевающими, но сейчас эти желания Люси оказались под угрозой.

– Конечно, – помолчав, все же кивнул Филип.

Меня не удивило, что магазин оказался бестолковым. Знаменательно, что его разместили в бывшем загоне для скота, переделанном на скорую руку и без должных вложений. Непременные деревянные прилавки и полки навевали бодрый, хотя и натужный оптимизм. Яркие разноцветные объявления над ними неестественно крупными красными надписями от руки объявляли о дух захватывающем разнообразии товара: «Свежие овощи! – кричали они. – Домашние джемы и конфитюры!» Но в этом навевающим зевоту пустом помещении они приобретали гнетущий и жалкий вид, как у человека, который одиноко сидит за обеденным столом в бумажном колпаке. Пол был дешевый, потолок плохо покрашен. Как я и предвидел, весь магазин был забит предметами, которые никто в здравом уме не захочет купить. Помимо консервированных паштетов из дикого кабана или гусиных крылышек, там были устройства, не дающие вину в холодильнике потерять аромат, и шерстяные стельки для рыбалки. Подарки для рождественских чулок, которые мог купить и подарить только тот, кто ничего не знает об этой традиции. Мясной прилавок выглядел особенно непривлекательно, даже для такого плотоядного существа, как я, и начисто отбивал охоту исследовать его подробнее. Единственный покупатель расплачивался за цветную капусту. Если не считать его, в магазине было пусто. Мы молча озирались.

– Вся беда от этих «моллов»! – Филип растянул последнее слово, неуклюже изображая американский акцент в попытке обратить свою тоску в шутку. – Понастроили их. Не угнаться за ценами, только в трубу вылетишь.

Я задумался, говорить или нет, что в трубу они, похоже, вылетят в любом случае.

– Везде говорят, что люди сейчас беспокоятся об экологии, им важно, где выращены продукты, но... – Он вздохнул.

Вместо задуманного ироничного пожатия плечами у Филипа бессильно сторбилась спина. Искренне признаюсь, что в тот момент мне было его невероятно жаль. Не важно, что раньше я его недолюбливал. В конце концов, мы ведь были знакомы очень долго, и я не желал ему зла.

Известно, что суровые периоды истории характеризует не структура рынка, не амбиции, которыми движим новый владелец фабрики или новая

хозяйка гостиницы, не новый прорыв на театральных подмостках и не новый триумф на политической сцене. Все это не меняется от эпохи к эпохе. Иным становится уровень инерции жизни, протекающей за ярким и строгим фасадом. В более мягкие времена, как те, на которые пришлась моя молодость, во всех социальных классах, на каждом уровне общества люди скромных способностей могут легко плыть по течению. Для них найдется работа. Им устроят жилье. Чей-то дядюшка похлопочет. Чья-то матушка замолвит словечко. Но когда обстоятельства становятся жестче, то, как сейчас, выигрыши крупнее, но путь тяжелее. Слабаков выталкивают локтями, пока они не упадут и не соскользнут в пропасть. И неквалифицированных рабочих, и нерасторопных землевладельцев одинаково сминает система. Они не могут с ней совладать и оказываются сброшенными с дороги. Одним из тех, кто оказался на обочине, был Филип Ронсли-Прайс. Подсознательно он считал, что бравада поможет ему удержаться, что у него есть шарм и связи и все получится, как бы он ни решил прожить жизнь. Увы, связи оказались ненужными, шарм – фикцией. Сейчас ему под шестьдесят, и никого не осталось в живых, кому было бы дело до того, пошел он ко дну или еще держится на плаву.

Я никогда не симпатизировал Филипу в молодости, но сейчас я пожалел его. Его раздавили наши «интересные времена», и подняться ему было уже не суждено. Впереди его ждали попытки хоть как-то свести концы с концами, коттедж в наследство от кузины и попытки сдавать его, надежда, что его упомянут в завещании, когда последняя тетушка прикажет долго жить, беспокойство о том, смогут ли дети выделять ему какую-то сумму регулярно. Только на это оставалось рассчитывать, и можно было лишь гадать, согласится ли Люси до конца все это с ним разделить. Зависело от того, какие еще ей представятся возможности. Мы оба все понимали, когда неловко пожимали друг другу руки на улице.

– Приезжай еще в гости, – сказал Филип, зная, что я больше не появлюсь.

– Приеду, – солгал я.

– Не жди следующего раза так долго. – И он ушел к своим просторным прилавкам и пустой кассе.

Люси проводила меня до машины. Я остановился:

– Ты добралась до исходной причины состояния Маргарет? – (Она озадаченно глянула на меня.) – Ты сказала, что заболевание наследственное, но ни с твоей стороны, ни со стороны Филипа не нашлось никаких следов.

– Именно. Конечно, меня одолевали самые мучительные подозрения.

Я все время думала, что надо было тщательно изучить медицинскую карту Дэмиана.

– Но ты этого не сделала.

– Нет. Я уже была готова во всем признаться и скрепя сердце предложить посмотреть его карту, но тут мы узнали, что от той же болезни в детстве умерла тетя Филипа, старшая сестра его матери. А его мать даже об этом не знала. И другие ее дети тоже не знали. Теперь ты можешь себе представить, каково нам было в те дни. Им всем просто сказали, что Отец небесный забрал к себе их сестру, потому что любил ее. И всё. – Она поморщилась.

– Как вы узнали?

– Просто повезло. Моя свекровь разговаривала со своей матерью, которой тогда уже, наверное, был миллион лет, и по какой-то причине свекровь рассказала ей о Маргарет. До того мы ничего не говорили бабушке о болезни, потому что не хотели ее волновать. Но на этот раз она наконец узнала правду, и у нее сразу полились слезы, как из пожарного крана, и она, плача, все и выдала.

– Бедная женщина!

– Да, бедная старая женщина. Конечно, она винила себя, и отчасти это ее и доконало. Мы все убеждали бабушку, что ее вины нет, что эта болезнь больше не убивает и так далее, но мне кажется, ей было уже все равно, – печально улыбнулась Люси. – Так загадка и разрешилась. Трагедия в том, что тетю легко могли спасти, правильно подобрав лекарства, но это происходило в двадцатых годах, когда все лечение сводилось к горячему питью и холодным компрессам, да еще выдирали железы прямо за кухонным столом. Но главное, что Маргарет с тех пор больше не болеет.

– Тебе не было жаль?

– Жаль чего? – На этот раз она и впрямь меня не поняла.

– Что она явно оказалась дочерью Филипа, а не Дэмиана.

Это было жестоко с моей стороны. Вряд ли ей легче будет жить и думать о рае, будучи запертой в преддверии ада.

Но Люси лишь улыбнулась, и на секунду из-под морщин проступила озорная женщина-ребенок, какой она когда-то была.

– Даже не знаю. В то время – нет, потому что вся драма разрешилась, и это было невероятным облегчением. Позже – может быть. Немного. Но пожалуйста, не выдавай меня!

Мы поцеловались, и я уже сел в машину, когда она постучала в окно:

– Если увидишь его...

– Да? – Я ждал.

– Скажи ему, что я помню его. И пожелай удачи в будущем.
– В том-то все и дело. Не думаю, что у него есть будущее. Если и есть, то не слишком долгое.

Это заставило ее замолчать, и, к моему удивлению, на секунду мне показалось, что Люси сейчас заплачет. Наконец она снова заговорила, мягче и нежнее, чем за все это время. А может, чем когда-либо в жизни.

– Тогда тем более. Передай ему мой самый-самый сердечный привет. И скажи, что я желаю ему только хорошего. Ничего, кроме самых добрых пожеланий.

Люси отступила назад от машины, и я кивнул. Судя по этому безыскусному панегирику, отношение к ней Дэмиана было далеко не таким, как я ему приписывал.

Собеседование закончилось. Я поставил ногу на акселератор и двинулся обратно к Лондону.

Дагмар

Глава 5

Ее королевское высочество принцесса Моравии Дагмар, невзирая на титул, обладала робким и застенчивым нравом. У нее была извиняющаяся, страдальческая манера держаться, словно она считала, будто постоянно всех расстраивает, и это, надо признаться, бывало справедливо. Всем нам было неловко, что мы любим ее меньше, чем стоит. Возможно, вы мне не поверите или отнесете это на счет моего исключительного снобизма, но крошечная принцесса и ее обширная мать, великая герцогиня, в те далекие и туманные дни производили на всех нас невероятное впечатление. Нет более восторженного апологета конституционной монархии, чем я, но долгие годы, которые августейшие семьи не сходят со страниц газет, неизбежно привели к некоторой девальвации идеи королевской крови. Публика пришла к мысли, что по большей части эти мужчины и женщины, часто славные, иногда умные, изредка физически привлекательные, не более примечательны, чем любой другой человек, за которым вы можете случайно встать в очередь в продуктовом магазине или в банке. Лишь ее величество по той причине, что никогда не дает интервью и не раскрывает своего мнения, сохранила ореол истинной тайны. Конечно, мы, публика, обожаем домысливать, каков мог быть ее ответ на тот или иной вопрос. «Ей это должно не нравиться», – говорим мы. Или: «Как ей будет приятно это услышать!» Но наверняка мы не знаем, и само это неведение завораживает.

Если можете себе представить, сорок лет назад нас пленял любой человек с подлинной королевской кровью в жилах. Я говорю не только о снобах. Пленял всех. Потому что мы ничего не знали, всему удивлялись, и блеск, который приносили королевские особы в публичные собрания, сегодня не уподобить ничему. Ни одна кинозвезда на пике успеха не может вызвать ликование, подобное нашему, времен пятидесятих-шестидесятых, когда мы обнаруживали в зале среди танцующих принцессу Маргарет. Или если на коктейльном приеме, войдя в зал, вы видели, что в углу с кем-то болтает герцог – двоюродный брат королевы, значит сегодня вы пришли в правильное место. Давным-давно, а точнее, в 1961 году, моя школа однажды целый час везла на автобусе по ухабистой дороге через Йоркшир всех мальчиков плюс тридцать музыкальных инструментов, чтобы мы торжественно приветствовали свадебную процессию герцога Кентского вдоль всего пути от Йоркского собора к дому невесты в Ховингеме. Шестьсот мальчиков, неведомо сколько автобусов, специально

репетировавший духовой оркестр – все для того, чтобы посмотреть на несколько машин, которые не остановились и даже, как я помню, не снизили скорость. Разве что, может быть, жених с невестой немного притормозили. По крайней мере, в моих воспоминаниях образ молодой герцогини стоит достаточно четко, остальные – нет. Оркестр играл, мы махали и яростно кричали «гип-гип-ура», кавалькада пронеслась мимо, лишь размытые фигуры, одетые от Молино и Хартнелла, и вот уже никого нет... Все мероприятие от начала до конца заняло пять минут, если не меньше. Мы забрались обратно в автобусы и вернулись в школу.

Так что в былые времена даже представитель второстепенного, низложенного королевского дома оказывал устроителям приема немалую услугу, приняв приглашение, и Дагмар не была исключением. Великогерцогский дом Моравии на самом деле не мог похвастаться древностью династии. Это была одна из искусственно придуманных фамилий, которые всю вторую половину XIX века великие державы ставили у власти в балканских государствах, по мере того как распадалась Турецкая империя. За эти годы немецких и датских, а в некоторых случаях и местных князей посадили на трон в Румынии и Болгарии, в Черногории и Сербии, в Греции и Албании. Одним из таких государств было скромное гористое государство Моравия, граничившее почти со всеми вышеперечисленными. Турецкий правитель окончательно покинул страну в 1882 году, и на его место решили поставить мелкого князька из дома Людингаузен-Анхальт-Цербстских, главным образом потому, что тот был крестным принца Уэльского. Трудно сказать, отражал ли этот выбор факт близкой дружбы британского принца с матерью мальчика в год его рождения, хотя дом Мальборо обратился к лорду Солсбери с личной просьбой предложить на этот пост принца Эрнста, продемонстрировав тем самым поддержку нашего правительства. Поскольку по площади страна ненамного превышала средних размеров поместье английского герцога, а дохода приносила гораздо меньше, было решено, что королевская корона здесь не подойдет, и в апреле 1883 года в местечке Класко территория была торжественно провозглашена великим герцогством.

Надо сказать, что супруга новоиспеченного великого герцога была не в восторге. До того момента она неплохо проводила время между домом в Вене и охотничьими угодьями в Шварцвальде и спустя два года продолжала писать другу, что ей мешает одна немаловажная для этой роли характеристика, а именно полное отсутствие желания жить в Моравии. Определенных успехов августейшая пара все же добилась. Удача их новой страны состояла в расположении на жизненно важном перекрестке

множества торговых путей. Это обеспечивало семье приглашения на каждое королевское празднество по всему свету, а также многообещающие предложения руки их дочерям, так что скоро в тесных душных детских исключительно неуютного дворца в столичном Оломоуце появились российская великая герцогиня, австрийская эрцгерцогиня и герцогиня Бурбон-Анжуйская. Сам дворец ненамного превосходил по размерам резиденцию декана во дворе собора в Солсбери, но содержать его было намного сложнее.

Как ни странно, великое герцогство Моравия дотянуло до самой эры джаза, но силы Сталина в сочетании с растущим сопротивлением монархической идее привели к падению династии. К 1947 году пребывание ее у власти закончилось, и моравская герцогская фамилия поселилась в пятиэтажном доме на Тревор-сквер, в районе достаточно приятном и расположенном неподалеку от «Хэрродс».

Но даже удобство покупок не могло возродить дух поверженного великого герцога, и через каких-то несколько месяцев он прекратил неравную борьбу. Как раз в этот момент его сын, последним в своей семье получив титул, освободившийся вследствие кончины августейшего родителя, принял смелое решение, которое серьезно уменьшило его шансы вернуть трон предков, но столь же серьезно увеличило шансы пожить в свое удовольствие. Заручившись великодушным, хотя и неохотным согласием своей овдовевшей матери, княгини младшей ветви Гогенцоллернов, он решил вступить в брак с единственной дочерью бизнесмена из Лидса, некоего Гарольда Свиндли, сделавшего состояние на организации самостоятельных туристических поездок. В последующие три года этот самый разумный из союзов благословило появление двух детей, один получил титул кронпринца Феодора, а другая – принцессы Дагмар.

Но для нас, а еще больше для наших родителей падение моравской династии произошло сравнительно недавно, и даже после возвышения мисс Мэрион Свиндли сияние настоящей короны не тускнело. Прошло всего лишь двадцать лет с их низложения, когда Дагмар стала появляться на наших приемах. Кроме того, коммунистический режим, пришедший на смену монархии, не пользовался популярностью, семья продолжала оставаться в списке приглашенных Букингемского дворца, и поговаривали, что в Испании грядет реставрация. В общем, сорок лет назад дело роялистов не казалось безнадежным.

Итак, новая великая герцогиня родила ребенка. Может, деньги семьи Свиндли и не слишком хорошо пахли, но их было вполне достаточно. И роль свою Мэрион усвоила очень хорошо, так что вскоре стала бóльшим

католиком, чем папа римский. Она никак не могла считаться красавицей, но, как, по слухам, однажды выразилась вдовствующая великая герцогиня, наблюдая за невесткой, тяжело топающей по гостиной, точно морпех на сборах: «Что поделаешь. Нельзя быть совершенным во всем». К тому же никто не мог бы сказать, что она с виду невзрачна. Это обеспечивали хотя бы ее габариты. И дурочкой она тоже не была. Что касается крепкого здравого смысла, от своего отца, благоразумно не показывавшегося на публике, Мэрион унаследовала больше, чем готова была себе признаться.

Несмотря на все поклоны и титулования, еще не отжившие в те времена, великая герцогиня понимала, что в послевоенном мире трон ее робкую дочь не ждет. Еще она не предвидела, какую брешь проделает в ее доходах муж, который желал жить по-княжески, но не намеревался работать ни дня, чтобы заработать хоть пенни. В душе Мэрион была здравомыслящая североанглийская девушка и прекрасно знала, что никакое состояние не уцелеет, когда расходы безграничны, а доходы ничтожны, и желала убедиться, что дочь устроена как можно выгоднее, пока позолота не стерлась. И несмотря на то что британские принцессы к тому времени не выходили в свет, а лишь изредка появлялись на приемах у самых близких друзей, Мэрион решила, что Дагмар будет участвовать во всех мероприятиях года. Тем самым девушка заработает себе положение в британском высшем обществе и, если повезет, завоюет один из его трофеев. Великая герцогиня – в отличие от многих, если не большинства королевских особ – примирилась также с тем, что для осуществления этих планов ей придется раскошелиться. К 1968 году, когда великий герцог вот уже четверть века напропалую сорил деньгами, это больше не было так просто, как когда-то, но, сказав «а», герцогиня намеревалась сказать и «б». Рад сообщить, что я оказался в списке приглашенных.

Образцом для этого приема стал бал герцогини Ричмонд – знаменательное событие 1815 года, состоявшееся в Брюсселе накануне Ватерлоо. Местом был выбран «Дорчестер» на Парк-лейн. Сегодня этот отель считается излюбленным местом кинозвезд и восточных коммерсантов, но в те дни он играл важную роль в жизни еще существовавшего высшего света. В назначенный вечер мы вошли – кажется, с самой Парк-лейн, через боковой вход, – и тема вечера стала понятна с того момента, как мы шагнули в вытянутый зал с довольно низкими потолками. Ливрейные лакеи стояли навтыжку, все современные надписи, такие как «Выход», были спрятаны под зеленью, и повсюду горели свечи. Сегодня такое запретили бы, но тогда никто на этот счет не беспокоился. Мы вроде бы заняли весь первый этаж отеля. На самом деле

это вряд ли возможно. Но в тот вечер казалось именно так. Мы, разумеется, приехали почти к одиннадцати, поужинали заранее, и шампанское, которое нам вручали в качестве приветствия слуги в белых париках, оказалось далеко не первым напитком за вечер. Надо помнить, что в конце шестидесятых хотя и считалось, что в подпитии садиться за руль не стоит, далеко еще было до того времени, когда подобные соображения стали существенно влиять на нашу жизнь. Вопрос: «Кто из вас сегодня пьет?» озадачил бы пришедшую поужинать пару, ибо ответ неизменно был бы: «Оба». Точно так же хозяйки не стеснялись просить своих друзей покормить их гостей ужином перед балом.

В разгар сезона, когда балы все чаще устраивались за городом, они подразумевали необходимость разместить гостей на ночь и фактически превращались в домашние вечеринки для незнакомых людей, которые в любое время суток в пьяном виде разъезжали по сельской местности на машинах. Но в Лондоне разобраться с этой задачей было легче. Порой можно было получить лестное приглашение присутствовать на ужине, устраиваемом родителями дебютантки вечера, но случалось это не так часто – по крайней мере, со мной. Чаще к вам в почтовый ящик прилетала изящная открыточка, гласившая, что ее отправительница прослышала о ваших планах присутствовать на балу, который устраивают для такой-то, и она будет весьма рада, если «вы сперва отужинаете у нас». По окончании подобного ужина, неплохо поднабравшись или уже навеселе, мы бодро садились в авто и отправлялись на место главной вечеринки. Эта система обладала очевидными преимуществами. Плюсом для молодых было то, что танцы длились бесконечно долго, так как до одиннадцати они еще толком не начинались. А благом для старших была прямая экономия. Родителям девушки – героини вечера обычно приходилось снимать зал, во всяком случае так было в Лондоне, и даже в провинции гости рассчитывали на шатры, если дом был недостаточно велик. Еще требовалась музыка и основательный завтрак по окончании всего, но, следуя этой системе, хозяева были избавлены от дополнительного бремени устраивать ужин и покупать вино на три-четыре сотни молодых голодных ртов. Неудивительно, что такая традиция несказанно радовала отцов семейств.

Оценив тщательность подготовки, я прошел в танцевальный зал. Там царила фантазия. В то время людей старшего поколения на подобные вечера приглашали мало. В их число входили крестные дебютантки, а также родственники и близкие друзья ее родителей, и, как правило, все они не принимали активного участия в происходящем, а разговаривали где-то в соседней гостиной, наблюдали, как танцуют дети, изредка отваживаясь

выйти и продемонстрировать несложный фокстрот или квикстеп, и довольно рано уходили отдыхать. Никто не рассчитывал, что они будут участвовать в вечере как полноправные гости: видеть танцующих родителей – пытка для молодых. Особенно это относилось к костюмированным балам, которые довольно скучны для всех, кто старше тридцати, и взрослые приходили на них просто в вечерних платьях, изредка – с какой-то игривой деталью в виде броши или украшения в волосах. Но на нынешнем балу все было иначе. Не знаю, из уважения к великой герцогине или из страха перед ней – видимо, все же последнее, – но каждый из присутствующих, стар и млад, был в карнавальном костюме. Весьма остроумно – возможно, следуя предварительному указанию сверху – некоторые матери и отцы специально выбрали наряды из более ранней эпохи, чем те, что были на детях. Глядя на мужчин в париках и с кружевными воротниками, на женщин с высокими напудренными прическами и с мушками – все как в 1780–1790 годах, – мы словно и впрямь возвращались в эпоху Регентства, и теперь старшее поколение уже того времени неодобрительно хмурилось, глядя на современную молодежь. Меня всегда забавляло, что стиль Версаля и королевы Марии-Антуанетты неизменно был популярен в качестве темы карнавалов у аристократов. Видимо, они забыли, что та эпоха плохо закончилась для привилегированных классов, многие представители которых оставили свои головы – вместе с париками – в корзине под гильотиной.

– Ты здесь кто?

Люси надела целомудренное белое платье в стиле Джейн Остин, с высокой талией и с ленточкой на шее, а мелкие накладные локоны были украшены белыми шелковыми розочками. Она выглядела скорее проказливо, чем невинно, но все равно была очаровательна.

– Я гусар! – с легким возмущением ответил я. – Мне казалось, это понятно.

– Брюки неправильные.

– Спасибо тебе за это большое.

Брюки и впрямь были неправильные, но остальную часть костюма я считал безупречной: ярко-красный, щедро украшенный галунами и с отороченным мехом ментиком, который висел у меня на левом плече и закреплялся под правой подмышкой. Я считал, что выгляжу потрясающе.

– Они только для тысяча восемьсот пятидесятого года неправильные. К тысяча восемьсот пятидесятому будут самое то. И вообще, это лучшее, что мне удалось раздобыть. В Лондоне уже поздно было искать, так что пришлось ограбить костюмерную Виндзорского театра.

– Оно и видно. – Люси остановилась и оглядела зал, который начинал наполняться людьми. – Где ты ужинал?

– На Честер-роу. У Харрингтон-Стэнли.

– Хорошо было?

– Еда – как на охотничьем обеде, который доставили в Лондон в ржавом контейнере, но вообще весело. А ты?

– У миссис Витков, – поморщилась Люси. – Знакомились с ее дочерью Терри. В новом французском ресторане на Лоуэр-Слоун-стрит.

– «Гаврош»?

– Да.

– Повезло!

Она посмотрела на меня взглядом, который раньше называли укоризненным.

– Ты знаком с Терри Витков?

– Еще нет.

– Вот и не надо.

– Откуда они? С Балкан?

– Из Цинциннати. Мисс Терри – это нечто... – Люси замолчала и кивнула, натянуто улыбаясь. – Осторожно: вон она.

Я обернулся. И сразу понял, что можно было не беспокоиться: Терри Витков ничуть не возражала быть предметом разговора. Судя по всему, она вполне привыкла находиться в центре внимания. Симпатичная девушка. Была бы даже красивой, если бы не чересчур выступающий нос и подбородок, как на очертаниях человека на диске Луны. В сочетании с пронизывающим взглядом и темно накрашенными глазами получался образ заключенного в бегах, лихорадочно оглядывающего зал в поисках то ли врага, то ли пути к отступлению. Сегодня она предстала куртизанкой эпохи Регентства, а не светской дамой из прошлого, как все присутствующие женщины. По большому счету она единственная в этом зале не могла бы оказаться в списке гостей настоящей герцогини Ричмонд. Терри подошла к нам, и нас представили друг другу.

– Люси рассказывала мне, что можно и что нельзя делать, проживая в Лондоне.

Терри говорила многозначительно и с придыханием, как человек, который хочет, чтобы каждый разговор с ним окружающие запомнили. Она то и дело одаривала всех сверкающими улыбками, демонстрирующими ряд восхитительно-белых, пусть и чуть крупноватых зубов, явно считая, что проявляет шаловливое девичье кокетство, но мне сразу стало понятно, что на самом деле Терри весьма серьезного о себе мнения.

– Кажется, я не все правила успела перечислить, – лаконично ответила Люси.

Но наша собеседница уже пустила ищущий взгляд по другим гостям.

– Который из них виконт Саммерсби? – спросила она.

Люси оглядела зал:

– Вон там. С блондинкой в зеленом, рядом с большим зеркалом.

Терри отыскивала его глазами и поникла.

– Почему они всегда выглядят как работники отдела борьбы с сельскохозяйственными вредителями? – вздохнула она. – А кто вот это?

Высокий и статный юноша, проходя мимо, улыбнулся ей.

– Бессмысленно. Денег нет. Перспектив никаких. – Люси четко усвоила приоритеты своей новой знакомой. – Умный, конечно, и метит в Сити. Может, что-нибудь из него и выйдет.

Но Терри покачала головой:

– На это уходит лет двадцать, а когда они туда проберутся, то тут же рады сменить тебя на молоденькую фотомодел. Нет. Я хочу, чтобы деньги у него были сразу, прямо сейчас.

– Но лорд Саммерсби все же не подходит, – понимающе кивнул я.

– Разве что пока не найду кого получше, – улыбнулась Терри.

Самое интересное, она не шутила.

Нестройная очередь медленно двигалась к хозяевам, которые, все четверо, стояли перед специально установленным богатым занавесом. Великий князь выглядел невеселым. Во всяком случае, он был худощав и болезненно бледен, особенно рядом со своей солидной супругой, и не припомню, чтобы я слышал от него хоть одно интересное замечание. Свой изысканный костюм – как я понял, изображавший герцога Ричмонда, – он ощущал с некоторым удивлением, словно его одевали под действием успокоительного. Может, так оно и было. Его сын, наряженный гвардейским офицером, неловко смотрел прямо перед собой. Он словно позировал для первых дагеротипов, когда требовалось не двигать головой четыре-пять минут, пока снимок не будет готов. Ничем не примечательное неровного цвета лицо излучало усталое, ни на кого конкретно не обращенное радушие.

Дочь Дагмар, хотя формально и была королевой вечера, выглядела испуганной и какой-то потухшей. Крошечная, футов пять ростом – правда, всегда говорят, что королева Виктория была ростом четыре фута одиннадцать дюймов и умудрялась управлять целой Европой. Но все же большинству людей такой человек представляется коротышкой, а значит, ему всю жизнь приходится смотреть снизу вверх. Стоя в тени своей матери,

она, перефразируя Ноэла Кауарда, казалась завтраком великой герцогини^[32]. Дагмар нельзя было назвать некрасивой, хотя ее миниатюрное болезненное лицо трудно описать или отнести к какому-либо типу. Миловидной Дагмар тоже не была, но крупные глаза приковывали внимание, а мягкие влажные губы оставались всегда полуоткрытыми и подрагивали, словно она вот-вот расплачется, и это трогало окружающих. Но она совершенно не умела себя подать. Так, ее прямые и очень темные волосы могли бы выглядеть эффектно, употреби она фантазию. Но Дагмар носила их распущенными, словно второпях вымыла и оставила сохнуть. Уж в день ее собственного бала можно было бы что-нибудь придумать, но, как обычно, никто не попытался. Платье соответствовало историческому периоду, но казалось скучным, и его лишь слегка оживлял тонкий синий пояс под едва наметившейся грудью. Дагмар выглядела так, словно за пять минут собралась идти играть в теннис, и была такой хрупкой, что крепкий порыв ветра мог бы в одно мгновение выдуть ее из окна и погнать по Парк-лейн.

Чего нельзя было сказать о ее матери. До сих пор не знаю, намеревалась ли великая герцогиня представлять историческую герцогиню Ричмонд. Было бы логично, памятуя о тексте приглашения, но выбранный ею костюм больше подходил императрице – Екатерине Великой, или Марии-Терезии, или какой-то другой единовластной правительнице империи. Метры шифона мягко раздувались во все стороны, целая река, поток пурпурного бархата, расшитого толстой золотой нитью, ниспадал с более чем пышных плеч до самого пола и лежал там мощными холмами, а горностаевая оторочка образовывала нечто вроде пьедестала для огромной, величественно возвышающейся фигуры. Грудь, выступающая, как морская скала, сияла бриллиантами, и сверкающая диадема, похожая на корону, поднималась над слегка увлажнившимся челом. Видимо, выставлены были все драгоценности, что остались от моравской короны либо взяты напрокат на вечер в цирке Барнума. Это было триумфальное шоу одного актера, и ни у кого из присутствующих не оставалось шансов, и меньше всего у несчастной Дагмар, которая, зная свою мать, наверняка ожидала чего-то подобного. Во всяком случае, пока гудящая толпа кружила вокруг матери, дочь не выглядела слишком потерянной, в отличие от великого герцога и кронпринца, кому, казалось, не терпится идти домой.

Объявили нас.

– Добрый вечер, мэ. – Я поклонился, и герцогиня с достоинством приняла изъявления моего почтения. Я прошел дальше, к ее мужу. – Ваше королевское высочество, – еще раз поклонился я.

Он с отсутствующим видом кивнул, возможно уносясь мыслями в некий давний дворцовый прием в темном пыльном Оломоуце. Оставив его предаваться воспоминаниям в одиночестве, я прошел в основную часть зала. Наверное, именно в тот вечер я понял одну мысль, подтверждение которой вижу сегодня повсюду: большинство представителей мира аристократии и даже мира королевских семей – те, кто не вышел из игры насовсем, – делятся на схожие, но на самом деле совершенно несопоставимые группы. Одни, знакомые всем по миллиону памфлетов, отчетливо понимают, что мир их юности и их предков изменился и больше не вернется, но продолжают его оплакивать. Повара и слуги, камеристки и лакеи, которые делали жизнь такой приятной, больше никогда не войдут сквозь завешенную зеленым сукном дверь, отправляясь по своим повседневным делам. Улыбчивые конюхи, в десять утра подводящие лошадей к входным дверям, шоферы, намывающие блестящие автомобили и почтительно выпрямляющиеся, когда заходишь к ним на двор, садовники, поспешно скрывающиеся с глаз долой при первых звуках домашней вечеринки, – вся эта армия, служившая удовольствию представителей высшего света, оставила нас. Аристократия из первой группы обычно знает, пусть и подсознательно, что уважение, которое они ощущают на себе в пределах своего круга, – мелкое и ненастоящее по сравнению с истинным почтением, оказывавшимся их родителям и дедам, когда благородное происхождение имело солидную и понятную цену. Они все это знают, но не знают только, что с этим делать, кроме как рыдать и пытаться прожить жизнь хотя бы с тем комфортом, который удастся обеспечить.

В эту категорию можно было смело поместить последнего великого герцога Моравии. Что-то в его равнодушной и безвольной любезности подсказывало, что он осознает правду. «Не вините меня, – словно говорил он. – Я понимаю: это абсурд. Знаю, что у вас нет никаких причин кланяться и расшаркиваться передо мной, что игра окончена, оркестр отыграл, но разве вы не понимаете, что я должен соблюсти форму? Нужно делать вид, будто я принимаю все это всерьез, иначе я подведу остальных». Эта мысль прямо висела над ним в воздухе. Встречается в той же группе и более отвратительная разновидность. «Может, все и закончилось, – сверкает в их безжалостных глазах, – но не для меня!» Они гордо вскидывают голову, запускают когти в своих богатых и предприимчивых товарищей и продают последние материнские драгоценности, чтобы это шоу протянуло хотя бы еще несколько лет.

Но другая категория отличается от них и по большей части скрыта для глаз широкой публики. Эти люди тоже обладают статусом, доставшимся им

от старой системы, и довольны им. Они гордятся высоким положением, своей историей и счастливы принадлежать к внутреннему кругу аристократической Британии. Стараются, чтобы на каждом крупном их приеме присутствовал хотя бы один член королевской семьи. Они – по крайней мере, мужчины – одеваются так, чтобы одобрили самые непреклонные консерваторы. Ходят на охоту, ловят рыбу, знают исторические даты и чужую генеалогию. Но постоянно лукавят: на самом деле они ничуть не пасуют перед устройством нового, более жестокого века, прекрасно разбираясь в его устройстве. Знают цену своего поместья и что скоро она снова поднимется. В полной мере понимают тонкости поведения рынков, что и когда покупать, что и когда продавать, как получить нужное градостроительное заключение, распорядиться сельскохозяйственными дотациями Евросоюза, иными словами – как заставить свое поместье и свое положение окупаться.

Они давно решили, что не хотят принадлежать к хиреющему клубу, бесконечно вздыхающему по лучшим дням, которые уже никогда не повторятся. Эти люди хотели вернуть себе влияние и даже власть, и если после шестидесятых это уже не могла быть чисто политическая власть – пусть так, они готовы найти иной путь. Они уже были ненастоящими: несмотря на происхождение, несмотря на дома и драгоценности, на гардеробы и собак, несмотря на то, что вслух они высказывали традиционные убеждения своего класса, они уже думали не так, как большинство их собратьев. Они принадлежали дню сегодняшнему и дню завтрашнему намного больше, чем дню вчерашнему. У них был ум и принципы, твердые, как у управляющего инвестиционного фонда. Но сами эти люди утверждали, что лишь они остались верными своему кругу, больше, чем пораженцы, ибо первейшая задача любого аристократа – оставаться на вершине общества. Бурбон или Бонапарт, король или президент – истинный аристократ понимает, кто сейчас у власти и перед кем следует склонить голову.

Сорок лет назад многое из этого оставалось для нас тайной. Старый мир получил сокрушительный удар в военные и послевоенные времена, и от этого удара ему вряд ли суждено было оправиться. Все в один голос оплакивали свой крах, и лишь много позже мы стали понимать, что не все мы в одной лодке. Некоторые семьи вовсе не катились по наклонной, что бы они в тот момент ни говорили. Во многих случаях это было мое поколение, тогдашние дебютантки и их братья, которые учились в университете или только-только начинали карьеру в Сити. Именно они про себя решили, что не обязательно тонуть вместе с кораблем, и принялись

искать способы выбраться обратно на сушу. Они и выжили, и к этой группе еще до того, как она оформилась, тяготела великая герцогиня Моравии, в отличие от своего супруга-фаталиста. Она хотела создать в новом мире плацдарм, с которого можно было отправить свою семью в новое наступление. Этим она мне нравилась.

Начиналась музыка. Музыканты заняли свое место на скромной сцене и заиграли кавер-версии тогдашней десятки хит-парада. Группа была не слишком знаменитой, но по крайней мере их показывали по телевидению, а тогда это восхищало гораздо больше, чем теперь. Пары сходились к дальней части длинного зала, где было место для танцев. Родители, рассеявшиеся в своих древних костюмах вдоль стен, в этой части праздника были уже не нужны, и некоторые из них, почувствовав это, поднялись и двинулись к дверям, ведущим к комнатам отдыха и бару. Мы с Люси вышли вперед, и тут я услышал какую-то суету, приглушенные восторженные восклицания и увидел Джоанну Лэнгли, окруженную всегдашней группой поклонников. Она великолепно изображала сестру Наполеона, принцессу Полину Боргезе. Ее костюм, в отличие от моего и от большинства остальных, был новым, видимо специально сделанным по портрету Давида. Правда, принцесса была бы нежеланной гостьей на балу, устроенном злейшими врагами ее брата. К тому же со своей современной целлулоидной красотой Джоанна неубедительно смотрелась в этой костюмной пьесе, однако лицезреть ее было наслаждением.

Группа чуть сдвинулась, и я с удивлением увидел рядом с Джоанной знакомую фигуру Дэмиана Бакстера. Он наклонился и что-то прошептал ей на ухо. Она засмеялась и приветственно кивнула мне, чем обратила на меня внимание Дэмиана. Я подошел к ним.

– Ты не говорил, что идешь сюда, – сказал я.

– До сегодняшнего дня не был уверен, что приду. А потом вдруг подумал: а какого черта! Вскочил в поезд – и вот он я.

– Ты не говорил, что тебя пригласили.

Дэмиан пригвоздил меня взглядом, уголки его рта дрогнули.

– А меня и не приглашали.

Я уставился на него. Что-то похожее на ужас барона Франкенштейна, когда его монстр впервые двинулся по собственной воле, пронеслось по мне.

– То есть ты вломился без приглашения, – подытожил я.

Вместо ответа, он таинственно улыбнулся.

Люси нас слушала:

– Как ты добыл костюм за такое время?

И что за костюм! В противоположность моему, с неправильными брюками и слегка потертыми рукавами, наряд Дэмиана выглядел так, словно был сшит на заказ модельером. Дэмиан решил быть не офицером, как большинство мужчин в зале, а денди, Красавчиком Браммелом, или Байроном, или кем-то в этом духе. Его торс обнимал хорошо подогнанный фрак, на ногах были надеты лосины и высокие начищенные сапоги, выгодно демонстрирующие его ноги. Ошеломительный платок белого шелка был обернут вокруг шеи и заткнут за парчовый жилет.

– Ему пришлось съездить в Виндзорский театр, и вот что ему там выдали, – кивнула на меня Люси.

– Бедолага! – Дэмиан оглядел меня. – Ну да ничего.

Все мои представления о том, что я выгляжу неплохо, увяли и рассыпались, а Дэмиан продолжал в той же легкой беззаботной манере:

– Я попросил одну мою знакомую в Артс-театре устроить мне костюм на тот случай, если я захочу пойти. Ей удалось вовремя его подготовить, что и помогло мне принять решение.

Еще бы, конечно удалось, подумал я. Какая-то несчастная девушка исколола себе пальцы до костей, стояла ночью над стиральной машиной, утюгом жгла руки. Еще бы! И какова была ее награда? Равнодушие Дэмиана. В этом я не сомневался.

Сегодня попасть на подобное мероприятие без приглашения было бы намного сложнее, чем сорок лет назад. Бесконечная забота о безопасности, свойственная нынешнему поколению, а также чересчур высокое самомнение вынуждают выставлять охрану, готовить списки, отмечать галочкой имена, указывать: «Пожалуйста, возьмите с собой это приглашение» – на любое собрание, чуть более важное, чем распродажа в «Теско». Но тогда все было иначе. Все руководствовались общим предположением, что люди, которых куда-то не пригласили, как правило, не пытаются прийти. Иными словами, то, на что полагался человек, желающий оказаться где-то без приглашения, и что от него требовалось для успеха, – это всего лишь настойчивость и выдержка, ничего больше. У Дэмиана их было предостаточно. Но у меня – нет, и я не хотел, чтобы увидели, как я разговариваю с человеком, которого в любой момент могут вышвырнуть. Сейчас, думая об этом, я презираю себя, но тогда я взял Люси под руку и потянул танцевать.

– Талантливый человек всегда пробьется! – засмеялась Люси.

Но я не готов был видеть в этом ничего веселого. Охваченный юношеским эгоизмом, я опасался лишь, что появление Дэмиана может как-то повредить мне.

Излишне говорить, что он бесконечно наслаждался происходящим. Как ребенок, который шалит, пока его не шлепнут, или игрок, который должен ставить, пока не проиграет, Дэмиан вовсю пользовался своим нежеланным приходом, пока не засекут охранники. Сперва он танцевал с Джоанной, словно чтобы оповестить всех о своем прибытии. Он был самым неотразимым мужчиной в зале, а она самой красивой женщиной в Европе, и они составили заметную пару. Остальные поворачивались посмотреть на них и восхищались, в их сторону косились родители, справляясь друг у друга об этом блистательном дуэте. Чуть позже, когда бал набрал полную силу, оркестр объявил восьмерной рил. Современному читателю может показаться курьезным, что мы танцевали шотландский рил на вполне обыкновенной вечеринке, не на каком-нибудь Каледонском фестивале и не на Ночи Роберта Бернса в Керколди, но это правда. На самом деле рил в тот год танцевали на большинстве балов, и, поскольку его шаги требовали свободного пространства, не слишком забитого танцорами, это был удачный способ сделать так, чтобы тебя заметили. Поэтому я не удивился, когда Дэмиан вышел вперед и занял свое место в одной из групп, подхватив под руку Терри Витков. Она сияла от удовольствия и лучезарно всем улыбалась, опираясь на руку настоящего бунтаря, и явно наслаждалась новообретенным статусом возмутительницы спокойствия. Позже я думал, не с этого ли вечера роль Дэмиана в обществе стала меняться от наблюдателя – ну или стремящегося влезть повыше «скалолаза», в зависимости от благожелательности вашей точки зрения, – к ниспровергателю устоев? От восторженного исследователя к вражескому диверсанту. Может, я опережаю события и в тот вечер все еще было неопределенно? Или он тогда уже решил, что всех нас ненавидит?

Глядя, как танцоры занимают места, и ожидая аккорда, который даст нам старт, я вдруг увидел, что Дэмиан с Терри – неплохая пара. Оба здесь чужаки, каждый по-своему, обоим есть чего ожидать в будущем и нечего терять в отживающем прошлом. У нее, как я полагал, были деньги – были, но меньше, чем мне тогда казалось, – а у Дэмиана деньги должны были появиться – и снова я не ошибся. Деньги у него появились. И намного больше, чем я думал. Почему бы этим двоим было не объединиться и не завоевать мир? Почему бы двум авантюристам не действовать совместными усилиями?

Моей партнершей оказалась невзрачная девушка откуда-то из-под Ньюбери, и мы, взявшись за руки с остальными танцорами, пошли по кругу. Бросив взгляд на Дэмиана, я поразился мастерству, которым он успел овладеть на этой столь недавно освоенной им территории. Он знал фигуры

и прекрасно их выполнял, а когда пришла очередь, он без тени смущения занял свое место в центре круга, держась прямо и исполняя различные части танца с грацией и достоинством, чем я похвастаться не мог. Он болтал с окружающими девушками и с другими мужчинами, и теперь он уже был частью их мира – всего лишь после пары коктейльных приемов и балов. Мы уже и забыли, что не знаем его.

После рила продолжила поп-группа, но Дэмиан не выказывал признаков усталости. Он перетанцевал с множеством девушек, в том числе с Люси Далтон и шумной краснолицей Кандидой Финч. Чуть было не пошел танцевать с Джорджиной Уоддилава, которая охотно предала бы родину, лишь бы побыть с ним рядом, но в то мгновение, как началась музыка, Дэмиан сделал вид, что у него закололо в боку, и вместо танца попросил Джорджину составить ему компанию выпить. Они вместе продефилировали в комнату, служившую баром, и я потерял Дэмиана из виду. Сейчас уже трудно в точности описать, какие чувства я испытывал к этому кукушонку, которого сам же подбросил в гнездо. У меня снова закралось сомнение, что Дэмиан скрывает более сложный план, чем мне сначала казалось, но я все же восхищался его дерзостью, особенно когда в тот вечер он вернулся в танцевальный зал. К моему удивлению и к восторгу тех присутствующих, подозревавших, что Дэмиан проник сюда незаконно, он появился в дверях под руку с хозяйкой, или, скажем так, с девушкой, которая, если бы не ее напористая мать, должна была оказаться звездой сегодняшнего вечера: принцессой Дагмар собственной персоной. Танец оказался медленный. Свет приглушили, оркестр заиграл, и прямо на глазах у своих гостей Дагмар обняла нарушителя обеими руками и прижалась своим крошечным личиком к его груди. Пока они обнимались, Дэмиан легонько ласкал ее распущенные волосы, потом заметил, что я за ним наблюдаю. Встретился со мной глазами – и подмигнул.

Беда, которая рано или поздно должна была прийти, случилась за завтраком, и это было чудо, что она так задержалась. Существовала традиция на любом частном балу ближе к окончанию подавать завтрак – он начинался примерно в половине второго. Угощение бывало разного свойства, и, откровенно говоря, до него не стоило досиживать, но великая герцогиня явно руководствовалась пословицей «назвался груздем – полезай в кузов» и заказала лучшую еду, которую смог предоставить отель, и это действительно было очень вкусно. Для нас выставили столы с подогревающимися блюдами яичницы с беконом, сосисок и грибов, и мы не выстраивались в очередь, а подходили группами.

Дэмиан стоял чуть впереди меня. Он, очевидно, уже сложил с себя

обязанности заботиться о Дагмар, которой нигде не было видно, и переключился на столь же значимый, а то и более серьезный трофей – Серену. Та была оживленной, как никогда, смеялась, болтала и склонялась к нему головой. Я еще тогда удивился, что они ведут себя как давние знакомые. Она была одета Каролиной Лэм в костюме пажа, скопированном со знаменитого портрета кисти Томаса Филипса, и, конечно, короткая бархатная курточка не скрывала ее роскошных ног в чулках и бриджах, а все остальные девушки по сравнению с ней казались одетыми чопорно и безвкусно. Стоящий рядом Дэмиан вполне убедительно подходил на роль Байрона, и, возможно, именно этот образ лежал в основе его костюма. Можно даже было заподозрить, что они это все спланировали, такая подходящая получилась из них пара. Серена была не столь прекрасна, как Джоанна Лэнгли – это никакой женщине не под силу, – но недостатки искупала утонченность черт. В общем, их пара превосходно смотрелась, и к Дэмиану снова оказались прикованы все глаза.

– Извините, сэр, но у вас есть приглашение?

Громкий голос с едва заметным акцентом Центральной Англии перекрыл все разговоры и завис перед нами в воздухе, будто чайка.

Вопрос прозвучал так неожиданно, что все невольно умолкли. Какая-то девушка замерла как вкопанная, держа в руке ложку, и свесившийся с нее кусок яичницы соскользнул и шлепнулся обратно на блюдо. Рядом с Дэмианом стоял какой-то человек в костюме, видимо управляющий или кто-то из служащих отеля. Стоял слишком близко, до неприличия. Так близко, что явно хотел этим выразить: он считает себя неотъемлемой частью этого места, этого зала, этого отеля, а Дэмиана Бакстера – нет. На самом деле истина была не столь однозначной. Большинство присутствующих знали, что у Дэмиана нет приглашения, но он пробыл на вечере так долго, что к тому моменту для большинства этот аргумент стал уже исключительно формальным. Дэмиан не устроил беспорядка, не напился, никому не нагрубил – не сделал ничего того, почему люди опасаются непрошенных визитеров. Кроме того, он лично знал многих гостей. Он правильно выбрал костюм и пришел как друг. Танцевал, разговаривал и даже пригласил на танец девушку, в честь которой устроен бал. О чем мы говорим?! Чего еще им надо? Ответ, понятно, был: предъявить приглашение. Дэмиан покраснел, чего с ним, кажется, больше никогда потом не случалось.

– Послушайте, – мягко начал он и примирительно дотронулся до серого шерстяного рукава управляющего.

– Нет, сэр, это вы послушайте. – Голос становился все громче, и

новость распространилась уже по всему залу. Из соседнего танцевального зала сюда, в комнату для завтрака, стекались пары посмотреть, что происходит. – Если у вас нет приглашения, я должен попросить вас уйти.

Стряхнув с себя руку Дэмиана, управляющий нерасчетливо попытался ухватить его за локоть, но Дэмиан оказался проворнее и изящно, как танцор, отскочил назад, чтобы освободиться. В этот момент Серена, единственная среди всех, решила вмешаться. Я трусливо молчал и неимоверно ею восхищался.

– Я буду рада поручиться за мистера Бакстера, если это имеет какое-то значение.

Судя по выражению лица управляющего, поначалу никакого значения это не имело.

– Меня зовут леди Серена Грешэм, и вы найдете меня в списке гостей.

Весьма примечательно, что Серена упомянула свое социальное положение, чего никогда не делала, разве что ей бы грозили вырвать язык. Тем, кого там не было, трудно понять, но шестидесятые – странный переходный период в плане отношения к титулам. Я, конечно, имею в виду настоящие, потомственные титулы. Потому что в тот момент нашей истории никто не представлял, как может повернуться их будущее. Примерно к 1963 году было достигнуто негласное условие всех сторон о том, чтобы больше не создавать титулов. В те времена бытовало убеждение – за пределами аристократических кругов, естественно, – что мир меняется и скоро, может быть очень скоро, статус личного пэрства намного превзойдет статус наследственного. То есть главенствующее положение старых уважаемых фамилий значительно уменьшится в пользу новых людей, пробивающихся наверх. Но наряду с этой официальной теорией, поддерживаемой в то время средствами массовой информации и до сих пор трогательно лелеемой некоторыми политиками и самыми оптимистичными деятелями левых, все же у многих начинало закрадываться подозрение, что, несмотря на уверенные заявления экспертов, этого никогда не произойдет и историческое имя будет по-прежнему сильно и в современной Британии. Примерно так мистер Блэр попытался создать новый образ страны под лозунгом «Cool Britannia»^[33]. Был период, когда всем казалось, будто идея осуществится, потом вторая серия, когда газеты продолжали настаивать, что все работает, хотя мы все подозревали обратное, и, наконец, всеобщее признание, и со стороны левых, и со стороны правых, что план оказался колоссальной и несурзкой ошибкой.

Но в то время это противоречивое отношение к наследственному

статусу означало, что в качестве оружия титулы следовало использовать осмотрительно и любое публичное их упоминание могло привести к пагубным результатам. Так, человек, орущий на служащего отеля или авиакомпании: «Да вы знаете, кто я такой?!», сразу лишается того невеликого преимущества, которое ему может дать его положение.

Сорок лет спустя все это изменилось. Через полвека личное пэрство хотя и признается вполне уважаемым, но значение имеет разве что в политическом контексте. В высшем обществе оно не приобрело ауры и престижа, за исключением рыцарского титула. Миссис Тэтчер попыталась это учесть, создав в начале 1980-х несколько наследственных титулов, но ее не поддержали. После этого знать не пополнялась новыми членами, хотя продолжала безраздельно властвовать на вершине социальной пирамиды. Когда аристократам давали личное пэрство, они им не гордились, словно старались непременно показать, что не воспринимают свой новый статус всерьез. «Мы в этой школе только приходящие ученики», – сказал мне недавно один из них. Старую систему явно необходимо либо пересмотреть, либо отменить, поскольку нынешняя ситуация в любом демократическом обществе должна считаться неприемлемой, но пока непохоже, что грядут реформы. Вместо этого сегодня по всей стране нами милостиво правят потомки какого-нибудь удачливого майора или банкира, живших в двадцатые годы, тогда как великие люди наших дней, часто имеющие намного более значительные заслуги, чем предки нынешних грандов, уступают им место и теснятся в углу.

Сегодня Серена не стала бы задумываться о превосходстве своего положения, и упоминание его в этом контексте наверняка принесло бы желаемые результаты. Но тогда, сорок лет назад, с ее стороны был смелый поступок – размахивать титулом, рискуя навлечь на себя осуждение. Она не зря чувствовала неуверенность, ибо понятно было, что ее вмешательство не поможет. Управляющий смотрел неумолимо.

– Прошу прощения, ваша светлость, – начал он, – боюсь, что...

– Что за вздор! – пронесся по комнате пронзительный крик Дагмар.

Одним из поразительных и даже трогательных ее свойств была абсолютная английскость ее голоса, отчего ее чужеземные имя и титул казались еще причудливее. И этот голос был не просто английским, а английским шестидесятилетней давности, голос миниатюрной герцогини, открывающей благотворительный базар 1910 года. Дагмар стремительно подошла к столу, расталкивая по пути толпу, словно гномий военачальник.

– Дэмиан никуда не пойдет!

Такое развитие событий окончательно сбilo управляющего с толку.

– Но ее королевское высочество особо просила меня...
– Ее королевское высочество ничего не знает!
– Ну почему же! – К толпе прибавилась обширная фигура великой герцогини.

Гости отступали назад, когда Мэрион величественно шла по залу, как воплощение генерала Шермана, идущего походом через Джорджию, и земля горела у нее под ногами. Сопровождал ее, что любопытно, Эндрю Саммерсби, тянувшийся следом, как уродливый буксирчик в тени океанского лайнера.

– Мне очень жаль, мистер Бакстер, я уверена, что вы никого не хотели оскорбить.

Герцогиня остановилась перевести дыхание, и Дэмиан попытался встрять в попытке улучшить свои шансы, но Мэрион не намеревалась вести диалог, она лишь объявляла свою позицию.

– Однако я считаю, что существуют правила и их надо придерживаться, – улыбнулась она в стремлении подсластить пилюлю. – Мы не можем допустить, чтобы устои общества рухнули и погребли нас под собой. Надеюсь, вы не будете держать на меня зла.

– Что вы! – шутливо ответил Дэмиан, все еще надеясь восстановить свое положение.

– Но Дэмиан приглашен! – Это был возглас донельзя смутившейся Дагмар. Естественно, он придал спору интересное направление. Глаза собравшихся метнулись к ней, как у зрителей теннисного матча в фильме Хичкока «Незнакомцы в поезде». – Его пригласила я!

Наверняка все присутствующие знали, что это ложь, но ложь смелая и благородная, и она лишь подняла Дагмар в глазах гостей, большинство из которых до этого вечера не слишком ее любили, хотя и выразили готовность сполна воспользоваться ее гостеприимством. Говорю это, потому что вмешательство Дагмар все же хоть кому-то принесло пользу. В качестве аргумента против решения ее матери оно, разумеется, оказалось совершенно безрезультатно.

– Прости, моя дорогая, но мистера Бакстера никто не приглашал. Его не приглашала ты. И самое главное, его не приглашала я. – Тон великой герцогини не допускал никаких возражений. – Он ясно дал это понять в присутствии лорда Саммерсби, который был столь любезен, что обратил мое внимание. Я даже позволю себе сказать, что мистер Бакстер похвалялся отсутствием приглашения.

Цвет лица великой герцогини темнел, и эта перемена ей не шла. При таких цветах костюма она начинала напоминать надувного Санта-Клауса,

висящего под Рождество между домами на Риджент-стрит. Но даже сейчас в ней проявлялось достоинство, с которым нельзя было не считаться. Мне очень понравилась легкая примесь Восточной Европы в голосе Мэрион, появлявшаяся по мере того, как гнев нарастал, словно долг перед своим народом – подданными страны, которую, не забывая, она даже ни разу не посещала, – непостижимым образом зазвучал в ней новым, иным прошлым, сметая прочь благополучные юные годы, проведенные в Западном Йоркшире, и против собственной воли делая ее немножко жительницей Моравии.

Ее слова сразу раскрыли, кого надо было винить за этот инцидент, который мне хочется описать как «грязный», хотя, конечно, он немало развлек большинство присутствующих. Доносчиком оказался не кто иной, как Эндрю Саммерсби. Судя по всему, это публичное разоблачение не входило в его первоначальные планы, и, когда на него обратились все глаза, он почувствовал себя неуютно. Прежде чем принять решение, Саммерсби несколько мгновений колебался, за что его трудно винить, поскольку сейчас, когда все вскрылось, ему приходилось выкручиваться.

До сего момента он держался в тени, но теперь вышел вперед.

– Ну же, – сказал Саммерсби.

Он взял Дэмиана за локоть и постарался вывести его, словно совершал гражданский арест – каковой, собственно, мы и наблюдали.

Одно стремительное движение – и, ко всеобщему изумлению, Дэмиан снова освободился, на этот раз с тысячекратной яростью по сравнению с той, что он обрушил на служащего отеля, пытавшегося проделать нечто подобное.

– Сию же секунду уберите от меня руку! – прорычал Дэмиан. – Тупой, неотесанный болван!

Саммерсби явно на такое не рассчитывал, когда решил выдать незваного гостя, и прежде всего не рассчитывал услышать от человека, которого считал много ниже себя в божественном плане бытия. Эндрю Саммерсби, вне всяких сомнений, был болван, и весьма тупой, но мало кто сказал бы ему это в лицо, и он оказался к этому совершенно не готов. По правде сказать, я думаю, что он просто хотел приударить за Сереной или еще какой-то девушкой из тех, что весь вечер увивались вокруг Дэмиана, и заревновал. Уверен, он больше всех сожалел, что происходящее стремительно выходит из-под контроля.

Как и некоторые другие, Саммерсби был одет «гусаром смерти»^[34]: облегающие брюки, его не украшавшие, и висящий на плече ментик – все это грозило в самый неподходящий момент сковать его движения, но

обратной дороги уже не было. Эндрю ринулся вперед, предприняв новую попытку схватить злоумышленника за руку. И снова Дэмиан оказался проворнее и отступил назад с разворотом, как Эррол Флинн в мелодраме, снятой компанией «Уорнер бразерз». И не успел никто его остановить, как он со всей силы размахнулся правой рукой, и его кулак с громким отвратительным хрустом встретился с носом Эндрю. Кто-то из девушек вскрикнул, и прежде всего – стоявшая ближе всех некто Лидия Мейбери, чье платье из белой органзы, очаровательно скроенное и вышитое ландышами, оказалось обильно залито смесью крови и соплей из разбитого носа Саммерсби. Сам Эндрю выглядел настолько испуганным, опешившим от невероятного оборота, который приняли события, словно море поднялось и обрушилось сквозь окна танцевального зала, что несколько секунд стоял в трансе, как столб, глядя перед собой невидящими глазами и заливая кровью костюм, а потом попятился назад. Все мы это видели, но были словно парализованы экстатическим ужасом, и никто не подумал подхватить его. Он рухнул во весь рост на стол с завтраком, повалив его и осыпав себя и окружающих горячими блюдами, сосисками, кувшинами с апельсиновым соком, тостами, горелками, кусками яичницы и бекона, горчицей, приборами и прочим. Грохот стоял, как при осаде Трои, эхом отдаваясь по коридорам отеля, пугая лошадей и пробуждая мертвых. Вслед за этим установилась абсолютная тишина. Мы стояли, точно кролики, застигнутые светом фар, оглушенные, потрясенные, загипнотизированные, и смотрели на окровавленное и украшенное остатками завтрака тело павшего виконта. Даже Дагмар была неподвижна и безмолвна, как статуя.

Тогда Дэмиан сделал жест, который заставил меня прощать его дольше, чем следовало. Он взял бессильно повисшую руку великой герцогини, которая стояла и озидала руины вечера, обошедшегося в изрядную долю ее годового дохода.

– Прошу вас простить меня за этот беспорядок, мэм, – сказал он, поднося к губам безвольную руку и с утонченной элегантностью на секунду задержав ее, – и благодарю вас за вечер, который до сего момента был восхитителен.

Проговорив это, Дэмиан выпустил ее пальцы, коротко поклонился, словно всю жизнь провел при дворе, и покинул зал.

Вряд ли нужно добавитъ, что, как только история облетела Лондон, Дэмиан очень скоро получил приглашения на все главные события сезона, за единственным исключением бала, дававшегося леди Белтон для Аннабеллы, сестры Эндрю. И вовсе не потому, что мнение матерей стало благоприятнее. Все они больше, чем когда-либо, страшились, как бы

Дэмиан Бакстер не завлек в свои сети их драгоценных чад.

Причиной были категорические, безапелляционные требования самих дочерей.

Глава 6

Великая герцогиня все рассчитала правильно, пусть даже вышло не совсем так, как она желала. В 1968 году семье еще хватало средств и положения в обществе, чтобы Дагмар выловила солидную – или хотя бы более-менее крупную – рыбу. То, что она этого не сделала, я вначале приписывал чрезмерным амбициям, мешающим ей увидеть достойные варианты. Как позднее выяснилось, я был не вполне прав в своих выводах, но подозреваю, что, как многие люди высокого статуса и крупного достатка, Дагмар выросла с нереалистичными ожиданиями. Прежде всего, принцесса не вполне представляла, насколько невзрачно выглядит. У нее всегда была возможность собрать вокруг себя толпу, в которой можно затеряться, и ей не нравилось, что для достижения успеха придется приложить усилия. Великая герцогиня все это знала и как можно аккуратнее пыталась убедить дочь выковать хоть какое-то железо, пока оно окончательно не остыло, но, как большинство молодых девушек, Дагмар не слушала мать, когда та говорила слова, которые дочери слышать не хотелось.

Отчасти проблема лежала в ее удивительной неспособности флиртовать. Разговаривая с мужчиной, Дагмар то принималась нервно хихикать, то впадала в полный ступор, уставившись огромными, чуть ли не плачущими глазами на собеседника, пока тот предпринимал отчаянные попытки найти тему – любую, какую угодно, лишь бы добиться словесного ответа. Такой темы не находилось. В конце концов эта беспомощность пробудила во мне инстинкт защиты, и, хотя я по большому счету никогда не увлекался Дагмар, мне стали неприятны все, кто смеялся над ней или, как я однажды слышал, подражал ее грустному тихому смеху. Как-то раз мне пришлось увозить ее от Аннабеллы, когда пришедший с ней молодой человек отлучился под предлогом похода в туалет, а сам сбежал вниз по лестнице на улицу и прыгнул в такси. Дагмар проплакала всю дорогу домой, и, конечно, после этого я немножко в нее влюбился.

Дабы исправить широко распространенное заблуждение, должен отметить, что в мое время лондонский сезон больше не был, как некогда, ярмаркой женихов и невест. Его идея состояла, скорее, в том, чтобы ввести молодых людей в нужный мир, где им впредь предстоит жить и со временем найти друзей, а через несколько лет – мужа или жену. Мало кто из матерей желал этого для своих сыновей и дочерей раньше, чем им

исполнится самое меньшее лет двадцать пять, но Дагмар находилась в иной ситуации, и великая герцогиня это понимала. Они продавали продукт, цена на который падала, и времени терять было нельзя. В какой-то момент мы все решили, что Дагмар имеет неплохие шансы заполучить Роберта Стрикленда, внука барона и будущего наследника титула, созданного в 1910 году и дарованного королевскому гинекологу после непростых, но успешных родов. Денег у Роберта имелось немного, ни земель, ни домом он похвастаться не мог, но все же хоть что-то. И человек он был славный, пусть и не душа компании. Стрикленд работал в торговом банке и обладал одним исключительным достоинством, с точки зрения великой герцогини, конечно: легкой глухотой. К несчастью, как раз когда он дошел до ответственного момента, Дагмар все испортила. Ее нервное хихиканье Роберт воспринял как отсутствие интереса к предложению руки и сердца, на которое он начал намекать, и новых попыток не предпринимал. К концу лета он был успешно помолвлен с дочерью полковника ирландской гвардии. В этих кругах второго шанса не бывает.

Но все были поражены, когда поздней осенью 1970 года прочли в колонке светских новостей, что состоялась помолвка Дагмар с Уильямом Холманом, единственным ребенком одного напористого нувориша из Вирджиния-Уотер. Когда мы познакомились с Уильямом, он собирался «преуспеть в Сити» – любимая фраза наших матерей на все случаи жизни. Он поторчал на некоторых балах в наш год, вечно одевался неподходяще и вечно говорил невпопад, по нашим снобистским юношеским меркам, и никто его всерьез не воспринимал. Сейчас мне кажется, что Холман, в общем, был довольно умен и, может быть, действительно подавал надежды на успех. Нам просто не приходило в голову, что успех этот будет такого приятного свойства. Свадьбу я пропустил. Кажется, на это время у меня уже был назначен уик-энд в Тулузе. Но она явно была достойной, хотя и чуть поспешной. Молодые обвенчались в православной церкви в Бейсуотере, а свадьбу отмечали в отеле «Гайд-Парк». Родители жениха были в восторге, а невесты – по крайней мере смирились: в конце концов принцесса Моравии Дагмар вышла замуж, причем за человека, который в состоянии оплатить счет за ужин и позволить себе жилье чуть получше, чем квартира в цокольном этаже. Как должна была признать великая герцогиня, и, возможно, признавала, оставаясь наедине с собой, такая партия лучше, чем ничего. Вероятно, ей были известны и другие причины необходимости свадебной церемонии. Шесть месяцев спустя принцесса родила сына, здорового мальчугана без каких-либо признаков недоношенности.

По вполне понятным причинам после португальских каникул я редко виделся с Дагмар, а когда не пришел к ней на свадьбу, мы совсем потеряли друг друга из виду. Мне не нравился Уильям, а он считал меня никчемным, так что приятельству вырасти было не на чем. Надо отдать ему должное, он действительно многого добился, больше, чем я предполагал. В конце концов он стал президентом какого-то инвестиционного фонда и получил как миллионы, так и рыцарское достоинство из рук Джона Мейджора. Когда я читал об Уильяме в газетах или мельком видел его на приемах, мне было любопытно, что он превратился в достаточно убедительную копию того образа, к которому так стремился все эти годы, с костюмами от прославленных кутюрье, работающих в Берлингтон-Аркейд, и со всеми причитающимися предубеждениями, которые он не стеснялся изрекать. Кто-то сказал мне, что теперь он охотится и даже стал неплохим стрелком, отчего я почувствовал укол ревности. Меня всегда удивляет, как обладатели солидных денег продолжают слепо копировать привычки и хобби прежних высших классов, если могли бы позволить себе жить по-своему. Это не так широко было распространено в семидесятые, но когда на трон вошла миссис Тэтчер, во многих сердцах вновь застучала тяга к аристократизму. Вскоре каждый трейдер из Сити сменил красные подтяжки на костюм от Барбура и начал охотиться и рыбачить, как дворянин из Центральной Европы, а клубы в Сент-Джеймсе, страдавшие от недостатка обращений, с удовольствием восстановили листы ожидания и вновь ужесточили критерии приема.

Во всех этих тенденциях социологи упустили один интересный момент: начиная с восьмидесятых и дальше, повседневный костюм верха среднего класса и высшего класса, согласно давней установившейся иерархии, снова стал отличаться от одежды нижних классов, что можно рассматривать как явное возвращение к некогда принятому порядку. Уникальное явление шестидесятых состояло в том, что все мы одевались по новой, экзотической моде, совершенно независимо от нашего происхождения. Пожалуй, это единственный период за последнюю тысячу лет, когда подавляющее большинство молодежи нации носило различные версии одного и того же костюма. Жаль только, что выбирать в качестве объединяющего символа нам приходилось ужасные джинсы с заниженной талией, галстук-селедку, бархатные костюмы, кожаные куртки и тому подобные имевшиеся в нашем распоряжении страсти. Как ни отвратительна мода, никто не остается от нее в стороне. Юбки у королевы взлетели выше колена, а на инаугурации принца Уэльского в замке Карнарвон лорд Сноудон появился в костюме, напоминавшем униформу

пилота польских авиалиний. Но к восьмидесятым аристократы устали от этого неуместного маскарада. Они снова захотели выглядеть сами собой, и сначала Хаккет, а за ним Оливер Браун^[35] и все те, кто распознал эти скрытые чаяния и решил потакать им, пришли в общедоступные магазины. Эксклюзивные костюмы вдруг снова стали отличаться от остальных материалом и покроем, а загородные костюмы, твид, репс и прочая старая добрая униформа опять вышла на свет из пыльных шкафов, куда была сослана в пятидесятые. Аристократы стали отличаться по внешнему виду, стали племенем, узнаваемым по боевой раскраске, и были тому счастливы.

Но тем из нас, кто был свидетелем конца всему – как тогда казалось, – сперва пришлось одолеть семидесятые, прежде чем жизнь начала налаживаться. Много из того, что уже шаталось, рухнуло, наступали темные дни. Странно сейчас об этом писать, когда все уже изменилось, но тогда коммунизм казался нам пришедшим навечно. Большинство из нас даже втайне считали, что рано или поздно коммунизм станет мировым порядком, и мы бросились предаваться наслаждениям, не рассчитывая на долгое существование нашего образа жизни. Эдакие танцы под оркестр на все больше и больше кренящейся палубе «Титаника». К тому времени уже отошли в прошлое шестидесятые, манившие свободной любовью и носившие цветы в волосах, но в итоге не эти милые черты составили наследие той мятущейся эпохи. От нее остались не всеобщий мир и бутоны роз, а распад общества. Некоторые люди, утратившие свое значение в те суровые годы, никогда его уже не вернули.

Так что меня не слишком удивило, когда я, набрав телефон Дагмар и попросив к телефону принцессу, услышал, что леди Холман в гостинной. Я заранее подготовил, что мне сказать. Поводом для моего звонка был благотворительный бал в пользу восточноевропейских беженцев, который мне было предложено провести. За несколько лет до этого я написал пользовавшийся скромным успехом роман, где действие по большей части происходило в послевоенной Румынии. Мне пришлось изучать тему, и я весьма заинтересовался событиями в тех беспокойных краях. Наконец в трубке раздался голос.

– Алло? – ответила она. – Это правда ты?

Она была прежней Дагмар, только голос звучал еще более кротко. Я рассказал о своем деле.

– От меня хотят идей для работы оргкомитета, и я сразу подумал о тебе.

– Почему?

– Мне показалось, балканская принцесса будет смотреться там вполне

уместно. Пока что у меня только два актера мыльной оперы, ведущий кулинарной телепрограммы, про которого никто не слышал, да несколько вдов с площади Онслоу-Гарденс^[36].

Дагмар замялась:

– Сейчас я уже и не называю себя этим именем. – В голосе сквозила печаль, но был ли то мимолетный прилив ностальгии или сетования по поводу ее нынешнего существования, понять трудно.

– Даже если объявить тебя как леди Холман, все поймут, кто это. – Я произнес общепринятое в подобных обстоятельствах, но, конечно, сам в это не верил.

– Даже не знаю... – Дагмар неловко замолчала.

Я надеялся, что успех Уильяма в Сити подкрепит ее уверенность в себе, но кажется, произошло обратное.

– Давай это обсудим. На следующей неделе я буду проезжать совсем рядом с тобой. Можно мне заглянуть?

– Когда?

И снова, как и с Люси Далтон, я почувствовал загнанного зверя, ищущего выход из ловушки, разглядывающего сеть в поисках возможных разрывов. Эти попытки я решительно пресек:

– Все зависит от тебя. У меня есть кое-какие дела в Винчестере, но я спокойно могу их подстроить под твоё расписание. Какой день тебе удобнее всего? Как будет здорово снова увидеть тебя после всех этих лет!

Дагмар была в достаточной степени светской дамой и понимала, что ее переиграли.

– Да, конечно здорово! Приезжай пообедать в следующую пятницу.

– Уильям тоже будет?

– Да. Он не любит, когда я принимаю гостей без него.

Эта фраза слетела у нее с губ раньше, чем она успела осознать ее отвратительный, отдающий семейным насилием смысл. Казалось, что слова эти эхом звенят в телефонных проводах. Помолчав, Дагмар попыталась сгладить острые углы:

– Он начинает ревновать, когда понимает, что упустил возможность повидаться с людьми, которых любит. Я знаю, он бы охотно возобновил с тобой знакомство.

– Я тоже! – ответил я, потому что так было надо. Я не вполне понимал, как мне выполнить свою миссию, если бдительный Уильям не даст нам ни минуты побыть наедине, но ничего не поделаешь. – Буду у тебя в пятницу, примерно к часу.

Беллингем-Корт оказался благородным домом. И хотя он располагался

всего милях в пяти от Винчестера и довольно близко к шоссе, это все же был подлинный елизаветинский замок, с высокими арочными окнами и кессонными потолками, с «шепчущими галереями», с громадными залами, обитыми деревянными панелями. Вполне подходящее местечко, чтобы потешить самолюбие. Проехав через аккуратно покрашенные ворота и вывернув на длинную, безупречно ровную и чистую подъездную дорогу, я сразу заметил, что дом недавно подвергался капитальному ремонту. Я припарковал машину в просторном переднем дворе, ограниченном двумя неглубокими водными партерами, отделанными дорогим резным камнем. Не успел я позвонить в колокольчик, как дверь открыла женщина средних лет в мягких туфлях, которую я верно опознал как экономку. Она провела меня внутрь.

Деньги здесь были несравнимы с запасами Дэмиана, достойными древнегреческого царя Креза. Холманы были всего лишь очень богаты, не сверхбогаты, не так, как Билл Гейтс. Но видит бог, достаточно. Холл был огромен, выложен серым с белым камнем, с темным резным экраном и прекрасной мебелью. Все детали подобраны из одной эпохи с домом, но в остальных комнатах первого этажа тема не подхватывалась. Дизайнер решил, что артефактами времен Тюдоров легко восхищаться, но жить с ними тяжело. Поэтому присутствие данного стиля ограничивалось холлом и несколькими предметами в библиотеке. Была тут некая предумышленность, продуманная схема, так же как и дворец Дэмиана в Суррее, сводившая на нет сам смысл жизни в сельской местности. У настоящих загородных домов есть какая-то хаотичность. В одном месте вперемешку, в изящном беспорядке собраны предметы и мебель, уцелевшие после гибели множества других домов и очутившиеся здесь. Умение создавать подобное жилье ведомо многим дизайнерам; при наличии достаточного количества времени и средств они могут сочинить дом, который будет выглядеть так, словно семья владеет им с 1650 года, хотя на самом деле въехала прошлым летом. Но здесь, в Беллингеме, этой непринужденной, уютной элегантности добиться не удалось. Не берусь в точности описать, но дом в целом обладал каким-то удручающим свойством, словно он был убран к изысканному приему, на который я не приглашен. Если бы мне сказали, что дом подготовлен для фотосессии и нельзя ничего трогать, я бы не удивился. Картины по большей части были портретами в полный рост или в три четверти роста, слишком вычищенными и глянцевыми. Выглядели они неуловимо иностранно, и я, прищуриваясь, по пути прочитал таблички с именами под самыми важными из них. «Фредерик Френсис, 1-й великий герцог Мекленбург-

Шверинский, 1756–1837» – гласила одна из них, другая объявляла: «Граф Феликс Бенингбауэр, прозванный Лупитц, 1812–1871, и его сын Максимилиан».

– Видишь, в этом доме у нас сплошная европейская интеграция.

От неожиданности я вздрогнул и поднял глаза. В дальнем конце зала стояла крошечная фигурка, больше напоминавшая бойскаута на неделе добрых дел, чем принцессу средних лет. Конечно, я понимал, что вижу Дагмар, – подсказывала ее фигура, но поначалу не мог различить знакомые черты на лице, которое мне явили. Ее волосы поседели, но, как всегда, лежали прямые и распущенные, и я все же узнал ее подрагивающие, тревожные губы, но сверх того мало что уцелело от девичьей внешности. Глаза остались такими же огромными, но стали грустнее. Несмотря на роскошные декорации дома, где мы находились, мне показалось, что жизнь ее идет далеко не гладко. Мы поцеловались, чуть неловко, дотронувшись губами до щеки, как два незнакомых человека, и Дагмар провела меня в гостиную, изящный и светлый зал, но с тем же ощущением разнородности. Там была представлена целая коллекция ситца от Коулфакс^[37] и старинных предметов, на этот раз Георгианской эпохи, великолепных по отдельности, но ничем не объединенных. На стенах продолжался блестящий парад европейских персон.

– Не помню, чтобы у тебя все это висело на Тревор-сквер, – указав на пару портретов, сказал я. – Или они хранились в кладовке?

Мы оба без лишних слов понимали, что к истории семьи сквайра Уильяма де Холмана эти картины никакого отношения не имеют.

– Ни то ни другое, – покачала головой Дагмар.

Наконец-то она начала ко мне возвращаться. Влажный полуоткрытый рот стал чуть жестче, но неуместная плачущая нотка в голосе, едва слышное печальное движение голосовых связок мигом напомнили мне о той девушке, которой она когда-то была.

– Уильям завел шпионов во всех аукционных домах, и каждый раз, когда появляется картина, имеющая ко мне хоть малейшее отношение, он выкупает ее.

Дагмар не стала пояснять, как это характеризует ее мужа. Не стал и я.

– Где он сейчас?

– Выбирает вино к обеду. Сейчас придет.

Она налила мне из припасов, спрятанных в большом резном буфете в стиле рококо, рядом с ним в углу я, к своему удивлению, увидел маленькую раковину, и мы разговорились. Дагмар знала о моей жизни больше, чем я предполагал, и наверняка заметила, как мне польстило, когда она

заговорила об одном романе, на который критика едва обратила внимание. Я поблагодарил.

– Стараюсь следить за тем, какие новости у знакомых мне людей, – чуть улыбнулась она.

– А встречаться с самими людьми?

– Дружба – дело обоюдное, – повела плечами Дагмар. – Не знаю, что у нас всех сейчас было бы общего. Уильям не слишком... тоскует по тем временам. Предпочитает то, что происходило позже.

Это меня не удивило. На его месте я испытывал бы те же чувства.

– Ты видишься с кем-нибудь из наших?

Я ответил, что ездил в гости к Люси.

– Да ты весело живешь! Как она?

– Нормально. У ее мужа новый бизнес. Не уверен, хорошо ли идут дела.

– Филип Ронсли-Прайс, – кивнула Дагмар. – Мужчина, от которого мы все бегали, а Люси Далтон взяла и вышла за него замуж. Как только жизнь не поворачивается! Наверное, он сейчас совсем изменился?

– Да, но не мешало бы измениться побольше, – безжалостно ответил я, и мы рассмеялись. – Видел и Дэмиана Бакстера. Совсем недавно. Помнишь его?

На этот раз она, ахнув, захихикала, и в комнате окончательно появилась прежняя Дагмар.

– Помню ли я его? – переспросила она. – Как я могла его забыть, ведь наши имена оказались связаны навсегда!

Я рассчитывал на другой ответ, и это замечание меня удивило. Неужели я не заметил романа, о котором знали все остальные?

– Правда?

Дагмар удивленно посмотрела на меня. Ее явно изумляло мое тугодумие.

– Помнишь мой бал? Когда он уложил Эндрю Саммерсби? И увеличил счет примерно на две тысячи фунтов? Немалые тогда были деньги, я тебе скажу!

Но воспоминание не рассердило ее. Напротив. Я это видел.

– Конечно помню. И помню твои попытки убедить всех, будто он был приглашен. Я был от тебя в восторге!

– Безнадежное дело, – кивнула Дагмар. При мысли о том давнем подвиге она улыбнулась, как маленький озорной эльф. – Моя мать жила в каком-то фантастическом королевстве, существующем только в ее голове. Она считала, что если позволит одному молодому человеку, который

безупречно вел себя весь вечер, остаться до конца, не имея приглашения, то мир рухнет. Из-за ее негибкости мы выглядели смешно.

– Ты смешно не выглядела.

– Правда? – Она покраснела от удовольствия. – Надеюсь!

– Как мама? Я так всегда боялся ее...

– Сейчас бы не испугался.

– Значит, она жива?

– Да, жива. Можем встретиться с ней, если у тебя будет время прогуляться после обеда.

– С удовольствием, – кивнул я.

Разговор на время утих, и стало слышно, как где-то бьется в окно заточенная между стеклами пчела, знакомое жужжание с глухими толчками. Не в первый раз я почувствовал, как странно беседовать с людьми, которых когда-то хорошо знал, а теперь не знаешь вовсе.

– Она должна быть довольна, как у тебя сложилась жизнь, – произнес я совершенно искренне.

Великая герцогиня так решительно намеревалась устроить для дочери блестящий брак, что Уильям Холман наверняка явился для нее сокрушительным разочарованием, несмотря на то, насколько нужна была тогда эта женитьба. Ни великая герцогиня, ни все мы и думать не могли, что Холман добьется такого положения, затмит перспективы всех свободных наследников 1968 года.

Дагмар задумчиво на меня посмотрела.

– И да и нет, – проговорила она.

Не успел я ничего на это ответить, как в комнату вошел Уильям, протягивая мне руку. Он выглядел лучше, чем я его помнил, – высокий и худощавый, а из-за сидящих волос он казался моложавым блондином.

– Как я рад тебя видеть! – воскликнул он, и я заметил, что его голос за это время, как ни странно, изменился больше, чем лицо. Стал более напористым, словно Уильям выступал перед советом директоров корпорации или залом деревенской усадьбы, где собрались благодарные арендаторы. – Как твои дела?

Мы пожали друг другу руки и обменялись обычными банальностями про то, сколько воды утекло, а Дагмар тем временем принесла мужу выпить. Подняв бокал, он посмотрел внутрь:

– Лимона разве нет?

– Выходит, что так.

– А почему?

Притом что я был почти чужим для него человеком, несмотря на наши

взаимные заявления о радости встречи, тон, которым Уильям обращался к супруге, звучал странно и неприятно-суровым.

– Должно быть, они забыли купить.

Дагмар говорила так, словно заперта в камере с жестоким преступником и пытается привлечь внимание охраны.

– Они? Кто это «они»? Кого ты имеешь в виду? Это ты забыла попросить их купить лимоны. – Уильям устало вздохнул, опечаленный столь жалкими способностями своей жены. – Ну ладно. Не важно. – Сделав глоток, он недовольно сморщил нос и снова повернулся ко мне. – Итак, что привело тебя сюда?

Я рассказал про благотворительный вечер, поскольку о подлинной причине, естественно, распространяться не собирался. Холман смотрел на меня с таким выражением, какое бывает у людей, выслушивающих на улице истории попрошаек о своей тяжелой судьбе.

– Конечно, это замечательное дело, как я и сказал Дагмар, когда впервые о нем услышал, и я тобой безмерно восхищаюсь, что ты им занимаешься... Тем не менее я думаю, оно не для нас. – Он сделал паузу, ожидая, что я отвечу: «Да, конечно, я все понимаю», но я ждал, без комментариев, пока он не почувствовал, что пора пояснить. – Я не хочу, чтобы Дагмар была заложником своего происхождения. Безусловно, ее семья занимала весьма заметное положение, но это в прошлом. Теперь Дагмар стала леди Холман. Ей нет нужды спекулировать на каком-то надуманном титуле из прошлого, когда у нее есть прекрасный титул в современном мире. Эти исторические экскурсии, возможно, очень ценны... – Он улыбнулся, но улыбка не добралась до его глаз. – Однако, по моему мнению, они тащат ее назад, а не ведут вперед.

Я повернулся к Дагмар, ожидая реакции, но она молчала.

– Ее положение не кажется мне надуманным, – сказал я. – Она член правящего дома.

– Бывшего правящего дома.

– Они царствовали еще за три года до ее рождения.

– Это было слишком давно.

Замечание поражало неуместной грубостью.

– Есть множество людей, живущих в изгнании, которые рассчитывают, что ее брат возглавит страну, – напомнил я.

– А-а, понятно. Ты думаешь, мы все будем присутствовать на коронации Феодора? Надеюсь, ему удастся отпроситься с работы! – Ни с того ни с сего Уильям глумливо расхохотался, повернувшись лицом к Дагмар, чтобы она ясно видела его презрение. Это было невыносимо. – По

мне, весь этот вздор лишь дает нескольким снобам повод кланяться, делать реверансы и закатывать званные обеды. – Холман медленно покачал головой, словно изрек мудрую сентенцию. – Им стоит больше внимания уделять тому, что происходит вокруг них сейчас, – сказал он и сделал глоток, словно ставя точку в дальнейшем обсуждении этой темы.

Я повернулся к Дагмар:

– Ты согласна?

Она набрала воздуха:

– Я...

– Конечно она согласна. Ну-с, когда обед?

И тогда я понял, что подоплека речи Уильяма состояла в том, что он годами терпел отношение к себе как к сиюминутному безрассудству Дагмар, постыдному мезальянсу, который постиг моравскую династию, но сейчас необходимость мириться с таким положением отпала. Обстоятельства изменились. Сегодня деньги были у него, и власть тоже, и он не упускал возможности всем про это напомнить. Хуже того, празднуя свой триумф, Холман не мог больше выносить, чтобы Дагмар тоже занимала сколько-нибудь значимое место. Она не должна была представлять никакой иной ценности, кроме как исполняя роль его жены, у нее не должно было быть никакого пьедестала, на котором она могла бы сиять независимо от его славы. Иными словами, Холман стал домашним тираном. Теперь я понимал, почему великая герцогиня выражала свое согласие на брак столь сдержанно.

Обед прошел странно. Фактически он весь являл собой ряд поводов публично унижить Дагмар. «Это еще что за дрянь?» – «Так и задумано, чтобы отдавало горелым?» – «Почему мы едим какими-то детскими приборами?» – «Эти цветы заслуживают достойных похорон» – «Соуса сюда не полагается? Или ты специально просила пересушить?» На месте Дагмар я бы встал, разбил о его голову самую большую тарелку и ушел от него навсегда. И это мы еще не добрались до пудинга. Но я прекрасно знал, что семейное насилие – ибо это оно и было – уничтожает волю к сопротивлению, и, к моей печали, Дагмар воспринимала все как должное. Она даже принимала его претензии всерьез, извиняясь за выдуманные им недостатки. «Прости. Должно было быть погорячее», – говорила она. Или: «Ты прав. Надо было попросить их поплотнее закрыть крышку». Предел наступил, когда Уильям откусил кусочек поданного на стол креп-сюзетта и выплюнул обратно на тарелку.

– Черт подери! – заорал он во всю глотку. – Из чего это вообще? Из мыла?

– Я тебя не понимаю, – осторожно вмешался я. – Очень вкусно.

– Нет, я вырос на других представлениях! – весело засмеялся Холман, словно мы все слышали смешную шутку.

– А где ты вырос, позволь спросить? – ответил я. – Что-то я подзабыл.

Я смотрел на него в упор, и он не отводил от меня взгляд. За его спиной экономка быстро глянула на прислуживавшую за столом горничную, желая убедиться, заметила ли та наше пикирование. Я видел, что обе молча дали друг другу понять, что все услышали. И даже едва не улыбнулись. Впрочем, как бы ни радовал слуг вид унижаемого тирана, с моей стороны такая выходка была высокомерной и мне же самому не делала чести. Уильям, побагровев от ярости, мог в любую секунду приказать выставить меня из дома, что лишило бы смысла всю мою поездку. К счастью, он был не такой человек, чтобы позволить гневу взять над собой верх. Годы тонких переговоров в Сити научили его владеть собой. И к тому же он представил себе, что весь Лондон облетит история, которая будет исходить от человека чуть более известного, чем он сам, – не более богатого, не более преуспевающего, а просто пользующегося чуть большей известностью, – и пойти на такой риск он был не готов. Главное мое преступление в его глазах состояло не в том, что я обошелся с ним невежливо и не поддержал. А в том, что я счел его жену более близкой себе по духу и более содержательной, чем он, а это было еще хуже, чем напомнить ему о долгом пути, который он проделал со времен нашей первой встречи. Я знал, что Холман придирчиво отбирает каждого гостя, входящего в дом, и подобные вызовы, по-видимому, ему бросали редко, если они вообще до сих пор случались. Он отвык, что ему могут возразить.

Глубоко и нарочито шумно вздохнув, он тщательно скомкал и отложил салфетку и улыбнулся:

– Беда в том, что мне приходится убегать. Вы меня простите?

Меня позабавило, что он пытается быть любезным. Это умение не входило в число его достоинств.

– По пятницам я дома, но это не значит, что мне не надо работать. Жаль, но приходится. Дагмар тебя проводит. Ты же проводишь, дорогая? Было очень приятно снова повидаться.

Я улыбнулся и поблагодарил его, словно не мне только что указали на дверь, и мы оба сделали вид, будто все прекрасно. С этим он ушел. Дагмар и я посмотрели друг на друга. Ее маленькое, покрытое морщинами лицо и узкие плечи вдруг напомнили мне фотографии голодающих детей измученного войной Берлина. Или Эдит Пиаф – ближе к концу жизни.

– Не хочешь после всего этого прогуляться? – спросила Дагмар. – Я не

стану тебя винить, если тебе захочется удрать отсюда. Я не обижусь.

– Разве он только что не велел мне убираться с его территории?

– И что? – скривила губы она.

– Не зли его ради меня.

– Он всегда злится. Какая разница?

Парк Беллингема привели в порядок, высадили новые деревья и вернули ему подобие эдвардианского вида, с большим огороженным садом и отдельными «комнатками», где таились статуи в окружении самшитовых изгородей или роз на аккуратных ухоженных грядках. Все выглядело очень мило, но не просто мило. Свидетели закладки парка, гигантские дубы, древние и почтенные, придавали всему месту мрачную красоту, достоинство, которого лишены фантазийные сады и недавно обновленные интерьеры.

– Тебе очень повезло. – Я огляделся.

– Мне?!

– По крайней мере, что есть вот это все.

Дагмар тоже окинула любовным взглядом величественные деревья и гряды холмов.

– Да, – сказала она. – Мне повезло, что у меня это есть.

Мы прошлись еще.

– Как он тебе? – ни с того ни с сего спросила она. Я даже не сразу ее понял. – Дэмиан. Ты говорил, что недавно с ним виделся.

– Боюсь, что не очень.

– Я слышала, – кивнула Дагмар. – И надеялась услышать от тебя, что это неправда.

– К сожалению, правда.

Мы снова замолчали, взбираясь на пологий склон, с которого открывался великолепный вид на парк и дом.

– Ты знал, что я была от него без ума? – спросила она.

Я начинал привыкать к сюрпризам.

– Знал, что у тебя это была такая форма протеста. Но не думал, насколько все серьезно.

– На самом деле очень серьезно. По крайней мере, с моей стороны.

– Значит, ты умела скрываться.

– Скрывать было особо нечего, – усмехнулась она.

– Он говорил о тебе, когда мы виделись, – сказал я.

У нее прямо на моих глазах изменился цвет лица.

– Говорил? – прошептала она, схватившись рукой за щеку. – Правда?!

Это было очень трогательно.

Я чувствовал, что мы наконец подбираемся к разговору, ради которого я приехал, но не хотел торопить события.

– Он только сказал, что вы с ним пару раз были вместе. Я этого раньше не знал.

Вырвавшиеся на свободу от известия о том, что она еще живет в мыслях Дэмиана, слова потекли сами собой.

– Знаешь, я ведь готова была выйти за него замуж.

Я остановился, потрясенный. Меньше чем за две минуты мы набрали скорость от нуля до сотни миль в час. Мне показалось, что для Дэмиана это была мимолетная связь, но для Дагмар – история Тристана и Изольды. Как часто бывает, что в паре любовников оба имеют прямо противоположные представления о своих отношениях.

Она заметила выражение моего лица и энергично закивала, словно я собирался ей возразить. Удивительная трансформация! Я впервые увидел, чтобы Дагмар взяла на себя инициативу хоть в каком-то споре.

– Вышла бы, если бы он сделал мне предложение! Правда!

Я поднял руки, сдаваясь:

– Верю тебе!

Услышав это, она улыбнулась и снова расслабилась, почувствовав, что я друг, а не враг.

– Мама выбросилась бы с верхнего этажа, но с ней бы я справилась. И у меня это было вовсе не помутнение рассудка. Я знала, что у него все в жизни получится. Это мне в нем и нравилось. Дэмиан был частью наступающего мироустройства. – Она покосилась на меня. – Не такого, как нам казалось, – мир, любовь, цветы в волосах... Не такого. Настоящего мира, который понемногу подбирался к нам все семидесятые и окончательно нагринул в восьмидесятых. Я знала, что на моем веку вернется власть состоятельных людей, хищных и целеустремленных, и была уверена, что Дэмиан окажется в их числе.

Странное свойство взросления: выясняется, что все, кто окружал тебя в молодости, так же, как и ты, были неспособны выражать свои мысли. В юности мы по большей части считаем, что нас не понимают, а все окружающие глупы. С некоторой печалью я понял, что был бы в те дни намного благожелательнее к Дагмар, если бы понимал, что происходило в ее маленькой головке.

– Так что же произошло? Ты не смогла переубедить мать?

– Причина не в этом. Она бы уступила, если бы я кричала достаточно громко. Разрешила же она мне выйти замуж за Уильяма, у которого ничего не было за душой, но она поверила, что он в состоянии заработать.

– Что же тогда?

– Он не захотел, – все еще жалея о прошлом, вздохнула Дагмар и, нахмурившись, поспешила пояснить: – То есть до какой-то степени я ему нравилась, и ему приятно было... все это. Но всерьез его никогда ко мне не тянуло.

Горькая правда состояла в том, что к ней не тянуло никого из нас. Нельзя сказать, что, как выразилась бы моя бабушка, «в романтических делах» Дагмар была никому не нужна, не знала любви, а только жалость. Но от ее слов меня захлестнула волна сострадания к нам в молодости, нам, разрывавшимся от нерастроченной любви, как все невзрачные люди. Жаждающим раскрыть свои чувства, почему-то уверенным, что, если бы только предмету нашей любви показать всю силу наших чувств, он или она сдастся под их напором, хотя сами прекрасно понимали всю бесперспективность этой затеи.

Но Дагмар еще не закончила:

– Был момент, когда мне казалось, что я могу его заполучить. Когда я решила, что могу пообещать ему все, ради чего он участвует в сезоне. Высший свет... – Дагмар замялась. Воспоминания увели ее на территорию, где она чувствовала себя неловко. Вновь нахлынули робость и застенчивость. – Положение и... все это... Мне подумалось, он так к этому стремится, что возьмет и меня в придачу. – Она отвернулась. – Наверное, звучит жалко и беспомощно.

– Звучит очень решительно. Я удивлен, что план не осуществился.

Я действительно был удивлен. Не важно, считал ли Дэмиан Бакстер ее привлекательной или нет, я бы сказал, что в те годы он бы мигом ухватился за шанс взять в жены принцессу.

Пришла очередь Дагмар посмотреть на меня с жалостью.

– Ты никогда его не понимал. Даже до того ужасного ужина в Португалии. Ты считал, ему нужно все то, что имеешь ты. И даже больше. Отчасти – да. Но в тот год, который мы провели вместе, он осознал, что хочет получить все на своих условиях либо не получить ничего.

– Может быть, тебе это в мужчинах и нравится. Уильям явно получил все на своих условиях.

Наверное, мои слова прозвучали жестоко, но Дагмар их так не восприняла. Лишь покачала головой, отрицая сходство.

– Уильям – маленький человек. Он женился на мне, чтобы стать человеком большим. А потом, когда заработал собственные деньги, и купил дворянское звание, и вообще стал важным, как ему казалось, то уже не хотел, чтобы я была столь же велика, как он. Хотел, чтобы я была

маленькой, и тогда он бы казался еще больше.

Не могу выразить, как печальны были эти слова, которые произносила миниатюрная фигурка голосом Валери Хобсон^[38] из пятидесятых годов. Сейчас она выглядела совсем хрупкой.

– Уильям считает, что, высмеивая мое происхождение, критикуя мою внешность и зевая каждый раз, как я открою рот, он демонстрирует, что это он мне нужен, а не наоборот.

– И при этом покупает портреты твоих предков.

– У него нет иного выбора. Если ждать, пока обнаружатся портреты его предков, мы будем жить с голыми стенами.

Было очень приятно услышать от нее ядовитые интонации.

– Почему ты от него не уйдешь?

Не знаю, как объяснить, но в тот момент подобный вопрос звучал не настолько бесцеремонным, каким он кажется на бумаге.

Она задумалась:

– Трудно сказать. Долгое время из-за детей, но они уже больше не дети. Так что не знаю.

– Сколько у вас детей?

– Трое. Саймон старший. Ему тридцать семь лет, работает в Сити. Живет отдельно.

– Женился?

– Нет еще. Раньше я задумывалась, уж не голубой ли он. Ничего не имею против, но вряд ли. Подозреваю, что его, скорее, отвратил от института брака родительский пример. Потом Кларисса, она счастлива замужем за преуспевающим и очень славным педиатром. Я этому рада, хотя Уильям и не одобряет.

– Почему так?

– Он предпочел бы видеть рядом с ней глупого аристократа, а не умного доктора, – вздохнула Дагмар. – И наконец, наш младший, Ричард, которому всего двадцать четыре, и он пробует работать в области проведения корпоративных мероприятий. – Она замолчала, прислушиваясь к собственным словам. – Забавные сейчас у молодежи профессии, да?

– Да, не такие, как у нас.

– Ну, ты тоже занялся странной профессией, – покосилась на меня Дагмар. – Никто из наших не рассчитывал, что ты сможешь этим заработать себе на жизнь. Ты знал об этом?

– Подозревал. А я всегда ожидал, что ты сама добьешься удивительных успехов.

Я сказал это лишь для того, чтобы подбодрить ее, но, может быть,

отчасти это была правда. Для меня Дагмар всегда была человеком непредсказуемым, такой застенчивой, такой минорной, с этими ее смешками и долгими паузами, что мне порой казалось: внутри маленькой робкой девочки живет совершенно иной человек, хотя проверять это я в свое время не стал. Я лишь ожидал, что рано или поздно этот человек вырвется на свободу. Казалось невозможным, чтобы она тихо скатилась до жизни провинциальной домохозяйки в семье среднего класса, покупала детям школьную форму и готовила на месяц вперед.

Дагмар идея о том, что она могла бы стать работающей женщиной, явно польстила.

– Правда? Из наших мало кто сумел добиться чего-то выдающегося. Ребекка Донеи сочиняет музыку для фильмов, а Карла Уэйкфилд, если я правильно помню, открыла ресторан в Париже. Или я с кем-то ее путаю? – Дагмар лихорадочно рылась у себя в памяти. – В Лондоне есть одна редакторша, из бывших дебютанток, только не помню кто... – вздохнула она. – Но вот, пожалуй, и все.

– Ну какая разница. – Я уже оправился от первого удивления от ее неожиданной перемены. Сейчас Дагмар снова была похожа на саму себя, и воспоминания нахлынули с новой силой. – Помнишь в Португалии, в первый вечер? Когда мы устроили пикник в замке с привидениями на холме и говорили о жизни? Ты говорила как человек, замысливший побег. Наверное, ты уже забыла.

– Нет, не забыла. – Она остановилась, словно чтобы подчеркнуть сказанное. – Думаю, ты прав, да, я, наверное, что-то подобное затевала. Но забеременела.

Мы это, конечно, знали, в те далекие дни подобные новости распространялись негласно, так что говорить я ничего не стал.

– Уильям сделал мне предложение, и, что бы ты ни думал о нем нынешнем, в тот момент я испытала огромное облегчение. В общем, появился Саймон, и все.

Мы уже почти вернулись к дому, а мне еще были нужны от нее кое-какие ответы.

– Когда ты перестала надеяться на Дэмиана?

Дагмар напряглась всем телом и стала походить на встревоженного бурундучка. Я понял, что этот вопрос – по крайней мере, возврат к 1968 году – для нее весьма тяжел, но выхода у меня не было. Я терпеливо ждал, пока она не сформулирует ответ.

– Перестала, когда он не сделал мне предложения, а Уильям – сделал. – Она неуверенно замолчала. – Дело в том, что... Даже не знаю, как

сказать... – Она снова покраснела, но, видимо, решила, что зашла уже слишком далеко, чтобы ретироваться. – Отцом ребенка мог быть любой из них двоих. В то время я встречалась с Уильямом, но с Дэмианом мы спали в ночь приезда в Эшторил. Помню очень хорошо, потому что это был последний раз, когда у меня затеплилась надежда его получить. А потом, в ту же ночь, он сказал мне, что ничего не будет. Никогда. Что я ему нравлюсь, но... – Дагмар пожала плечами, и вдруг рядом со мной на дорожке парка словно возникла та одинокая девушка с разбитым сердцем времен сорокалетней давности. – Когда у меня случилась задержка, я понимала, что – либо Уильям, либо абортарий. Странно это говорить, учитывая, как со мной сейчас ведет себя Уильям, но описать не могу, как мне стало легко на душе, когда он сделал предложение.

– Не сомневаюсь.

Дагмар вдруг поежилась.

– Надо было надеть свитер, – сказала она. И с извиняющимся взглядом добавила: – Не знаю, почему я тебе все это рассказала.

– Потому что мне было интересно, – ответил я.

На самом деле это была чистая правда. Особенно в Англии. Мало кто из английских мужчин расспрашивает женщин о них самих. Вместо этого начинают за обедом читать присутствующим доклад о новом, более удобном выезде на автомагистраль М5 или похвалиться собственными профессиональными достижениями. И если мужчина проявляет интерес к чувствам сидящей рядом с ним женщины, к ее жизни, она расскажет все, что ему захочется узнать.

Мы проходили мимо конюшен, стоявших в нескольких сотнях ярдов от дома. Конюшни были намного новее – наверное, середина XVIII века. В дальнем конце двора оказался довольно милый домик, построенный для какого-нибудь особо преданного слуги или самого главного кучера. Не успели мы подойти ближе, как входная дверь открылась, и из дома вышла пожилая женщина и помахала нам. На ней был твидовый костюм и шарф, как у обычной сельской матроны.

– Дагмар говорила, что вы придете! – крикнула она, когда мы шли к ней по траве. – Решила выйти и поздороваться.

Я вглядывался в морщинистую, костлявую фигуру, шедшую мне навстречу. Неужели это и впрямь царственная великая герцогиня времен моей молодости? Или это голову великой герцогини приставили к другому телу? Куда делся вес, во всех смыслах? Где харизма, где страх, который она внушала? Все исчезло. Герцогиня подошла к нам, и я поклонился.

– Мэм, – проговорил я, но она, покачав головой, притянула меня к себе

и сдержанно поцеловала в обе щеки.

– Забудьте эти церемонии! – непринужденно сказала она и взяла меня под руку.

Само это простое действие показывало, сколько всего исчезло из нашего мира за годы, прошедшие с нашей последней встречи. Сентиментальная сторона моей души эти изменения к добросердечности и естественности только приветствовала. Хотя в целом, подозреваю, потеряли мы оба больше, чем приобрели.

– Саймон уже здесь? – посмотрела она на дочь. – Он мне говорил, что постарается быть с вами на обеде.

– Наверное, не смог уйти. Скоро приедет. Мы тут говорили о Дэмиане Бакстере, – улыбнулась Дагмар матери, этой милой и простодушной пенсионерке, явившейся вместо грозной воительницы из моих юных лет.

– О Дэмиане Бакстере! – Великая герцогиня закатила глаза. – Знали бы вы, какие у нас бывали скандалы по поводу этого молодого человека! – рассмеялась она.

– Могу себе представить.

– А сейчас он богаче всех ныне живущих. Так что, можно сказать, он смеялся последним... Но что бы она вам ни говорила, в том, что ничего не вышло, моей вины не было. В конечном итоге. Вам не в чем меня упрекнуть.

– А чья вина есть?

– Его, Дэмиана, – неумолимо, как колокол с «Лутины»^[39], прозвенел ее голос. – Все мы считали его выскочкой, авантюристом, волокитой. И это вы привели его к нам! – Герцогиня снова повернулась ко мне и погрозила пальцем у меня перед носом. – Как мы, матери, вас за это проклинали! – весело рассмеялась она. – Но видите как... – Ее голос вдруг стал рассеянным оттого, что в поисках нужных слов она вернулась мыслями в прошедшие десятилетия. – На самом деле ему не нужно было то, чем мы жили. Тогда я еще не разобралась. Он хотел попробовать, каково жить в этом мире, посмотреть на него своими глазами, но лишь как путешественник из чужой страны. Ему не хотелось жить в прошлом, где он был никто. Он хотел жить в будущем, где мог стать всем, чем пожелает. И он был прав. Там его место. – Герцогиня оглянулась на дочь, которая шла позади нас. – Дагмар не могла дать ему того, что облегчило бы его жизнь в будущем мире. – Она понизила голос. – Может быть, если бы он любил ее, все было бы иначе. Но без любви здесь нечем было его искушать.

Меня потряс путь, который проделал Дэмиан за тот приснопамятный год. В начале пути он был взволнован приглашением от толстой

Джорджины. К концу его он отверг руку самой настоящей принцессы. Немногие могут таким похвастаться.

Послышался звук шагов, и из-за укрытого лавровыми деревьями угла подъездной дороги в нашу сторону, как на параде, вышел Уильям в новехоньком охотничьем костюме от Барбура и безупречных резиновых сапогах «Хантер». Он заметил меня и нахмурился. По его подсчетам, я давно уже должен был отправиться в обратный путь.

– А вот и Уильям! – радостно сказал я. Теща только глянула на него презрительно. – Должно быть, вы вздохнули с облегчением, что он повел себя благородно, когда Дагмар в нем нуждалась, – не подумав, ляпнул я.

Великая герцогиня устремила на меня ледяной взгляд.

– Я вас не понимаю, – холодно сказала она.

Мне показалось, что ко мне вернулся старый друг.

– Я имею в виду, что Дагмар стремилась выйти замуж.

– Она вовсе не стремилась. Она просто чувствовала, что пришло время. – Расставив все точки над «i», великая герцогиня расслабилась и после этого краткого выступления вновь превратилась в скромную добродушную пенсионерку. – Уильяму было нужно то, что могла дать ему Дагмар. А Дэмиану – не нужно. Только и всего. – Она посмотрела на меня. – Знаю, вы потом невзлюбили его. – (Я не стал возражать.) – Дагмар рассказывала мне, что произошло в Португалии.

Всем-то всё рассказали, мысленно усмехнулся я.

– Но это помешало вам оценить, каков он на самом деле и кем может стать. К тому времени, когда Дэмиан исчез из нашей жизни, даже я понимала, что он необыкновенный человек.

Наверное, ей было приятно обсуждать эти события с человеком, присутствовавшим там. Особенно когда этот человек – старый друг или, по крайней мере, человек, которого она давно знает, что по прошествии времени почти одно и то же. Я предоставил ей неожиданный шанс разобраться в том времени и в принятых когда-то решениях. Вряд ли великой герцогине всякий день выпадала возможность о них поговорить, и ей хотелось воспользоваться моим появлением в полной мере. Иначе не знаю, как объяснить ее дальнейшее замечание.

– Уильяму всегда не хватало воображения, которым обладал Дэмиан, – сказала она. – И его веры в будущее. При всех своих недостатках Дэмиан Бакстер – своего рода провидец. Уильям – вульгарный и примитивный карьерист.

– Это не значит, что он не любил вашу дочь.

Я решил не лишать Уильяма презумпции невиновности.

– Не думаю, – покачала она головой. – Моя дочь помогала ему чувствовать собственную значимость, только и всего. За это он теперь и презирает Дагмар. Не выносит мысли, что когда-то она была нужна ему, чтобы потешить свое тщедушное эго.

Я ничего не ответил. Не потому, что не одобрял этой перемены отношения к зятю. Я даже был признателен ей за доверие, которое она оказала мне, поделившись сокровенными мыслями. Но ничего полезного добавить не мог. Герцогиня посмотрела на меня и рассмеялась:

– Не выношу его! Думаю, что и Дагмар тоже, но мы об этом никогда не говорим.

– Какой смысл. Разве что она собирается как-то с ним решить.

Великая герцогиня кивнула. Замечание было справедливо и поэтому опечалило ее. Весь этот разговор уводил ее на странную, неизведанную почву, и я заметил влажный блеск у нее в глазах.

– Дело в том, что я не знаю, как нам всем тогда выжить. Уильям найдет способ ничего ей не оставить, если они расстанутся. Какой-нибудь крючкотвор-адвокат разобьет в пух и прах все ее претензии, и что тогда? – Она устало вздохнула. После долгого и тяжелого труда на ниве жизни она заслужила более достойный отдых. Послышался отдаленный рев мотора, и великая герцогиня подняла глаза. – Наконец-то! Это Саймон.

Неожиданное появление внука отвело ее от края пропасти. Великая герцогиня уже, наверное, жалела, что разоткровенничалась.

Сверкающая машина какой-то иностранной марки подъезжала к нам по дорожке, замедляя ход. У меня вдруг засосало под ложечкой. Пусть этот человек окажется сыном Дэмиана, подумал я. Пожалуйста! Мне хотелось этого так, как не хотелось у Люси. Ронсли-Прайсы, в своей безалаберности, сами выстроят себе какое-никакое будущее – опробуют еще несколько безумных планов Филипа, будут полагаться на удачу и благотворителей, но здесь, сегодня мне показалось, что я приехал в гости к старым друзьям, запертым в ужасной темнице, какие бывают в странах третьего мира, за преступление, которого они не совершали. Как и все люди ее круга, нищеты великая герцогиня страшилась больше, чем оно того стоило. Ведь это была бы нищета относительная, но вполне благопристойная, однако с высоты положения великой герцогини даже она казалась неприемлемой. Возможно, герцогиня считала, что вынесла уже достаточно перемен, и мы, разумеется, должны ее за эти мысли простить. Для британского высшего класса и королевской династии, которые привыкли к обеспеченной жизни, опасность столкнуться с нищетой – весьма щекотливая тема. Большинство из них страшатся не только дискомфорта, но и потери лица,

сопровождающей потерю дохода, и они подвергнутся любому унижению, лишь бы публично не стеснять свой образ жизни. Правда, конечно, есть в их числе и еще одна небольшая группа – им наплевать и на то и на другое. Этим повезло.

Я снова подумал об избавлении от страданий, которое, как знать, приближалось к нам в лице Саймона. Простой тест ДНК – и все они освободятся от этого ужасного деспота и положат конец своему жалкому существованию. Дагмар, ее мать и дети уедут в другие края, где будут делать то, что им нравится, а Уильям останется сидеть один у себя за столом, ворчать, злиться и срываться на слугах до конца своих дней. Я задумался, как нам заставить Саймона согласиться сдать анализ. Будут ли его тревожить чувства Уильяма? Есть ли у того чувства? Дагмар отступила назад и встала рядом со мной. Мать и муж стояли чуть впереди, встречая машину.

– Рад был снова тебя повидать. И матушка твоя стала мягче. – Я хотел, чтобы она считала меня другом. Потому что я на самом деле был ее другом.

Дагмар мимолетно улыбнулась в ответ на мои слова, но снова посерьезнела. Она постаралась еще один последний раз оказаться рядом со мной так, чтобы ее слова никто не подслушал.

– Надеюсь, ты не слишком будешь обращать внимание на то, что я наговорила. Не знаю, что на меня нашло. Просто пожалела себя.

– Я никому не скажу.

– Спасибо!

Тревожные морщинки разгладились. Блестящая машина остановилась на подъезде к дому, и из нее вышел человек лет под сорок. Он повернулся к нам и помахал рукой.

И в эту секунду судьба Дагмар оказалась решена, так же как рухнули и все мои мечты сыграть для этой несчастной семьи роль Супермена. Если бы не разница в возрасте, Саймон мог бы быть братом-близнецом Уильяма. От матери ему не досталось ничего. Глаза, нос, рот, волосы, голова, фигура, манера держаться, осанка – Саймон и Уильям были похожи как две капли воды.

Дагмар увидела, как я на него смотрю, и улыбнулась:

– Как ты теперь понимаешь, он все-таки оказался сыном Уильяма.

– Однозначно...

Мы уже дошли до моей машины, и я открыл дверь.

– Так что все оказалось к лучшему, – сказала она.

– Конечно. Так часто бывает, несмотря на то что говорят нам по телевизору, – ответил я, садясь в машину и забирая с собой ее

несостоявшееся счастливое будущее. На мгновение показалось, что Дагмар хотела сказать что-то еще, но потом передумала. И тогда я произнес за нее: – Когда увижу Дэмиана, передам ему от тебя сердечный привет.

Она улыбнулась. Я угадал правильно.

– Да, пожалуйста! Мой самый сердечный привет! – Она обернулась. – Ты уверен, что не хочешь остаться и познакомиться с Саймоном?

– Наверное, нет. Я и так задержался, да и он устал. Просто полюбуюсь на всю вашу дружную семью, когда буду проезжать мимо.

Дагмар кивнула, не без иронии. Я знал, что она будет рада, когда я уеду, и неудивительно. Я совершил грех, напомнив ей о счастливых временах. Хуже того, я заставил ее признать горькую истину о ее нынешней жизни, истину, которую она предпочитала таить даже от себя самой. У меня были на то причины, но все равно это было жестоко.

По крайней мере, Дагмар не стала больше настаивать и отступила назад, вежливо меня провожая, и несколько секунд спустя я уже ехал домой.

Серена

Глава 7

На въезде в Лондон я так долго искал нужную дорогу, что угодил в вечерние пробки, и поездка заняла больше времени, чем я планировал. Дома я очутился только часам к восьми. Бриджет пришла чуть раньше, успела за это время прикончить полбутылки шабли и теперь в довольно мрачном настроении громыхала кастрюлями на кухне. Не знаю, почему я никогда не возражал, чтобы Бриджет мне готовила, ведь она целый день проводила в офисе, работая над непростыми решениями, а я по большей части болтался по дому, занимаясь ненужными, надуманными делами, чтобы заполнить дневные часы в ожидании вдохновения. В свою защиту могу сказать, что не помню с ее стороны никаких возражений. Если была моя очередь, мы шли в ресторан. Если ее – она готовила. Иногда такой порядок просто принимается как есть.

– Твой отец звонил, – сообщила Бриджет. – Просил, чтобы ты ему перезвонил.

– А что случилось?

– Он не сказал, но дважды пытался тебя застать и второй раз, по моему, был очень недоволен, что тебя нет.

Где-то в глубине фразы скрывался слабый, но совершенно безосновательный упрек.

– Я не могу планировать день в расчете на то, что отец может позвонить.

– Мне можешь претензии не предъявлять. – Она пожала плечами и вернулась на кухню. – Я всего лишь посыльный.

Уже не в первый раз мне подумалось, какую громадную ошибку совершает примерно половина рода человеческого, когда отношения зашатались. Разделение происходит не по полу, социальному классу, национальности, расе или даже возрасту, поскольку представителей практически каждой категории можно найти по обе стороны водораздела. Ошибка состоит в следующем: когда люди связаны неким партнерством, которое оказывается не слишком удачным, они пытаются привнести в него элемент драмы, становясь капризными, придирчивыми и постоянно чем-то недовольными. «Почему ты всегда так делаешь?!» – восклицают они. «Ты меня слушаешь? Вечно ты все понимаешь не так!» Или: «Только не говори мне, будто опять забыл!»

Поскольку я не принадлежу к их числу, мне трудно проникнуть в их

образ мыслей. Возможно, они считают, что если будут требовательными, резкими и раздражительными, то заставят вас все исправить? Если так, то они категорически ошибаются. Такого рода разговор лишь дает партнеру оправдание, чтобы уйти. Чем больше такой человек недоволен, тем больше его раздражение становится пророческим. Как только вы впервые услышали сакраментальный напускной вздох: «Ну что, убирать все это, видимо, мне?» – можно не сомневаться, что все остальное лишь вопрос времени. Ирония в том, что труднее всего уйти от тех, кто всегда счастлив. Бросить счастливого любовника, сделать его несчастным, когда раньше он был доволен, – трудно, гадко и всегда влечет за собой глубокое чувство вины. Оставить жалкого нытика представляется вполне логичным.

Отсюда следует, что собраться с духом и прервать отношения, когда их время истекло, – легко. Но для многих все не так просто. Они говорят себе, что проявляют доброту, благородство, ведут себя как взрослые, пытаются сопротивляться, но на самом деле это не сила, а слабость. Я не про неудачный брак или когда есть дети. Но если говорить только о совместном проживании без детей, то примиряться с неудачей – чистая трусость. Как только вы решили, что не собираетесь после смерти лежать в земле рядом с этим человеком, все последующие проведенные вместе годы – потраченное впустую время, так зачем откладывать решение? Ложно истолкованная доброта, напускной оптимизм? Или: «Мы сняли виллу на весь август на пару с Гримстонами и не можем их подвести». Или просто: «Куда же я тогда сложу все эти вещи?» Не важно, что именно. Как только ваш внутренний голос заговорил и вынес вердикт, то каждый лишний день, прожитый в попытке избежать разрыва, не делает вам чести. В случае с Бриджет Фицджеральд бесчестен был я.

Когда отец снял трубку, он на меня заворчал:

- Где ты шляешься целый день?
- Надо было съездить в Гемпшир, меня пригласили на званый обед.
- Зачем тебя туда понесло?

Как знает любой взрослый ребенок, когда имеешь дело с престарелыми родителями, реагировать на подобные выпады бесполезно.

- Ты мог позвонить мне на мобильный, – предложил я.
- Если ты был за рулем, то это запрещено правилами.
- У меня есть эта штука на уши.
- Не важно.

И снова молчание здесь единственный разумный выход. По крайней мере, как только гнев отца иссяк, он вернулся к теме:

- Я хочу, чтобы ты спустился ко мне. Нам надо поговорить кое о чем.

На самом деле, по карте, мой отец жил не ниже, а выше Лондона, на границе Глостершира и Шропшира, но он принадлежал к тому поколению, для которого Лондон – самая высокая точка Британии. Поэтому он «забирался» в Лондон и «спускался» во все прочие места. Это у него получалось очень мило. Полагаю, что и в Инвернесс^[40] он «спускался», но я не проверял. Сейчас уже не спросить, потому что мой отец умер. Мне каждый день его не хватает.

Бриджет пришла из кухни с тарелкой, на которую навалила большую порцию рагу и овощей.

– Я тебе все положила. Знаю, ты не любишь, когда я так делаю, но у нас не целый день впереди.

Такого рода разговоры всегда не на шутку меня раздражают своей деланостью.

– Ты совершенно права, – холодно ответил я. – С детского сада не люблю, когда мне на тарелку нагружают не то, что я выберу сам. И не понимаю, что значит «не целый день впереди». Какие неотложные дела нам предстоят? – Произнеся весь этот вздор, не менее напыщенный, чем речь, которая его спровоцировала, я сел за стол.

Но Бриджет еще не закончила.

– Боюсь, все разварилось, – вздохнула она и поставила передо мной свою стряпню.

Настало время признать, что у нас ссора. Этим комментарием Бриджет израсходовала последние запасы моего терпения.

– Не представляю почему. Когда я приехал, еще не было восьми, – проговорил я, намеренно используя резкий и холодный тон, под стать ее тону. – А в какое время собиралась ужинать ты?

Она закрыла рот, ничего не сказала.

Конечно, я прекрасно понимал, что укол незаслуженный. До того как встретить меня, Бриджет обычно приступала к вечерней трапезе в половине седьмого – в семь и до сих пор находила мою настойчивую привычку ужинать в половине девятого – в девять не столько неразумной, сколько чудной. Такая ситуация должна быть знакома всем, кто в поисках спутника или спутницы покинул родные края. Даже в наши дни, когда практически все – во всяком случае, все южнее Уотфорда – говорят «ланч» и когда всевозможные продукты, от авокадо до суши, стали на столе обычными, время вечерней еды может провоцировать радикальный конфликт культур. Для меня ранний ужин объясним только в том случае, когда еду рассматривают главным образом в качестве топлива, поддерживающего силы для готовящихся приключений. Тогда люди

ужинают в шесть или шесть тридцать, чтобы зарядиться энергией к семи и быть готовыми заполнить чем-то увлекательным несколько следующих часов. Это время может быть проведено в клубе, в пабе, за спортивными занятиями, за изучением макраме, китайского языка или танцев кантри или просто отдано лежанию на диване перед телевизором. Вечер – это ваша личная раковина, поэтому, перекусив пораньше, вы до самого его конца свободны и можете наслаждаться всеми удовольствиями.

Причина, по которой это непонятно для верхней части среднего и для высшего классов, состоит в том, что для них ужин сам по себе удовольствие. Это высшая точка, ядро, суть. Если все поглощение пищи закончится к половине восьмого, то чем же заниматься до отхода ко сну? Эти люди не посещают группы взаимопомощи, не играют в любительском театре, не изучают ни искусство, ни лоскутное шитье и не заглядывают в бар. Потому для них так тяжела любая должность в местном самоуправлении. Заседания там происходят как раз тогда, когда они предпочитают сидеть за столом с совершенно иными целями. Тем, кто преодолевает важный социальный барьер, к распорядку еды привыкать будет сложнее всего, в каком бы направлении эти люди ни двигались. Ясно, что Бриджет трудно, а теперь еще и я дергаю ее, оскорбляю и унижаю. Мне стало стыдно за самого себя. Но недостаточно стыдно, чтобы вернуть себе всегдашнее доброе расположение духа. Я глянул в тарелку.

– И не сваливай все вот так. Это очень неаппетитно, – заворчал я, разворачивая салфетку. – Чувствую себя бродягой, которого кормят перед тем, как он вернется в свою комнатку в дом Раутона^[41].

– А я чувствую себя прислугой, которая подает ему еду, – без тени улыбки парировала Бриджет, и мы оставили эту тему.

Во время описываемых событий отец жил в скромной деревушке под названием Эбберли, на границе с Глостерширом. Ему тогда было восемьдесят шесть, и после довольно ранней смерти моей матери десять лет назад он избрал эту деревушку для своего уединенного убежища. Никакой существенной причины переселиться туда у отца не было, поскольку в браке он почти всю жизнь провел за границей, а первые годы после выхода на пенсию жил в Уилтшире, но, видимо, ему хотелось сменить обстановку. А всю вторую половину XIX века наша семья обитала в Эбберли-Парке – чересчур помпезно названном большом доме скромных архитектурных достоинств. Дом, с мощеным передним двором, стоял в конце главной деревенской улицы. Для меня он мало что значил, поскольку в мое время был всего лишь третьеразрядным отелем, тем не менее мы наведывались туда на обед или на чай, и отец старательно делал вид, что

его мучает ностальгия по этому месту. Подозреваю, это делалось для того, чтобы заинтересовать меня изучением истории семьи, но мне его тургеневская меланхолия казалась неубедительной. Большой мрачный холл и чересчур большие гостиная и столовая по обе стороны его были отделаны отвратительно, из них уже давно исчез дух живой жизни. У отца и самого не сохранилось никаких воспоминаний, так как его дед продал здание после сельскохозяйственной депрессии первых лет XX века, еще до того, как отец появился на свет. Думаю, лестница, выполненная в примитивном подражании барокко XIX века, была мила, а темная, обшитая панелями библиотека некогда радовала уютом, но, будучи переделанной под бар и заполненной перевернутыми бутылками в серебряных держателях, утратила свое хрупкое очарование. Но тем не менее дед, продавший дом, его жена и другие многочисленные представители двух предшествующих поколений нашего клана лежали на кладбище местной церкви и были увековечены табличками в нефе. Видимо, именно это придавало отцу ощущение единства семьи – чувство, которого ни он, ни моя мать не могли в полной мере обрести в своем предыдущем доме.

Жизнь отца в Эбберли была приятной, но печальной, как печальна жизнь всех пожилых мужчин, живущих в одиночестве, – в отличие от пожилых женщин. Он держал экономку по имени миссис Сноу, благовоспитанную женщину, она каждый день готовила ему обед и уходила, вымыв и убрав обеденную посуду. А ужин оставляла отцу в холодильнике в виде пугающей батареи тарелок, закрытых кулинарной пленкой с наклеенными листочками, содержащими четкие инструкции: «Варить двадцать минут», «Поставить в разогретую печь на отметке 5 на полчаса». Я никогда не мог понять смысла в этом процессе, поскольку кухаркой миссис Сноу, мягко говоря, была не слишком хорошей. Ее репертуар целиком состоял из блюд, которые готовили детям в 1950-х годах, и отец все мог бы купить в местном «Уэйтроузе». Было бы быстрее и легче приготовить и гораздо приятнее есть. Но сейчас мне кажется, что отцу доставляло удовольствие дисциплинированно разворачивать каждую тарелку, повинаясь железной воле миссис Сноу. Это должно было занимать немалую часть вечера, что можно считать несомненным благом.

Когда я приехал, миссис Сноу готовила нам обед, но отец, налив два бокала очень сухого шерри, доверительным тоном сообщил мне, что она оставит нас, как только подаст пудинг, то есть не задержится вымыть посуду.

– И мы тут останемся одни, – пробормотал он, двигаясь к креслу в своей холодной, так и не обустроенной гостиной.

Почему некоторые люди могут двадцать лет прожить в доме, но мебель у них по-прежнему выглядит так, словно фургон для перевозки только что уехал? В этом своем последнем доме отец скопировал несколько комнат с прежних жилищ, которые обустраивала мать, но для маленькой гостиной необычной формы он образца не подобрал, и комната, со стенами цвета магнолии и разрозненной мебелью, так и ждала, пока к хозяину придет запропастившееся вдохновение.

– Хорошо, – сказал я, поскольку от меня, видимо, ожидался именно такой ответ.

– Думаю, так будет лучше, – энергично кивнул отец.

После долгих лет на дипломатической службе он стал скрытен, что сопровождалось обычными для людей его склада предрассудками: будто нельзя вести никакие разговоры о деньгах за стенами банка или брокерской конторы, за исключением случаев, когда подобные разговоры преследуют одну из двух целей. Эти цели включают в себя обсуждение капиталов и перспектив будущего зятя и разговор о собственном завещании. Поскольку моя сестра уже давно вышла замуж, я сразу заключил, что собрались мы по второй причине, и не ошибся.

Под недосоленную, безвкусную пастушью запеканку мы обменялись семейными новостями и уже разглядывали неаппетитный вишневый пудинг с кремом, когда миссис Сноу заглянула в дверь в пальто и шляпе.

– Сэр Дэвид, ну я пойду, – сказала она. – Кофе я поставила в библиотеке, смотрите, чтобы не остыл.

Отец кивнул в знак благодарности и скорчил гримасу, видимо пытаясь подмигнуть. Это означало, что, как это бывает у всех старых людей, держащих одну прислугу, отношения становились опасными. Мы услышали, как хлопнула дверь, и отец начал:

– Меня тут прихватило на днях, и я пошел к старому Бэббиджу. Он меня осмотрел и сказал, что я, наверное, скоро отброшу копыта.

– Ты же говорил, что Бэббиджа гнать надо?

– Не говорил я такого.

– Ты сказал, что он огнестрельной раны диагностировать не сможет.

– Я так сказал? – развеселился отец. – Может, и да. Но это все равно ничего не меняет. Когда-нибудь я уйду, и осталось уже недолго.

– Что он у тебя нашел?

– Ничего такого особенного, нет смысла тебя беспокоить.

– Я проехал два с четвертью часа. И заслуживаю узнать подробности.

Но привычки, вырабатывавшиеся целую жизнь, не так легко сломать.

– Там главным образом кровь в тех местах, где ее быть не должно.

Противное дело, я не собираюсь обсуждать его за пудингом.

На это возразить было нечего, оставалось ждать, пока отец перейдет к делу.

– В общем, я понял, что мы с тобой никогда как следует не разговаривали.

Какая странная штука смерть. Все прошедшие годы превращает в бессмыслицу. Вот передо мной сидит отец, которому вскоре суждено умереть, вероятно от какой-то формы рака. И какой во всем был смысл? Для чего все это? Он достаточно много трудился, так же как все его поколение. Их стиль работы отличался от нашего большей разумностью: позднее начало рабочего дня, долгие обеды, возвращение домой к половине седьмого. Но все равно он работал на совесть: объездил весь мир, останавливался в ужасных отелях, просиживал на скучных заседаниях, слушая, как главы государства лгут, эксперты дают мрачные прогнозы, оказывавшиеся необоснованными, изучал в огромном количестве бессмысленные доклады и делал вид, что верит правительственным пресс-секретарям, когда те изрекали бредовые и лживые заявления от имени своих некомпетентных министров. И ради чего? Денег у него не было. Во всяком случае столько, чтобы моя мать назвала бы их настоящими деньгами. Этот дом, несколько акций, пара вещиц, оставшихся от более состоятельных предков, пенсия, которая умрет вместе с ним. Мне с сестрой дали хорошее образование. Должно быть, оно недешево обошлось родителям, но Луиза свое образование практически выкинула на помойку, выйдя замуж за неприметного биржевого брокера и воспитывая троих детей – все они были феерически тупоумны, – а я...

– Хочу рассказать, что я придумал, – начал отец, – а то вдруг ты решишь, будто это слишком сложно. Ты душеприказчик, так что тебе разбираться, если я сделаю глупость.

Я кивнул, с трудом собирая разбегающиеся мысли. Бедный старик! Хорошую прожил жизнь. Уверен, так скажут люди, когда придет время его похорон. Но так ли это? Достаточно ли, чтобы его жизнь была просто хорошей? Отец встретил мою мать под конец войны, когда та работала где-то в министерстве иностранных дел. Его направили помогать урегулированию вопроса с Польшей и другими территориями, где Британия обычно принимала неверные решения. Для него по окончании боевых действий это была подготовка к новому карьерному взлету. Поженились они в 1946-м, как раз перед его назначением на должность второго секретаря нашего посольства в Мадриде, и в целом жили вполне счастливо. Я в это верю. Мать любила путешествовать, и постоянная смена

места жительства ее не раздражала, а скорее радовала. Скажу больше: когда отец стал послом, она просто наслаждалась жизнью. И хотя в самые лакомые места, в Париж, Вашингтон или Брюссель, его не посылали, Лиссабон и Осло он все же получил, и им обоим там понравилось, и в Хараре тоже – там оказалось намного интереснее, чем оба рассчитывали, и не в самом лучшем смысле слова. Но когда все закончилось, родители приехали домой в фермерский дом под Девайзесом, который они купили, ну и все. Перед предпоследним назначением отца возвели в рыцарское достоинство, и я был рад, потому что это позволяло им считать, что они достигли видного положения, хотя, конечно, это было не так. Титул, возможно, слегка помог родителям влиться в общество в совершенно новой для них части Англии. Но я никогда не понимал их навязчивого желания обосноваться в сельской местности, если ни один ни другой не склонны были проводить дни в прогулках с собаками и заниматься местными благотворительными делами. Активным образом жизни они тоже не увлекались. Охоту отец бросил еще двадцать лет назад, после того как четыре дня просидел на болоте между Англией и Шотландией, но не подбил ни единой куропатки, а мать вообще не любила мерзнуть.

Какая-то злая сила заставляет людей определенного класса утверждать, что счастливы они только за городом, и это жестоко. Жертвами этой силы стали и мои родители. Как понимали все, но не они сами, естественной средой обитания для них была городская. Они любили разнообразные и содержательные разговоры. Любили общаться с людьми, получать сплетни из первоисточника, говорить о политике, искусстве, театре, философии, а все это, как мы знаем, редко можно найти за пределами городов. Крупными местными работодателями родители тоже не были. И поскольку их предки не имели исторических связей с той частью Уилтшира, которую они выбрали, среди местных жителей округа родители могли считаться лишь туристами, так что, пока они оставались там, их эго было посажено на голодный паек. Иными словами, в том обществе у них не было шанса жить счастливо или хотя бы насыщенно, не так, как было бы в Челси, Найтсбридже или на Итон-сквер. Но они как-то справлялись: знакомились, устраивали обеды, участвовали в благотворительных базарах, подписывали петиции о муниципальной застройке, спорили о том, как должен работать деревенский паб, и прочее в том же духе. А потом умерла мать, чего отец совершенно не ожидал. Но проявил стойкость духа, собрал все, что у него было в Девайзесе, и поменял ту жизнь на столь же бессмысленную жизнь в Глостершире. И вот теперь, после того как десять лет ничего не происходило, он рассказывает мне о приближении

собственной смерти, пока мы ковыряем сомнительную массу в тарелках. Никогда еще я не чувствовал сильнее, чем в этот момент, абсурдность большинства человеческих жизней.

– Все записано, так что никакой путаницы случиться не должно, – сказал отец, вытаскивая откуда-то из-под стола пластиковую папку, наполненную распечатанными листами. Он передал мне папку и встал. – Пойдем посмотрим.

Он повел меня в библиотеку, где занимался почти всеми своими делами, и, как обычно, меня тронул ее вид. В отличие от безликой гостиной библиотека была точной копией в миниатюре другой библиотеки, которую обставила для дома в Уилтшире моя мать, – обтянутые красным дамастом стены и серовато-розовые книжные шкафы с каннелюрами. Даже подушки и лампы были оставлены после переезда, какими они были. Над каминной полкой висел портрет матери в щегольском костюме сороковых годов, написанный вскоре после свадьбы и довольно неплохой. Когда отец говорил, он время от времени бросал на портрет взгляды, будто ждал одобрения.

Перед диваном, обитым зеленым рубчатым плисом, на столике стоял приготовленный деятельной миссис Сноу поднос с кофе, сервированным на двоих. Отец налил себе чашку, кивнул на папку:

– Похороны, памятник – и все такое. Молитвы, псалмы, кто должен произносить речь, если ты не захочешь.

– Я думал, ты ненавидишь псалмы.

– Ненавижу, но, по-моему, похороны не слишком удачное место, чтобы заявлять о своей точке зрения.

– Твой последний шанс о ней заявить. – (Он невольно улыбнулся.) – Я сам произнесу речь, – пообещал я.

– Спасибо, – хмыкнул, чтобы скрыть эмоции, отец. – Этот дом я оставил Луизе, потому что у тебя есть квартира.

Его слова были совершенно логичны и справедливы, но я все же почувствовал укол раздражения. Хоть кто-нибудь в наши дни бывает удовлетворен тем, как распределяется наследство? Разве что единственный ребенок. Но если у него есть братья и сестры – никогда.

– А вещи?

– Я решил, что вы их поделите. Но подробно не прописывал.

– Лучше пропиши.

– Что? Каждую чайную ложку?

– Все до последней чайной ложки.

Отец заметно огорчился. Ему хотелось верить, что его дети ладят

между собой. Так, в общем-то, оно и было, но мы с Луизой больше не были близки, и я знал, что ее занудный муж встрянет и, если ему не воспрепятствовать, заставит ее забрать все, заслуживающее внимания.

– Том скажет, что у них дети, а у меня нет, так что все семейные вещи должны отойти им. Начнется ссора, Луиза будет плакать, я кричать, а Том строить из себя обиженного. Если ты не напишешь все черным по белому, чтобы пресечь возможные разногласия.

– Хорошо, напишу, – серьезно кивнул он. – Знаешь что? Драгоценности твоей матери я оставлю ей, а тебе пусть достается все остальное. Захочешь отдать ей пару мелочей – отдашь. Так или иначе, все достанется ее ребятам, если своих не заведешь.

– Надо думать. Кошачьему приюту не достанется.

– Жаль, что у тебя нет семьи.

Это замечание я слышал достаточно часто и обычно отделялся шуткой или усталым вздохом, в зависимости от настроения. Но, учитывая тему, которую мы обсуждали, лучше было проявить откровенность.

– На самом деле мне тоже жаль.

– А мог бы еще! Посмотри на Чарли Чаплина!

– Так далеко в историю уходить не обязательно.

Почему всякий, кто старше пятидесяти, обязательно цитирует в этой связи Чарли Чаплина? Каждый день в новостях всплывает какой-нибудь выживший из ума актер и говорит, как замечательно стать отцом в семьдесят лет и что каждый день теперь для него наполнен новыми красками. Долго ли они могут пребывать в этой фантазии, пока не впадут в безумие или клиническое истощение?

– Конечно... – Отец задумался. – Вряд ли... как ее зовут, я забыл...

– Бриджет.

– Бриджет. Ей, подозреваю, немножко поздновато.

Поскольку Бриджет было пятьдесят два, это прозвучало почти как комплимент.

– Полагаю, да, – кивнул я. – Но это не обязательно означает... – Теперь была моя очередь умолкнуть, не договорив.

Отец заметно просиял, что меня, признаюсь, раздосадовало. Я всегда знал, что Бриджет не в его вкусе, хотя и старался об этом не думать. Но он был с ней неизменно вежлив, и сейчас она уже питала к нему вполне добрые чувства. Оказывается, втайне он все время лелеял надежду, что Бриджет рано или поздно уйдет из моей жизни, и это мне показалось неправильным.

– Ага, ясно. Ну, ты темная лошадка. – Отец налил себе из серебряного

кофейника еще остывшей коричневой жидкости, похожей на кофе, которой нам приходилось довольствоваться. – Я ее знаю?

– У меня больше никого нет, – резко покачал я головой.

– А что так?

Я оказался не готов ни к такому вопросу, ни к непривычно теплему тону.

– Что ты имеешь в виду?

– У тебя сегодня необычное настроение, с тех пор как ты приехал.

Его замечание явно относилось не только к моим отношениям с мисс Фицджеральд. Слова отца застали меня врасплох, потому что обычно он был не склонен копаться в эмоциях, ни в своих, ни в чужих. Когда мы были молодыми, как только разговор за обедом грозил принять интересный оборот, отец каждый раз обрывал его сакраментальным английским заклинанием: «Давайте не будем углубляться в психологию». Не хочу сказать, что он не признавал важность внутренней жизни людей. Просто не понимал, какое она имеет отношение к нему. Сплетни навевали на него скуку. Он плохо помнил события и личностей, чтобы наслаждаться смыслом историй, и часто сердился, если его пытались заинтриговать каким-то местным скандалом.

Такое отношение удручало мою мать. Она оказалась лишена возможности обсуждать частные дела и вероятные поступки общих знакомых, отчего разговоры моих родителей неизбежно становились пресными. «Какое нам до этого дело?» – твердил отец, а мать кивала и соглашалась. Говорила, да, конечно, как он прав, и замолкала. Когда я вырос, я вставал на ее сторону, цитировал Александра Поупа: «На самого себя напавь ты взгляд»^[42] и прочее. Но отцу по-прежнему казалось неловким и мелочным погружаться в мутные воды чужих историй, и мать перестала пытаться его изменить, оставив эти темы для разговоров с друзьями и детьми. В том нет ничего плохого, но я благодарен судьбе, что последние годы родителей пришлось на эру телевидения, иначе вечера им пришлось бы проводить в молчании.

Но теперь отец сидел передо мной, выказывал интерес к моему настроению и просил его объяснить. Событие было столь редким, что я не мог терять время.

– У меня есть чувство, что я должен изменить свою жизнь.

– Что ты хочешь этим сказать? Избавиться от Бриджет? Перестать писать? Продать квартиру? Или что?

– Да, – ответил я. Мы молча смотрели друг на друга. Я подумал и добавил: – Перестать писать, пожалуй, не хочу.

– С чего это все началось?

Я рассказал ему о просьбе Дэмиана и о том, как продвигаются мои поиски. Отец задумался.

– Дэмиан мне в те времена нравился, пока вы не поссорились. – Отец выдержал паузу, но мне нечего было добавить. – Я удивлен, что он оставил след в жизни такого количества людей.

– Как ни странно мне защищать его после всего, что он мне сделал, но Дэмиан единственный из всей нашей банды пробился и стал самым преуспевающим человеком своего поколения.

– Да, ты прав. Конечно это так. Я не подумал, – торопливо оправдывался отец, словно его справедливо поправили. – Так что произошло?

– Я сам точно не понимаю, но, похоже, меня угнетает необходимость сравнивать то, на что мы все надеялись, когда были молоды, с тем, что на самом деле произошло.

– Как говорила твоя бабушка, сравнения отвратительны, – кивнул отец.

– А также бесполезны, но мы все равно их проводим. – Почему-то мне казалось важным, чтобы отец меня понял. – Еще кое-что. Я не понимаю, чем мы все занимаемся. Дэмиан своего добился, а все остальные – нет.

– Не каждому быть всемирно известным миллиардером.

– И даже стремиться к этому не стоит, но каждый должен чувствовать, что делает нечто стоящее и по большому счету его жизнь имеет какое-то значение. Вопрос в том, а что делаю я? Чего достиг?

Но отец не умел воспринимать подобные разговоры всерьез.

– Тебе не кажется, что люди задают себе эти вопросы с тех пор, как Чосер впервые заточил карандаш?

– Думаю, бывали времена, когда большинство людей чувствовали, что принадлежат к живой культуре, составляют единое целое с чем-то большим и значимым. «Я римский гражданин», «Боже, храни Америку», «Человек, родившийся англичанином, вытащил в жизненной лотерее счастливый билет». И тому подобное. Люди ощущали, что их цивилизация имеет ценность и им повезло к ней принадлежать. Сорок лет назад в нечто подобное верил и я.

– Сорок лет назад ты был молод, – улыбнулся отец. Его явно не тронули мои душевные искания. – Так чего ты хочешь? Продать квартиру? Если да, то этим и надо заняться.

Теперь я уже мог уходить: по правде, приехал я к отцу именно за этим разрешением. Его скорый и искренний отклик на мои сетования застал меня врасплох. Я предполагал, что добиваться его согласия придется

гораздо дольше. Такой его ответ был весьма великодушен, более великодушен, чем может на первый взгляд показаться стороннему наблюдателю. Настояла в свое время, чтобы лондонскую квартиру отдали мне, моя мать, сократив тем самым их капитал на солидную долю. Отец противился некоторое время, понимая, что пострадает их образ жизни – и он действительно пострадал, – но в конце концов уступил ее просьбам. И вот теперь я пришел с заявлением, что хочу выйти из игры, забрать деньги и смыться, а отец ясно дает понять, что ничуть не против. Несколько месяцев спустя я выяснил: отец оказался болен намного серьезнее, чем говорил, смерть была уже не за горами, и он, возможно, просто хотел к концу жизни быть со мной в согласии, но от этого его доброта трогает меня еще больше.

– Ты не представляешь, как я тебе благодарен! – сказал я.

– Ерунда, ерунда, – отмахнулся он. – Может, еще по кофейку?

Его подсознательное желание снизить пафос момента, напротив, придавало разговору пронзительность. Как многие люди его склада, отец отличался полной неспособностью выражать любовь, которая им двигала. Он всегда был слишком англичанин, чтобы выставлять свои чувства напоказ. Даже когда мы были маленькими, он избегал целовать нас на ночь и явно возликовал, когда мы стали подростками и этот обычай сошел на нет. Но все равно в его словах в этот момент чувствовалась невысказанная теплота, так что даже сейчас, несколько месяцев спустя, при воспоминании о них мои глаза наполняются слезами.

– Только не думай, что вы зря мне ее тогда подарили, – продолжал я. – Она дала мне базу и возможность великолепного старта. Я и тогда, и сейчас невероятно вам благодарен.

– Знаю. Но если что-то было необходимо тебе раньше, это не значит, что оно нужно тебе сейчас. Если хочешь продать ее – продавай.

– Спасибо!

– А девушка? У вас с ней все нормально?

Я не удержался от предательской мысли, что Бриджет возликовала бы, услышав, как ее называют девушкой, как бы неpolitкорректно это ни звучало. Она была очень хороша собой и обладала внешностью, которая сохраняется надолго, но все равно была уже не юна, хотя и не старуха. Я не знал, что ему ответить.

– Да нет... Все идет как всегда.

– Но?

– Дело в том, что за время моих изысканий мне напомнили, каково это – быть влюбленным. Я думал, что уже забыл.

– Опять-таки, ты вспоминаешь, каково быть влюбленным и молодым. Любовь почти в шестьдесят, как бы ни убеждали нас сентиментальные американские фильмы, не то же самое.

– Может быть. Но наверняка больше, чем то, что есть у меня сейчас.

– Тогда, конечно, надо искать, – медленно кивнул он. – Скажи, ты в своих разъездах видишься с Сереной Грешэм?

Вопрос возник из ниоткуда, и у меня чуть не перехватило дыхание. Сегодня мой старый добрый отец выдает сплошные сюрпризы. Неужели он помнит Серену? Откуда ему известно, какие чувства я к ней испытывал? Разве что он превратился в кого-то другого. Мы не упоминали ее имени лет тридцать, и к тому же я никогда не поверю, чтобы отец настолько интересовался моей жизнью, чтобы обращать внимание на мои любовные предпочтения.

– Нет. Так, слегка... Изредка... – ответил я. – На каком-нибудь приеме в Лондоне. Не более того.

– Она же вышла замуж?

– Да.

– Брак счастливый?

– Я слишком мало ее вижу, чтобы составить впечатление. У нее двое взрослых детей, и она по-прежнему живет с ним.

Отец обдумал мой неуклюжий ответ:

– Знаешь, я не уверен, что ты был бы счастлив.

Подобную фразу тяжело услышать от собственного родителя в любом возрасте, но она следовала почти сразу за самым щедрым жестом, какой он мог сделать, и я не хотел отвечать резко.

– Я лишь жалею, что мне не представился шанс узнать, – только и сказал я.

– Ты не стал бы писателем. Застрял бы в Сити. Чтобы заработать столько денег, сколько нужно на ее содержание.

– Не обязательно.

На это он только фыркнул. Уверенность отцов в собственной непогрешимости, особенно когда речь идет о людях, с которыми ты был близок, а он едва знаком, приводит в бешенство. Но опять-таки, после предыдущей части разговора я не хотел лезть в драку.

– Сегодня множество людей живут совсем не так, как их воспитали. Ты, например.

– Возможно. Но моему поколению не дали выбора, и поверь, старые привычки отмирают плохо. Я-то знаю. – Он заметил, что я еле сдерживаюсь, чтобы не вступить в бой, защищая Серену, и смягчился. – Я

не говорю, что она мне не нравилась, мне только казалось, что вы друг другу не подходите.

– Ладно, пусть так, – проговорил я и замолчал.

В разговоре повисла неловкая пауза. Отец вдруг осознал, что рискнул вступить в чужую, может быть даже болезненную, сферу. Он шутливо улыбнулся, чтобы снова все наладить:

– Надеюсь, я еще успею познакомиться с новой девушкой, когда она появится.

– Я тоже надеюсь, – искренне ответил я. Мне очень жаль, что он уже так и не успеет.

Остаток дня мы обсуждали завещание. Теперь мне разрешили его прочитать. Дом, как и было сказано, отец оставил моей сестре, а остаток капитала разделил между моей племянницей, двумя племянниками и мной. По моим представлениям, это было не вполне справедливо, поскольку в данном случае Луизу и ее детей следовало рассматривать как одно лицо, но отец при мне позвонил своему адвокату и надиктовал дополнительное распоряжение, которое отдавало мне в собственность все содержимое дома, так что придирааться я не хотел. На том и порешили. Его пожелания по церковной службе оказались весьма благопристойны. Все очень скромно, чинное прощание, а не помпезная церемония.

Мы сидели на кухне, заваривали чай, и отец снова заговорил о моей жизни. Миссис Сноу оставила все для чая на кухонном столе, вместе с завернутым в пленку печеньем. Похоже, экономка считала, что он не способен запустить с нуля даже простейшую домашнюю операцию, и, видимо, была права.

– По-моему, Дэмиан зря это затеял, – прервал молчание отец, заливая кипятком дешевые чайные пакетики. – Кончится тем, что ты нарушишь баланс жизни, которая без тебя шла прекрасно. Какой-то мужчина или какая-то женщина вдруг станут в тысячу миллионов раз богаче своих братьев и сестер, богаче любого своего родственника. Перед его или ее матерью встанет задача сообщить мужу, что их старший ребенок – незаконнорожденный. Это будет нелегко.

– А если появление этих денег приведет к тому, что человек, стесненный нищетой, вдруг обретет крылья и добьется грандиозных целей?

– У тебя получается, как в бульварном романе из привокзального киоска.

– А у тебя – как у чиновника из отдела охраны труда.

Он откусил кусок диетического печенья. Даже с печеньем миссис Сноу осторожничала.

– Несправедливо и то, что Дэмиан возложил это бремя на тебя. Да и доверять ему особо нельзя.

– Это так! – Однако я не хотел делать вид, будто не знаю, почему Дэмиан обратился именно ко мне. – К сожалению, у него никого больше не было. Никто другой бы не взялся.

– Может быть. Но мне кажется, он не отдавал себе отчета, на что тебя обрекает.

Это было странное замечание, которого я не предвидел.

– Почему? На что такое особенное он меня обрекает?

– Тебя заставили вернуться в свое прошлое и сравнить его с настоящим. Вынудили вспомнить, чего ты ждал от жизни в девятнадцать лет, сорок лет назад, когда ты еще не знал, что такое жизнь. Ты должен снова увидеть, чего вы хотели от жизни – глупые накрашенные девочки и тщеславные, кичливые мальчики, с которыми ты тогда повсюду таскался. Теперь благодаря Дэмиану ты должен увидеть, что с ними всеми стало. Что стало с тобой. К старости подавляющее большинство тех, у кого есть хоть какие-то мозги, должны примириться с разочарованиями, но тебе еще рановато делать такое открытие. Ты вынужден испытать недовольство жизнью, когда уже слишком поздно, ну или почти поздно что-то исправить, но вместе с тем слишком рано, потому что впереди у тебя еще много лет жизни с этим недовольством. Дэмиану следовало бы испортить свою жизнь, а не твою.

– Ему уже не осталось что портить.

– Не важно.

И он, конечно, был прав.

Счастливые ли это наитие? То, чем объясняют странные, случайные совпадения, которые вдруг придают ощущение определенности нашей хаотичной жизни? Или наитие – это случайно приобретаемое знание? Неосознанные выводы, приводящие к глубокому пониманию хода событий? Во всяком случае, именно такое наитие вмешалось на следующем этапе похода, в который отправил меня Дэмиан.

Мы, Бриджет и я, приехали на выходные в Йоркшир к одному весьма утомительному архитектору и его совершенно очаровательной жене и остановились у них в доме, купленном несколько лет назад. Дом был старый, исторический, великий дом, можно сказать, и кому это не знать, как архитектору! Звали хозяина Таркин Монтегю. Вряд ли такое имя можно получить в крестильной купели, и к тому же я никак не находил связи между Таркином и герцогским домом в Манчестере, хотя сам Таркин

любил на нее намекать. Он появился у меня на горизонте как муж прекрасной писательницы Дженнифер Бонд, с которой мы публиковались у одного и того же издателя. Однажды летом за несколько лет до того нас двоих отправили в творческую поездку, в процессе чего и возникла наша дружба. В то время я не знал, откуда у Таркина появились деньги, – ни с каким исключительно живописным зданием его имя не ассоциировалось, но жил он так, что позавидовал бы Ванбру^[43], и за несколько лет до нашего визита приобрел неподалеку от Тирска великолепное полуразрушенное строение под названием Молтон-Тауэрс.

Смесь эпохи Георга IV и готики, Молтон, оставленный его обитателями после войны, прошел печальный путь, уготованный подобным зданиям в те годы. Сперва он стал школой, потом профессиональным колледжем, затем домом престарелых, а в какой-то момент в нем размещался пансион для девочек, специализирующийся на новой французской кухне с пониженной калорийностью. И наконец в середине 1990-х он достиг определенной известности, хотя и своеобразной, в качестве «всемирного центра» какой-то новейшей разновидности трансцендентальной медитации, которая привлекала членов одной модной тогда подростковой музыкальной группы. Этой последней инкарнацией здания руководил сомнительный тип, заявлявший, что пользуется уважением и поддержкой, если я правильно помню, далай-ламы, но могу ошибаться. Так или иначе, в один прекрасный день какая-то воскресная бульварная газетенка сообщила, что на самом деле он не философ высшего уровня постижения, как наверняка полагали его усердные ученики, а опытный мошенник из Пиннера, имеющий приводы в полицию за кражи в магазине, угон машин и страховые аферы. Его разоблачение привело к массовому исходу практикующих, вслед за которыми исчез и их бездуховный духовный лидер. Следующие восемь лет только ветер свистел в пыльных галереях, в комнатах слуг на чердаке и в бывших гостиных разрушающегося здания, пока вдруг не явился нежданный спаситель в лице Таркина. Убежден, что с точки зрения дома он сделал благое дело. Но так ли благотворно сказалось оно на жизни Дженнифер, вопрос спорный.

Неизменное стремление наших преуспевающих сограждан воспроизводить жизненный уклад и обычаи аристократии XIX века должно немало раздражать наших лейбористских лидеров. Они будут это отрицать, как отрицают множество прочих проявлений человеческой природы, но я убежден: такое явление существует. И жизнь, которой эти честолобцы решают подражать, относится к весьма специфическому периоду. Не для них повседневная жизнь благородного богатея XVIII века: тот спал

полусидя, завтракал в полдень горячим шоколадом, после отправлялся на верховую прогулку, не наряжался на охоту или в свет, обедал в пять часов дня, выпивал за ночь три-четыре графинчика портвейна и часто в путешествиях делил постель со своим слугой, а жена в это время располагалась у служанки. Такая модель для современного миллионера не привлекательна. Не станут они подражать и более брутальным обычаям франта XVI века, от чьих представлений о личной гигиене и привычек запросто упадет в обморок даже крепкий мужчина. Нет, их образец для подражания возник в конце Викторианской эпохи, умевшей виртуозно соединять общественное положение с удобством жизни, где царственность и почтительность в сочетании с теплыми спальнями без сквозняков, где пышность и толстые ковры и шторы на подкладке, где пища горячая, а еще есть лакеи, чтобы ее подать.

К сожалению, подобная жизнь требует больших средств, чем представляют себе многие современные подражатели. Они прикидывают расходы и, когда оказывается, что им хватит денег отремонтировать дом, привести в порядок сад, нанять приличного человека прислуживать за столом, приступают к делу. Увы, существование этих дворцов изначально основывается на доходах от многих акров сдающейся в аренду земли. Это только витрина для огромных состояний, приобретенных торговлей и производством. Обществу, может быть, и незаметно, но там, как в кротовой норе, все время идет невидимая работа. Потому что эти дома едят деньги. Пожирают, как пожирали детей и все добро на своем пути буйствующие великаны братьев Гримм.

Когда эти дворцы покупают очень богатые, по-настоящему богатые люди, я убежден, что новым хозяевам в них живется превосходно, и даже если они редко заезжают туда надолго, все равно этим зданиям их появление идет во благо. Беда, когда дворцы приобретают недостаточно состоятельные покупатели, которым кажется, что они справятся. С этими, как правило, все идет по накатанной схеме. Сперва они наживают состояние. В ознаменование своего нового положения покупают замок. Восстанавливают его и как безумные лет восемь-десять принимают гостей, а потом продают, измученные собственной нищетой и тщетными усилиями остаться на плаву. А тем временем семьи, чьи состояния не подвергались разорению, чьи дома и притязания зиждутся на прочном фундаменте, с сожалением улыбаясь, встречают следующих кандидатов. Таркин Монтегю на тот момент продержался уже шесть лет.

Вспоминая его сейчас, после того как я долгое время его не видел, я испытываю больше симпатии, чем тогда. Вернее, я чувствую симпатию,

которой не было вовсе. В то время, когда мы у него останавливались, Таркин явно тревожился, что его авантюра по приобретению дворянства рухнет, но не в его характере было признавать или обсуждать собственные страхи. Он расценил бы это как слабость и потерю контроля над происходящим. На самом деле главной его проблемой была полная неспособность при любых обстоятельствах ослаблять контроль. Я бы даже сказал, Таркин был самый бдительный по натуре человек, которого я встречал. От этого он не только не мог принимать гостей или ездить в гости, но и постоянно испытывал одиночество и отчаяние, так как никому, и в первую очередь собственной жене, не признавался, что ситуация выскальзывает у него из рук. Я знал его как человека сложного и довольно тяжелого по характеру. За разговором, не вращающимся вокруг него самого, Таркину было трудно следить и еще труднее в нем участвовать. Но я едва ли понимал масштабы его помешательства, пока мы, усталые от долгой дороги, не приехали в его дом в летнюю пятницу, когда наступало время чаепития. Мы обычные люди. Все, что нам было нужно, – это чтобы нам показали нашу комнату, дали возможность принять горячую ванну и восстановить силы, а потом, как образцовым гостям, спуститься посвежевшими, переодетыми и готовыми обедать или разговаривать, что бы ни предложили нам хозяева.

Этого не произошло. Сперва нам пришлось сесть и выслушать историю дома, а потом, когда Дженнифер предположила, что мы будем больше расположены воспринимать этот урок после того, как отдохнем, Таркин ответил, что еще не счел нас готовыми увидеть комнаты, которые он приготовил. Естественно, моим непреодолимым порывом в этот момент было отправить его к черту и немедленно уехать обратно в Лондон. Но, глядя на усталое и тревожное лицо Дженнифер, я подумал, что к подобному решению прибегал уже не один гость, и поэтому, к своему неудовольствию и к облегчению Бриджет, я позволил проводить себя в библиотеку и, как пай-мальчик, выслушал лекцию.

– Главное, вы должны понимать, – говорил Таркин, начиная свое бесконечное расхаживание, – что, когда в тысяча восемьсот двадцать четвертом году сэр Ричард решил перестроить замок, он стремился, чтобы здание соответствовало тогдашней моде, но при этом не потеряло исторического духа, как того требовала его древняя кровь.

Он перевел дух и посмотрел на нас, словно ожидая ответа, хотя какого именно – оставалось выше моего понимания.

– Поэтому он выбрал готику? – отважился спросить я, прикидывая, предложат ли нам все же перекусить или нет. Когда я приехал, мне хотелось

выпить чашечку чая, но после двадцати минут подобной лекции я созрел для виски, неразбавленного, в пинтовой кружке.

– Нет, – покачал головой Таркин. – Не совсем так.

От его самодовольного тона хотелось схватить стул и разбить ему о голову, словно ковбой в комедии Мака Сеннета^[44].

– Именно поэтому он пригласил в качестве архитектора сэра Чарльза Бэрри^[45]. Архитектор тогда был еще юн. Еще не горело здание парламента. Он был известен только как проектировщик церквей и автор восстановления старинных памятников, но не как строитель загородных домов. Заполучив его в главные прорабы, сэр Ричард придал всему проекту внушительность, обеспечившую уважение соседей.

– Потому что построил дом в готическом стиле, – добавил я.

Мне не хотелось легко сдаваться, и от скуки я начинал свирепеть. Но хотя я продолжал делать вид, что почтительно слушаю Таркина, замечание прозвучало вызывающе. Иными словами, я проявил себя как воплощенное двуличие.

– Нет! – ответил он, и на этот раз несколько резче. – Вопрос не в стиле здания! Стиль не важен! Я говорю о духовном опыте, с которым он подошел к проекту.

– Готическому, – повторил я.

– Можно мне в туалет? Я сейчас лопну, – сказала Бриджет, и, как это часто случается со мной в женской компании, я удивился, что сам не подумал о том же.

– Конечно! – ответила Дженнифер. – Я провожу вас в вашу комнату. – Метнув пронзительный взгляд на мужа, она повела нас прочь, подождав в холле, пока мы не возьмем чемоданы.

Таркин был так уязвлен невниманием к своим рассуждениям, что остался мрачно и неподвижно сидеть в библиотеке, угрюмо поглядывая, как мы поднимаемся по величественной двойной лестнице.

– Боже всемогущий! – Я спиной рухнул на кровать, издав громкий вздох, который, надеюсь, был слышен уходящей по лестнице Дженнифер. Если она этот вздох услышала, то наверняка не впервые. – Целый уик-энд я это не выдержу.

Сама кровать была широкая, под балдахином, на первый взгляд импозантная и внушительная, но на самом деле оставшаяся от эдвардианских времен, дешевая и покрытая аляповатой резьбой. Монтегю явно приобрел ее для общей картины, а не за какие-то важные достоинства – скорее всего, потому, что не мог позволить себе более

серьезной вещи. Я уже заметил, что таков и весь дом: потрясал на первый взгляд, но разочаровывал при детальном рассмотрении, как театральная декорация, которой можно восхищаться из партера, но не стоит разглядывать вблизи. По сути, это и была декорация, в которой Таркин разыгрывал свои личные фантазии о родовитости, учености и изяществе. Ой-ой-ой!

Вечером, когда мы собрались в мрачном и полупустом обеденном зале, лучше не стало. Бриджет дрожала под тонкой шалью. В центре комнаты возвышался огромный яacobитский стол, и, когда мы вошли, Таркин распалялся, что все приборы выложили на одном конце, вместо того чтобы рассадить нас четверых вокруг просторного стола, как персонажей «Семейки Аддамс». Или как в исторической драме Би-би-си, где сочетание современных предрассудков и полного незнания темы часто заставляет надуманных героев из высшего света следовать необъяснимым традициям.

– Если ты собираешься читать нам проповедь, я предпочла бы слушать, а не только читать по губам, – сказала Дженнифер, и это поставило в разговоре точку. Таркин, как нетрудно догадаться, восседал во главе стола. Он оглядел нас, поглаживая стоящую перед ним на подставке бутылку, и легкая улыбка тронула уголки его рта. – Налей им этого вина, – произнесла Дженнифер, расставляя тарелки с какой-то экзотической похлебкой.

– Не уверен, что они заслужили, – сказал Таркин, продолжая одаривать нас странным взглядом горящих глаз. – Может, не стоило, но я выбрал вот это. Довольно необычный совињон, дымный, но в то же время свежий, хрустящий, берегу его для особых случаев. Особый ли сейчас случай? Не могу решить.

– Слушай, просто налей им, черт побери, уже какого-нибудь вина! – воскликнула Дженнифер, очень точно выразив мой невысказанный ответ. Она устало плюхнулась слева от мужа, напротив Бриджет и по левую руку от меня и стала есть суп.

Таркин не ответил. Очевидно, эти раскаты революционного грома в последнее время участились. Словно недалёковидный король, он удивлялся посягательствам на свой авторитет и не мог придумать подходящего ответа. Некоторое время он сидел и молча осознал услышанное. Потом встал и налил нам в бокалы благословенной жидкости.

На секунду я встретился глазами с Дженнифер, но она отвела взгляд, не решаясь на молчаливое признание, что безнадежно скована по рукам и ногам этим невыносимым браком с редким занудой. Я сочувствовал, не в последнюю очередь потому, что не знал всех обстоятельств. Существует

много аргументов в пользу брака и совместной жизни. Если кто-то резок на званых обедах, или ненавидит твоего лучшего друга, или не умеет рассказать анекдот, хоть бы от этого зависела его жизнь, то эти недостатки не обязательно перевешивают преимущества союза. Но все же такой вид отношений, как брак с любителем держать все под контролем, стороннему наблюдателю понять труднее всего.

Подлинные контролеры восстают против самой жизни, убивают энергию. Они как противопожарное покрывало, гасящее все начинания. Прежде всего, они плохо себя чувствуют на любой территории, кроме собственной. Не радуются празднеству, которое не сами устроили. Не могут спокойно чувствовать себя гостями в публичном месте, поскольку необходимо будет выражать кому-то благодарность, а благодарность для них признак слабости. Но в качестве хозяев вечера контролеры совершенно невыносимы, особенно в ресторанах, где их обращение и с официантами, и с гостями за столом равно отравляет атмосферу. Они не могут восхищаться никем, кто добился больше, чем они. Не в состоянии находиться в обществе друзей своего спутника жизни, поскольку эти чужаки могут не согласиться признать их исключительность. Не могут никого хвалить, поскольку похвала подтверждает значимость человека, которому приносится, а процесс контролирования построен на подавлении любых проявлений чувства собственного достоинства в окружающих. Контролеры не умеют учиться, поскольку учение требует прежде всего признания, что учитель знает больше их, на что они не могут согласиться ни при каких обстоятельствах. И главное, они скучны. Занудны до невозможности. Занудны так, что хочется лезть на стену. Но я знаю женщин, вступивших в брак с такими людьми, женщин образованных, интересных, привлекательных, остроумных, умеющих работать, но позволивших себя подавить и подчинить доминированию заурядных и невыносимых тиранов. Что это, почему? Может быть, когда тебя контролируют, это возбуждает? Или придает чувство защищенности?

— Есть планы на завтра? — лучезарно улыбнулась Бриджет, к этому моменту уже посиневшая от холода.

— Это как посмотреть, — ответил Таркин.

Но Дженнифер была не в состоянии ждать, пока мы узнаем, как надо смотреть.

— До вечера — никаких, а потом мы собирались на благотворительный фейерверк в одной усадьбе неподалеку отсюда. У нас уже есть билеты, так что давайте все пойдем. Можем взять с собой еду. Там еще будет какой-то концерт. Должно быть интересно, если дождь не пойдет.

– Неужели нас будет ограничивать такая мелочь, как погода? – отозвался Таркин угрюмым тоном, видимо замышлявшимся как загадочный.

Таркин пытался взять бразды правления в свои руки, но что-то в независимом ответе Дженнифер придало нам силы, и мы продолжали так, словно он и не вступал.

– Замечательно! – воскликнула Бриджет, и вопрос был решен.

Мы кое-как досидели до конца вечера, закончив его в библиотеке, помещении, которое некогда было по-настоящему красивым, с восхитительнейшими книжными полками красного дерева, относящимися к концу эпохи Регентства. Поразительно, как им удалось пережить лихие послевоенные десятилетия. Я удивился, почему фальшивый жрец не продал их за время своего пребывания у власти или после своего падения. Может быть, воскресные газеты обошлись с ним несправедливо? Оригинальная коллекция книг, разумеется, давно пропала, и Таркин не смог в полной мере ее возобновить. Он решил обойтись обширными собраниями под заголовками вроде «Рассказы об истории империи», в переплетах из искусственной кожи с тиснением, но их было много, и они, по крайней мере, заполняли пространство, воссоздавая хотя бы отчасти былую обстановку.

– А где тот дом, куда мы завтра поедем? – спросила Бриджет, ожидая, пока Дженнифер принесет кофе.

Таркин поднял брови и для вящего эффекта выдержал паузу:

– Узнаете.

Я не удержался от вздоха, который, видимо, было очень хорошо слышно.

Глава 8

Не знаю почему, но о цели нашего путешествия я начал подозревать, только когда мы уже почти приехали. Мы свернули с главной дороги в месте, которое сначала я не узнал. Я здесь ездил, но раньше на этой дороге не было двустороннего движения и у поворота – никаких современных домов с чахоточно-желтым уличным освещением. Когда мы въехали в деревню, что-то все же забрезжило в памяти. Окраины изменились, но главная улица осталась такой же, как всегда, неиспорченной, ну или, во всяком случае, не облагороженной. Паб, конечно, стал намного более стильным. Наверняка обслуживал по выходным городских яппи, а не только мучимых жаждой батраков с фермы, которые заваливались туда сорок лет назад. Мы миновали паб, и, как только выехали из деревни, оставалось минут пять-десять до знакомой виллы в палладианском стиле. Пристроившись в конец растянувшейся вереницы машин, мы въехали в ворота и услышали под колесами уютный хруст гравия подъездной дороги.

Но я ничего не сказал. Даже Бриджет, ведь ей незнакомо было это место и почти неизвестна моя жизнь той поры, когда я приезжал сюда. Объяснение просто: учитывая обстоятельства последней встречи с Сереной, я не видел смысла возобновлять знакомство с ее родителями. Вполне возможно, они не забыли тот ужин. Мало кто может похвастать, что в его жизни бывали такие вечера. И слава богу! Был и еще один, менее существенный мотив хранить молчание, состоявший в том, что они могли забыть и этот эпизод, и меня. Самым худшим кошмаром было бы, если бы Таркин похвалился моим знакомством с этой семьей, чтобы набить себе цену среди собравшихся, а оказалось бы, что меня никто не узнаёт. Да, это тщеславие. Но еще и нежелание выставлять былые мечты на всеобщее обозрение. Даже несмотря на то что история моего знакомства с Грешэмами закончилась катастрофой, мне нравилось думать, что я побыл частью их жизни в ту далекую эпоху, когда они были столь важной частью моей. И хотя логика подсказывала мне, что это маловероятно, я все же до сих пор лелеял свою фантазию и желал по окончании вечера вернуться в машину все с той же живой и невредимой своей химерой. Впрочем, вряд ли они здесь. Подумав хорошенько, я уже в этом не сомневался. Скорее всего, в Лондоне, или на отдыхе, или просто уехали отсюда подальше, когда их земли оккупировали люди из окрестностей.

– Смотрите! – воскликнула Дженнифер.

Словно приподнявшийся на террасах, возвышающийся над раскинувшейся внизу долиной, стоял дом, открывшийся перед нами, пока мы ехали по подъездной дороге. Дом был довольно живописно освещен прожекторами, спрятанными в кустах, – новшество, которого в мое время не было. Полосы света, прорезавшие темноту, придавали холодному каменному фасаду неземную воздушную красоту.

– Какое восхитительное место! – воскликнула Бриджет. – Как оно называется?

– Аббатство Грешэм, – неохотно проговорил Таркин, словно эти слова были его собственностью и он не хотел выпускать их для всеобщего употребления.

– Оно под охраной государства?

– Нет. По-прежнему частное. Принадлежит лорду и леди Клермонт.

– Они хорошие люди?

Таркин задумался, не зная, что ответить.

– Неплохие, – сказал он. Это явно показывало, что Таркин с ними не знаком. – Уже совсем старые. Почти не выходят.

Неожиданно было слышать, что леди Клермонт назвали совсем старой. В моей юности это была сильная, вызывающая робость, но достаточно доброжелательная дама, элегантная, твердая, уверенная, обворожительная, но словно с металлическим стержнем в спине. На меня она, конечно, внимания не обращала. Я терся с краю на ее приемах, послушно сидел, где скажут, – обычно в части стола, выделенной для самых молодых, – добросовестно беседовал за обедом с соседями, гулял со старшими родственниками в саду, покупал ненужные безделушки на деревенских праздниках, читал в библиотеке.

Помню, как однажды она наткнулась на меня, когда я сидел и в подступающей темноте щурился на страницу. Леди Клермонт засмеялась и одним выключателем включила все лампы в комнате.

– Бойтесь включить весь свет? – лукаво улыбнулась она и пошла дальше по своим делам, а я почувствовал такой стыд, что по спине побежал нервный пот.

На самом деле я действительно стеснялся включать свет или, вернее, надеялся, что кто-нибудь другой придет и включит его и ответственность будет не на мне. Но, как я уже сказал, она была добрым человеком. И не сердилась, что я все продолжаю приходить. Просто воспринимала равнодушно.

Когда мы подъехали к дому, нас приветствовали традиционно жизнерадостные садовники и садовые рабочие, каждый с фонариком. Они

махали и сигналили нам, выкрикивая друг другу указания, пока благополучно не вывели нас с подъездной дороги на большое поле, где рядами стояли машины, и только тогда мы оценили подлинный масштаб мероприятия.

– Вы только посмотрите! – ахнула Бриджет. – Похоже, сегодня во всем Йоркшире никаких других событий.

– Вы убедитесь, что музыка здесь отвечает самым высоким стандартам, – произнес Таркин голосом стареющей учительницы географии, чем задушил на корню наше приподнятое настроение.

Мы припарковались и принялись выгружать из машины все для пикника. Таркин уже взял на себя ответственность за жуткую пластиковую переноску для вина и спешил к воротам, через которые мы должны были попасть обратно к празднествам. Мы поставили машину в поле и обогнули дом. Ворота в изящной железной ограде для овец вели нас прямо в парк, террасами спускающийся от заднего фасада аббатства далеко в долину, к озеру. Оценив размеры уже расположившейся там толпы, Таркин наверняка решил отыскать хорошее местечко и вскоре пропал из виду, оставив нас разбираться с остальными пожитками. Бриджет пошла вслед за ним с кучей подстилок и подушек, велев нам с Дженнифер тащить длинный белый холодильник. Мы с трудом ковыляли по полю, чуть не спотыкаясь на кустиках клевера.

– Давай на секундочку остановимся? – попросила Дженнифер, когда мы добрались до ворот.

Холодильник и впрямь был довольно тяжелый, и веревки врезались в наши ладони. Мы прислонили его к ограде. Вдалеке слышался шум и смех толпы, какая-то музыка в записи лилась из невидимых колонок.

– Элгар или Малер, – предположил я, – или, во всяком случае, какая-то безопасная подборка для таких ушей, которые любят, чтобы все было британское.

– Думаю, до девяти у нас есть время поесть, а потом начнется настоящая музыка, – прервала молчание Дженнифер и кивнула. – Спасибо, что приехал, – с искренней признательностью прибавила она. – Мы ведь все время собирались встретиться, но я не думала, что на самом деле встретимся, и я очень тебе благодарна.

– Да ну что за ерунда, нам тут нравится!

Но конечно, это была не ерунда, и нам здесь вовсе не нравилось. Я уже говорил, что был привязан к Дженнифер. В рекламном туре есть что-то отвратительное, вы чувствуете себя настолько незащищенным, когда вашу книгу, фильм или иное ваше творение предъявляют взору публики, как

спартанского мальчика в жестоких горах Тайгета, что между товарищами по несчастью устанавливается незримая связь. Такое трудно объяснить тем, кто через это не проходил. Наверное, нечто сродни связи между выжившими в спасательной шлюпке. Продажа – часть современного мира, и если у вас есть продукт, вам нужно его продавать, но, видит бог, если вам этого не дано от природы, то придется очень несладко. Дженнифер, как и я, родилась в мире, который плохо воспринимает продажу в любом ее обличье. Даже покупку не стоит афишировать, но профессиональная продажа или, того хуже, продажа себя может считаться лишь постыдной. Это предубеждение проявляется во множестве острых, язвительных комментариев. «Я видел тебя по телевизору с тем человеком, что плохо выговаривает „р“». Обычно я ничего не смотрю, но тут наша помощница по хозяйству включила». Или: «Я ехал в машине и услышал по радио, как тебя разделяет какой-то злобный типчик с северным акцентом. Ужас!» Или: «Чего тебя понесло в дневные программы на телевидение? Тебе делать больше нечего?» И вы слушаете, зная, что эта дневная программа продает в Британии больше книг, чем любая афиша или рекламная кампания, и на самом деле вам нереально повезло, что вас туда пригласили.

Вам, конечно, очень хочется ответить. Или, по крайней мере, сказать им, что пора бы уже повзрослеть. Или заткнуться. Или осознать, что 1950-е закончились. Но вы молчите. Моя покойная мать повторяла: «Сынок, они просто завидуют». Возможно, это так, даже если они сами этого не знают. Но я тоже завидую. Завидую, что жизнь не требует от них делать из себя идиотов в ярмарочном балагане по шиллингу за выход, поскольку именно так это по большей части и ощущается. В любой среде, в любой профессии полностью понимают друг друга лишь люди, проделавшие один и тот же путь. Матери хотят совета от других матерей, а не от бездетных социальных работников, больные раком хотят послушать тех, кто вылечился от рака, а не докторов, которые его лечат, даже жертвы скандала хотят поделиться впечатлениями с другим политиком или знаменитостью, кто точно так же погорел. Вот такая связь существовала между Дженнифер и мной. Оба мы были писателями, чьи книги издавались с весьма умеренным успехом, и я дорожил ее дружбой. Мне хотелось сделать Дженнифер приятное, и ей, почему-то я знал это, было важно, чтобы мы приехали пожить к ним в Йоркшир. Только я считал, будто ее настойчивость объясняется дружескими чувствами, но теперь подозревал, что причина была в ином. У них оставались гостить лишь очень немногие, наверняка никто не приезжал второй раз, разве что занять денег, и выходные, когда она оставалась наедине с Таркином, видимо, становились

невыносимыми.

– Он всегда такой? – спросил я.

Искренность, с которой она благодарила меня за приезд, заслуживала прямооты и с моей стороны, хотя, когда у меня вырвался этот вопрос, я подумал: а не перегнул ли я палку?

– Когда не спит – да! – лукаво засмеялась Дженнифер. – Не могу понять: то ли он таким и был, когда мы поженились, и это я была такой юной и неуверенной, что его самодовольство приняла за образованность, а менторские сентенции – за полезные наставления, то ли это он испортился.

– Думаю, испортился, – сказал я. – Не уверен, что, будь он тогда таким, как сейчас, за него вышла бы даже Хелен Келлер^[46].

Она снова засмеялась, но печально.

– Жаль, что у нас нет детей, – вздохнула она, но, увидев мой взгляд, добавила: – Знаю: все считают, что это решило бы наши проблемы, и ошибаются.

– Не спрашивай меня. Я унылый старый холостяк, который не собирается связать себя узами брака.

– Просто мне кажется, что ребенок бы ему помог. Позволил хотя бы капельку почувствовать, что смерти нет. Дети это умеют. Или просто увидеть, как у него хоть что-то получилось. У него же никогда ничего дельного не получалось.

– Для неудачника он живет весьма неплохо.

– Это все наследство, – покачала она головой.

– Неужели? – удивился я. – Не подумал бы, что он трастафарианец^[47]. Дженнифер поняла меня и не обиделась.

– Он не из потомственной аристократии. Все эти истории про семейство Монтегю – чушь собачья. Это даже не наша настоящая фамилия. Его отец приехал из Венгрии после восстания тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. Начинал водителем грузовика, создал транспортную компанию и в девяностых ее продал. Таркин – его единственный ребенок. Кстати, мой свекор был замечательный человек. Я его очень любила, а Таркин прятал его, и нашим друзьям было запрещено с ним видаться. Теперь он хочет, чтобы все считали его деньги остатками старинного фамильного состояния, приумноженного его собственными позднейшими успехами. На самом деле ни то ни другое. Но ты, наверное, знал.

Я не стал подтверждать, чтобы не показаться надменным и снисходительным.

– В своем роде довольно романтическая фантазия.

– Долго ей не продлиться, – устало вздохнула Дженнифер, представив себе грядущий неминуемый крах. – Все это обходится намного дороже, чем мы себе представляли, а теперь, когда у нас все завязано на этот дом, доходов очень мало. Я пишу книги, так что мы, по крайней мере, можем купить еды и сходить в театр, но не знаю, сколько еще это сможет нас поддерживать. Он же архитектор-неудачник. Приглашают иногда, когда какому-нибудь бюро нужна помощь, но еще никто не попросил его остаться и работать дальше.

– Ты бы попросила?

– Наверное, в этом все и дело! – На этот раз она громко расхохоталась. – Может быть, он великолепный архитектор, но держать такого в офисе – наказание Господне.

– Так что ты собираешься делать?

– Не знаю. – (Смех сразу умолк.) – Все говорят, мне надо уйти от него, особенно меня уговаривает мама. Если бы кто-нибудь нам с ней предсказал это двадцать лет назад, мы бы обе удивились! Но дело в том, что я, как ни странно, все еще люблю его. Ты скажешь, я сумасшедшая, но я смотрю, как он до смерти всех донимает, как пытается всеми манипулировать, производить впечатление, заставлять людей им восхищаться, и знаю, что внутри он совершенно потерян и всего боится. Видит, что ничего не получается, но никак не может понять почему. К нам больше никто не приезжает.

– Кроме нас.

– Кроме таких ненормальных, как вы. И в округе никто не хочет нас принимать. Я видела, как люди закатывают глаза к потолку, когда мы входим. И понимаю, что не могу оставить его под ударом, если всем, кроме него, очевидно, что сам он себя защитить не сможет.

Хотя жизнь часто напоминает мне, что любовь, как и все остальное, бывает разной, я не перестаю удивляться, какие она принимает формы.

– Я не считаю, что ты сумасшедшая. Это твоя жизнь, – ответил я.

– Знаю. И у нее не бывает генеральных репетиций. Но даже если мои слова звучат нелогично, это я выбрала его, никто меня не заставлял, и я должна продолжать, раз уж взялась. Звучит как слова из романа Генти^[48].

– Такие слова может произнести только очень достойная женщина.

Дженнифер покраснела, и в этот момент у забора снова появилась Бриджет.

– Пойдемте со мной, пожалуйста! Если он не перестанет говорить о вине, которое мы будем пить, клянусь, я разобью бутылку с этим вином ему о голову!

Бриджет освободила Дженнифер от обременительной поклажи, подхватив на пару со мной холодильник, и повела нас на верхнюю террасу, где Таркин застолбил нам место. Под успокаивающее сочетание шума болтающей толпы, музыки и бубнежа Таркина мы распаковали еду и разложили на гостеприимно ожидающих нас ковриках, прижатых подушками.

Мы уже почти все съели, как вдруг Таркин прервал лекцию. Он рассказывал нам о египетской династии Птолемеев или о каком-то другом, столь же увлекательном предмете, и каждый из нас спрятался в свою аккуратную мысленную пещерку, как вдруг его голос изменился и приобрел взволнованные нотки.

– Они здесь!

– Кто? – Бриджет охотно была готова поддержать какую угодно смену темы.

– Семья. Клермонты!

Когда он произнес это имя, я с удивлением обнаружил, что, как в тексте какой-нибудь любовной песенки военных времен, мое сердце пропустило удар. Боже всемогущий, неужели никогда не настанет время, когда мы станем слишком старыми для таких глупостей?! Но когда я огляделся, Серены нигде не было, только группа пожилых людей в вечерних нарядах. Видимо, в доме закончился другой, более изысканный обед. Старики благожелательно взирали на толпу, мило и благочинно радуящиеся делам их рук, и среди них я заметил двух очень пожилых пенсионеров, похожих на графа и графиню Клермонт, дорогих Ру и Пел, которых я, не познакомившись с ними достаточно близко, никогда так не называл и которые некогда играли в моей жизни столь важную роль. Я смотрел на них, иконы моей юности, уверенный, что они меня не увидят. Избегал ли я их потому, что при виде меня они вздрогнут и в ужасе вытаращат глаза? Или мне было невыносимо увидеть, что они не узнают меня и я забыт окончательно? Наверное, я втайне страшился второго. Если бы кто-нибудь обмолвился, будто один из сотен участников пикника – их знакомый сорокалетней давности и за прошедшее время много, очень много раз о них думал, они бы лишь пожали плечами. Даже если бы я прошествовал перед ними собственной персоной.

Это удручающее подозрение усиливалось печальным, но бесспорным фактом: лорда Клермонта, которого я помнил, подменил какой-то другой человек. Красивый, корпулентный, сексуальный, любящий пофлиртовать гедонист с роскошной густой шевелюрой и еще более роскошной улыбкой куда-то исчез, а вместо него появился некто сухопарый и сгорбленный. Его

нос, утративший массивность и поддержку пухлых щек, стал выступающим, крючковатым, как у герцога Веллингтона, с которым этот человек наверняка имел какое-то родство. Пухлые губы словно смахнула бритва. И волос почти не осталось. Не могу сказать, что он выглядел менее благородно. Вовсе нет. Этот персонаж был похож на человека, увлекающегося поэзией и философией, размышляющего над великими вопросами жизни. А в моих воспоминаниях лорд Клермонт знал лишь, как в последний момент раздобыть удобный столик и где найти превосходное «Шато д'Икем», но не более того. Он мельком глянул в мою сторону, но, конечно, не заметил, что было неудивительно: если в те далекие годы я его знал, то он меня нет. Почти. Едва ли он замечал стеснительного и невзрачного юношу, годного лишь на то, чтобы составить партию в бридж. Но все равно, глядя на эту словно сложенную из палок фигуру с внешностью барона Мюнхгаузена, я сожалел о том мужчине, каким он когда-то был, и не мог без боли в сердце глядеть на беспощадную работу прошедших лет.

Леди Клермонт изменилась меньше. Странно думать, но я впервые познакомился с ней, когда она была еще во цвете лет. Серена – ее старший ребенок. Леди Клермонт вышла замуж рано, так что вряд ли, когда мы встретились, ей было больше сорока двух – сорока трех. Юноши, повзрослев, с удивлением осознают, как молоды в их юности были старшие. Гордость, ум и уверенность леди Клермонт подчеркивались холодной красотой и приводили меня в смятение. Да, ее красота почти исчезла, хотя и не до конца. Но даже на расстоянии я видел, что утраченное графиня возместила другими качествами, отчасти ценнее прежних. Она глянула в нашу сторону, и на мгновение, забыв обо всем, что заставляло меня съеживаться и не попадаться графине на глаза, я захотел дать ей знать о своем присутствии, но мысль о том, что она проигнорирует мои движения, и о том, как это позабавит Таркина, заставила меня остаться на месте. Тут по громкой связи передали объявление, что концерт начинается. Графиня посмотрела на мужа, вполголоса что-то предложила – видимо, вернуться на свои места, – и вся вышедшая из дому группа, согласившись, поднялась по каменным ступеням к верхней террасе.

Концерт был скорее развлекательным, чем серьезным: попури из Пуччини, Россини и Верди в исполнении военно-морского оркестра и немного Шопена, чтобы слушатели всплакнули. Последней, в качестве подготовки к антракту, исполнили «Застольную» из «Травиаты», ее неплохо спели довольно приличный тенор из какого-то северного театра и толстая сопрано из самой Италии, которая должна была, по идее, быть намного

лучше его, но недотягивала. Удачный выбор репертуара, так как глотки наблюдающей за сценой толпы уже высохли, и под финальную, взмывшую ввысь ноту слышались звуки вылетающих пробок шампанского. Таркин, естественно, заготовил какой-то редкий напиток, «Кристалл» или как-то так, и инструктировал нас, как оценить его букет, когда нас прервал человек в стильной ливрее современного дворецкого: брюки в полоску и короткий черный пиджак. Безошибочно определив, что главный у нас Таркин, дворецкий наклонился к нему и что-то тихо проговорил на ухо. Удивление Таркина усилилось до остоленения, и он указал на меня:

– Это он.

Слуга поспешил ко мне:

– Сэр, ее светлость интересуется, не желали бы вы и ваши друзья присоединиться к семье после концерта, посмотреть фейерверк с террасы.

Не скрою, от его слов у меня внутри теплом разлилось удовлетворение, как у любого, кто узнал, что отношения, которые он считал односторонними, оказались взаимными. Меня простили или, во всяком случае, не забыли. Я повернулся к остальным.

– Леди Клермонт приглашает нас, когда закончится музыка, подняться в дом и смотреть фейерверк оттуда.

Это неожиданное развитие событий было встречено гробовым молчанием.

Первой пришла в себя Дженнифер.

– Как это любезно! Мы с удовольствием примем приглашение. Пожалуйста, поблагодарите ее светлость!

Дворецкий слегка поклонился, не всем телом, а лишь легким кивком, и указал на лестницу:

– Поднимайтесь, пожалуйста, по этой лестнице наверх... – Он остановился и снова посмотрел на меня. – Вы ведь, конечно, знаете дорогу, сэр.

– Да.

– Они будут в гобеленовой гостиной.

– Благодарю вас.

Дворецкий поспешил вернуться к своим привычным обязанностям. Установилась тишина. Три человека молча уставились на меня.

– «Вы ведь знаете дорогу, сэр?» – Единственный раз Таркин забыл о своем правиле никогда не удивляться.

– Я часто бывал здесь в молодости.

Таркин замолчал. К этому моменту я уже достаточно хорошо изучил его и понимал, что он размышляет о случившемся, пытаюсь понять, как

вернуть себе власть над ситуацией. И пока что решение к нему не приходило.

– Почему ты не сказал? – вполне резонно спросила Дженнифер.

– Я не знал, куда мы едем, пока не очутились здесь. Мы спрашивали, но Таркин отказался говорить. – (Дженнифер бросила на призадумавшегося супруга быстрый укоризненный взгляд.) – И я не был уверен, что им захочется снова меня видеть по прошествии стольких лет. Действительно, я останавливался здесь в один из периодов моей загубленной юности, но это было сорок лет назад.

– Значит, у этой твоей леди Клермонт очень зоркие глаза. – Бриджет говорила насмешливо, словно ставила кавычки, как она всегда делала, сталкиваясь с какой-то частью моего прошлого, которая ее пугала.

Я уже без дополнительных пояснений знал, что все подробности наших неуютных выходных, включая этот эпизод, будут для нее весьма неприятны. Но прежде чем мы успели это обсудить, оркестр снова вступил, и на нас полетела облегченная обработка «Quando m'en vo'» из «Богемы», которую иногда играют для забавы, но в концертах она вызывает слезы. И вскоре все эти мастера охоты на лис и пожизненные президенты оргкомитета деревенской цветочной ярмарки потянулись за носовыми платками.

Я знал, что гобеленовая гостиная выходит в сад прямо над нами, но остатки подростковой робости подсказали мне, что вломиться через французские окна с толпой чужих людей было бы чересчур с моей стороны. Поэтому я продумал план, по которому в конце представления мы закинем остатки пикника в машину, чтобы не возвращаться за ними потом, и пройдем к входным дверям дома. Программа вечера четко указывала, что между концертом и фейерверком есть пятидесятиминутный перерыв, чтобы хорошенько стемнело, так что время у нас было. Мы войдем в дом через парадную дверь, как нормальные люди, и никто не решит, будто мы атакуем наших хозяев из засады.

Когда мы пришли, я порадовался своему решению, так как к дому прибывала немалая толпа, и было件нятно, что Клермонты хитро все продумали. Они задобрили тех местных жителей, кто считал, будто имеет право быть принятым семьей, но избавились при этом от тяжелой обязанности устраивать обед на всех желающих. Холл в аббатстве Грешэм был просторным, с высокими потолками и каменным полом. Квадратное помещение замыкал ряд колонн. За ними поднималась на следующий этаж изящная консольная лестница с такими мелкими ступенями, что женщина, спускающаяся по ним в длинной юбке – неотъемлемая для нашего

поколения деталь вечернего платья, – словно плыла по воздуху, едва касаясь ступеней ногами. Для мужчин движение по этой лестнице было более затруднительным: им приходилось усвоить, что каждый шаг приближает их к цели не более чем на дюйм. Но наблюдать за скользящими по воздуху, летящими женщинами было волшебным, мне это очень хорошо запомнилось.

Вывешенные здесь портреты были отобраны леди Клермонт во время крупной перестановки, когда они с мужем получили в свое пользование этот дом – в 1967 году, как раз перед моим первым приездом. Я сразу заметил, что все остались на тех же местах. Леди Клермонт сама признавалась, что картины совершенно беззастенчиво были выбраны исключительно за свой внешний вид. Несмотря на трагические протесты ныне живущих тетюшек лорда Клермонта, благородные государственные мужи викторианских времен, в черных фраках, словно гробовщики, устрашающие георгианские солдаты, все краснолицые и с волевыми подбородками, тюдорианские придворные с хитрыми глазами и жадными ртами и члены их семей, как правило, уродливые, были изгнаны в передние, коридоры и спальни, за исключением тех, что принадлежали кисти по-настоящему знаменитых художников. Те либо очутились в библиотеке, либо висели суровыми двойными рядами на обтянутых малиновым дамастом стенах большого обеденного зала. Обе последние комнаты, как объясняла мне леди Клермонт, считаются мужскими и должны смотреться внушительно, но не слащаво. Здесь, в холле, изображения очаровательных детей всех исторических эпох перемежались написанными по случаю окончания Итона портретами красивых нервных юношей, трепещущих от предвкушения лежащей перед ними безоблачной жизни. Здесь же были изображения очаровательных девушек семейства Грешэм, написанные в день их помолвки с гордыми вельможами или как часть серии портретов придворных красавиц для короля Карла II или принца-регента. Они улыбались сверху вниз собравшимся в зале поклонникам. Их сияющие золоченые рамы удачно оттенялись абрикосового цвета стенами и вычурной лепниной оттенков серого и белого. В центре потолка висела огромная люстра, как водопад сверкающих капель, заledenевших в падении от взгляда Снежной королевы.

– Как чудесно! – воскликнула Дженнифер, оглядываясь вокруг, чем навлекла на себя суровый взгляд своего мужа: любые проявления, выдававшие, что их семья не навещается сюда регулярно, необходимо сдерживать.

Дженнифер, как и я, конечно, тоже это поняла, но приняла необычное для себя решение: не подыгрывать его тщеславию. Бриджет, естественно, запряталась в одно из своих типичных состояний безмолвной иронии, но у меня не было времени им заняться. Я снова у Грешэмов, на что уже и не рассчитывал, поэтому намеревался насладиться происходящим в полной мере.

Гобеленовая гостиная располагалась в углу выходящего на парк фасада, и легче всего попасть туда было через овальную прихожую в дальнем конце холла, где две двери вели налево, в обеденный зал, и направо, к цели нашего пути. Это было очаровательное место. Стены покрывал тускло-синий муар с кремовыми, позолоченными по краю панелями вдоль нижней части стены. По высоким дверным рамам со вставленными в них десюдепортами^[49] крем и позолота поднимались выше, к потолку. На огромных синих пространствах стен была вывешена коллекция гобеленов, увековечивающих ряд воинских побед – насколько я понимаю, герцога Мальборо. Я забыл, почему именно они здесь. Может быть, кто-то из предыдущих Клермонтов внес свой вклад в славу доблестного герцога. Сейчас, когда я это пишу, мне кажется, что именно по этой причине семейство и удостоилось в 1710 году графского титула. Под нашими ногами стелился слегка морщинившийся складками восхитительный обюссонский ковер, на котором стояла роскошная мебель, а самыми впечатляющими здесь были напольные часы, семи футов высотой, на постаменте с украшенным позолотой инкрустированным корпусом. Часы были пожалованы третьему герцогу российской императрицей Екатериной за какую-то личную услугу, но суть ее никто не мог внятно объяснить. Дворецкий, с которым мы разговаривали во время антракта, держал поднос с бокалами, а пара служанок ходила по залу с вином и закусками. Леди Клермонт, с ее удивительным вниманием к деталям, никогда не покидавшим ее, приготовила мини-угощения в форме ангелов на лошади и крохотных, на один укус, гренок с сыром и грибами – все это охотно съедалось, даже после обеда.

– Вот и вы! Мы глазам своим не поверили, когда вас увидели. – Леди Клермонт энергично поцеловала меня в щеку, не признавая двойного поцелуя, появившегося в семидесятых. – Надо было дать нам знать, что вы придете.

Я представил своих спутников, все поздоровались за руку. Одна Дженнифер поблагодарила за приглашение, а Таркин попытался завести разговор про знаменитые часы, о которых он, само собой, досконально знал все. Но леди Клермонт за свою долгую жизнь научилась избегать подобных

вступлений и, очень быстро кивнув, улыбкой дала понять, что выслушала достаточно. После чего повернулась к своей престарелой соседке и представила меня.

– Вы помните миссис Давенпорт? – спросила она.

Поскольку женщина выглядела отдаленно знакомой, я кивнул, пожимая морщинистую руку.

– В конце шестидесятых он постоянно здесь бывал! – с веселым смехом пояснила леди Клермонт. – Мы его очень жалели. – Она снисходительно посмотрела на меня, и я почувствовал, как у меня сжалось горло от предчувствия того, что последует дальше, но графиню было уже не остановить, и, оглядевшись, чтобы охватить как можно бóльшую аудиторию, она добавила: – Он так был влюблен в Серену!

И они с миссис Давенпорт весело рассмеялись, вспоминая мои мучительные страдания, которые до сих пор не давали мне спать по ночам и, как мне казалось, были надежно скрыты от всех, кроме меня. Я улыбнулся вместо ответа, показывая, что мне самому смешно, как я с ноющим сердцем бродил по этим очаровательным комнатам. Но ее ровный, спокойный голос приглушил старую боль. Леди Клермонт продолжала болтать о том о сем, о Серене, об остальных детях, о славной погоде, об ужасном правительстве – вся обычная чепуха на коктейльном приеме в загородном доме. Интересно, что она не упомянула о событии, которое давным-давно положило конец моим мечтаниям. А ведь мы оба при нем присутствовали. Сравнительно недавнее американское новшество: представление, будто необходимо все проговорить. Старые английские традиции не будить спящую собаку и заматывать мусор под ковер были презрительно отвергнуты. Но кто выигрывает от этого постоянного расчесывания давних болячек? «Нам надо поговорить», – неизменно произносит хотя бы один персонаж в каждой современной телевизионной драме, и зритель уже готов закричать в экран: «Зачем? Пусть все идет, как идет!» Но я не удивился, что леди Клермонт избежала влияния традиции беречь старые раны. В каком-то смысле ее приглашение говорило: «Все в порядке. Как и ты, мы продолжаем жить дальше. И после стольких лет мы, конечно же, снова можем поболтать, как нормальные люди, и ни о чем не вспоминать». Пусть даже она высмеяла мои любовные муки, я оценил ее деликатность.

К тому времени, как я покончил со своими размышлениями, потоки людей разделили нас. Таркин, с восторгом выслушав наш разговор, не мог решиться, то ли воспользоваться подшучиваниями нашей хозяйки как способом принизить меня и тогда повеселиться на счет моего давнего

неудачного романа, то ли заключить, что один факт моих частых появлений у Грешэмов, настолько частых, что леди Клермонт даже знала о моей любви к одной из ее дочерей и теперь принимает меня как старого друга, дает мне право на особое обращение. Я оставил его колебаться. Дженнифер ушла в другой конец зала, отыскав кого-то знакомого, и они достаточно весело щебетали. А Бриджет, как обычно считая себя обиженной тем, что оказалась в несвойственной ей обстановке, дулась на меня, поэтому в результате я остался один в болезненно знакомых интерьерах моего прошлого.

Сжимая в руке бокал, кивая и улыбаясь, я протиснулся через толпу обратно к овальной прихожей. По дороге сюда мы быстро проскочили ее, но я хорошо помнил, что она была очень милой. Небольшая, но тонко отделанная и гостеприимная, она была обита легким дамским ситцем и заполнена легкими дамскими предметами. Эта комната служила будуаром, и у стены стоял письменный стол леди Клермонт – бюро, покрытое превосходной резьбой. По нему были разбросаны бумаги, письма и записки. Я обвел взглядом серию миниатюрных фламандских картин, изображающих пять чувств, работы Давида Тенирса-младшего примерно 1650-х годов. Я всегда ими восхищался и сейчас приветствовал как старых друзей. Какие же они утонченные, как детально выписаны! Странно, что с тех пор, как просохла краска, не одно, не два – двадцать поколений родились, строили планы, мечтали, сражались с разочарованиями и умерли. Я прошел к дверям обеденного зала. Они были закрыты, но я повернул ручку и открыл одну половинку, напугав служанку, которая заканчивала накрывать на стол.

– К завтраку больше четырнадцати человек? – улыбнулся я, показывая, что пришел с миром.

Служанка немного успокоилась и ответила с густым и теплым йоркширским акцентом:

– Будет девятнадцать. С теми двумя леди, которые заказали завтрак в постель.

– Я помню, существовало правило, что если гостей четырнадцать и меньше, то завтракали мы в малой столовой. Если больше, тогда накрывали здесь.

Мне удалось завладеть ее вниманием. Ей даже стало любопытно.

– Значит, вы уже бывали здесь? – Она глянула на меня более пристально.

– Да. Было время. Приятно видеть, что ничего не изменилось.

И я не кривил душой. Я с радостью обнаружил, что здесь, в этом

обособленном уголке моей жизни, все по-прежнему, хотя все остальное в ней изменилось. Позже я узнал, что и это отчасти иллюзии. В семидесятых поместье пережило кризис, из которого успешно выбралось в середине восьмидесятых стараниями нового талантливое управляющего.

Подобная история со счастливым концом была типична для многих знакомых мне семей до их временного падения. Могла оказаться типичной и для всех, если бы многие не поддались самому опасному из современных веяний среди родившихся в богатых семьях: желанию доказать себе и всем, что их деньги есть отражение их собственных мозгов и таланта. Преимущество этого убеждения в том, что оно избавляет от необходимости испытывать благодарность к предкам и уважать преуспевающего приятеля, который пробился к успеху своими силами и теперь может заявить свое моральное превосходство над теми, чье завидное положение обязано заслугам других людей. Недостаток этой позиции в том, что она неверна. Не желая принимать эту данность, по всей стране богатые, но недалекие аристократы, следуя наущениям консультантов, лишенных ума и чести, беззаботно ввязывались в проекты, сути которых не понимали, и делали финансовые вложения, не приносящие дохода, до тех пор, пока собственное невежество не приводило их к краху. Могу назвать человек двадцать своих знакомых, чье состояние насчитывало бы на несколько миллионов больше, чем сейчас, если бы они остались в спальне и не спускались вниз. И еще несколько тех, кто начал, имея все, а закончил ни с чем. Женщины, которые, как правило, прагматичнее и испытывают меньше потребности гордиться своими деловыми качествами, проявили себя более здравомыслящими людьми. Леди Клермонт наверняка не разрешила своему обожаемому супругу встать у руля – или хотя бы рядом, – когда возник вопрос об управлении наследством семейства Грешэм.

– Зря мама это сказала. Надеюсь, не она заставила тебя приехать? – (При звуках этого голоса я всегда терялся.) – Если ты и вправду был хоть чуть-чуть в меня влюблен, мне это невероятно льстит.

То, что Серена оказалась здесь, было для меня радостью, но то, что она слышала слова своей матери, – кошмаром. В этих смешанных чувствах я обернулся и увидел ее. Она смотрела на меня через дверь из передней комнаты.

– В те времена я надеялся, что никто не догадывается.

– Первое время я тоже не догадывалась.

– До Португалии.

– Раньше. Но это не важно. – Неудивительно, что она не хотела вспоминать. – Конечно, мама мне потом сказала: она догадалась, еще когда

ты остался здесь в первый раз, но матери в таких делах всегда проницательнее.

– Твоя, по крайней мере. – (Мы оба улыбнулись.) – Очень любезно с ее стороны, что она не заговорила об Эшториле. Поняла, что я после этого никого из них не видел.

– Так-таки и не видел?

– Может быть, случайно, где-то в зале, на летнем приеме в аукционном доме «Кристис», например, но с того вечера по-настоящему ни с кем не говорил.

– Это было уже так давно, – пожала плечами Серена.

Я смотрел и удивлялся ей. Как уже говорилось, за эти годы мы с ней изредка сталкивались, так что нельзя сказать, что наши встречи разделяла пропасть в четыре десятилетия, но облик Серены всегда меня восхищал. Прежде всего, складывалось ощущение, что за каждые наши десять лет она старилась на один год. Можно сказать, она практически не изменилась. Несколько новых морщинок в уголках глаз, легкие складки у рта, чуть посветлевшие волосы – не более того.

– Вы все сюда приехали на выходные? – спросил я.

– Большинство. Мама велела всем быть как штык. На тот случай, если все сорвется и нам надо будет спасать праздник. Но в этом году организаторы поработали намного лучше, чем в прошлом.

– Мэри с тобой? И Руперт?

– Мэри – да. В последний раз я видела ее в зале. А бедняжка Руперт в Вашингтоне. Уже три года его туда направляют.

– В Вашингтон? Это почетно!

– Почетно и скучно. Мы очень хотим, чтобы его послали куда-нибудь в Париж или Дублин, туда, откуда он сможет ездить домой на выходные.

– А Пенистон? Ты привезла его с собой?

У Серены было двое детей. Старшая, Мэри, которую я впервые после многих лет должен был сейчас увидеть, вышла замуж за первого секретаря посольства в Вашингтоне Руперта Уинтура и скоро рассчитывала стать супругой посла. Ребенком Мэри была во всех отношениях непримечательна и страшно походила внешностью на своего отца, так что, когда я впервые услышал о ее браке, признаюсь, у меня возникли однозначные подозрения касательно мотивов мужа. Его отец, сэр Уинтур, не помню имени, был предпринимателем, а мать раньше работала косметологом, так что старшая дочь графа выглядела подозрительно удачным для него выбором. Но когда я познакомился с Рупертом лично, то понял, что был к нему несправедлив. Он оказался человеком незаурядным. Второй ребенок Серены, такой

необходимый наследник, Пенистон, был чуть моложе сестры. Я иногда видел его у них дома на Лансдаун-Кресент, как раз когда наша дружба с Сереной сходилась на нет.

– Пенистон здесь, но он приехал сам. Он ведь женат и у него самого дети. Я уже трижды бабушка.

– Не верю!

Серена мило улыбнулась, привычная к комплиментам:

– Хелена приехала с Уильямом и мальчиками. Тебе надо с ними поздороваться. И с Энтони. Не знаю, где сейчас Венеция. Мама говорит, в Нью-Йорке, но на прошлой неделе я получила открытку из Сингапура. Ты же знаешь Венецию. – Серена завела глаза к потолку и вежливо засмеялась.

Их было три девочки – Серена старшая – и брат, наследник всего этого королевства. Хелена, вторая дочь Грешэмов, вышла замуж за добродушного баронета из соседнего округа, землевладельца и банкира. Этот союз удовлетворял ее мать, хотя в восторг и не приводил. Но младшая сестра, Венеция, бросила семье вызов, приняв предложение поп-импресарио. Прекрасно помню этот эпизод. Поначалу Клермонты наотрез отказывались давать согласие. Но к всеобщему удивлению – Венецию никогда не считали своевольной бунтаркой, – она стояла на своем, и в конце концов родители уступили, вместо того чтобы обречь себя на скандал, каким стала бы свадьба без их присутствия. Как говаривал мой отец, никогда не предоставляй материала для газетчиков. В итоге Венеция вышла победительницей. Ее муж сколотил в музыкальной индустрии огромное состояние, и сейчас она была богаче всех членов семьи, по крайней мере не беднее. Но семья, продолжая мстить, относилась к Венеции покровительственно, словно ее жизнь и по сей день была тривиальна и бессмысленна.

Как ни странно, единственного сына Клермонтов, Энтони, мы знали меньше всех. Он появился после Серены и раньше остальных сестер. Когда мы с Сереной бегали по балам, Энтони был еще юн, почти мальчик, но даже когда он вырос, мы так ничего про него и не поняли. Энтони, разумеется, получил хорошее воспитание, с ним можно было поговорить за ужином или выпить перед обедом, но он всегда оставался непроницаемым. Ничего про себя не говорил. Такой человек спустя годы может оказаться террористом или серийным убийцей, и никого это особо не удивит. Мне тем не менее он нравился, и скажу, что он никогда не демонстрировал назойливую привычку, свойственную многим: не кичился тем, сколько скрывает от окружающих. Энтони ничего не говорил о себе, но без позерства, таинственности или тщеславия.

– Как у тебя-то дела? – спросила Серена. – Вышла новая книга? Не стоило мне спрашивать. Стыдно, что я не знаю.

Есть такой способ интересоваться творческой карьерой. Он может показаться проявлением великодушия, но на самом деле умудряется обратить значимость этой карьеры в ничто. Под восторженной благожелательностью скрывается пренебрежение, как бывает, когда рисунок маленькой девочки хвалит человек, не умеющий обращаться с детьми. Никто не владеет этим способом более виртуозно, чем истинно аристократические снобы.

– В марте выйдет.

– Обязательно нам скажи, когда выйдет.

Такие люди говорят знакомым, работающим в СМИ: «Скажи мне, когда тебя в следующий раз будут показывать по телевизору!» – «Сообщи нам, когда тебя опубликуют!» – «Скажи заранее, когда тебя опять позовут в „Есть вопросы?“»^[50]. Можно подумать, как только в программу будет поставлено мое выступление, я сяду и разошлю три тысячи открыток. Спрашивающие и сами понимают, что этого никогда не будет. На самом деле подразумевается следующее: «Мы не настолько интересуемся твоими делами, чтобы знать о таких событиях, если ты не дашь нам о них знать. Ты же понимаешь, они не вписываются в наш мир, так что прости нас, пожалуйста, если мы пропустим все, где ты участвуешь». У Серены, в отличие от многих, получилось по-доброму, но не могу скрывать, порой такие слова вызывают досаду.

– Когда ты узнал, что сегодня будешь здесь? – продолжала она все с той же доброжелательностью. – Мог бы нас предупредить! Пришел бы к нам на ужин.

Я объяснил, как все получилось. Серена удивленно подняла брови:

– Это твои друзья? Он заработал себе титул главного зануды округа. Но может быть, мы просто к нему несправедливы?

– Я бы не сказал.

– Все равно хорошо, что ты опять приехал! – рассмеялась она. – Здесь что-нибудь изменилось?

– Почти нет. Не настолько, как все остальное в моей жизни.

– Путешествие по улице памяти.

– Я сейчас живу непосредственно на улице памяти.

Это требовало объяснения, и я отчасти его предоставил. Я не назвал ей причину, по которой расспрашиваю всех этих женщин из нашего общего прошлого, сказал только, что Дэмиан хотел узнать, что с ними стало, и обратился за помощью ко мне, прежде всего потому, что познакомился с

ними через меня.

– Но почему ты согласился? Это же должно отнимать кучу времени! И ему ты точно ничего не должен, – многозначительно добавила она.

– Сам толком не знаю, почему этим занимаюсь. Не собирался, когда он обратился ко мне с этой просьбой, но потом увидел, что он умирает... – Я осекся. Серена была явно потрясена, и я пожалел, что сболтнул лишнее.

– Умирает?

– Боюсь, что да.

Она осознала сказанное, пытаясь прийти в себя.

– Как странно... Трудно представить, что такой человек, как Дэмиан Бакстер, может умирать.

– Тем не менее...

– Да... – Она уже вполне владела собой. – Что ж, печально. Удивительно и печально.

– С ним всегда случалось много удивительного.

– Не согласна, – покачала головой Серена. – Он яркий человек, но бо́льшая часть того, что он натворил, было не удивительно, а неизбежно. Неудивительно, что он так ловко проник на сезон. А также что заработал больше денег, чем кто-либо в обозримой истории. Я с самого первого момента, как познакомилась с ним, знала, что так и будет. Но умереть за тридцать лет до срока...

– Откуда ты знала?

Серена задумалась:

– Наверное, потому, что он всегда был озлоблен. А по моему опыту, люди, которые озлоблены с молодости, либо взрываются и сходят на нет, либо достигают невероятных успехов. Когда я услышала, что он нацелился на Сити, то поняла, что в конце концов он заработает миллионы.

Я не смог сдержать любопытства, хотя ощущение было такое, будто я что-то откусываю шатающимся зубом.

– Тебе он нравился? При всем при том?

Серена глянула на меня. Она поняла смысл моего вопроса, несмотря на то что после всех прожитых лет Дэмиан не имел ни малейшей значимости ни для ее жизни, ни для моей. Но при этом Серене было свойственно типичное для людей ее племени нежелание раскрывать свои чувства, если это может быть использовано против нее.

– В какой-то момент, – все же кивнула она. И словно подобрала с пола свои латы и снова крепко затянула их на себе. – Нам надо идти к остальным. Скоро начнется!

В ответ на ее слова внезапно послышалось громкое шипение, и сквозь

незашторенные окна мы увидели, как по ночному небу несется ракета. Она с грохотом разорвалась и осыпалась бурным дождем золотых искр под одобрительное «О-о!» собравшейся толпы.

– Эндрю здесь? – Из соображений простой вежливости я дольше не мог избегать этого вопроса. Но он все равно прозвучал неловко, словно прилип к моим губам.

– Он на улице, с детьми, – кивнула Серена. – Любит фейерверки.

Передняя комната у нее за спиной вдруг снова начала наполняться людьми. Те, кто сидел в смежной гостиной, высыпали наружу, пытаясь воспользоваться другим выходом на улицу. Серена пошла к ним. Я не отставал. Мы вышли через открытые французские окна, и нас мгновенно охватил неожиданный холодок ночного воздуха. Справа из дверей гобеленовой гостиной выходили остальные гости, и широкая терраса уже была заполнена. Еще одна ракета, еще один мерцающий фонтан, и еще один вздох толпы.

– Эндрю, посмотри, кто здесь!

Меня до сих пор задевает, что из всех людей на земле Серена вышла замуж за Эндрю Саммерсби. Как могла моя богиня по доброй воле выйти за это глупое животное? Шекспировская Титания, по крайней мере, выбрала своего ткача Основу, находясь под действием зелья. Моя Титания выбрала своего Основу в здравом уме и твердой памяти, и глаза у нее были широко открыты. Безусловно, все мы знали, что леди Клермонт активно подталкивала дочь к этому браку, следуя общепринятой мудрости, что задача матери – обеспечить дочери достойное замужество, а добыть мужа, равного жене по положению и богатству, – оправдывает любые ухищрения. И конечно, все знали, что леди Белтон толкала с другой стороны, да так, что могла вывихнуть себе плечо. Но тогда еще трудно было это понять, а по прошествии времени еще труднее. Я молча размышлял, стала бы сегодня леди Клермонт, приобретя новые ценности и познав современный мир, настаивать на этом браке столь неистово. Скорее нет. Но к чему эти размышления? Если бы у моей бабушки были колеса, она была бы не бабушка, а трамвай.

Тупое, звериное лицо Эндрю – еще шире, глаже и краснее и, если это возможно, еще отвратительнее, чем я помнил, – безучастно повернулось ко мне и самодовольно и степенно кивнуло.

– Добрый вечер, – произнес Эндрю, ничего не спросив даже из вежливости, хотя мы не виделись очень давно.

Бриджет пробралась к нам сквозь толпу и выбрала самый подходящий момент, чтобы нарочито ревниво взять меня под руку, обозначив свое право

собственности, и самодовольно улыбнулась Серене. Меня все это раздосадовало, но я не подал виду.

– Знакомьтесь, Бриджет Фицджеральд, – сказал я и кивнул на своих спутников: – Эндрю и Серена Саммерс... – Я прикусил язык. Ошибка! Отец Эндрю умер, и я это знал. Просто не подумал. – Прошу прощения: Эндрю и Серена Белтон.

Серена улыбнулась и пожала руку Бриджет, но Эндрю почему-то выглядел оскорбленным и отвел взгляд к фейерверку. Тогда мне показалось, что это из-за моей ошибки в фамилии, но сейчас, когда я вспоминаю о его полном отсутствии воображения и мозгов, у меня закрадывается ужасное подозрение, что он желал быть представленным человеку низшему по положению не иначе как лорд Белтон. Возможно, вам трудно будет поверить в такое предположение, но могу вас уверить, что среди истинных аристократов он был не одинок в этом виде безумства: подражать своим отцам в одежде и обычаях полувековой давности и старше. Все они пребывают в заблуждении, что это индикатор благовоспитанности, а вовсе не категорическое доказательство их идиотизма.

Серена продолжила как ни в чем не бывало, словно грубость мужа была вполне нормальным делом. Видимо, для нее она и впрямь была нормальна.

– Это моя дочь Мэри. А это сын Пенистон.

Представляли их для Бриджет. Я улыбнулся и поздоровался. Мэри ответила на приветствие любезно, это я с удовольствием отметил, и Пенистон тоже протянул руку. Они явно знали, кто я, и это для меня было трогательно и лестно. Серена тоже улыбнулась, радуясь присутствию детей.

– Когда ты в последний раз их видел?

– Боюсь, в прошлой жизни, – улыбнулся я и пожал молодому человеку руку. – Не буду вспоминать девочку, надувшуюся оттого, что заставляют надеть какое-то ненавистное выходное платье, или мальчика в синем комбинезончике, разъезжающего по кухне на своем первом трехколесном велосипеде.

– Вот здорово! – воскликнул Пенистон.

– Помню это платье, – подхватила Мэри. – Его прислала бабушка, и оно все было в жутких оборках, как на картинке из хрестоматии пятидесятих годов. Я была готова орать, пока не лопну, но только не надевать его, и сейчас бы сделала то же самое!

Мы засмеялись, и я обнаружил, что пересматриваю свое мнение о Мэри, пусть даже ее сходство с отцом было отталкивающим. Бриджет все

это время выглядела отрешенно, а Эндрю снова напустил на себя оскорбленное выражение, которое, как я уже понял, было для него привычным. Никакого явного повода к тому не было, хотя, возможно, упоминание детских истерик его дочери или комбинезона его наследника было с моей стороны неуважением к его величию. Не знаю и не стремлюсь узнать.

Но молодые брат с сестрой сгладили острый момент, начав болтать о незначущих предметах, и невоспитанность Эндрю вскоре была забыта. Похоже, Пенистону с сестрой часто приходилось брать на себя эту работу – прикрывать чудачества своего невозможного папы. Я не был расположен полюбить юного виконта Саммерсби – сейчас этот титул перешел к нему, – поскольку меня передергивало от одной этой фамилии, но даже мне пришлось признать, что он, судя по всему, неплохой мальчик. Не буду лукавить, он был не слишком хорош собой, полноват и мал ростом, но лицо приятное, хотя и некрасивое. Впрочем, на мои впечатления полагаться не стоит. Большинство мужчин, да и женщин тоже, испытывают двойные чувства к детям тех, кого когда-то любили. Особенно если отношения между ними прекратились не по их инициативе. Эти мальчики и девочки, символы ужасной ошибки провидения, не должны были родиться, если бы все пошло по-другому. Но ведь это не вина детей, верно? Рано или поздно все приходит именно к этой мысли. Так получилось и у меня по отношению к Мэри Уинтур и Пенистону Саммерсби. Известия о предстоящем рождении каждого из них разрезали меня как ножом, сверху донизу. Но когда мне представили этого славного мужчину и эту милую женщину, все было совсем иначе, и даже я понимал, что несправедливо ненавидеть их из-за того, что их отец – болван, а мать разбила мне сердце. Ни у одного, ни у другого почти ничего не было от Серены, а с возрастом стало еще меньше. В детстве Мэри была Эндрю в миниатюре, намного больше, чем брат, но в тот вечер и Пенистон, если выбирать из двух родителей, больше походил на отца. Счастье для обоих и для их будущего, но оба унаследовали обаяние не от Эндрю.

– Бабушка страшно разволновалась, когда заметила вас. Она очень гордится знакомством с настоящим романистом, – улыбнулся Пенистон. – Прочитала все, что вы написали.

– Я польщен.

Я и впрямь был польщен. И поражен. Мне уже больше не казалось таким неожиданным, что меня отыскивали в толпе.

– Просто ей приятно, что она знакома с писателем. Большинство ее друзей с трудом могут дочитать до конца ресторанный счет.

В этот момент к нам присоединилась приятная женщина тридцати с небольшим лет.

– Это моя жена Энн.

– Пенистон говорит чистую правду. Ру в восторге, что вы здесь. Знаете, у нее есть все ваши книги! Наверное, она сейчас выставляет их на полке, чтобы вы их подписали.

– Ей нужно только сказать.

Поскольку интерес леди Клермонт к моей работе, как можно предположить, подразумевал хотя бы небольшой интерес и ко мне лично, меня позабавило, что за сорок лет она ни разу не пригласила меня ни на один прием, ни здесь, в Грешэме, ни в Лондоне, и не предприняла ни малейшей попытки возобновить знакомство. Почему, если ее восторг перед моими трудами столь велик? В то время моя параноя немедленно приписала объяснение вечеру в Эшториле, но сейчас я уверен, что ошибался. Время от времени попадаются случаи подобной необычной робости среди благородного сословия, и в этом нет ничего плохого или постыдного. Полагаю, это обратная сторона их стремления смотреть на всех свысока. Они продолжают проводить строгую границу между своим миром и вашим, но в данном случае она проявляется через смиренное молчаливое признание, что их мощь и власть не всегда производят впечатление на тех, кто ориентируется на иные ценности.

– Вы все пропустите, – вклинился в наше оживление голос Эндрю, и мы послушно обратили взгляды обратно к фейерверку.

Шипение, взрыв, ахи. Шипение, взрыв, ахи. Шоу завершилось картиной, которая задумывалась как эффектная демонстрация герба Грешэмов: вставший на дыбы лев держит в лапах флаг. В реальности получилось не совсем как задумано, ибо часть львиной головы не зажглась и изображение вышло мрачноватым, но даже при этом финал получился грандиозным. Тут все и закончилось. Гостям, внутри и снаружи, по крайней мере тем, кто не оставался ночевать, пора было двигаться к выходу, не слишком при этом задерживаясь. Я сумел отыскать в толчее наших хозяев, чтобы поблагодарить и попрощаться.

Леди Клермонт все так же улыбалась со знакомым блеском в глазах.

– Надо вас сюда затащить. Если у вас найдется время.

– Я здесь на все выходные, так что какое-то время смогу выкроить.

– А-а, ну да, конечно! Вы же с этими странными людьми, которые сейчас владеют Молтон-Тауэрсом.

Фраза «с этими странными людьми» сказала мне все о шансах Таркина быть принятым жителями округа.

– Одна из прабабушек Генри выросла в Молтоне, – продолжала графиня. – До войны он часто там гостил. Но тебе ведь там всегда не нравилось? – Она посмотрела на мужа.

– Чертов дом! – кивнул тот. – Сроду не бывал в более мерзком помещении. Холодная еда, холодные ванны, все холодное. За все годы, что я туда ездил, мне там ни разу не удалось заснуть. – Было заметно, что его светлость подустал от этого бесконечного вечера и уже совсем готов отправиться спать, но еще не договорил. – Они спятили, что взяли его благоустраивать. Этот дом погубил моих двоюродных братьев, погубил все организации, которые приходили после них. У моих родственников, по крайней мере, была земля, это им серьезно помогало. А ваши друзья купили просто бездонную яму.

Мне это показалось не только весьма точным, но и обнадеживающим описанием. Глядя на то, как Таркин с супругой из раза в раз бросают последний пенни на поддержание этой псевдоаристократической аляповатой фантазии, легко забыть, что есть еще люди, для которых это нормальные дома, где должна протекать нормальная жизнь. Если там неудобно жить, то ничего не поделаешь. Не важно, что там лепнина, резьба Гринлинга Гиббонса и привидение Марии Стюарт в восточном крыле. В пренебрежительном отзыве графа о Молтон-Тауэрсе звучала расчетливость, она спустила с небес на землю мои собственные впечатления, избавляя меня от необходимости выказывать благоговение. Во всяком случае, лорд Клермонт высказал свое мнение, и не было смысла заставлять его пояснить свои слова, поэтому я просто кивнул и пошел дальше.

В зале я заметил Серену. Она стояла с семьей и разговаривала с Хеленой, которая выглядела намного старше своей старшей сестры. Но встретила она меня по-дружески, поцеловала и пожелала всего наилучшего, а я стоял и широко улыбался, глядя ей за спину на предмет моей давней неразделенной страсти. Сейчас мне трудно объяснить, почему, увидев в тот вечер Серену, я не только не упал духом, как легко можно было бы себе представить, но, наоборот, воспрянул. Я чувствовал себя великолепно, клево, молотком, отпадно – какое еще слово из семидесятых тут подойдет? – и все оттого, что мне напомнили, как страстно я когда-то мог любить. На самом деле все еще любил. В груди словно возродились мышцы, атрофировавшиеся было за неиспользованием. Так же прибывает сил, когда, взяв карты с сукна, обнаружишь, что тебе сдали туза. Даже если не представится шанса им походить, знаешь, что с тузом на руках ты увереннее и сильнее.

– Как приятно было тебя повидать! – с воодушевлением сказала

Серена, словно на самом деле так думала.

– Мне очень понравился вечер. – Я чувствовал, что мой тон странно ровен, почти холоден, хотя я не испытывал к ней холодности, совсем наоборот.

Ничем не могу объяснить, разве что предположить, что англичанин моего поколения не рискует проявлять подлинные чувства. Такова его натура, и с ней ничего не поделаешь.

– Мы ведь тут все твои поклонники. – И снова она улыбнулась блаженной улыбкой. – Надо постараться заманить тебя в Уэверли.

– Я с удовольствием. А пока – удачи тебе во всем!

Мы коснулись щеками, и я пошел к выходу. Но не успел пройти и нескольких шагов, как услышал сзади негодующий вопрос Эндрю:

– В чем это удачи? Что он хотел этим сказать?

Признаюсь, искушение было слишком велико, и я юркнул за дверь, оставаясь невидимым.

– Ничего не хотел сказать. Просто удачи. Только и всего. – Терпеливым и выдержанным тоном Серена обращалась к нему так, как люди успокаивают ретивую лошадь или расшалившуюся собаку.

– Странная какая фраза. – Он кашлянул, чтобы привлечь к себе ее внимание. – Я несколько удивлен видеть его таким сияющим, а тебя такой радушной, после всего, что произошло.

– Ой, ради бога, не начинай! – Сейчас они остались одни, по крайней мере так думали, и Серена менее тщательно следила за интонациями. – С того вечера, о котором ты говоришь, мы видели падение коммунизма, Балканы в огне и крах британского образа жизни. Если мы это пережили, то уж в состоянии забыть один пьяный вечер сорокалетней давности...

Бриджет с нехорошим выражением на лице уже тянула меня за рукав, и мне пришлось уйти, не услышав остального. Если Эндрю было что добавить после отповеди Серены, мне это осталось неизвестно. Не в первый раз я подивился тому, как – среди высшего класса особенно, но, возможно, и во всех других слоях общества – исключительно умные женщины живут с очень глупыми мужьями, которые, по-видимому, не сознают, какую жертву приносят их жены изо дня в день.

– Просто наслаждение! – воскликнула Дженнифер, когда мы протолкались через ворота и выехали на шоссе. – Как нам повезло, что с нами оказался ты! Правда, дорогой?

Я не рассчитывал на ответ, понимая, что Таркин испытывает почти физическую боль, если вынужден признать чье-то превосходство. И особенно в пределах своего несостоявшегося королевства. Но Дженнифер

не отводила от него пристального взгляда, следя за дорогой краем глаза, пока Таркин не выдавил из себя подобие ответа. Он пробормотал нечто вроде: «Хорошее шоу», но я точно не разобрал.

Его зависть в сочетании со страданиями Бриджет наполнили машину нездоровым туманом обиженного, болезненного гнева, но Дженнифер не умолкала:

– По-моему, они очень милые. И так любят тебя.

– Он тоже их очень любит. По крайней мере, некоторых. Правда, дорогой?

В такие моменты комментарии Бриджет прожигали насквозь, словно она плеснула кислотой. Вспомнив, какова бывает любовь, я невольно осознал, как бывает, когда это не любовь. И что чувства, которые мы с Бриджет питаем друг к другу, – это не любовь. Я чувствовал, к чему все идет. Об этом же я упомянул в разговоре с моим старым добрым папой, когда приезжал к нему на обед. Но вряд ли до этого вечера в Грешэме я понимал, что край не только виден, но и уже почти перед нами. По справедливости, я не мог винить Бриджет, ей и так уже все надоело. Она умная, привлекательная женщина, но вынуждена смириться с тем, что снова потратила несколько долгих лет на высохший колодец, безнадежную охоту, глухой тупик. Да, подобную ошибку она совершала и раньше, и не однажды. Вплоть до нынешнего вечера я всегда вставал на ее сторону, соглашаясь, что те прошлые мужчины были звери и подлецы, они не отпускали ее на свободу, поняв, что отношения ведут в никуда. Вместо этого мужчины, как я считал, привязывали ее к себе и тем самым украли ее будущее и ее детей, которые никогда уже не появятся на свет. Именно в этот момент, в темной машине, пробирающейся по дорогам Йоркшира, я внезапно понял, что они были не такие уж подлецы, просто бесчувственные эгоисты, ни о чем не думавшие глупцы. Как я. И с завтрашнего утра я разделю с ними вину в грустной книге жизни Бриджет Фицджеральд.

Она не проронила ни слова, пока мы не очутились в нашей холодной, промозглой спальне. Бриджет принялась раздеваться теми резкими, злыми движениями, которые были так хорошо мне известны, разговаривая со мной через плечо или выразительным затылком.

– Весь твой план – сплошной вздор!

– Какой план? Никакого плана нет.

– Да, черт подери, никакого! Ты ее совсем не интересуешь. Ни вот настолечко!

Бриджет бросала слова резко, с горячим, мстительным наслаждением,

словно нелюбовь ко мне Серены было ее рук дело, реальное достижение, которым можно гордиться.

– Да, видимо, не интересую.

– Ни вот настолечко! – повторила она громче и безжалостнее. – Все видели. Она едва вспомнила, кто ты такой.

Это был удар ниже пояса, но я не стал спорить. Вместо этого я решил показать, что оскорблен. Но зря потерял время. Бриджет, уже окончательно распалившись, полностью утратила понятие о справедливости.

– Она от него не уйдет! Даже не думай!

– Не уйдет.

– А если даже уйдет? Почему ты думаешь, что она захочет жить с таким нытиком, как ты?

– Я не думаю.

– Потому что не станет она! Этому не бывать даже через миллион лет!

– Прекрасно.

– Бросить все блага? И стиль! Вместо графини Белтон превратиться в миссис Ты? Да никогда!

На секунду я подумал, шутки ради, возразить, что тогда ее правильнее будет называть «леди Серена Ты», но не стал. Меня больше заинтересовало ее предположение, что у Серены с Эндрю есть «стиль». Что это означало? Что в данном контексте означает «стиль»? Видимо, гнев уже зажил своей отдельной жизнью, и способности Бриджет к выбору формулировок страдали.

– Рискну предположить, что это маловероятно, – сказал я.

– Еще бы! Женщины ее типа так не делают.

– Ага, значит, она «тип», да? Это радует. Надо поискать еще несколько таких.

– Пошел ты!

И жаловаться я не мог, поскольку заслужил.

Но когда я тоже разделся и мы лежали, дрожа от холода под жиденькими покрывалами на покрытой уродливой резьбой кровати, Бриджет успокоилась. До этого момента ее гнев защищал меня от чувства вины, но уйти безнаказанным мне не удалось. Как раз когда я собрался выключить свет, Бриджет опустила книгу и глянула на меня:

– Что я сделала не так?

Ее голос снова смягчился, и легкая ирландская картавость, которую я всегда находил такой волнующей, придала ее словам трогательность, болезненно напомнившую мне, как я ненавижу обижать других.

Я покачал головой и изобразил улыбку, надеюсь, она вышла теплой.

При окружающей температуре это была не такая простая задача.

– Это не твоя вина, – ответил я довольно натуральным голосом, как мне показалось. – Ты ничего плохого не сделала. Дело не в тебе, а во мне.

Когда человек проговаривает такие знакомые сантименты, и особенно эту последнюю, затасканную фразу, ему хочется думать, что его слова проникнуты благородством и великодушием. Что он берет на себя вину за неудачу, взваливает на себя ответственность и так далее. Конечно, это нечестно, как скажет вам любой злостный изменщик, говоря лексиконом желтой прессы, а все мы на каком-то этапе становимся изменщиками. Подобные фразы – ленивые отговорки, придуманные, чтобы защититься от летящих вам в голову кирпичей и как можно скорее завершить дискуссию.

Бриджет справедливо решила, что заслуживает большего, чем этот трусливый и лживый ответ.

– Прошу тебя, – сказала она. – Я серьезно! – От ее тона у меня уже не на шутку заскребло на душе. – Что мне надо сделать, чтобы все исправить?

Я посмотрел на нее и решился на откровенность:

– Быть счастливее.

– Ты мог бы сделать меня счастливее! – вскинулась она.

– Именно так! – Я четко, по-военному кивнул.

И мы оба почувствовали, что после ее слов каждый из нас остался прав. Я выключил свет, и мы попытались притвориться, что спим.

Джоанна

Глава 9

Через день после того, как мы вернулись из Йоркшира, пришел еще один звонок от Дэмиана. Я говорю «от Дэмиана», но на самом деле из трубки меня поприветствовал скромный ненавязчивый голос Бассетта.

– Мистер Бакстер спрашивает... – Он тревожно умолк, а я задумался, о чем таком может спрашивать Дэмиан, что могло бы так меня оскорбить? Но ответ на мой вопрос оказался вполне безобидным. – ...Не смогли бы вы, если возможно, в самое ближайшее время заехать повидаться с ним?

Я решил, что надо сразу признаться в отсутствии результатов, хотя понятно, главную находку я бы не скрывал.

– Боюсь, пока я мало что готов сообщить, – ответил я.

Но Бассетт, похоже, ничего иного и не ожидал.

– Мистер Бакстер знает, сэр. Он предположил, что вы бы уже связались с ним, если бы имели что рассказать. Но он желал бы встретиться с вами в любом случае.

Несмотря на всю сладкозвучность, в голосе Бассетта слышалась безапелляционная уверенность в моем согласии, поэтому внутри у меня зазвонил тревожный звоночек. Появилось неуютное чувство, что, согласившись выполнить просьбу Дэмиана, я попал под его власть. И я уже не делаю ему одолжение, а фактически продался ему. Мне, конечно, не платили денег, но, вопреки своему желанию, я принял оскорбительную кредитную карту, и это в каком-то смысле сделало меня наемным работником. Тут я нарушил собственное правило: если уж продаваться, то задорого. Поэтому никогда не следует соглашаться на благотворительную лекцию или краткую выездную встречу с публикой, если за них предусмотрен гонорар. По крайней мере, в Англии. Сумма неизменно крохотная, но организаторы, как только вложат вам в руку несколько монет, непременно считают, что завладели вашим телом и душой. Если вы вынуждены участвовать в подобных мероприятиях – а это иногда приходится, – то, пожалуйста, участвуйте бесплатно! По доброте души. Эти деньги ничего в вашей жизни не изменят, но зато не придется чувствовать себя купленным наемником, и у вас в руках останется в качестве неоспоримого преимущества ваша благородная щедрость. А еще лучше, пожертвуйте гонорар, который вы могли бы получить, на нужды их организации или еще какому-нибудь не менее достойному предприятию и заработайте в придачу к себе на голову. Но сейчас Дэмиан каким-то

ловким финтом задурил мне мозги и сохранил за собой моральное превосходство. Я уже не делал доброе дело, а выполнял поручение. А это совсем другое.

Наконец план был утрясен. Меня ждала довольно тяжелая неделя, и мы решили, что я снова появлюсь в Суррее в следующее воскресенье после обеда. Я сел на поезд, на станции меня встретил все тот же шофер в безупречной униформе, но, когда мы прибыли на планету Дэмиана, я с удивлением увидел, что в парке происходит нечто вроде сельской ярмарки. Машины были припаркованы в поле, чуть дальше по дороге от дома, а прилавки и общая сутолока были отгорожены от верхней лужайки, чтобы праздник не мешал дому. Тем не менее происходящее плохо сочеталось с запечатлевшимся в моей душе образом мистера Бакстера, являя собой чересчур необычную для его представлений филантропию. Но когда я, выйдя из машины, задал вопрос, Бассетт прояснил ситуацию:

– Да. Проводится каждое лето в течение двух дней, сэр. Это в помощь местной католической церкви Святой Терезы. В Гилфорде.

– Мистер Бакстер – католик?

Такая мысль никогда не приходила мне в голову. Не потому, что я не люблю католиков. Просто странно было, что Дэмиан мог примкнуть к какой бы то ни было религии.

– Полагаю, да, сэр.

– И он это проводит каждый год?

– Да, сэр. С тех пор, как приехал сюда.

Я постарался скрыть ироничное удивление. Бассетт провел меня прямо в библиотеку. Войдя, я сразу понял, почему за мной послали. Дэмиан умирал. Умирал он, конечно, и до того, в мой предыдущий визит, с которого все началось, но можно умирать так, что смерть уже написана у человека на лице. На этот раз не сказать было, что у него смертельная болезнь. Скорее на первый взгляд он выглядел так, как будто уже умер.

Дэмиан вытянулся с закрытыми глазами на раскладном кресле. Если бы не едва заметное движение впалой груди, я заключил бы, что пришел слишком поздно. Видимо, потрясение было написано у меня на лице, потому что в этот момент он приоткрыл глаза и, увидев мое выражение, издал короткий хриплый смешок.

– Выше нос! – фыркнул он. – Мне не настолько плохо, как я выгляжу.

– Рад слышать, – ответил я. – Потому что выглядишь ты хуже некуда.

Это, конечно, его встряхнуло. Он позвонил в колокольчик, стоявший рядом с креслом, и, когда недремлющий Бассетт просунул голову в дверь, спросил, в своей застенчивой манере, нельзя ли нам выпить чайку.

– Ты останешься ночевать? – поинтересовался Дэмиан, когда Бассетт отправился исполнять поручение.

– Вряд ли. Завтра я собирался продолжить поиски, и мне кажется, откладывать не стоит.

– Не стоит. Ради бога, только не откладывай! – Он комично поднял брови, чтобы обратить упоминание о своей скорой кончине в подобие шуток. – Как продвигаются дела?

Я рассказал ему о Люси и Дагмар.

– Они питают к тебе самые нежные чувства.

– Не говори это таким удивленным тоном.

Конечно, Дэмиан попал в точку. Я был удивлен. Но вряд ли смог бы сформулировать это пристойно, поэтому не стал и пытаться. Вместо этого я повторил приветствия и пожелания от той и от другой, стараясь все передать в точности.

– Я и не знал, что ты так хорошо с ними знаком.

– Ты много чего обо мне не знал. – Он, возможно, ожидал возражений, но я молчал. – Бедная маленькая Дагмар! – Дэмиан полушутливо вздохнул, приглашая меня присоединиться к раздумьям о тщетности ее бытия, но я почувствовал, что после недавнего моего визита это будет нечестно по отношению к Дагмар, и не поддержал его. – Ей стоило родиться в тысяча восемьсот пятидесятом году, – невозмутимо продолжил он, – заключить брак по доверенности с каким-нибудь германским великим герцогом и тихо жить, исполняя положенные церемонии. У Дагмар прекрасно получилось бы, ее любили бы верные подданные, которые никогда бы не встретились с ней лично и не узнали, насколько она скучна.

– Сейчас она уже иная, – ответил я. – Не так скучна, не так неуверенна и не так счастлива.

Дэмиан кивнул, выслушав мой отчет:

– Я удивился, когда Дагмар вышла за него замуж. Думал, найдет кого-нибудь недалекого и респектабельного, станет жить на ферме в Девоне и развесит по фахверковым стенам от пола до потолка огромные королевские портреты, которые будут смотреться совершенно неуместно. Не ожидал, что она удовольствуется противным преуспевающим мужем и опять очутится во дворце, где снова будет унижаться.

– Ну, портреты у нее, по крайней мере, висят.

– Дагмар тебе сказала, что хотела выйти за меня замуж? – Видимо, Дэмиан уловил мое выражение лица, потому что понял его совершенно правильно. – Мне уже поздно думать о тактичности. Я почти мертв. На этом этапе можно откровенно говорить то, что думаешь.

И он был прав.

– Да, сказала.

– Надо же! – удивился он.

– Она говорила, что очень к этому стремилась, но ты не проявил интереса. Сказала, что не в состоянии была предложить тебе то, чего ты хотел и в чем нуждался.

– Как будто претензию предъявляет.

– На самом деле нет. Прозвучало очень искренне.

Он кивнул, давая понять, что признает благородство Дагмар, и, смягчившись, продолжил:

– А я всегда считал ее славной. Одной из лучших среди вас... Нелегко пришлось бывшим особам королевской крови.

– Согласен.

– Тем, кто удержался на троне, – вполне нормально, – продолжил размышлять Дэмиан. – После всей этой катавасии шестидесятих-семидесятих они оказались в завидном положении. Но остальным было туго.

– Думаю, ты просто не захотел это все на себя взваливать. Особенно когда разузнал, что повлечет за собой этот брак.

– Я много чего не захотел на себя взваливать, как только разузнал побольше. Да я и весь твой мир не захотел на себя взваливать, ближе с ним познакомившись, – добавил он, но тут же вернулся к теме разговора: – Ты точно уверен, что не она моя таинственная корреспондентка?

– Уверен.

– И не Люси?

Я рассказал о наследственном сходстве ее дочери. Дэмиан задумчиво выслушал описание, которое исключало его из списка возможных отцов.

– Как она?

– Все нормально. – Я покрутил головой, что должно было означать «так себе».

Он немедленно заинтересовался:

– Как-то ты не слишком сентиментально излагаешь. Мне всегда казалось, что вы с ней были очень дружны.

– В отличие от Дагмар, в том, как сложилась ее жизнь, больше виновата сама Люси.

На самом деле о Ронсли-Прайсах я и впрямь думал прохладнее. Пословица «человек сам кузнец своего счастья» не слишком осмысленна, потому что все мы его куем и все потом пользуемся результатами своих трудов. Иного не дано. И все же отчасти она верна. В отличие от многих

перед Люси в молодости открывалось достаточно завидных возможностей, а она, по крайней мере на мой взгляд, избрала далеко не самую оригинальную и привлекательную.

– Люси – еще одна жертва шестидесятых, – высказал вслух мою мысль Дэмиан.

Тут я почувствовал себя обязанным вступить за старую знакомую:

– У Люси все не так плохо, как у многих. Она, по крайней мере, не бодрящаяся шестидесятилетняя телережиссерша, которая расхаживает в кожаной куртке и рассказывает о группе «Арктик манкис».

– Может быть. Но Люси решила, что образ взбалмошной дочери баронета с эксцентричным чувством юмора и модными ценностями останется при ней навечно. Она ошибалась. – (Поскольку тут он был прав, я не стал продолжать защищать Люси.) – Кроме того, такая игра находит отклик у публики, только когда актер юн. Быть эксцентричным в пятьдесят восемь – это трагедия.

– Но пожелаем ей всего самого лучшего.

– Да, конечно. Она справится. – Дэмиан обратил внимание, что я смотрю в окно на собравшихся внизу людей.

– Твой праздник пользуется популярностью, – сказал я.

– Вижу, ты не ожидал, что я способен на благотворительность.

– Есть немного.

– Ты прав. Я не слишком благодетелен. – Он говорил довольно резко, не желая лгать, даже умалчивая о чем-либо. – Но мне симпатичны эти люди. Восхищаюсь их заурядностью. Когда я был молод, то терпеть не мог общаться с теми, кто лишен амбиций. Не понимал цели жизни людей, которые просто принимают происходящее и не желают ничего менять. Мне легко было с теми, кто хотел стать министром, миллионером или кинозвездой. Я сочувствовал любой смелой цели, сколь угодно бредовой. Те, чьи желания ограничивались достойной жизнью, уютным домом, приятным отпуском, были для меня чужими. С ними мне было не по себе.

– Но теперь, как вижу, нет.

– Теперь способность принимать жизнь такой, какая она есть, и просто жить я считаю достойной, – кивнул Дэмиан. – Не обязательно вечно тянуть ярмо, словно бык по полю, – то, чем я раньше всегда восхищался. Наверное, сотни лет назад то же самое происходило с людьми, которые шли в монастырь и посвящали жизнь Богу. Сейчас я понимаю, что эти люди тоже по-своему посвящают жизнь Всевышнему – хотя бы тем, что просто живут. Впрочем, я в него и не верю... – Он замолчал, наслаждаясь моим замешательством. – Держу пари, ты не подозревал, что я это скажу.

– Даже близко, – без колебаний согласился я. Дэмиан рассмеялся, и я добавил: – Видимо, все это отражено в образе прославляемой святой, юной, невинной и окруженной цветами пастельных тонов.

– Нет. Это другая святая Тереза. Наша – Тереза Авильская. Она всю жизнь сопереживала страданиям Христа и получала видения, где все утопали в крови. Потом основала новый орден, и папа посадил ее под замок, но она боролась как тигрица и в конце концов победила.

– Надо было так и сказать. Я бы сразу понял, чем она тебе симпатична.

На этот раз Дэмиан рассмеялся громче, и нам пришлось ждать, пока не уляжется его приступ кашля. Но к тому моменту его веселость сменилась благодушием.

– Хочу, чтобы ты понял: я изменился. И для меня это очень важно. – Он внимательно следил за моим лицом, наблюдая эффект, производимый его словами, и видел мое замешательство. – По крайней мере, так говорят. Но человек не знает, то ли он и вправду меняется, то ли качества, что всегда скрывались внутри, выходят наконец на поверхность. Я искренне считаю, что сейчас я стал терпимее, чем раньше.

– Это нетрудно.

– И не таким озлобленным.

Его слова оказались созвучны разговору в обеденном зале в Йоркшире, и это, видимо, отразилось в моей реакции на его замечания. Каким-то образом он это почувствовал.

– Что такое?

– Ничего. Просто на выходных я случайно встретился с Сереной Грешэм, или, как ее сейчас надо называть, Сереной Белтон, и она сказала примерно то же самое. Что во времена вашего знакомства ты был озлоблен и что озлобленные люди либо взрываются, либо вершат великие дела.

– Либо то и другое.

Наш разговор прервало появление подноса с чаем, на котором все было разложено, как реквизит в голливудском фильме, включая тонкие сэндвичи с огурцом и серебряное блюдечко с нарезанным лимоном. Но я понял, что все это для меня. Дэмиан уже не мог есть и пить ради удовольствия.

– Вы глубоко копали, – снова заговорил он, когда Бассетт ушел. – Как она?

– Вполне. Эндрю все так же ужасен.

– Он тоже там был?

Я кивнул, скривившись, и Дэмиан поморщился вслед за мной.

– Я всегда недоумевал, как он в этом доме будет держаться на

семейных обедах? – продолжал Дэмиан. – Они там все искрят, как петарды, а Эндрю сидит, точно бревно.

– Думаю, он не знает, что ему нужно держаться, и только на том и держится.

– А ее светлость?

– Почти не изменилась. Жаль, но вместо доброго старого лорда К. явилось каменное изваяние, выкраденное из гробницы церкви капуцинов в Вене. Но его жена примерно такая же, как раньше.

Я рассказал ему о шутке, отпущенной леди Клермонт на мой счет. Рискованное решение, учитывая, что произошло, когда много лет назад моя любовь раскрылась, но сейчас я уже зашел слишком далеко, чтобы соблюдать осторожность.

– Надо было тебе на ней жениться, – улыбнулся он.

– Давай не будем про это!

После всего произошедшего я не удивился, что мой гнев оказался так легок на подъем. Но если я рассчитывал, что Дэмиан устыдится, меня постигло разочарование.

– Я только хотел сказать, что леди Клермонт ты наверняка подошел бы больше, чем Эндрю. – Как обычно, свою роль во всем этом деле Дэмиан не упомянул.

– Или ты. Да кто угодно.

– Нет. Только не я, – твердо сказал он.

Я все не мог освободиться от этой темы. Как только ее вновь упомянули, рана заныла так, словно только что нанесенная.

– Зачем она за него вышла? Сколько ей было? Девятнадцать? И ведь даже не из-за беременности. Дочь родилась десять месяцев спустя, вылитая копия Эндрю, ничего неблагоприятного. Просто не понимаю.

– Это был совсем другой мир, – кивнул Дэмиан. – Мы все делали не так, как делают сейчас.

– Ты был к ней равнодушен? К Серене? – Каждое мое слово, как хлыст, оставляло у меня на спине красную полосу.

– Какое замечательное старомодное словечко! – хмыкнул он. – Прямо передача «Женский час» тридцатилетней давности. До какой степени «равнодушен»?

– Ты знаешь.

Дэмиан помолчал. Потом пожал плечами:

– Я был от нее без ума.

Знал я это или нет? Трудно было сказать после всего, что произошло. Но услышать это от него все равно оказалось потрясением. Как смерть

близкого друга после долгой неизлечимой болезни.

– Кто из вас решил уйти? – Я продолжил пить этот яд.

Я видел, что начинаю его раздражать. Мы израсходовали весь запас нашего напускного дружелюбия и возвращались к подлинным чувствам, которые испытывали друг к другу.

– Не хотел, чтобы всю жизнь мной помыкали, – ответил Дэмиан, и я понял, что на мгновение он вернулся в то место, которое так и не покинул. – Помню, однажды, – начал он, помолчав немного, – когда я приехал к Грешэмам...

– Ты ездил к Грешэмам?!

Я не мог поверить услышанному. Где я был все это время? Спал в погребке в заколоченном ящике? Почему я ничего не знал?

– Ты сам знаешь. На бал.

Да, он был прав: я знал.

– Серена меня подвозила. Так я очутился в их квартире. Где она была? Где-то в Белгравии?

– На Честер-сквер. И это был дом, а не квартира.

Дэмиан глянул на меня, вполне понимая, почему я так точно помнил подробности.

– В общем, мы загрузили чемоданы, и потом, когда тронулись, Серена сказала... – Он замолчал и глубоко вздохнул, снова мысленно очутившись в том изящном двухместном автомобиле, который был мне так хорошо знаком. – Она сказала: «Так, все надо хорошенько отрепетировать» – и начала перечислять, что мне надо делать, когда мы приедем, как себя вести, что говорить и чего не говорить ее матери, когда та со мной поздоровается, что делать, когда отец начнет задавать мне вопросы, о чем рассказать брату и сестрам. Она все никак не могла остановиться, я слушал и понимал, что это не для меня. Не хочу туда, где я помеха, где нужно следить, чтобы мои хозяева не пожалели, пригласив меня, где, прежде чем можно будет выйти из машины, нужно пройти курс подготовки, где я нежеланный чужак.

Дэмиан остановился, задохнувшись. Я ждал, пока он не успокоится.

– Понятно, – ответил я.

И я действительно его понимал.

Дэмиан посмотрел на меня так, словно подозревал, что я злорадствую, слушая его признания.

– Тогда я еще сам себе не признавался, но, если честно, думаю, именно тогда я понял, что ничего не выйдет. Всерьез – не выйдет.

– Ты что-нибудь ей говорил?

Вопрос заставил его неловко поежиться.

– Не тогда, – решил он. – Позже.

– Но с того момента все было кончено?

Чего я от него хотел?

– Не знаю. Не могу вспомнить. Я только осознал, что если когда-нибудь женюсь, то семья моей жены будет развешивать на балконах флажки, запускать фейерверки, вырезать объявления в «Таймс», а не закатывать глаза в неодобрительном молчании, осуждая мое неподобающее поведение. Ты видел, что пришлось пережить тому парню, который женился на младшей сестре. Когда они его доконали, он уже был никем.

– А семья Сьюзан развешивала флаги?

Вопрос прозвучал довольно зло, но меня так переполняла ревность, что я был готов убить Дэмиана. Он еще легко отделался.

– Дело в том, – криво улыбнулся он, – что вы меня испортили. Мне не понравились ни вы, ни ваш мир, и мне не нужно было то, чем вы могли похвастаться, но когда я попытался вернуться к своему прежнему кругу, то потерял вкус к их вкусам. Я стал как старая, выжившая из ума леди Белтон: исполнен снобизма, слишком тревожился о ненужных мелочах и сам нуждался в том, чтобы со мной всё «репетировали».

– Значит, Серена отвратила тебя от нашего мира и сделала непригодным для твоего?

– Вот именно.

– Она почти сразу вышла замуж? Когда между тобой и ею все было кончено?

– Довольно скоро... Надеюсь, она счастлива.

Я отхлебнул чая – бессмысленная попытка успокоить растревоженную душу.

– Я бы сказал, не слишком. Но по таким людям, как она, очень трудно это понять.

И снова Дэмиан разглядывал меня с тщанием антрополога, изучающего редкое и непредсказуемое в поведении животное.

– Тебе приятно все это? Это прустовское возвращение? – спросил он. – Это не только мое прошлое, но и твое.

– Не слишком.

– А твоя... – Он замялся. – Ненавижу слово «партнерша». Что она обо всем этом думает?

– Бриджет? Не думаю, что ей интересно. Это не ее среда. – Последнее было правдой, но предыдущее предложение не совсем. Но я не собирался углубляться. – В любом случае это не важно, – продолжил я. – Мы расстались.

– О господи! Надеюсь, это случайное совпадение.

– Не совсем. Но все равно к тому шло.

Дэмиан кивнул. Ему было не настолько любопытно, чтобы расспрашивать дальше.

– Итак, кто следующий?

– Кандида Финч или Джоанна Лэнгли. Думаю, Джоанна.

– Почему?

– Я все время был в нее немножко влюблен.

– Не скрою, это нас с тобой объединяло. – Он улыбнулся моему откровению.

– Ты помнишь знаменитое появление в Аскоте?

– Как такое забыть?

– Ты тогда был с ней? – без обиняков спросил я. – Знаю, что туда ты приехал не с ее компанией. Не с Грешэмами ли ты приехал? – предпринял я новую попытку отгрызть кусок все тем же шатающимся и больным зубом.

– Формально, да. – Дэмиан нахмурился, сосредоточенно вспоминая. – Но не думаю, что на тот период я был с кем-то из них двоих. Это все случилось позже.

Я вздрогнул:

– Мне казалось, что вы с Джоанной – неплохая пара.

– Потому что мы оба были простыми людьми и искали приключений? – спросил он. – И не вставали у тебя на пути?

– Потому что вы оба были из современного мира и сохраняли контакт с реальностью, чего о большинстве из нас сказать было нельзя. Долгая жизненная учеба, которая всем нам предстояла, вам двоим была не нужна.

– Это очень великодушно. – Дэмиан засвидетельствовал мою любезность вежливым кивком. – Но мы были не настолько на одной волне, как, должно быть, выглядело со стороны. Я ведь был очень честлюбив, ты помнишь.

– Конечно.

Видимо, мой тон говорил больше, чем мне хотелось, так что Дэмиан резко глянул на меня:

– В те первые месяцы всей истории я еще не решил, чего я хочу от всех вас. Джоанна не хотела ничего. Только вырваться из-под опеки матери и скрыться. Может быть, тогда она этого не знала, по крайней мере не отдавала себе отчета. Но это сидело в ней, и, конечно, она очень быстро все поняла.

– Как мы все помним.

– Как мы все помним! – рассмеявшись, повторил Дэмиан.

– А когда она вырвалась, стало понятно: ты не собираешься двигаться в том же направлении, что и она.

Дэмиан кивнул, но каждый раз, перебивая его, я видел, что его мучает эта невозможность рассказывать в собственном темпе. На самом деле я прекрасно понимаю, как это может раздражать – эти утомительные, лишенные чувства юмора гости за обедом, которые перебивают выступающего вопросами, убивают шутки, но ничего стоящего не предлагают взамен. Но все равно я не был готов выслушивать вычищенную и облагороженную Дэмианом версию этих событий, не сопровождая их комментариями.

– Когда ты встретишься с Джоанной и закончишь свое расследование, – продолжил он, – мне интересно будет узнать, что она сейчас думает о том времени. Буду с нетерпением ждать рассказа, когда ты ее выследишь.

Этот вопрос меня беспокоил. Из всех женщин в списке рядом с ней значилось меньше всего информации.

– Ты предоставил мне мало данных, чтобы продолжать. Чтобы найти ее.

Дэмиан не спорил:

– Если набрать в Интернете ее имя, почти ничего не выдается. История в Аскоте, конечно, и еще что-то из старых событий, но после развода – ничего.

– Развода?

– В восемьдесят третьем. – Видимо, я на мгновение помрачнел, потому что Дэмиан покачал головой и пощелкал языком. – Пожалуйста, не будем делать вид, будто для тебя это потрясение. Чудо, что они четырнадцать лет провели вместе.

– Да уж. Как звали мужа, я забыл?

– Киран де Йонг. О нем много информации, ты найдешь.

– Киран де Йонг... – Я не вспоминал этого имени очень долго, но оно до сих пор заставляло меня улыбаться.

И Дэмиана тоже.

– Я мельком увидел его на каком-то городском празднике, но он меня всегда прилежно избегал. И со времени их разрыва я не встречал Джоанну ни в печати, ни лично.... Как ты думаешь, какое у него настоящее имя? – задумчиво проговорил он.

– Не Киран де Йонг.

– Киран – может быть! – засмеялся Дэмиан. – Но вряд ли Йонг.

– Кто он был? – Теперь и я пытался вспомнить те заголовки и того

забавного молодого человека. – Парикмахер? Модельный агент? Модельер? Что-то очень в духе того времени.

– Ты удивишься. Большинство людей получают от будущего меньше, чем ожидали, но некоторые получают больше. У меня есть его адрес. Тебе должны были его передать.

Я кивнул:

– Но если они расстались, откуда ему знать, где ее найти?

– Он знает. У них есть сын. Или у меня есть... Он, по крайней мере, может дать зацепку. В любом случае я бы начал с него, потому что у нас нет альтернативы.

Я уже уходил, когда мне пришел в голову последний вопрос:

– Ты на самом деле католик?

Дэмиан засмеялся. Видимо, его развеселила сама формулировка вопроса.

– Не вполне понимаю, что ты имеешь в виду. Я родился в католической семье. Ты знал?

– То есть ты отпал от церкви? – покачал я головой.

– Боюсь, что так.

Его ответ заинтересовал меня.

– Почему «боишься»? Ты хотел бы верить?

– Конечно хотел бы. – Дэмиан поглядел на меня снисходительно, как на ребенка. – Ведь я умираю.

Машина терпеливо ждала снаружи, но я знал, что поезда ходят каждые двадцать минут, и с разрешения щегольского шофера позволил себе немного побродить между лотками на ярмарке. Думая о неожиданных словах Дэмиана, я разглядывал столы со старыми скучными книгами, батареи ламп разных времен, пироги и джемы, тщательно приготовленные и обреченные стать жертвой запрета «штази» из управления здоровья и безопасности, кукол, потерявших голос, пазлы без одной детальки, черпая спокойствие и утешение в благочинном бытии, которые они собой воплощали. Все это, конечно, было очень по-старомодному, и я уверен, если министра «новых лейбористов» оскорбил «Последний вечер променадных концертов»^[51], то при виде этого комичного, исключительно английского мероприятия ей захотелось бы покончить с собой, но здесь царила доброта. Эти люди от души постарались организовать действие, которое в свое время я бы счел незначимым, но их усилия не пропали даром, чуть не вызвав у меня слезы.

По прошествии стольких лет трудно вспомнить точно, но мне кажется,

я буду прав, если скажу, что Аскот состоялся после Бала королевы Шарлотты. С Джоанной Лэнгли я несколько раз встречался и до скачек, но, пожалуй, именно в этот день мы стали друзьями, и надеюсь, что нас действительно связывала дружба. Именно тогда я понял: она порождение своей эпохи и в отличие от всех нас не отыгрывает заново юность наших родителей.

Аскот как модное светское событие уже почти сошел на нет. Вполне резонно представитель ее величества решил, что оно намного лучше окупится, если станет днем для корпоративных мероприятий и поклонников скачек. С этой целью на великолепном обновленном ипподроме убрали трибуну королевского двора – бедняжки, их последняя привилегия, достававшаяся им в обмен на долгое пребывание на ногах и сверхурочные улыбки, – а также множество других тайных святынь, и даже знаменитый Королевский сектор в обновленной схеме трибун прекратил существование. Как только двор почувствовал, что ему не рады, многие его члены нашли себе другое занятие, и за ними, как ночь за днем, потянулись прочь сначала сливки общества, а потом и те, кто пытается пробиться наверх. И про тех и про других нельзя сказать, что они жили одними лошадьми. Скоро большинство из них окончательно покинут Аскот и, полагаю, навсегда: если британским аристократам дать разрешение не появляться на публичном мероприятии, трудно их заставить снова начать его посещать. Некоторые скажут, мол, давно пора, и любители собственно скачек будут рады, что в центре внимания снова окажутся лошади. Но согласимся мы сейчас с этим или нет, в шестидесятых мы обожали Аскот до невозможности.

Почему-то в тот год я приехал с семьей девушки по имени Минна Бантинг. Ее отец занимал какую-то должность в Букингемском дворце, уже не упомяну какую – «Хранитель личного кошелька», может быть, – или подобный титул с древним названием, который, помимо прочих привилегий, предоставлял его держателю место на Аскотской парковке, зарезервированное для королевского двора. Как и сейчас, парковка располагалась через дорогу от главного входа на скаковое поле и всегда считалась отличным местечком, хотя состояла в основном из ничем не примечательного заасфальтированного двора, куда выходили малоароматные главные конюшни, и могла похвастаться единственным туалетом, вообще говоря, выделенным для конюхов. Разваливающийся навес для сена у края двора был подобием укрытия от дождя, а пара заброшенных стойл для пони у другого края давала небольшую тень. За исключением этого, парковка представляла собой всего лишь ряды машин.

Но каждый год всем хозяйством распоряжалась группа самых приятных людей, которых вы могли когда-либо встретить, что придавало этому месту особую значимость. Возможность присутствовать там на пикнике считалась знаком особой чести, даже если иногда от аромата затруднительно было проглотить еду.

Думаю, некоторое время мы с Минной довольно серьезно симпатизировали друг другу. Несколько раз мы вместе обедали, и даже не могу сказать, почему все прекратилось. Удивительно, как трудно проследить собственные мотивы, когда оглядываешься на некоторые события или взаимоотношения туманного и далекого прошлого. Почему у этой девушки ничего не получилось, а та разбила вам сердце? Почему этот человек заставил вас улыбнуться, а тот – потерять присутствие духа? Взгляд из настоящего в прошлое помещает их в весьма выгодный ракурс: все они кажутся славными людьми – что друзья, что враги, что любовницы, – юными и прекрасными и примерно одинаковыми. Чем были примечательны они как личности, чем сорок лет назад увлекали меня или навевали скуку?

Мы уже поели, пора было идти через дорогу на поле, и мы вместе пошли к входу по торжественной, обсаженной лавровыми деревьями дорожке. Полиция регулировала транспорт даже в те времена, когда транспорта, можно считать, еще и не было, и нам пришлось подождать.

– Это еще что такое?! – воскликнула Минна.

И не зря. На другой стороне дороги у главного входа толпилась обезумевшая группа людей, которых позже назовут папарацци. Как правило, их бывало намного меньше, всего несколько человек из журналов мод и кое-каких желтых газет – в шестьдесят восьмом году любопытство публики к нарядам знаменитостей утолить было легко. Но в тот день можно было заключить, что перед нами разыгрывается событие международного масштаба. Мы перешли улицу и прошли через ворота в дворик, где в день скачек не подготовившиеся заранее зрители могли купить входные значки, и направились дальше, к воротам, ведущим на Королевскую трибуну. Больше всего заинтересовало фотографов нечто происходившее у ограждения. Кто-то прибежал к уловке, хорошо известной сейчас, но в те дни еще остававшейся внове: держать камеру над головой и щелкать вслепую, надеясь, что случайно выйдет что-нибудь пригодное для печати.

Заполучив свои значки на лацкан и с ними ощущение собственной значимости, мы протолкались через толпу и увидели источник всеобщего оживления. Джоанна Лэнгли, в роскошном кружевном брючном костюме,

светлой шляпке с кружевами и белыми цветами, оттеняющими шикарные локоны, с белыми перчатками на руках и белой сумочкой, пыталась что-то доказать охраннику, грубоватому отставному солдату в котелке.

– Извините, мисс, – говорил он беззлобно, но уверенно, – брюки запрещены правилами. А правила я изменить не могу. Даже если бы захотел. Только юбки. Так записано в правилах.

– Но это почти как юбка! – отвечала Джоанна.

– Боюсь, «почти» не годится, мисс. Будьте добры, отойдите в сторону. – Он сделал нам знак, и мы двинулись вперед.

– Привет! – улыбнулся я Джоанне, когда мы оказались рядом. К тому времени мы еще мало были знакомы, но все наши предыдущие встречи проходили тепло. – Ты сегодня попадешь в новости!

– Это была мамина идея! – засмеялась она. – Мама меня подговорила. Я думала, она ошибается и меня не смогут не пропустить. Но похоже, не пропустят.

– Пошли, – потянула меня за рукав Минна, которой не терпелось отойти подальше от газетчиков. И тогда, и сейчас такие люди, как она, избегали прессы не из жеманства. Они искренне ее ненавидели.

Но я был слишком заинтригован. Мне было никак не взять в толк, что говорит Джоанна. Если это ее мать считала, что ее не пустят внутрь, то как она могла «подговорить» дочь?

– Почему твоя мать хотела, чтобы тебя остановили? Она здесь?

Джоанна кивнула на небольшую группу людей за ограждением. Я узнал нервную невысокую женщину, которую видел на Балу королевы Шарлотты. На ней был строгий костюм цвета фуксии с кричаще крупной брошью на груди. Женщина чуть ли не дрожала от возбуждения, глядя на свою дочь, толкала локтем своих спутников, покусывала нижнюю губу, но, как ни странно, не пыталась подойти ближе.

– Чего она ждет? – спросил я.

– Того же, что и все, – вздохнула Джоанна. – Вот чего.

Под моим изумленным взглядом она полезла рукой под жакет и расстегнула брюки. Изящным движением Джоанна высвободила сначала одну длинную стройную ногу в чулке, потом другую и осталась в белой микро-мини-юбке. Брюки лужей кружев легли к ее ногам. Как и можно себе представить, исступлению фотографов не было предела. Они словно увидели последнее выступление Мэрилин Монро, ребенка Гитлера или второе пришествие – так возбудил их этот театральный жест.

– Теперь, полагаю, я могу войти? – мягко спросила Джоанна у остолбеневшего джентльмена в котелке, который не мог сделать вид, что

ему все равно.

– Теперь, полагаю, можете, – сказал он и кивком показал ей на ворота.

Я был неподалеку и услышал, как Джоанна, подойдя к семье, сказала:

– Ну и что? Глупо все вышло.

– Подожди! Сегодня вечером это будет во всех вечерних газетах! Не говоря уже о завтрашних утренних! – щебетала короткими, резкими и оживленными фразами ее мать, точно проголодавшаяся птица в зарослях.

– Мне кажется, получилось весьма неловко, – сказал с густым северным акцентом какой-то крупный мужчина.

– Ты просто ничего не понимаешь! – К своему мужу и отцу Джоанны, кем, как я впоследствии узнал, был этот мужчина, миссис Лэнгли всегда обращалась со странной и необычной смесью пиетета и презрения. Ей нужно было указывать ему на свое место, но в то же время не потерять.

– Согласна. А теперь угости меня шампанским! – произнесла Джоанна и взяла отца под руку.

Его она всегда любила больше и не делала из этого тайны, но почему-то их взаимная привязанность не помогала им противостоять фантазиям ее матери. Странные и неприятные отношения.

Мы проводили их взглядом.

– Хочешь выпить? – поинтересовался я.

– Пока нет, – покачала головой Минна. – С ними – не хочу.

Может быть, Джоанна услышала эти слова, хотя я от души надеюсь, что нет, но она снова обернулась и крикнула нам:

– Приходите в ложу выпить чая! Номер пять-три-один. Часам к четырем приходите, будем смотреть следующий забег.

Я неопределенно помахал рукой вместо ответа, и они ушли.

– В четыре мы встречаемся с моим отцом в «Уайтс», – напомнила Минна.

– Если захотим, наверняка успеем и то и другое.

Мы двинулись вместе с толпой вверх по ступеням и вошли в длинный, немного напоминающий общественную уборную туннель в основании трибуны. Он был построен не в самую удачную часть шестидесятых, но сейчас многие жалеют, что его уничтожили, хотя на смену ему пришел другой, более благоустроенный. Туннель должен был вывести нас к заднему фасаду и лужайкам. Тогда-то я и увидел в арке Дэмиана, который читал программку и левой рукой небрежно приобнимал за талию стоявшую рядом девушку. Одет он был, как полагается в моем кругу: в черную визитку, и если его костюм как-то выделялся, то лишь тем, что выглядел так, словно сшит по мерке, а не висел, как у большинства из нас,

балахоном, который нашли в шкафу на чердаке, среди одежды, давно оставленной какими-то позабытыми дядюшками. Наши матери без тени иронии говорили нам, что эти костюмы еще вполне можно носить, только рукава выпустить. Я с удивлением отметил, что цилиндр на Дэмиане старый и черный. Интересно, где он такой нашел? В золотые довоенные дни скачек существовали разнообразные правила ношения черных и серых сюртуков, черных и серых цилиндров, что надевать перед Дерби, что после Оакс ^[52], и так далее. Но к тому времени, когда я начал заглядывать на ипподром, все стало проще: если ты франт, надо надевать черный сюртук и черный цилиндр, а если нет, то одеваешься в серое. Единственное изменение, произошедшее на моей памяти, заключалось в том, что после начала восьмидесятых настоящий джентльмен или тот, кто пытался таковым казаться, на свадьбу приходил вообще без цилиндра.

Надо сказать, в отличие от многих современных перемен в одежде это было шагом вперед, поскольку между церковью и приемом не выпадало момента, когда можно было надеть цилиндр. В итоге их сваливали в кучу за занавеской, где ваш головной убор неминуемо кто-то забирал по ошибке, оставив вам экземпляр еще хуже вашего. Однако для встреч на скачках цилиндр оставался обязателен, и здесь нас встречало одно затруднение. Настало время, когда шелковые цилиндры производить перестали, – видимо, по какой-то политкорректной экологической причине, – и началась борьба за то, чтобы раздобыть себе настоящий цилиндр, пока они либо окончательно не исчезли, либо не взлетели в цене до нескольких тысяч фунтов. В результате стильно одетых людей можно было легко выделить из толпы: у половины мужчин цилиндры явно не были ни сшиты, ни куплены специально, а достались от почивших отцов или дедов либо перешли, за ненадобностью, от родного или двоюродного дяди. Слегка помятые, слегка потертые, они часто были велики, а то и малы. Мой собственный, любезно предоставленный в мое пользование старым дорогим отцом, балансировал у меня на голове, словно коктейльная шляпка пятидесятих годов, но я был доволен и этим.

– О господи! – сказал я вместо приветствия. – Куда ни пойдешь, там ты.

– Значит, ты ходишь только в правильные места! – засмеялся Дэмиан, а его спутница при звуках моего голоса повернула голову. Это была Серена.

Мало что так отчетливо демонстрирует малодушие человека, как его негодование оттого, что его друзья начинают быть дружны между собой. Но как ни прискорбно, такое встречается часто: в досаде прикусить губу, прослышав, что одна пара встречалась с другой, а вас не пригласили, хотя

изначально познакомили их вы. «Как мы тебе благодарны, что теперь у нас есть Куперы!» – восклицают счастливы и встречают в ответ холодную улыбку и невнятное выражение радости, но ничего более. Конечно, есть люди, которые не обращают внимания на новое приятельство, завязавшееся за их обеденным столом, другие обладают достаточной широтой души, чтобы порадоваться за своих приятелей, понравившихся друг другу, но имеется удручающе многочисленная группа, которая не в состоянии преодолеть ощущение, будто их отодвинули в сторону, вычеркнули, проигнорировали, их теперь меньше любят, потому как то количество дружелюбия, что могут предоставить их приятели, теперь распределяется между ними самими. Всему мыслящему миру известно: это чувство низменно, унижительно, прискорбно и даже жалко и его следует избегать – по крайней мере на публике, где оно столь же непривлекательно, как ковыряние в носу. И тем не менее...

Если так трудно видеть взаимную симпатию у друзей, то еще хуже обстоит дело с возлюбленными, вернее, с людьми, которые могли бы стать возлюбленными, но не стали. Тяжко, когда человек, кого вы безуспешно обожали на расстоянии, влюбляется в одного из ваших так называемых друзей и вам приходится наблюдать, как расцветают эти теплые, гармоничные, взаимные чувства, составляя резкий контраст с вялыми, безнадежными, неразделенными, горькими мечтами, которые вы лелеяли во тьме ваших тайных мыслей. Стоять сторонним наблюдателем и видеть все это – невыносимо. Особенно понимая, что дискредитируете себя, если хотя бы крохотным намеком выдадите свои подлинные чувства. Но вы лежите в ванной или стоите в очереди на почте, и ваше внутреннее «я» раскаляется от гнева, бурлит от сокрушительной ненависти даже по отношению к тому, кого вы в то же время любите всем сердцем. Стыжусь признать, но так было и у меня с Сереной или, вернее, у меня с Дэмианом, ибо он был виновником всех моих горестей.

Эта рука, так свободно легшая на спину ее розового костюма от Кристиана Диора, его ладонь, легонько опирающаяся на изгиб, которым мягко расширялись от талии ее бедра, все было нелепо. Эта рука совершала предательство. Я приветствовал Серену за руку, как принято, держал ее ладонь, даже касался ее щеки своей, но все эти привилегии были доступны любому, кто встречался с ней более чем дважды. Мое прикосновение не позволяло заподозрить интимность. Я прикасался к ней как друг, но никогда – как мужчина. Я поймал себя на том, что думаю о ткани ее юбки, какова она на ощупь. Отпечатываются ли на краю его ладони мелкие шероховатости переплетения хлопковых нитей и замирают ли мучительно

кончики его пальцев от едва различимого движения тела под этой тканью? Чувствует ли он тепло этого тела? Я ощущал все это в мыслях, но, в отличие от Дэмиана, не имел возможности осязать.

– Есть идеи, на кого поставить в забеге в два тридцать? – спросил Дэмиан, и я очнулся.

– Меня не спрашивай, – ответил я. – Я ставлю только на те имена, которые мне о чем-то напоминают.

– На Смелые Мечты, – сказала Серена, словно обращаясь к моим потаенным страданиям. – Флетчер дал мне список, и про Смелые Мечты он уверен. Еще – Тебе Повезет Выиграть Золотой Кубок.

Неужели сегодня не бежала ни одна лошадь, чья кличка не воплощала бы в себе всю безнадежность моих желаний?

– Кто такой Флетчер? – спросил Дэмиан.

– Наш конюх в Грешэме.

Эта простая фраза, в нескольких словах выражавшая все непреодолимое различие между ними, сразу отбросила Дэмиана в сторону.

– Нам машет Джоанна Лэнгли. – Дэмиан убрал руку с талии Серены и пошел по траве к группе, собравшейся вокруг мини-юбки и ослепительных форм Джоанны. Я встал на его место, хотя рядом держалась недовольная Минна.

– Ты видела этот абсурд у ворот? – Минна прищурилась от солнца, чтобы лучше рассмотреть собравшихся.

– Нет, но слышала, – улыбнулась Серена. – Видимо, вышло очень забавно, но я и правда не понимаю смысла.

– Завтра она будет во всех газетах, – сказал я.

Видимо, я показался полным идиотом.

– Это я знаю, – ответила Серена. – Но что она хочет добиться? Какой выгоды?

– Славы?

– Но славы за какой подвиг? За то, что сняла брюки? Прославиться ради того, чтобы прославиться, но какой смысл?

Серена не могла понять, чем был продиктован утренний поступок Джоанны, и, насколько я помню, мы с Минной кивнули в знак согласия. Может быть, мы оба думали то же самое, но даже если нет, так нам полагалось думать.

«Добиваться славы ради славы». Фраза, которую мы часто использовали, в те далекие дни была высмеивающей и уничижительной характеристикой, но сама идея стала провозвестником нашего времени. Нынешняя одержимость славой часто ошибочно описывается как культ

знаменитостей, но он не нов. Известные люди существовали всегда и всегда пользовались интересом у публики. И неверно, как заявляют сегодня, что все они прославились своими замечательными делами. Всегда существовали знаменитые распутники и хористки, преступники и мошенники, но, как правило, они обладали сильным характером, оправдывающим их звездную славу. По-настоящему новым стал культ не-знаменитостей, чествование совершенно обычных людей как популярных. Оксюморон «неизвестная знаменитость» – истинное новшество. Может быть, предчувствие этой наступающей моды, зарождающийся интерес к славе ради славы, который в конечном счете лишь откроет шире врата Валгаллы, может быть, именно он побуждал таких, как миссис Лэнгли, исследовать его возможности. Но в основе ее плана крылась ошибка, и относилась она к оценке аудитории. Миссис Лэнгли обращалась не к той части зрительного зала. Высший класс никогда не будет привлечен славой. Самое большее, они могут изредка порадоваться знаменитому гостю в своей галактике, но известность считается в их кругах неподобающим свойством. Даже сейчас известность не нужна им, чтобы выделяться из толпы, и, как правило, они не видят в ней смысла. Может быть, их нынешние наследники будут изредка пользоваться столь грубыми методами для продвижения своих интересов, но даже у этих более молодых и более практичных представителей высшего класса по-прежнему существует моральная установка делать вид, что известность унижительна и бесцельна.

Эту фундаментальную истину не усвоила мать, но хорошо понимала дочь. Джоанна видела: чем большей любимицей прессы она становится, чем чаще ее приглашают в передачу «На вершине хит-парада» – или что там в те дни смотрели, – и тем менее радушно принимают в мире, куда так отчаянно хотела ввести ее мать. Боюсь, бедная запутавшаяся миссис Лэнгли искренне верила, будто этими выходками ее прекрасная дочь увеличивает свои шансы на приличного мужа и место в светском обществе, тогда как на самом деле она эти шансы уменьшала до полного исчезновения.

Все это я узнал из разговора, который в тот же день состоялся у меня с Джоанной, когда я решил принять ее приглашение и отправился в ложу семейства Лэнгли. Это решение пришло ко мне после легкой ссоры с Минной, в результате чего она одна ушла пить чай с отцом, а я ретировался к двери в стене, которую, как и все другие входы на трибуны, охраняли колоритные ребята в непрменных котелках. Моя размолвка с Минной вряд ли грозила оказаться для меня пагубной, поскольку в тот же вечер мне предстояло ужинать со всей их семьей, но, скорее всего, положила конец

нашему мини-роману. Я всегда плохо сходился с людьми, которые даже на мгновение не могут выйти за пределы привычных установок.

Войдя в дверь, я вдруг оказался унесенным в гущу другого Аскота и отчасти заброшенным в будущее, в наши дни. Задиристые молодые люди в блестящих костюмах, а иногда без пиджаков, проталкивались мимо со своими неожиданно ярко разукрашенными женщинами. Я протиснулся к крытому эскалатору, который привез меня на уровень выше, где на этой совершенно иной и еще более уродливой трибуне располагались ложи. В толпе то и дело попадались знакомые держатели абонементов, с трудомдвигающиеся туда-сюда, слышались веселые шутки, одобрителный свист как реакция на непохожесть наших с ними костюмов. Некоторая рискованность перехода с трибуны в ложи продолжится до конца существования модного Аскота, но с годами различие стало чуть более враждебным. Политики всех мастей считали классовую неприязнь настолько важным оружием в манипулировании общественным мнением, что не стеснялись ее разжигать. Даже сегодня нас постоянно побуждают верить в капиталистическую экономику, но презирать и хулить тех, кто получает от нее выгоду. Это как минимум странная философская позиция, неработоспособная теория, которая привела к появлению во многом неработоспособного общественного устройства, но в шестидесятых она еще только зарождалась. Разрушение классовых барьеров еще считалось благим делом, так что в целом шутки были добродушными.

Ложи в Аскоте всегда пользовались каким-то неопределенным положением. Есть ложи, выделенные для главных тренеров и владельцев, и речь сейчас, конечно, не о них. Их польза логична и понятна, но эти люди присутствуют в Аскоте всегда, как часть скакового братства и вовсе не как дань моде. После того как уйдет бомонд, они еще долго будут появляться на встречах. Но для тех, кто приехал в Аскот только для забавы и веселья, провести выходной день на фоне лошадей, ложи – сомнительное место. Для начала, чтобы арендовать ложу или прийти туда в гости, не требовался входной значок на трибуну. В прежние дни, когда власти осуществляли некоторый контроль за тем, кого допускать на трибуны, ложи становились раем для тех, кто занимал недостаточно высокое в обществе положение, всех этих разведенных актрис и улыбчивых торговцев автомобилями, к которым старая гвардия относилась с пренебрежением.

Другая проблема состояла в том, что большинство лож были просто миниатюрны. Войдя, вы попадали в бетонный коридор, выводивший вас в крохотный холл с маленькой кухонькой из трейлера 1950-х. Холл вел в помещение для обедов и веселого времяпрепровождения, размером

примерно с ванную комнату отеля, а дальше был балкон с двумя-тремя ступенями, на каждой из которых могли бок о бок уместиться два человека. В целом обычная ложа по размерам и изяществу оформления могла сравниться с лифтом универмага «Селфриджиз». Но для сильных мира сего, неуютно чувствующих себя среди людей – гораздо более многочисленная группа, чем многие думают, – ложи предоставляли шанс наслаждаться скачками на собственных условиях, пусть и в более скромном антураже, но там, где они чувствовали себя королями, вместо того чтобы на трибунах целый день ловить насмешки и пренебрежительные взгляды окружающей публики. Видимо, именно это было важно для отца Джоанны, и Альфред Лэнгли готов был сопровождать жену и дочь, но только при условии, что у него будет ложа, куда можно спрятаться на большую часть дня.

Миссис Лэнгли подскочила ко мне, стрельнув глазами в пустую комнату у меня за спиной, – проверить, не нужно ли уделить внимание кому-то более важному.

– Джоанна на балконе с друзьями, – сказала она и, занервничав, что вдруг почему-то могла этой невинной фразой меня задеть, продолжила: – Она говорила нам, что вы придете.

– Минна, к сожалению, должна встретиться со своим отцом в «Уайтс», но передавала вам привет.

– Сэр Тимоти Бантинг, – кивнув, подсказала миссис Лэнгли, словно я не знал имя человека, с которым обедаю.

– Да, – подтвердил я.

Она снова кивнула. Было в ней нечто скользкое, что не могли скрыть уложенные волосы, деловой костюм и довольно изящная брошка. Миссис Лэнгли выглядела нервной, как в черно-белом триллере Петер Лорре^[53], ожидающий ареста. Когда я познакомился с ней лучше, то узнал, что этот испуг и неуверенность никогда не покидали ее. Она не могла ослабить бдительность, что, как я подозреваю, и послужило отчасти причиной отчуждения дочери.

Когда я вышел на балкон, Джоанна стояла у перил в компании лорда Джорджа Тремейна и еще пары своих воздыхателей. Все навеселе, но не слишком пьяные. Все держали в руках пустые или полупустые бокалы «флейта». Эта новая форма бокала для шампанского лишь недавно стала вытеснять любимую в предыдущем десятилетии форму «кубок», похожую на сердечко. Впрочем, у Лэнгли все было по последнему слову. День выдался чудный, и приятно было видеть улыбающееся лицо Джоанны, обрамленное натуральными золотыми волосами и белыми полями

кружевной шляпки на фоне простирающегося позади нее скакового круга с буйной зеленой травой.

– Я пришел, – сказал я.

– Молодец! – Она подошла ко мне и поцеловала в щеку, затем повернулась к своим спутникам: – Ну-ка проваливайте! – Те запротестовали, но Джоанна осталась непреклонна. – Идите внутрь, возьмите еще выпить и через минуту принесите мне бокал. – Она тронула меня за рукав. – Мне нужно кое-что ему сказать, и это конфиденциально.

Ничего из этого, естественно, нельзя было бы произнести вслух, соблюдай Джоанна, хотя бы приблизительно, правила общества, в котором вращалась, но не в последний раз я оценил преимущество не быть заложником условностей: многое удастся проделать гораздо эффективнее. Иными словами, все ушли.

Я уже писал о ее красоте, и, видимо, справедливо будет меня упрекнуть, что физическая красота достаточно высоко стоит у меня в списке желаемых качеств, но в данном случае красота была просто потрясающей. Как ни вглядывайся, лицо Джоанны было настолько близко к совершенству, что более совершенным казалось бы только сделанное из пластика, нарисованное на странице книги или запечатленное на экране. Гладкая кожа, ровного цвета, без недостатков, рот, очерченный мягко, как изгибы лепестка, широко расставленные глаза, темно-синие, почти фиолетовые, с густыми длинными ресницами, нос античной статуи и копна блестящих локонов, светлых от природы, обрамляющих лицо и каскадом ниспадающих на плечи. Как поют в песнях, глаз не оторвать.

– На что ты смотришь? – Ее голос со слабым эссекским акцентом застал меня врасплох и вернул к действительности.

– На тебя, – ответил я.

– Это хорошо, – улыбнулась Джоанна.

Помимо всего прочего, было нечто крайне очаровательное в контрасте между ее неземной внешностью и абсолютной нормальностью, обычностью, которую трудно ухватить в словах. Видимо, такое очарование Нелл Гвин^[54] привело к ней Карла II и позволило в 1890-х годах множеству танцовщиц-кокни из шоу «Девушки из варьете» выйти замуж, получив титулы высшей знати. Ее живость представляла собой, в некотором смысле, противоположность тщеславию, но и застенчивая скромность ей свойственна не была. Просто полная естественность.

– Что за секретную новость ты должна мне сказать? Я просто заинтригован!

Джоанна чуть зарделась, но не алым гневом, а мягким розовым

теплом, разлившимся по ее лицу, словно на него случайно пали лучи рассветного солнца.

– Не то чтобы секретную... Это только для того, чтобы заставить их свалить. – (Я улыбнулся.) – Мне жаль, что ты видел всю эту глупость у ворот. Не хочу, чтобы ты плохо обо мне думал. – И вновь простота и откровенность ее речи были милыми и совершенно обезоруживающими.

– Я никогда не стану думать о тебе плохо, – ответил я, и то была чистая правда. – К тому же завтра утром весь мир будет читать об этом, и мне будет лестно, что я оказался свидетелем.

Боюсь, этим я ее не обрадовал.

– Мама считает, что такое мне на пользу. Быть в новостях. Чтобы все обо мне говорили. Она думает, что это... – Джоанна задумалась, подыскивая правильные слова. – Придаст мне интерес.

Какие бы слова она сейчас ни выбрала, прозвучали они как невысказанный вопрос и просьба о помощи.

Я попытался изобразить одобрение, а не осуждение.

– Цитируя Оскара Уайльда, «если неприятно, когда о тебе много говорят, то еще хуже, когда о тебе совсем не говорят»^[55].

Джоанна делано рассмеялась, скорее для вежливого ответа на мою якобы забавную реплику, чем потому, что она ее повеселила.

– Да, эту фразу я слышала, только ты ведь и сам в нее не веришь? Никто из вас не верит.

К сожалению, она была права, но я не хотел показать себя брюзгой, который портит праздник, тем более ей. Но все же Джоанна спрашивала моего мнения, и я постарался ответить как можно честнее:

– Зависит только от того, что ты хочешь из этого извлечь. Чего добиваешься? Какова твоя цель?

– В том-то все и дело. – Она задумалась. – Сама не знаю.

– Тогда зачем ты участвуешь в сезоне? Что ты рассчитывала получить, когда начинала?

– Тоже не знаю. – Она говорила с безнадежностью кролика, пойманного в силки.

Я понимал, что Джоанне нужно больше свободы. Ее отец всего добился сам, поэтому дочь воспитывалась не в закрытом вольере, но что касается всего остального, наложенные на нее ограничения были намного строже, чем у нас. Это была последняя эпоха, когда аристократия еще имела власть принять к себе нуворишей или отказать им. Позже, когда мода на элитарный образ жизни вернулась и ожила мечта присоединиться к нему, у тех, кто разбогател недавно, оказалось больше сил, чтобы

протолкнуться в старый мир, желал он того или нет, но в конце шестидесятых бывший правящий класс еще сохранял немалое влияние. Отчетливо помню, как приятельница моей матери страшила взбалмошную девчонку, устроившую в квартире беспорядок, что ее никуда больше не пригласят. «Еще раз увижу подобное поведение, – шипела выведенная из себя матрона, – и я сделаю так, что двери всех лондонских гостиных захлопнутся перед твоим носом!» В те времена подобная угроза была реальной. В 1968 году ее еще могли осуществить. К 1988-му эти двери уже стояли распахнутыми. Сегодня они сорваны с петель.

Пользуясь выражением, которое войдет в оборот лишь двадцать лет спустя, я решил перейти к сути вопроса.

– Тут все очень просто, – начал я. – Если вы с матерью надеетесь, что после этого года получится заключить великосветский брак, ты и она идете неправильным путем. Если ты хочешь известности, хочешь мелькать по телевидению, выйти замуж за кинопродюсера или автопроизводителя, которому надо оживить свою жизнь некоторым аристократическим шиком, то, наверное, вы делаете именно то, что нужно.

– Как все глупо, – вздохнула Джоанна. – Ты прав. Мама хочет видеть меня суперледи. Мечтает об этом день и ночь. Поэтому очень грустно, что, с ее точки зрения, все эти выходки помогут, а я намного лучше ее понимаю, что нет.

– Тогда заставь ее прислушиваться к тебе. Если твоя мать поумерит пыл, ты добьешься именно того, чего она хочет, и не столь неблагоприятными способами. В качестве суперледи, как ты выражаешься, со всеми твоими немалыми достоинствами ты сможешь совершить много хорошего, если захочешь.

Понимаю, что я был похож на актера-священника из передачи «Псалмы по воскресеньям», но в тот момент я не мог придумать, что еще сказать. Вероятно, я даже верил, что говорю правду.

– Это не мое, – покачала головой Джоанна. – Не потому, что я этого не одобряю, но не мое. Сидеть в благотворительных комитетах, резать ленточки, организовывать барахолки, чтобы собрать денег на новый рентгеновский аппарат для местного госпиталя. Я имею в виду... – Она осеклась, явно испугавшись, что обидела меня. – Пойми меня правильно. Это все благие дела. Но я бы не смогла ими заниматься.

– А твоя мать хочет, чтобы ты именно это и делала.

– Не думаю, что так, – покачала головой Джоанна. – Ей просто хочется, чтобы у меня была шикарная светская свадьба, с множеством фотографий в «Татлере». Дальше она не задумывается.

– Тогда почему ты не задумаешься вместо нее? Может, ты будешь заниматься не благотворительностью, по крайней мере не в обычном виде. Может, будешь помогать коррекционной школе или муниципалитету. Ты потребуешься в массе мест, как только приобретешь некоторый вес в обществе. Мне кажется, все вполне достижимо.

В голове у меня возник образ Тремейна, стоящего сейчас в ложе над нами. Он будет счастлив жениться на Джоанне на любых условиях, лишь бы получить денежки.

– Может быть, если ты прикинешь все открывающиеся возможности, то примиришься с самой идеей.

Что удивляет меня сейчас, когда я вспоминаю об этом высокопарном и снисходительном совете: почему мне не пришло в голову вместо бесполезного и довольно безнравственного плана посоветовать ей пойти работать? Почему бы и нет? Тогда уже встречались работающие женщины, и немало. Может быть, просто никто в нашей компании не считал такой выход возможным или мы уже так оторвались от реальности, что не видели берегов? Но тогда, как и во многих других случаях, я оказался категорически не прав.

– Ты говоришь прямо как Дэмиан, – сказала она, несказанно меня удивив.

– Неужели?

– Ага. Он постоянно меня убеждает, что я должна получать дивиденды со своей внешности. Действуй, говорит, а я даже не знаю, как действовать.

– Не думал, что вы с ним так коротко знакомы.

Неужели мне суждено всегда быть завистливым подпевалой, плетущимся по пятам за Дэмианом?

– Знакомы. – Джоанна глянула на меня холодным взглядом, который сказал мне все.

Не отводя глаз, я думал о руке Дэмиана, которая сегодня небрежно опиралась на бедра Серены Грешэм, и пытался понять, что я такое успел сделать в жизни, что теперь вынужден в течение одного дня выслушивать, как Дэмиан пролез в душу, если не в постель, этих женщин, которые, хотя и по-разному, были богинями моих мечтаний? Моя игрушка, мое изобретение, моя марионетка взялась действовать самостоятельно. Всего через несколько месяцев, даже недель, после того, как я запустил в курятник эту лису, она начала там распоряжаться. Видимо, Джоанна заметила следы этих мыслей на моем омраченном челе.

– Он тебе не нравится? – спросила она.

Она задала правильный вопрос, которого я до сих пор себе не задавал,

хотя следовало. Но я решил ответить, несмотря ни на что:

– Это я со всеми вами познакомил его.

– Да, но сейчас по твоим словам кажется, что ты его не любишь.

Не в этот ли момент я и сам понял, что недолюбливаю Дэмиана? Если так, то еще некоторое время я не желал себе в этом признаться.

– Почему же не люблю. Люблю.

– Потому что, мне кажется, у вас мало общего. Он хочет двигаться дальше, но не подстраиваться – не как говоришь и делаешь ты. Ты думаешь, что он воспользуется этими знакомствами, будет поддерживать отношения с этими людьми, рано или поздно женится на какой-нибудь богатенькой леди Пенелопе Такой-то и отправит своих детей учиться в Итон, но ты ошибаешься. Он вас всех терпеть не может. Готов все бросить и больше никогда никого из вас не видеть.

Чем-то эта мысль явно ее волновала.

Оказалась ли подобная мысль новостью для меня? Не стану притворяться, я был удивлен.

– Тогда, может быть, вам стоит уйти вместе. Вы неплохо дополняете друг друга.

– Не говори так, – покачала головой Джоанна.

– Как?

– Как надутый, тщеславный болван. – От таких слов я, разумеется, на несколько минут потерял дар речи, а она тем временем продолжала: – На самом деле мы с Дэмианом плохо дополняем друг друга.

– Вы оба кажетесь мне очень нынешними.

Почему-то я никак не мог перестать разговаривать словно тупой болван, каким она меня описала. Волей-неволей придется повторить слова моей матери: я просто ревновал.

Но от моего замечания Джоанна не возмутилась, а задумалась.

– Дэмиан действительно хочет быть частью сегодняшнего мира, – согласилась она, – как и я. Но он хочет в нем господствовать. Подкалывать его, обыгрывать, расталкивать таких людей, как ты, и быть в нем большой, важной шишкой.

– А ты – нет? Даже светской леди, чей дом в конце улицы лучится теплотой и мудростью?

– Ты все время повторяешь одно и то же, но это не для меня, – снова покачала головой Джоанна. – И в телевизоре быть я тоже не хочу. И выйти замуж за большого босса с современной квартирой в Мейфэре и виллой на юге Франции не хочу.

Мир, который она так точно описала одной фразой, был ей, без

сомнения, хорошо знаком и, вероятно, презираем ею, так же как и светское общество графства, пэрское достоинство и представление Дэмиана о себе самом как о деловом гении, далеко обогнавшем свое время.

– Но наверняка есть какое-то дело, которым ты хочешь заниматься, – сказал я.

Джоанна снова рассмеялась, на этот раз невесело:

– Ничего из того, что ждет меня, если я буду продолжать играть в эти игры! Не хочу показаться невежливой... – Она произнесла фразу, которая обычно предваряет грубость самого обидного свойства. – ...Но все вы оторваны от происходящего вокруг вас. Тут Дэмиан прав. Вы живете не в шестидесятых. Моды. Музыка... – Джоанна замолчала и покачала головой.

– Мы слушаем музыку! – возмущенно возразил я.

– Да, – вздохнула она, – слушаете музыку и танцуете под «Битлз» и «Роллинг стоунз», но на вас при этом вечерние костюмы и вы в танцевальном зале или в шатре, а с двух часов ночи шеренга лакеев начинает подавать горячий завтрак. Не об этом поют «Роллинг стоунз». Не это происходит в мире.

– В общем, да.

– Мир меняется. И я хочу меняться вместе с ним.

– Дорогая! – Голос Дэмиана я знал слишком хорошо, чтобы оборачиваться.

– Помяни черта... – начала Джоанна.

– ...Он и появится, – подхватил я поговорку.

Дэмиан лениво спустился к нам по ступенькам и, поравнявшись с Джоанной, широким движением обнял ее.

– Приходи развеселить нас. Ты слишком много времени провела с этим занудой. Еще возомнит, что у него есть шанс, и тогда его будет не удержать.

Он подмигнул мне, словно приглашая вместе посмеяться над шуткой, которая, как мы оба прекрасно знали, произносилась в качестве оскорбления. В начале сезона Дэмиан еще чувствовал потребность опираться на меня – просто для уверенности, что я еще поддерживаю его, – но потребность эта уже давно исчезла. Сейчас он был хозяином положения.

– Ладно, – ответила Джоанна, – приду. Но только если ты мне точно скажешь, на кого ставить в следующем забеге. – Она улыбнулась и пошла по лестнице к двери ложи, где роился клуб ее поклонников.

Дэмиан улыбнулся в ответ, так и не убрав руки с ее талии:

– Ты можешь поставить только на один вариант. На меня.

Они оба засмеялись и исчезли в ложе.

Часто потом я вспоминал наш разговор с Джоанной тем летним солнечным днем на наших особых местах, над переполненным людьми полем. Наверное, тогда я ближе всего соприкоснулся с коварной романтикой шестидесятых, которая в следующее десятилетие поглотила столько моих современников. Все менялось, это правда. Люди одолели послевоенную депрессию, экономика переживала подъем, и многие прежние ценности отвергались. Но большинство из них потом вернулись. Может, не такие, как фрак и традиция снимать на лето домики во Фринтоне, но наверняка те, что способствовали расцвету амбициозности, алчности, жадности и стремления к власти. После примерно пятнадцати лет хаоса возродилось большинство старых представлений. И они живут по сей день, когда дома в Белгравии покупает более состоятельная элита, чем когда-либо с эдвардианских времен. Но не таких изменений ожидали Джоанна и ей подобные.

Они предполагали – нет, знали, что грянет мир, в котором деньги не будут иметь значения, где исчезнут национализм, войны и религия, где классы, титулы и прочие бесполезные различия между людьми растворятся в воздухе, как пар, и повсюду будет править любовь. Эта вера, эта философия так воздействовала на мое поколение, что многие и сейчас не находят сил от нее отрешиться. Легко смеяться над этими инфантильными убеждениями, когда их с растущим по мере приближения пенсионного возраста отчаянием высказывают стареющие министры и сходящие со сцены певцы. Я от души смеюсь над ними, ибо эти глупцы прожили жизнь и ничему не научились. Но тем не менее не стану скрывать, что в тот день я был тронут, когда слушал эту очаровательную, полную благих намерений умную и славную молодую женщину, которая сидела на солнце и делала ставки на коня по кличке Оптимизм.

Как и ожидалось, на следующий день все газеты опубликовали фотографию Джоанны Лэнгли, снимающей белые кружевные брюки, чтобы попасть на Аскот, и то ли «Мейл», то ли «Экспресс» напечатали их целой серией – вот уж действительно стрип-комикс. Мы все шутили на эту тему, и большинство из нас еще меньше стали воспринимать Джоанну всерьез, а надежды миссис Лэнгли потонули еще глубже. Но скоро все это перестало иметь какое-нибудь значение. Я так и не узнал, попыталась ли Джоанна поговорить с матерью о своих сомнениях. Если и попыталась, то большого эффекта это не возымело. Вскоре после описанных событий пришло приглашение на ее бал за городом, от имени миссис Альфред Лэнгли. Оно было напечатано на белой открытке, такой твердой, словно вырезанной из мореного дуба, и с настолько глубоко вытисненными буквами, что в них

можно было провалиться. Думаю, большинство приглашенных ответили положительно. С характерным для англичан цинизмом все мы сочли, что на развлечения этого вечера родителями будет потрачено много денег, поэтому стоит сходить вне зависимости от того, что мы думаем об их дочери. Лично я, конечно, симпатизировал Джоанне и открыто признаюсь, что ждал этого вечера. В наше время, когда подобные мероприятия случаются все реже и, на мой искушенный вкус, все неразлично похожи одно на другое, могу лишь вообразить, какие сюрпризы приготовила миссис Лэнгли, чтобы развлечь нас. Не сомневаюсь, этот вечер запомнился бы своей пышностью.

Но вышло так, что солнечным днем в начале июля мы открыли газеты и прочитали заголовок: «НАСЛЕДНИЦА СБЕЖАЛА С ЛЮБОВНИКОМ!» Следовавшая ниже статья рассказывала, что Джоанна, единственный ребенок короля туристической индустрии, мультимиллионера Альфреда Лэнгли, скрылась с модельером Кираном де Йонгом. Пара не была жената, что прибавляло тогдашним журналистам скабрезного восторга, хотя сегодня едва ли заслужило бы даже упоминания. Полагали, что они совместно проживают в квартире мистера де Йонга в Мейфэре. После комментария, который Джоанна сделала на скачках, я не смог удержаться от печального вздоха.

Два дня спустя пришла еще одна открытка от миссис Лэнгли. На ней была написана более сухая, но конкретная информация: «Бал, объявленный в честь мисс Джоанны Лэнгли, не состоится».

Глава 10

К моему удивлению и вопреки моим скептическим и снобистским ожиданиям, Киран де Йонг после нашей последней встречи развил бурную деятельность. Пресса сообщила, чем он занимался в прошедшие с тех пор годы, и от объема информации становилось не по себе. Когда он сбежал с Джоанной, дочерью Альфреда Лэнгли, из Бэджерс-Вуда, город Годамлинг в графстве Суррей, ему было двадцать восемь лет, то есть на девять-десять больше, чем нам всем. На следующий год он женился на Джоанне. После чего к концу семидесятых, предположительно пустив в ход часть золота Лэнгли, основал сеть магазинов одежды под названием «Свобода кроя», которое мне показалось интересным. В прессе замелькали фотографии Кирана на красных ковровых дорожках, прижимающего к себе Джоанну и одетого в невероятные костюмы, немыслимые даже по стандартам того ужасного времени. Что за слепота поразила мое поколение? Что заставляло людей покидать стены своего дома, надев белый кожаный пиджак с ковбойскими заклепками и бахромой или блестящий голубой костюм с черной рубашкой и серебряным галстуком-селедкой? Или русскую народную рубашку? Или исковерканный вариант армейского мундира? Видимо, они считали, что похожи на Элвиса или Марлона Брандо, хотя на самом деле напоминали циркового фокусника под кайфом.

Но в последующие десятилетия де Йонг заметно остепенился. Более поздние фотографии, с многочисленными моделями и наконец с яркой второй женой, демонстрировали его сперва в приличной, а потом и в элегантной одежде. В восьмидесятых он продал свою торговую сеть за несколько миллионов и принялся за недвижимость – божество той эпохи. Он инвестировал огромную долю в Доклендс, отчего, видимо, провел немало бессонных ночей, пока не посрамил сомневающихся, окупив вложение в семь раз. За этим последовали другие здания, в том числе пара известных, ставших достопримечательностями Сити, курорт в Испании, новый город в Камбрии. Потом он занялся разработкой и производством лекарств, и его компания стала лидером отрасли в разработках по артриту и особо тяжелым формам рака, направляя часть доходов на образование и решение проблем социальной мобильности, вернее, ее отсутствия, из-за перекосов системы образовательных институтов. Я оценил, что это дитя шестидесятых нашло смелость бросить вызов людям, все еще полностью поработанным идеей шестидесятых. Это была достойная, насыщенная и

удивительно ценная жизнь. Единственное, что удивило меня, – это как мало я и, вероятно, широкая общественность слышали о нем.

По большому счету я не был знаком с Кираном де Йонгом. Единственный раз мы общались во время все той же португальской вечеринки, которая повадилась приходить в мои сны, но и тогда мы едва перебросились парой слов, а после того, как все разъехались по домам, большинство из нас вообще не захотели взглянуть в глаза остальным гостям. По крайней мере, я, так что это было наихудшее начало для дружбы. Но в то время я игнорировал Кирана, с этими его кошмарными одеяниями и жалкими попытками выглядеть стильно, считал заурядным и малообразованным, скучным и немного непристойным. Джоанна лишь усугубляла дело, яростно защищая мужа, и ее агрессивность приносила в атмосферу неловкость, как только они появлялись. В свою защиту скажу, что трудно внимательно выслушивать мужчину с крашеными волосами, особенно когда он выкрашен в цвет «клубничный блонд». Но сейчас, глядя на его внушительный послужной список, я был раздавлен. Что сделал я в своей жизни, чтобы хоть примерно сравнить с этой историей? Что сделали мои друзья, чтобы удостоиться хотя бы упоминания рядом с ним?

О его частной жизни информации было мало. Киран женился на Джоанне в 1969-м, так что в этом случае ребенок, который нас интересовал, бесспорно родился в законном браке – никаких подозрительно спешных бракосочетаний в преддверии приближающихся родов. Ребенок, как я уже знал, был мальчик, Малькольм Альфред, но никаких других данных о нем статья Википедии не приводила. Развод последовал в 1983-м, и, честно говоря, я разделял удивление Дэмиана тем, что брак продлился так долго. Яркой второй женой Йонга была некая Жанна Легранж, с которой они поженились в 1997 году. Имя позволяло предположить, что семейная жизнь была наполнена путешествиями, жизнью в разных странах, но больше ничего про нее не известно. Больше никаких упоминаний ни о разводах, ни о новых женах, ни о других детях. Главное, что меня интересовало, было то, что, согласно рассказу Дэмиана, их с Джоанной отношения продолжались еще долго после того, как она вступила в брак. Это подтверждало мысль о том, что она вышла замуж за де Йонга, только чтобы сбежать от матери, а вовсе не по безумной любви. Что меня не удивило, ибо иначе я никогда и не думал.

В списке Дэмиана был приведен рабочий телефон Кирана, и я сперва предполагал, что это напрямую выведет меня к Кирану, но теперь, понимая масштабы бизнеса, с которым мы столкнулись, я засомневался. Все равно что позвонить в Букингемский дворец и попросить к телефону королеву. Но

меня без особой суеты соединили с его кабинетом, а потом с личной секретаршей, и, когда я обратился к ней, она говорила со мной вполне вежливо. Я объяснил, что я старый друг, что мы давно не виделись, и, пользуясь той же уловкой, как и с Дагмар, сказал, что хочу прийти и поговорить о новом благотворительном проекте, которым занимаюсь, и надеюсь заинтересовать мистера де Йонга. Секретарша вздохнула негромко, но явственно. Видимо, за этот день подобное обращение было примерно пятнадцатым.

– Благотворительной деятельностью мистера де Йонга управляет другой отдел, – сказала она. – Вас соединить с ними?

Я решил попытать счастья, поскольку другого разумного плана у меня не было, но моя уверенность в плодотворном результате стремительно таяла.

– Честно говоря, я бы хотел поговорить с Кираном лично, если у него найдется минутка.

Я подумал, что несколько бесцеремонное упоминание его по имени придаст мне бóльшую убедительность, но, возможно, ошибся. Секретарша задумалась, потом попросила меня еще раз продиктовать свою фамилию по буквам и поставила разговор на паузу, заставив меня слушать довольно плохую запись «Весны священной» Стравинского. На этот раз я еще не придумал, что буду делать, если Киран не захочет меня видеть. Да и с чего ему захотеть? Если я и остался у него в памяти, то лишь в виде смутного воспоминания о довольно самовлюбленном прыщавом юноше, который подкалывал его при каждой возможности. И еще тот ужасный вечер, когда мы видели друг друга в последний раз. С другой стороны, одно из великих наслаждений, предоставляемых жизненным успехом, особенно когда многие люди не верили в вас и ваши шансы на будущее, – отыскать этих невеж и заставить их отказаться от своего прежнего мнения. Заставить признать если не вслух, то хотя бы выражением глаз, что они жестоко ошибались в отношении вас. И теперь дураками выглядят они. Я мог лишь надеяться, что Кирана привлечет возможность увидеть мое унижение.

К моему изумлению, раздался щелчок и в трубке послышался голос Кирана.

– Боже милостивый! – начал он. – Чему я обязан столь внезапной радостью?

Слова были казенными, но по интонациям легко было услышать, что он растаял. Акцент Восточного Лондона за это время уменьшился, но не стал манерным, и тон Кирана, учитывая все привходящие, оказался неожиданно теплым.

– Удивлен, что ты меня помнишь.

– Да ну! Я с интересом следил за твоей карьерой. Даже читал некоторые твои книги.

Я с облегчением улыбнулся, почувствовав, что моя задача снова оказалась выполнима.

– Ладно, хватит взаимных любезностей, – сказал я, и теперь засмеялся Киран.

Когда он поинтересовался, что мне нужно, я пробормотал что-то невразумительное. Естественно, я не ожидал так скоро получить возможность обратиться к нужному мне человеку и не подготовил связного рассказа.

К моему облегчению, Киран прервал мое мямленье приглашением. Его обеды расписаны на несколько месяцев вперед, но, может быть, я найду время поужинать с ним?

– Или тебе трудно выбирать по вечерам?

– Нет, к сожалению. А тебе?

– То же самое.

Итак, мы договорились об ужине, который он предложил провести в «Савой гриле», потому что скоро они на пару лет закроются на модернизацию. Это если я не возражаю, конечно. Я не возражал. Как и Киран, я почувствовал, что знаменитый ресторан нашей с ним юности, который вот-вот исчезнет навсегда, – удачное место для воспоминаний о прошлом. Мы назначили дату.

Старый «Савой» – это непонятно чем потрясающая воображение смесь театра «Одеон» и «бель эпок» – был маяком всей моей жизни, начиная с детства и отрочества, когда престарелые тетушки, давно миновавшие возраст дебютанток, водили меня туда на чаепития. Позже были балы и коктейльные приемы в Речном зале, а между ними – свадьбы и дни рождения, с поздравлениями и улыбками, и всевозможные закрытые празднества, и так вплоть до сегодняшнего дня, когда я потратил уйму времени на все эти торжественные обеды и вечера вручения премий, с предсказуемым меню и натужной панибратской веселостью. Вскоре после нашего ужина с Кираном новый владелец закрыл двери ресторана и продал всю его обстановку с аукциона, и еще очень и очень долго ждать его обновления. И даже если владельцы понимают, какое особенное место занимал «Савой» в сердцах лондонцев на протяжении более чем века, с тех пор как у Ричарда Д’Ойли Карта^[56] впервые появилась мечта. Даже если они и пытаются уважать историю отеля со всем возможным почтением, все равно излюбленное место Нелли Мелбы и Дианы Купер, Альфреда

Хичкока и герцогини Аргайл, Мэрилин Монро и Пола Маккартни и всех остальных из этой блистательной когорты присоединится к дворцу Джона Гонта, некогда стоявшему на этом месте, и перейдет в исторические книги и нашу память.

Некоторое время я не бывал в «Савой гриле» и, войдя, обнаружил, что он уже существенно изменился по сравнению с модным местом встреч моей юности, а потом еще многих и взрослых лет. В начале шестидесятых я частенько наведывался сюда с пропащим кузеном моего отца, который почему-то мне симпатизировал. Он считал это место чем-то вроде частного клуба и регулярно приводил сюда очередной незадачливый объект своей страсти обедаться устрицами и выслушивать его лживые клятвы. Естественно, для невзрачного подростка с плохой кожей кузен представлял собой исключительно притягательный пример для подражания. Оставив в сорок лет армию, кузен Патрик решил жить стремительной жизнью, то есть получать удовольствие, не пуская корней и не взваливая на себя никаких обязательств. Он был, безусловно, очень красив и обаятелен, так что для него вести такую жизнь было более достижимо, чем для многих. Даже моя мать обожала его вопреки неодобрению отца, но в конце концов строгие отцовские замечания вроде «что посеешь, то и пожнешь» оказались справедливыми. Беспечные годы без дела довели нашего кузена до удара и ранней смерти, вновь доказав, словно это еще нужно доказывать, что жизнь, которая нам достается, есть результат нашего собственного выбора.

Но кузен Патрик вдохновлял меня, так как не признавал никаких законов и рамок, а мне, воспитанному крайне добропорядочным и довольно строгим отцом, все это казалось раем свободы. Помню, как однажды, когда мы были с ним в ресторане, Патрик, отчаявшись привлечь внимание официанта, развернулся, схватил подставку, куда помещают меню, салфетки, солонку, перечницу, и швырнул ее через весь зал. Подставка приземлилась с грохотом ядерного взрыва, от которого в шумном переполненном зале установилась такая тишина, что можно было услышать, как муха пролетит, но, вместо того чтобы схлопотать нагоняй или очутиться на улице, как я ожидал, мы получили ощутимый результат, состоявший в том, что обслуживание существенно улучшилось. Где-то здесь скрывалась какая-то извращенная мудрость, которую мой отец желал от меня скрыть.

Войдя, я подумал о Патрике. Вспомнилось, как он стоял в тех же самых дверях, с фирменной ленивой улыбочкой оглядывая зал в поисках интересных хороших вариантов, сидящих за другими столиками. Одно из самых странных свойств старости – появление все увеличивающейся

команды усопших, стоящих у вас за спиной и по очереди впрыгивающих к вам в мысли. Картина, магазин, улица, кем-то подаренные часы, украшение, доставшееся от покойной тетушки, стул от покойного дядюшки – и вдруг на мгновение эти люди оживают и беседуют с вами. Где-то в мире есть религия, считающая, что все мы умираем дважды: первый раз – обычным способом, а второй – когда умрет последний человек, который близко нас знал, и с земли исчезнет последняя память о нас. Полностью поддерживаю эту теорию. В тот день я с радостью подумал о покойном кузене, пусть даже это было лишь в связи с изменениями, произошедшими в ресторане с тех пор, как здесь бывал Патрик. Роспись на стенах исчезла, а с ней ушла бóльшая часть духа этого места. Появившиеся на ее месте стильные деревянные панели, светлые и полированные, создавали ощущение, что мы сидим в гигантском хьюмидоре^[57]. Видимо, такие изменения входят в понятие «ребрендинг», этой шарлатанской панацеи XXI века. Войдя, я увидел, что Киран уже сидит за столиком. Я помахал ему издали, а когда подошел, мы пожали друг другу руки.

Старение потрясает, если не видишь его изо дня в день. Тот Киран, которого я знал, был розовощеким повесой с накладными волосами и искусственным заггаром и мало напоминал сидевшего напротив меня солидного делового человека в годах. И хотя его лицо к семидесяти годам сильно постарело, но стало еще и утонченнее по сравнению с тем, каким было в юности: меньше пятен, менее пухлое и несоизмеримо более уверенное. Пропали слишком красные щеки, пропали блестящие крашенные пряди, унеся с собой и природный цвет его волос, каков бы он ни был, но оставив ему благородную седину, как у модели в рекламе «Грециан 2000»^[58]. Сами волосы уцелели – счастливчик! – а глаза оказались не маленькими и неожиданно добрыми для человека, который собрал такую добычу в жестоком мире торговли недвижимостью.

– Спасибо, что согласился, – сказал я, когда он отослал официанта за двумя бокалами шампанского.

– Мне самому приятно.

Киран изучал меню, а я изучал его лицо. Он приобрел подлинную статью – это единственное слово, которым я могу описать произошедшие изменения. Приобрел уверенность, и это была уверенность великих людей. Он был мягок, спокоен и непринужден, но чувствовалось, что он ожидает подчинения, как бывает у всех сильных мира сего. Официант вернулся с напитками.

– Итак, – начал Киран, когда мы снова остались одни, – что у тебя за

дело?

Я забормотал про свой благотворительный проект. Он был не целиком надуман – я решил, что, если Киран вдруг захочет сделать пожертвование, пусть кто-нибудь получит с этого выгоду. Но сразу заметил, что ему неинтересно.

– Могу тебя перебить прямо сейчас, – вмешался он, мягко подняв руку, чтобы прервать мои излияния. – Я делаю пожертвования только в три места. Приходится ограждать себя, а то в последнее время мне приходит по сотне просьб о помощи в неделю. Все они, безусловно, ратуют за благородные дела, но я не могу исправить все зло мира. Если хочешь, я выпишу тебе чек, но не на крупную сумму, и закончим на этом.

Я кивнул. Ему невозможно было противоречить. Я принял бы его решение, даже если бы моя просьба была настоящей.

– Спасибо, – озадаченно произнес я. Когда я позвонил, его секретарша попыталась сказать мне то же самое, и он мог бы покончить с этим делом без лишней грубости, когда взял трубку. – Тогда зачем мы ужинаем? – Это прозвучало не совсем так, как я рассчитывал, и я поспешил исправиться: – Нет, конечно, я страшно рад, что мы здесь, и огромное удовольствие снова видеть тебя, но я удивлен, что у тебя есть на это время.

– Время есть, – ответил он. – Для того, что я хочу делать, у меня масса времени. – Это было вежливо, но не отвечало на мой вопрос, и Киран это понял. – Сейчас я бóльшую часть времени думаю о прошлом и о том, что произошло со мной и с жизнью, которую я вел, рассуждаю, как я пришел к тому, что есть.

– То есть ты всегда делаешь исключение для людей из того прошлого?

– Мне нравится с ними встречаться. Особенно если их, как и тебя, я с тех пор редко видел.

– Честно говоря, я удивлен, что ты вообще меня помнишь. Я думал, меня встретит большой жирный вопросительный знак: «Кто-кто?»

Киран беззвучно фыркнул, и я заметил, как печальны его глаза.

– Вряд ли хоть один живой человек забудет тот обед.

– Это правда, – подтвердил я.

Он поднял бокал. Годы, проведенные в высшем свете, научили Кирана, что не надо чокаяться им с моим бокалом, как он бы сделал раньше. – За нас. Как ты считаешь, мы сильно изменились?

– Я бы сказал, что да, – кивнул я. – Возможно, я лишь растолстел, полысел и стал жалкой копией прежнего юноши, но ты, похоже, превратился в совершенно другого человека.

Он от души рассмеялся, словно эта мысль доставила ему

удовольствие:

– «Киран де Йонг, звездный дизайнер»!

– Этого человека я помню.

– Сочувствую.

– Он был не таким плохим.

– Ты подобрел то ли от алкоголя, то ли от депрессии. Он был отвратителен.

Я не стал с ним спорить, потому что думал так же. Наш официант держался неподалеку, ожидая перерыва в разговоре, чтобы шагнуть к нам и принять заказ. Киран слегка кивнул ему, и он наклонился, держа в руке карандаш и блокнот. Отрадно видеть, что искусство ресторанного обслуживания не до конца умерло, пусть даже сегодня его надо искать и, разумеется, платить за него. Ни в коей мере не держу зла на волну восточных европейцев, им поставлена единственная задача: спросить меня, что я буду есть. Они в целом приветливы и дружелюбны, составляя приятный контраст с мрачным англичанином, который выглядит так, будто ему не терпится плюнуть вам в суп. Но хоть бы кто-нибудь объяснил им, что не надо вступать, когда клиент рассказывает анекдот.

Официант получил всю необходимую информацию и отправился претворять ее в жизнь.

– Что тебя изменило? – спросил я, и ему не нужно было пояснять смысл вопроса.

Киран задумался:

– Образование. Опыт. Или это одно и то же? Раньше я считал, что начал с нуля, и это, очевидно, было неправдой, каждый начинает с чего-то. Еще я считал, что ничего не знаю, – это было справедливее, но тоже не вполне правда, – и поэтому мне казалось, что нужно подавать себя как человека, который знает все, находится в контакте с Вселенной, воплощая в себе дух времени. Я представлял себе, что выгляжу титаном, управляющим своей судьбой, а вовсе не крашеным дураком, – улыбнулся он и покачал головой. – Одни эти пиджаки взять. Что это такое было? – (Я невольно засмеялся вместе с ним.) – И то была причина, по которой я всех вас ненавидел.

Смена направления оказалась неожиданной.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я чувствовал, что вы можете распоряжаться судьбой гораздо больше, чем я.

– На самом деле не могли.

– Да, теперь-то я понимаю. Но ваше презрение ко мне и ко всему со

мной связанному заставляло так думать.

Мне стало горько. Почему мы бóльшую часть жизни заставляем страдать невинных людей?

– Надеюсь, мы были не настолько плохими. Не до презрения.

– Конечно, сейчас ты намного снисходительнее, – кивнул он. – Я не сомневался, что так и будет. Каждый человек с мозгами к старости становится снисходительным. Но тогда мы все были злыми.

– Ты с большим успехом обуздал свою натуру.

– Кто-то однажды сказал мне, что, когда молодые и умные люди озлоблены, они либо взрываются и пропадают, либо достигают невероятных успехов.

Странное совпадение слов заставило меня выпрямиться.

– Забавно. Не так давно одна моя знакомая сказала то же самое о другом человеке. Ты помнишь Серену Грешэм?

– Я помню всех, кто был на том обеде. – Я развел руками: то же можно было сказать и обо всех там присутствовавших. Но Киран еще не договорил. – На самом деле ее я помню гораздо больше. Они с Джоанной были хорошими подругами, даже после того, как Джоанна бросила их компанию и убежала со мной. Это Серена предостерегла меня, чтобы я не взорвался.

Я был одновременно поражен широтой взглядов Серены, продолжавшей общаться с Джоанной и Кираном, когда большинство девушек от них отвернулись, и, как всегда, слегка разочарован, узнав, что удачное выражение, которое я считал придуманным непосредственно для меня, оказалось любимой фразой собеседника.

– Когда она сказала мне это, речь шла о Дэмиане Бакстере, еще одном члене Португальского обеденного клуба.

– Тогда уж о члене-основателе! – Киран глотнул вина. – В каком-то смысле Дэмиан Бакстер и я в тот год были двумя выпускниками университета жизни.

Конечно, они знали друг друга, эти магистры университета жизни. Дэмиан говорил мне, что Киран его избегал, и мне было любопытно, так ли это.

– Вы, должно быть, время от времени сталкивались на встречах сильных мира сего.

– Не особо.

Вот и пожалуйста!

– Тот вечер останется с нами до конца дней.

– Дэмиан мне не друг, но не из-за этого, – слегка пожав плечами,

улыбнулся Киран.

Мне, естественно, захотелось узнать причину, но я почувствовал, что любопытство может неудачно сказаться на моих изысканиях и до конца вечера я не успею выяснить то, что собирался. Не самое подходящее время, чтобы открывать этот ящик Пандоры.

– В отличие от тебя он не старался держать свой успех в секрете. – Проговорив это, я обнаружил, что уже восхищаюсь Кираном.

Приятно кем-то безоговорочно восхищаться. Я охотно отдавал ему должное. Особенно когда это оправдывало мою неприязнь к человеку, которого я всегда не любил.

– Дэмиан не искал славы, – покачал головой Киран. – Он просто не мешал ей. Я бог знает сколько денег потратил на то, чтобы мое имя нигде не всплывало. Какое из этих двух решений тщеславнее и высокомернее?

– Почему это было для тебя так важно?

Он задумался:

– Несколько причин. Отчасти я считал, что избегать публичности – признак зрелости. А отчасти мне просто надоело. В мою бытность псевдостильным дизайнером я вдоволь нагулялся по премьерам, напоялся рук и прочее. Но застройщику слава не дает того, что нужно, а дает массу того, что не нужно.

Пришел официант с ворохом необходимых инструментов, и Киран дождался, пока он не закончит вооружать нас для очередных яств.

– Слава имеет свои преимущества. Не стоять в очереди на регистрацию в аэропорту или в больницах. Обеспечивает лучшие столики в ресторанах, где до твоего звонка все было забронировано. Ты получаешь места в театре, билеты в оперу и даже приглашения от людей, с которыми тебе искренне хотелось познакомиться. Но деньги дают тебе все то же самое, но без суеты. Тебя не забрасывают просьбами тут прийти на открытие, там поддержать, поскольку никто не знает, кто ты. Газеты не копаются в твоём прошлом и не берут интервью у твоих школьных товарищей, чтобы узнать, с кем ты в шестьдесят третьем году целовался за сараем. Мне нет нужды все это терпеть. Я получаю запросы на крупные пожертвования и даю какие-то деньги. Большого от меня и не ждут.

– Ты удивился, когда заработал деньги? Я имею в виду настоящие деньги.

Станный вопрос для едва знакомого человека, с которым вы встретились после сорокалетнего перерыва. Могу только сказать, что в тот момент он нам обоим не показался странным.

– Всякий, кто добился большого успеха, скажет тебе, что первая

реакция совершенно шизофреническая. Словно кто-то внутри тебя думает: «Неужели это все мне? Наверное, здесь какая-то ошибка!» А другой принимает появление огромного капитала как должное и только удивляется: «Ты чего так долго раскачивался?»

– Наверное, вера в себя – главная составляющая.

– Так все говорят, – кивнул он. – Но этого мало, чтобы подготовиться к тому, что происходит. Я получил много денег, когда продал магазины, но, когда посчитал ожидаемую прибыль по первому строительному проекту, мне показалось, что я нарисовал слишком много нулей. Не мог поверить, что вложение принесет такую отдачу. Но все получилось. Потом пришли еще деньги, и еще, и еще, и еще. И все изменилось.

– Кроме тебя.

– И я тоже! В те годы я просто обезумел. Вел себя как кретин, стал придирчив до помешательства. Мой дом, моя одежда, мои автомобили – все должно было быть на уровне. Вспоминая то время, думаю, что я, наверное, следовал какому-то своему представлению о том, как ведут себя шикарные люди, ничего не понимая при этом. Капризничал в ресторанах, требовал в отелях полотенца другого оттенка и другую марку воды. Не подходил к телефону, когда звонили знакомые люди... – Киран неловко замолчал, вспоминая свое былое безумство.

– Почему не подходил?

– Мне казалось, что важные люди поступают именно так. Бред! Даже президент Соединенных Штатов подходит к телефону, если знает человека на другом конце провода, а я не подходил. Завел армию помощников, они получали от меня горы записок, всем раздавались бесконечные списки дел. И я от всего отказался. Вообще! В последний момент соскочил. Вот так.

– Никогда не понимал, почему люди это делают.

Я и правда не понимал. Но такое явление все чаще и чаще встречается среди людей, мечтающих стать великими.

– Да и я тоже не понимаю, – задумчиво сказал Киран. – Думаю, я почувствовал скованным себя по рукам и ногам в тот момент, как только на что-то соглашался, потому что назначенное мероприятие, не важно какое, я не имею возможности контролировать. По мере того как оно приближалось, я начинал паниковать, а в день мероприятия решал, что не могу туда пойти, обычно по какому-то надуманному и мелкому поводу, и все люди, которым я платил, чтобы они целовали мне зад, говорили мне: хозяин мероприятия все поймет, – и я расслаблялся.

– Когда это закончилось?

– Когда все меня бросили. Я продолжал считать себя повсюду

желанным гостем, пока в один прекрасный день не осознал, что меня приглашают только на рекламные акции со знаменитостями, но никогда – туда, где происходит что-то интересное. Политики, артисты, писатели, даже философы – с ними встречаться меня больше не приглашали. Слишком я был ненадежен.

Это признание заинтересовало меня, так как я знал массу кинозвезд и телевизионных лиц, которые постепенно исчезли из общества, по крайней мере из более или менее ценного общества, не включающего в себя поклонников. Как правило, все эти знаменитости ничего не подозревают и продолжают считать, что за ними все охотятся и желают их видеть, хотя на самом деле уже нет.

– Бабушка говорила мне, что нельзя быть капризнее, чем ты стоишь.

– Она была права. Я это правило нарушил и поплатился. Был намного капризнее, чем стоил. – Из его голоса исчезло отчаяние, и вдруг зазвучала неподдельная боль. – Тогда-то Джоанна меня и бросила. Ее можно понять. Она выходила за меня в качестве протеста против правил светского общества, и вдруг оказалось, что она живет с мужчиной, которому важно, чтобы рукава его рубашек отличались по длине на четверть дюйма, который галстуки может покупать только в Риме, а ботинки ему чинит собственный сапожник в Сент-Джеймсе. Все это было очень утомительно. В чем ее упрекнуть?

Я внимательно посмотрел на него и решил, что пришло время разрядить обстановку.

– Насколько я помню твою тещу, думаю, она одобряла эти перемены в тебе. Перемены и появление денег, конечно.

Киран глянул на меня. Официант как раз принес первое блюдо.

– Ты был знаком с Валери Лэнгли?

– Мало. Я знал ее как маму Джоанны, а не как Валери.

– Ей стоит за многое ответить, – отнюдь не шутливым тоном произнес Киран. Я попытался придумать, что здесь можно добавить, но он еще не закончил. – Ты понимаешь, что она увезла нас в Португалию только для того, чтобы разлучить меня с Джоанной? Ты можешь себе представить, чтобы мать подстроила такое для своей дочери?

Я мог, если эта мать – Валери Лэнгли, но подливать масла в огонь не было смысла, и я решил повернуть разговор чуть в ином направлении:

– Насколько я знаю, ты снова женился, после того как вы с Джоанной расстались? Твоя вторая жена до сих пор с тобой?

Киран чуть не подпрыгнул, словно мои слова отвлекли его от каких-то тяжелых мыслей.

- Нет. Мы развелись. Много лет назад.
- Прости. В твоей биографии об этом не сказано.

И снова он посмотрел на меня так, словно я заставляю его обсуждать парковочный билет, выписанный кому-то в 1953 году.

- Не извиняйся. Жанна была пустое место.

От такого комментария мне стало не по себе, но не только из-за его жестокости. Может быть, потому, что ответ Кирана давал понять, насколько он одинок.

- Как Джоанна? – Он уже упоминал ее имя, так что я вполне имел основания спросить. – Вы с ней в хороших отношениях?

Вопрос оказался для него неожиданным и вернул к реальности. Мои слова сказали ему нечто большее, чем я в них вкладывал.

- Из-за чего ты захотел меня увидеть? – поинтересовался он.

Я вдруг почувствовал себя так, словно меня поймали на мелкой краже в магазине или, того хуже, за тем, как я пихаю в карман фонарик школьного товарища.

- На самом деле я исполняю поручение.

- Какое поручение? От кого?

- От Дэмиана. – Не представляя, что ответить, я молил небо о вдохновении. – Знаешь, он тяжело заболел...

- «...Слух распусти, что королева Анна умирает»^[59].

Меня позабавило, что он решил процитировать здесь «Ричарда III».

- Как-то так. И Дэмиан захотел узнать, как идут дела у его друзей из прошлого... – Я не знал, что сказать дальше. – Что с ними стало. Как сложилась их жизнь. Так же, как ты сейчас вспомнил о своем прошлом и о том, как тебе хочется о нем поговорить. – Неуклюжая попытка посадить их с Дэмианом в одну лодку.

- Обо всех друзьях? Или только о некоторых?

- Пока только о некоторых. Он попросил меня помочь, потому что утратил с ними связь, а я со всеми был довольно близок.

Киран не купился на такую ложь, и неудивительно.

- Я поражен, что из всех людей за это дело согласился взяться именно ты. – Замечание, естественно, было вполне резонное.

- Да я и сам поражен. Не собирался, когда он в первый раз меня попросил, но потом приехал к нему в гости и почувствовал... – Я умолк. Что же такое я почувствовал, если это перечеркнуло многие годы неприязни?

- Почувствовал, что не можешь отказаться, – ответил за меня Киран. – Потому что смерть уже тянула его за рукав, а до того, как ты там появился,

ты представлял его молодым.

– Именно так.

Да, так, хотя это не единственная причина. Помимо жалости, которую я все же испытывал к Дэмиану, во мне нарастала какая-то более глубокая, общая печаль, скорбь о жестокости времени. Киран заставил меня устыдиться своих назойливых расспросов и фальшивой отговорки о благотворительной акции.

– Каких «некоторых»?

– Прошу прощения?

Киран словно заговорил на иностранном языке. Я ничего не понял.

– О каких «некоторых» из друзей Дэмиана?

Я перечислил список женщин. Он выслушал меня, не отрываясь от тресковой икры – отламывал кусочек тоста и клал на него розовую кашицу, проделывая это со скрупулезной аккуратностью, которая отличает мужчину, живущего в одиночестве. Не жеманность, не дотошность, все четко и аккуратно, как в тумбочке армейского барака. Киран заговорил, когда доел то, что лежало на тарелке.

– Это имеет какое-то отношение к моему сыну?

Его слова словно ударили меня под дых. Я почувствовал дурноту, и на секунду мне показалось, что меня и впрямь стошнит. Но я решил разом покончить со всем враньем, потому что для Кирана я до сих пор оставался непроницаем, как многослойное стекло.

Я собрался с духом и ответил:

– Да.

Он осмыслил мой ответ, поворачивая новую информацию в голове, разглядывая ее под разными углами, как эксперт, сомневающийся в качестве дорогой антикварной безделушки из фарфора. Наконец он принял решение.

– Я не хочу больше здесь об этом говорить. У тебя есть время поехать ко мне домой на кофе? – (Я кивнул.) – Тогда так и поступим.

И на моих глазах Киран сбросил доверительную маску самоуничижения и сменил ее на маску непринужденного изящества, стал оживленно говорить о странах, где ему понравилось, о том, как он разочарован правительством, о том, что экологическое движение стало совершенно неконтролируемым, и так пока мы не закончили обед и не расплатились. Он вышел со мной из отеля и подвел к большому «роллс-ройсу» с шофером, который стоял у открытой двери.

Киран кивнул на роскошный автомобиль.

– Иногда лучше всего хорошо забытое старое, – шутливо заметил он, и

мы сели в авто.

Машина привезла нас к новому и, надо сказать, несимпатичному многоквартирному зданию из тех, что недавно настроили у Воксхолльского моста. Раньше я не бывал в них и удивился его выбору места жительства. Пожалуй, я ожидал, что Киран живет в роскошном особняке в Челси, построенном в 1730-х годах для какого-нибудь энергичного сельского джентльмена, а теперь имеющего такую рыночную стоимость, что хватило бы покрыть дефицит городского бюджета Мадрида. Но, выйдя из лифта на площадку верхнего этажа, а потом зайдя в квартиру Кирана – не люблю слово «апартаменты», но, пожалуй, здесь оно будет точнее, – я все сразу понял. В конце длинного широкого холла, шедшего вдоль целой стены дома, футов тридцать в ширину и трудно сказать сколько в длину, находилась одна просторная гостиная. На трех стенах располагались высокие окна, из которых открывался такой вид на Лондон, что уступал только виду с «Колеса миллениума»^[60]. Я глянул вниз на изогнувшуюся ночную Темзу с деловитыми игрушечными кораблями, мигающими разноцветными огоньками, на миниатюрные машинки, проносящиеся по узким улицам, на крошечные точки пешеходов, спешащих по освещенным фонарями тротуарам. Было похоже на полет.

Внутри поводов для удивления нашлось не меньше. Все помещение было заполнено самыми чудесными предметами, какие я когда-либо видел в частном жилище. В обычном семейном доме, даже роскошном, вперемешку с изысканными деталями встречается вдруг пара кресел с накидками, которые связала тетя Джоан, или сувениры, которые папа привез из Судана. Но здесь ничего подобного не было. Сверкающий пол покрывали два подобранных в тон ковра Савонери, и на них была расставлена мебель настолько изумительная, словно ее вывезли из какого-то знаменитого европейского дворца. Картины представляли собой главным образом пейзажи, а не портреты, и хотя обычно я нахожу их скучноватыми, об этих жемчужинах своего жанра ничего подобного сказать было нельзя. Здесь висели пейзажи Каналетто и Клода Лоррена, Гейнсборо и Констебла, а также другие, об авторстве которых я мог только догадываться. Мой взгляд привлек поразительный портрет принцессы Монако кисти Ангелики Кауфман. Киран увидел, куда я смотрю.

– Вообще, я не люблю портреты. Они мне кажутся сентиментальными. Но этот я купил, потому что он напоминал мне о Джоанне.

Киран был прав. Девушка на портрете очень ее напоминала. Джоанна, только в широкополой, украшенной цветами шляпе, одетая в свободные одежды по моде 1790-х годов, кажущаяся легкомысленной и беспечной,

пока не вспомнишь, что той, кто послужила художнице моделью, оставалось три года до ужасной гибели. Несчастливая принцесса ехала на казнь с последними заключенными эпохи террора. По дороге на гильотину полицейские слышали шум – начинался Термидорианский переворот, но, к несчастью для пассажиров, решили не прерывать свой мрачный путь, заключив, что, если режим свергнут, конвоиров никто не упрекнет, а если Робеспьер удержится у власти, они все будут казнены за то, что пощадили жертв. Наверное, они рассуждали правильно.

Картина висела над вычурным камином, приведшим меня в восторг. Киран поведал мне, что камин достался ему в числе других трофеев, когда в злосчастных пятидесятых снесли один старинный дом. Он рухнул, и на улицу рекой полились двери, камин, балюстрады и прочее богатство. Семья по-прежнему живет рядом, уютно обустроившись в очаровательном жилище, переделанном из оранжереи.

– Разве в таком новом здании можно разжигать огонь? Он настоящий?

– Конечно! Я специально хотел пентхаус, чтобы можно было встроить трубу. Ненавижу гостиные без камина, а ты? Разрешение я получил легко.

Он говорил так, будто речь шла об установке дополнительной ванной комнаты.

Не в первый раз я задумался о том, каково это быть баснословно богатым. Конечно, все мы баснословно богаты, если сравнить с обитателями некоторых весьма обширных территорий земного шара, и я вовсе не хочу жаловаться на судьбу. Но каково это, когда единственная причина чего-то не сделать, что-то не купить, не съесть и не выпить – что вам этого не хочется? «Это было бы так скучно!» – так и слышим мы сейчас чьи-то возражения. Но скучно ли? Ведь не скучно же каждое утро иметь горячую воду или каждый вечер – вкусный ужин, спать на хороших простынях, или жить в красивых комнатах, или собрать у себя несколько замечательных картин, так почему должно быть скучно мановением руки утроить себе количество этих благ? Не сомневаюсь, мне бы понравилось.

– А загородный дом у тебя есть? – спросил я.

– Нет. Сейчас нет, – терпеливо ответил Киран, словно я мог бы и знать. – С этим покончено, – усмехнулся он. – В какой-то момент у меня было поместье в Глостершире, еще одно в Шотландии, квартира в Нью-Йорке, вилла в Италии, под Флоренцией, и лондонский дом на Чейн-роу. Я регулярно наезжал в каждый, раздражался по поводу всего, что сделано не так с моего последнего появления, и уезжал. Кажется, нигде не задерживался дольше чем на три дня подряд, так что стадия недовольства никогда не заканчивалась. Хотя по домику в Котсуолдсе до сих пор

скучаю. – На мгновение над ним сгустилось розовое облако ностальгии. – Библиотека там была одной из прекраснейших комнат, которые я когда-либо видел, не то что жил в них. Но нет. – Он покачал головой, чтобы отогнать своенравные волнующие образы. – Этим я больше не занимаюсь. Нет смысла.

Последовала неловкая пауза, но я не прерывал ее. Киран заказал кофе еще из авто, и теперь незаметный слуга принес поднос. Я снова оказался в декорациях комедий Лонсдейла^[61]. Осознавал ли я, когда поступил на службу к Дэмиану, каким увижу современный мир? Стало ли для меня потрясением, что весь этот жизненный уклад, который, как уверенно заявляли нам в шестидесятые, категорически отмирает, вместо этого жив, и прекрасно себя чувствует, и даже больше не кажется необычным? Я считаю, что имею возможность вполне свободно передвигаться, и большую часть жизни провел в достаточно завидных домах. Но теперь я начинал понимать, что сейчас уже не так, как раньше, когда находился один случайный человек, продолжающий жить в эдвардианском стиле, какой-нибудь уникальный миллионер, который изобрел электричество, и мы все должны быть ему признательны. Сегодня существует целый новый класс богатых людей, ведущих шикарную жизнь, и он столь же многочислен, как в Георгианскую эпоху. Единственное различие состоит в том, что сейчас эта жизнь проходит за закрытыми дверями, что лишь способствует извращенному о ней представлению, которое так любят средства массовой информации. В результате подавляющее большинство не подозревает о существовании новой, влиятельной группы людей, живущих подобным образом, но, в отличие от своих предшественников из прошлого века, принимающих на себя немалую ответственность за тех, кому повезло меньше. Эта новая порода людей не чувствует необходимости публично вести за собой общество – только из тени позади трона.

Я налил себе чашку кофе и сел в покрытое гобеленом кресло бержер, изготовленное, по моим прикидкам, в середине XVIII века. Пожалуй, можно было начинать.

– Ну, как поживает Джоанна? – спросил я, потому что на этом месте мы остановились.

Киран несколько секунд пристально на меня смотрел. Он и сам, видимо, понял, что именно за этим я здесь.

– Джоанна умерла, – ответил он.

– Что?!

– И умерла достаточно печально. Ее нашли в общественном туалете недалеко от Суиндона, а рядом валялся пустой шприц. Передозировка

героина. Когда прибыла полиция, они заключили, что Джоанна пролежала в кабине около пяти дней. Их встревожил запах. В подобном месте, как ты понимаешь, он должен быть достаточно сильным, чтобы его заметили.

И тут я понял, что Киран де Йонг – проклятый человек. Этот отвратительный и трагический образ теперь с ним навсегда, образ женщины, которую он, скорее всего, любил гораздо больше, чем ему казалось вначале. Эта картина стояла за всеми его мыслями, в дюйме-двух, всегда, пока он не спал, а потом наверняка навевалась и в сны. Я понимал, что он согласился со мной встретиться, потому что на самом деле говорить и думать ему хотелось только о Джоанне, а я был с ней знаком. Но когда мы встретились, Киран понял, что не может начать разговор без этого рассказа, и, вне зависимости от первоначальных планов, не мог говорить в шумном переполненном ресторане. Разделавшись с этой нелегкой задачей, он расслабился.

Порой приходится слышать рассказ или становиться свидетелем чего-то столь шокирующего, что мозг несколько мгновений не может переварить информацию. Помню, однажды в Южной Америке я попал в землетрясение, и, пока наблюдал, как подпрыгивают и скачут вокруг статуэтки и книги, мне потребовалась секунда или две, прежде чем мозг подсказал, что происходит. Сейчас случилось примерно то же. Джоанна Лэнгли, обворожительная, роскошная Джоанна была мертва, ушла из жизни так, как всеми забытые и потерянные, а не как любимцы богов.

– Боже... – На одно краткое мгновение мне показалось, что я расплачусь. Когда я покосился на Кирана, он, кажется, тоже был на грани, но потом взял себя в руки. Наконец он медленно кивнул, словно мое восклицание было целой фразой. Некоторые смерти обладают блаженным свойством приносить утешение выжившим. Это была не такая смерть. – Когда это произошло?

– В октябре восемьдесят пятого. Пятнадцатого числа. Мы расстались за пару лет до этого, как ты, наверное, знаешь, и некоторое время не разговаривали, разве что про Малькольма, потому что у нас с ней была... – Киран задумался. Что у них было? – Размолвка. Спор. – Он понемногу приходил в себя. – Противостояние. Но когда мы получили постановление суда – хоть какое-то разрешение ситуации! – я почувствовал, что мы можем продолжать общаться, ведь мы оба пережили этот момент. – Он безнадежно махнул рукой.

– Но оказалось, что нет.

– Очевидно, так.

– Чего касалась размолвка?

И снова на бумаге такой вопрос кажется бесцеремонным, но между нами за тот вечер, как сейчас говорят, установилась связь, по крайней мере мне так казалось, и, когда я задал его, не было ощущения, что я сую нос не в свои дела.

– У Джоанны было множество проблем. Ну, ты можешь сделать вывод по тому, как она умерла. – Киран провел рукой по своим достойным зависти волосам. – И я хотел остаться главным опекуном Малькольма. Не в том смысле, чтобы запретить ей видиться с сыном, нет.

Видно было, что вина за смерть первой жены бурлит в его венах так жарко, что и двадцать три года спустя он продолжает чувствовать себя виноватым.

– Я только считал, что ему будет лучше жить со мной, чем таскаться повсюду за матерью. К тому времени у меня уже было больше денег, чем у нее...

– Ого!

– За несколько лет до этого Альфред пострадал от обвала рынка недвижимости, так что там почти ничего не осталось. С тех пор как ты был с ними знаком, у них переменялась вся жизнь. Они жили по-настоящему бедно, в квартире на окраине Стретэма.

Перед моими глазами вдруг отчетливо встал образ миссис Лэнгли, сверкающей драгоценными камнями и, будто пронырливый хорек, наблюдающей с края танцевального зала, не проявляет ли к ее дочери интерес виконт Саммерсби. Я никогда особо не любил миссис Лэнгли, но все равно мне было жаль ее. В то время никто не представлял, какое будущее ее ждет.

– Дело не только в деньгах. Джоанна была разочарована тем, каким стал мир. Она считала, что мы все будем жить в таком духовном Непале, курить травку и цитировать мюзикл «Волосы», а не получать свою пенсию в тэтчеровской Британии.

– Многие из нашего поколения так думали. Некоторые из них сейчас сидят в правительстве.

Но мне было не остановить этот поток. Кирану надо было выговориться. Как говорят в телевикторине, «пусть играет дальше».

– Если смотреть с ее точки зрения, я находился на пике своего безумия – орал, если на воротнике обнаруживалась складочка, увольнял персонал, потому что ножи и вилки в серванте лежат неаккуратно... Уж тут-то никакой ее вины не было. – Его стремление быть справедливым к покойной жене не просто заслуживало уважения, оно надрывало сердце. – В общем, дрались за мальчика, словно два кота, – вздохнул он. – Джоанна

говорила, что я отравлю ему ум и сделаю фашистом. Я отвечал, что она отравит ему тело и сделает наркоманом. Так и продолжали рвать друг друга глотки. Пока наконец она не бросила бомбу. Однажды утром мы завтракали в той странной, натянутой атмосфере, когда два человека еще живут вместе, но знают, что это ненадолго. Мы сидели в молчании, пока Джоанна не подняла глаза, собираясь что-то сказать. Я понял, готовится какое-то оскорбление, и нарочно не стал задавать никаких вопросов. Через некоторое время ей надоело, и она просто сказала.

– Что?

– Что Малькольм не мой сын.

– Как она это сказала?

– Так и сказала: «Малькольм не твой сын».

Киран замолчал, давая мне осознать услышанное. Значит, мои поиски закончатся здесь? Было странно достичь цели, но при этом радостно, ведь смерть Джоанны отчасти искупится тем, что отец мальчика признает родного сына. Невзирая на некоторое разочарование, что богатство Дэмиана достанется единственной в Англии семье, которая этого даже не заметит.

Но Киран еще не закончил:

– Ты тут вспоминал загородную вечеринку в Португалии.

– Да. – Я знал, что Португалия обязательно всплывет.

– Джоанна сказала, что познакомилась с отцом мальчика там и переспала с этим мужчиной, когда мы возвратились в Лондон. Прямо в ту же ночь. Едва вернувшись домой из аэропорта, мы устроили скандал: зачем мы вообще туда поехали, – и она хлопнула дверью... – Он пожал плечами. – Было очевидно, что она говорит о Дэмиане. – Видимо, Киран уловил и неправильно истолковал мою реакцию на эти известия и поспешил загладить боль, которую мог причинить: – Ты всегда был ей очень симпатичен, но...

Что ему еще было сказать.

– Но я ее не интересовал, – помог я.

Мы оба знали, что это правда, так что возражать Киран не стал.

– Не так, как он, – продолжил Киран, принимая мой вердикт. – И до Треймейнов ей тоже дела не было. Так что наверняка Дэмиан. – Он помолчал немного. Как бы часто он ни возвращался на эту почву, ему по-прежнему было больно. – И вот я сидел с недоеденным тостом в одной руке и чашкой кофе в другой, а жена пускала под откос мою жизнь. А мне это не понравилось. Очень не понравилось.

– Еще бы!

– Не только из-за мальчика. Она рушила и всю нашу жизнь. Задним числом. В те времена, о которых она рассказывала, мы были женаты всего год, и мне тогда казалось, что мы счастливы. Да и против этой проклятой поездки я возражал, потому что боялся, как бы Джоанну не затащили обратно к тем людям, общаться с которыми не шло ей на пользу.

– Но ты поехал, потому что тебя заставила ее мать. А когда вы вернулись, она переспала с Дэмианом. – По крайней мере, теперь я понимал источник этой глубокой неприязни.

– Все так. И к тому этапу нашей битвы Джоанна была рада поговорить на эту тему, потому что это должно было спасти ее сына из моего порочного мира, потакающего безумствам в духе Леоны Хелмсли^[62]. Она считала, что этим все уладит. Что я сдамся и отступлюсь, Малькольм достанется ей, а я останусь один, пересчитывать деньги и рыдать.

– Но этого не произошло.

– Нет, конечно. Мое имя стояло на его свидетельстве о рождении, как-никак. Я был на ней женат, когда ребенок был зачат и тем более когда рожден. Я любил его. Он был мой сын!

Киран чуть не выкрикнул это, снова переживая накал того скандала, но, увидев мое озадаченное лицо, пришел в себя и повторил то же спокойнее, что тронуло меня, как тронуло бы любого, кто услышал это.

– Я любил его. Он был мой сын. Я мог претендовать хотя бы исходя из этого.

Я выпрямился. Делать подобное заявление только «исходя из этого» он бы мог, если бы поддерживал связь с мальчиком. Судя по тому, как Киран говорил, он явно эту связь поддерживал.

– Но не стал?

Он покачал головой:

– Я прошел тест на отцовство. Хотел знать, насколько тяжелое грядет сражение.

Киран глянул на меня свирепо, и на мгновение я посочувствовал Джоанне, увидев, какой огонь ей пришлось принять на себя. Но видимо, нельзя достичь таких успехов, как Киран, частично не превратившись в сталь.

– Результаты теста показали, что Малькольм все-таки мой.

Ощущение, что все вопросы разрешились, покинуло меня в одно мгновение.

– Как это восприняла Джоанна?

– А как ты думаешь? – зыркнул на меня он. – Она тогда уже нормально не соображала. Сказала, что не верит. Что я эти результаты легко мог

подделать и прочее, и прочее. Можешь себе представить. – (Я мог.) – Мы провели еще один тест, под наблюдением ее знакомых, и результат, разумеется, оказался тот же самый. А Джоанна к тому времени уже совсем слетела с катушек.

Киран стоял и смотрел в окно. Его силуэт вырисовывался на фоне темно-синего бархатного неба, усеянного звездами. Он смотрел в ночь и говорил, едва ли помня, что я здесь.

– Понятно, что все эти непрекращающиеся крики не способствовали укреплению образа здравомыслящей женщины, поэтому неудивительно было, что судья присудил полное опекунство мне, а ей дал право посещения, – больше, чем я просил. Решение мы получили в сентябре восемьдесят пятого.

– А в следующем месяце она покончила с собой.

– Покончила с собой или случайно приняла слишком большую дозу... Да что там говорить, – вздохнул он устало. Вернувшийся былой гнев совсем пропал. – Она мертва. Вот так все закончилось для Джоанны. И так бессмысленно. Малькольму тогда было четырнадцать. Я не мог бы контролировать, встречается он с ней или нет, даже если бы захотел, а я и не хотел, разве что на год-два.

Некоторые решения объяснить трудно. Решения стран и решения отдельных людей – иногда невозможно. Зачем Наполеон вторгся в Россию? Почему Карл I не заключил мир, когда ему предложили? И почему Джоанна Лэнгли убежала и вышла замуж за этого человека, когда он был ненадежен и вопиюще нелеп, но оставила в начале его триумфа? Почему пыталась разделить пополам их ребенка, когда он был уже достаточно взрослый, чтобы самому решить, что он думает о каждом из своих родителей и об их непримиримых философиях? Почему Джоанна стремительно впала в опасную депрессию, когда ей нечего было бояться?

– Не понимаю, почему мы никогда об этом не слышали. Почему про это ничего нет в Интернете?

– Главным образом потому, что я потратил огромное количество времени и денег, чтобы об этом никто не услышал. Информацию в прессе я тогда свел к минимуму, не буду говорить как, а сейчас у меня есть человек, который весь свой рабочий день занимается тем, что прочесывает Сеть, избавляясь от любых историй, которые мне не нравятся, в том числе следит, чтобы даже шепота о Джоанне нигде не проскочило.

– Зачем?

– Потому что я перед ней в долгу. Я разрушил ей жизнь. И не допущу, чтобы после смерти она стала темой для желтой прессы.

Разрушил ей жизнь. Я был потрясен звучащим в этой фразе неприкрытым и жестоким ощущением вины. Он не позволял себе никакого оправдания.

– Ужасно... – сказал я, и сказал от чистого сердца.

Ужасно было видеть гибель, которая за несколько минут на моих глазах поразила весь дом Лэнгли. Существовавшие в моей памяти богатый, элегантный Альфред и его тонкоголосая амбициозная Валери вдруг оказались сброшенными со своего золотого пьедестала, где в моих мыслях они до сих пор незыблемо пребывали, и провалились вниз, как Дон Жуан, туда, откуда появились. А Джоанна, которую всю жизнь я считал идеалом женского очарования, лежала где-то в Центральной Англии мертвая, оскверненная, ее волнующее запястье было испещрено следами иглы, а грязные спутанные волосы разметались по бетонному полу с пятнами мочи.

– Как это все ужасно... – Я глянул на часы. Пора было уходить.

Теперь я понял, что Киран ухватился за возможность поговорить о жене, которая ушла против его воли, но так и не покинула его мыслей. Он просто хотел говорить о Джоанне с теми, кто знал ее, а таких возможностей, должно быть, становилось все меньше даже у него. Он заметил, что я посмотрел на время.

– Прежде чем ты уйдешь, я хотел бы тебе кое-что показать, – сказал он, и, покинув Зал для Избранных, мы пошли вдоль по коридору. За полуоткрытыми дверями открывались восхитительные комнаты для еды, чтения и прочих наслаждений, и наконец мы подошли к последней двери. Киран открыл ее и ввел в своего рода кабинет, с письменным столом и мягким креслом. Я почувствовал, что именно здесь он занимается серьезной работой, а не пролистывает бумаги, диктуя распоряжения секретарю, как в роскошной библиотеке, чуть дальше по коридору. Здесь Киран явно проводил много времени, но решил я так не потому, что комната была тихая или аккуратно убранная. И роль кабинета представлялась не главным ее предназначением. Это был храм. Все четыре стены были увешаны портретами в рамах, а одна стена целиком состояла из фотографий Джоанны – той Джоанны, какой я помнил ее, молодой и роскошной, затем Джоанны чуть постарше, еще постарше, но нигде – Джоанны в старости. Джоанна в тридцать лет, более замотанная и чуть постаревшая, Джоанна в тридцать три, на выходе из суда после бракоразводного процесса, – отчетливый образ ее несчастного существования, переданный фотографом какой-то вечерней газетенки, но, видимо, великодушно не опубликованный, Джоанна в тридцать пять, сидит

с сыном и смеется.

– Эта сделана ее другом. – Киран разглядывал фотографии вместе со мной. – Малькольм приехал тогда на обед, что ли, и тот самый друг их снял. Это последняя их совместная фотография. И последняя ее. Ей оставалось меньше недели. Даже не скажешь.

– Действительно.

Я смотрел на улыбающийся рот и усталые глаза. И надеялся, что тот день был по-настоящему счастливым – эта последняя встреча с горячо любимым сыном. Я огляделся, ища вырезки из газет. Даже после всего того, что рассказал Киран, я удивился, не найдя их.

– В прессу вообще ничего не попало? Не понимаю, как ты мог все от них скрыть. Даже в местных газетах ничего?

– Было несколько заметок, – нехотя ответил он, – но немного.

– В «Гугле» я ничего не нашел. С момента, как вы расстались, вообще ничего нет.

– После развода Джоанна пользовалась моей настоящей фамилией. Когда ее нашли, эта фамилия стояла на всем, что было в ее сумочке. Мне удалось не дать им провести связь... Если наберешь «Джоанна Фатток», прочитаешь.

– Фатток?^[63] – Я обрадовался, что еще могу находить что-то забавным. Он сконфузился:

– Почему, как ты думаешь, я не отказался от фамилии де Йонг?

– Меня это удивляло. Как девичья фамилия твоей матери?

– Кок^[64], – с отчаянием вздохнул он. – Представляешь?

– Некоторым везет, – улыбнулся я, и мы оба рассмеялись.

Я стал разглядывать остальные стены этого маленького музея. Здесь были фотографии Джоанны с Кираном, молодого Кирана с его ужасной блондинистой копной волос и бесконечными вариантами самой уродливой одежды в мире. Затем взрослый Киран, Киран, достигший успеха, Киран, пожимающий руки президентам и королям, и даже Киран во все более и более приличных костюмах. И рядом с Кираном, куда ни глянь, – множество фотографий мальчика. Малькольм на школьной фотографии в начальных классах, Малькольм в бассейне, Малькольм на велосипеде, Малькольм на лошади, Малькольм – ученик частной школы, с обоими родителями, стоящими справа и слева от надувшегося ребенка, недовольного своим участием в каком-то торжественном мероприятии. Малькольм на лыжах, Малькольм в университете, Малькольм на вручении дипломов, с очень серьезным лицом, Малькольм в походе.

– Чем он сейчас занимается? – спросил я.

Киран помолчал, затем произнес самым учтивым тоном, на какой был способен:

– Он тоже умер.

– Что?!

Я совершенно не был знаком с мальчиком, да и отца знал лишь мельком, но мне показалось, что рядом внезапно выстрелили из пистолета.

– Не так страшно. Не как его мать. – (На этот раз я увидел, как глаза Кирана наполнились слезами, хотя голосом он продолжал владеть безупречно.) – Малькольм был совершенно здоров, двадцать три года, начинал учиться в Вартбурге и все никак не мог оправиться от гриппа, так что мы решили показать его врачу. – Он остановился перевести дух, снова переживая те ужасные дни. – Я отвез его в больницу на осмотр, и через семь недель он умер. – Киран быстро потер нос, безуспешно пытаясь отогнать слезы. Потом снова заговорил, не для того, чтобы сообщить о чем-то мне, но, скорее, чтобы успокоиться самому. – Вот и все. Я так до конца и не понял, что произошло. Некоторое время не осознавал. Через несколько лет даже снова женился. – Он покачал головой, удивляясь абсурдности жизни. – Конечно, это было смешно, и брак продлился недолго. Я совершил ошибку. – Киран снова посмотрел на меня. – Мне казалось, что я могу продолжать жить дальше. Ну вот, – вздохнул он, словно мы наконец о чем-то договорились, – после того как я избавился от Жанны, я продал дома и все остальное и переехал. Но многое привез сюда с собой, как видишь. Не смог окончательно все забыть.

– Чем ты занимаешь время?

– Хм... – Он задумался ненадолго, словно это был каверзный вопрос, на который трудно ответить. – У меня идет еще довольно много дел, я занимаюсь финансированием исследований, главным образом изучения рака. Хочется думать, что однажды это поможет не допустить, чтобы то же самое произошло с кем-то еще. И потом, меня сегодня волнует система образования, вернее, ее отсутствие. Если бы я родился в наши дни, то кончил бы тем, что разливал пиво в каком-нибудь баре в Челмсфорде. Я беспокоюсь о детях, у которых в нынешней ситуации нет никаких шансов.

Кажется, ему приятно было думать об этом, и он радовался своей роли в решении таких важных проблем. И радовался вполне заслуженно.

– Кроме того, я читаю. Много и с удовольствием смотрю телевизор, в чем обычно никто не признается. Понимаешь... – Киран попытался улыбнуться, но у него не получилось. – Дело в том, что, когда умирает твой единственный ребенок, умираешь и ты. – Он помолчал, словно сам для

себя еще раз осознавал справедливость этих слов. — Твоя жизнь кончена. Ты больше не отец. Ты никто. Больше ничего нет. Просто ждешь, когда твое тело догонит душу и воссоединится с ней.

Он замолчал, и мы остались стоять в этом святилище любви. Киран рыдал, уже не таясь, слезы лились по его щекам, оставляя темные мокрые полосы на лацканах дорогого костюма, и я откровенно признаюсь, что тоже рыдал. Мы больше ничего не говорили и несколько минут не могли даже пошевелиться. Если бы нас кто-нибудь в этот момент застал, это было бы странное зрелище. Два довольно полных человека старше средних лет, в костюмах с Сэвил-роу, стоят неподвижно и плачут.

Терри

Глава 11

Неудивительно, что после такого вечера я решил, что мне нужен свежий воздух. Киран предложил вызвать своего шофера, чтобы тот отвез меня домой, но я захотел прогуляться, и он не настаивал. Мы пожали друг другу руки в курьезной английской манере, словно и не пережили вместе эмоциональную травму, словно ничего и не было, а пятна от слез имели какое-то другое, более тривиальное объяснение. Пробормотали обычные слова о том, что надо будет еще раз встретиться, как всегда принято говорить. И я надеюсь, это когда-нибудь случится, но подозреваю, что на самом деле вряд ли.

Попрощавшись, я отправился вдоль по набережной. Дорога домой была долгой и довольно холодной, но я этого не чувствовал. Я шел, воскрешая и снова хороня свои воспоминания о Джоанне. Мне представилась возможность по-новому посмотреть на Кирана, пусть даже помочь ему было уже невозможно. Я чувствовал, что мне приоткрыли душу, в которую заглянуть стоило. Полный этих сентиментальных мыслей, я свернул с Глостер-роуд на Херефорд-сквер, и тут раздался визг, потом хохот, потом крики, потом кого-то вырвало. Я и хотел бы написать, что изумился, услышав, как на тротуар выплеснули, судя по звуку, огромный обед, какие продают в индийских ресторанчиках навынос, но в наши дни подобным прекрасным случайностям изумился бы разве что марсианин, и то если он лишь недавно прибыл из открытого космоса. Группа молодых людей и девушек, лет по двадцать с небольшим, толклась на углу площади – может, выбрались подышать из паба «Херефорд армс» на другой стороне. Одну девушку, в короткой кожаной юбке и кроссовках, рвало, а другая, с неестественно черными волосами, ее поддерживала. Остальные просто стояли вокруг, ожидая следующего акта этого вечернего представления. Я имел глупость остановиться, разглядывая их.

– Какие проблемы? – спросил мужчина с бритой головой и целой батареей серег по краю уха. Как только они его не перевешивали.

– Мои проблемы по сравнению с вашими – ничто, – произнес я и тут же пожалел, что решил умничать, потому что мужчина сделал в мою сторону угрожающий шаг.

– Рон, оставь его. Он того не стоит! – крикнула через плечо девушка с черными волосами.

Казалось, что нижняя часть ее тела укутана четырьмя различными

юбками. К счастью, мужчина с ней согласился и повернул назад.

Возвращаясь к своим, он резко крикнул мне: «Вали на хрен!», но скорее во исполнение стандартного ритуала, как на деревенской улице все говорят друг другу: «Доброе утро!» Поэтому пока он не передумал, я свалил.

Я редко хожу пешком по ночам, больше из-за лени, чем из-за страха, но когда все же случается пройтись, меня изумляют перемены, которые произошли с Лондоном за время моей взрослой жизни. И главная перемена – это, конечно, не нападения на улицах, и не уровень преступности в целом, и даже не грязь и мусор, который кружится на ветру и кучами перекачивается вдоль ограждений и платанов, тщетно ожидая, когда за ним придут люди. Нет, в подобие ада для законопослушных граждан улицы преобразило пьянство, и не только в Лондоне, но и чуть ли не в каждом городке. Такое пьянство, по рассказам, существовало в Сибири в разгар железного правления Сталина, как способ, которым угнетенный народ спасался от тягот жизни, или, по слухам, проявлялось ближе к полюсу, где долгая зимняя ночь сводит с ума даже крепких мужчин. Но почему оно возникло здесь? Когда все началось? Раньше я считал, что это свойство определенных классов, и связывал его с проблемами социальной изоляции, но ошибался. Не так давно мне довелось присутствовать на праздновании двадцатилетия, проводившегося в одном из самых шикарных клубов Сент-Джеймса. Именинником был очаровательный умный мальчик, обладающий всем, что нужно для успеха, и связанный родством с половиной представителей высшего сословия. Я наблюдал, как все эти прекрасные молодые юноши и девушки радостно накачивались выпивкой, пока не начинали шататься, или блевать, или то и другое сразу. Уходя, я слышал, как погиб целый поднос бокалов, что было встречено громким хохотом, а мимо меня пронеслась девушка в очаровательном модном платье из сиреневого шифона, прижав руку ко рту и, видимо, надеясь добежать вовремя. На улице какой-то парень со следами рвоты на вечерней рубашке мочился на машину, припаркованную рядом с моей. Я благополучно успел сбежать.

Конечно, и в мои дни, как и всегда, некоторые выпивали лишнего, но пьянство встречалось редко и не одобрялось, а сами пьяницы выглядели идиотами. Всего лишь десять лет назад запьянеть считалось ошибкой, достойным сожаления побочным продуктом веселья, просчетом, который требовал извинения на следующий день. Теперь это цель. Понимает ли кто-нибудь, почему мы это допускаем? Я не понимаю. Нет, я осознаю притягательность «культуры кафе», которую усердно насаждали. Но как

долго может вменяемый человек смотреть на свою ошибку, не признавая ее? В какой момент вера в лучшее становится заблуждением? Недавно по радио одна недалекая женщина читала своему запуганному интервьюеру лекцию о том, что в запойном пьянстве нет ничего дурного, и утверждала, что истинную проблему составляют пьяницы средних лет, принадлежащие к среднему классу и накачивающиеся алкоголем в собственном доме. Бедный затравленный малый не смел возразить, что, даже если это так, даже если все добропорядочные буржуа тратят каждый вечер своей жизни на то, чтобы улечься на ковер и петь матросские песни, они все равно не представляют собой проблему, поскольку ни для кого другого, кроме себя, они ее не создают. Почему современные политические лидеры никак не усвоят, что их задача – пресекать антиобщественное поведение, а не действия, происходящие за закрытыми дверями, регулировать наши действия по отношению к другим, а не действия, которые затрагивают только нас самих? Порой трудно отказаться от мысли, что мы – в нашем постоянном нежелании признавать действительное и в собственной изоляции – как культура потеряны.

Я повернул ключ и открыл дверь квартиры, встретившей меня темнотой, как человека, живущего в одиночестве. Я прошел в гостиную и от двери сразу включил все лампы. Мне еще предстояло свыкнуться с мыслью, что каждый раз, возвращаясь в квартиру, я нахожу ее в точности такой же, какой оставил.

Бриджет уходила очень основательно. Когда я провожал ее, мне показалось, что она считает разрыв временным и вскоре я начну получать красноречивые намеки на ее возвращение. Но сейчас я знаю, что ошибался. Она была рада избавиться от меня, так же как я был рад избавиться от нее. Странно бывает. Мучаешься месяцами, даже годами. Прекратить ли мне все? Или не прекратить? Но как только решение принято, тебе не терпится, как ребенку накануне Рождества. Ты с великим трудом удерживаешься от того, чтобы в тот же самый вечер помочь твоей половине собраться, закинуть ее в такси и отправить прочь. Тебе страстно, болезненно хочется, чтобы она ушла и ты мог самостоятельно проживать остаток своей жизни.

– Ты будешь по мне скучать, – сказала Бриджет, напоследок обходя квартиру, проверить, не забыла ли чего.

– Буду, – ответил я, как положено в таких случаях.

Здесь тоже есть свой этикет, и его правила относятся к той же категории, что и фраза «Дело не в тебе, а во мне». Но в тот момент мне тоже показалось, что я буду скучать. А скучал я недолго. Намного меньше, чем рассчитывал. Я неплохо умею готовить, когда соберусь с духом, и мне

повезло, что есть одна женщина, несколько раз в неделю прибирающая у меня в квартире. Так что единственной переменной стало то, что больше не нужно было проводить долгие темные вечера с человеком, который постоянно во мне разочаровывался. И эта перемена была приятной.

Один из величайших подарков старости – открытие, что самый главный ваш страх «остаться одному» – это на самом деле намного приятнее, чем вам казалось. Я должен пояснить. Быть одному, когда ты стар и болен, умереть в одиночку – это печально, и в какой-то момент стоит принять меры, чтобы избежать такой судьбы. Полагаю, перспектива одинокой смерти страшнее для бездетных, поскольку нет человека, на которого вы можете с большей или меньшей уверенностью рассчитывать, что он будет сопровождать вас в вашем дряхлении. Но даже для бездетных, к которым отношусь и я, мгновения, проведенные в одиночестве, перед тем как вы узрите Жемчужные врата, бывают просто восхитительными. Вы едите то, что хотите, смотрите то, что хотите, пьете то, что вам нравится – э-ге-гей! – и все это не испытывая чувства вины и не имея необходимости спешить, чтобы не застучали. Если вам хочется общества, вы куда-то идете, а если нет – остаетесь дома. Если хочется поговорить – снимаете трубку, а если нет – все вокруг представляет собой благословенный дар молчания, не оскорбленного, а умиротворенного.

Конечно, это справедливо лишь в том случае, если вы завершили отношения, бывшие менее чем удовлетворительными. Для вдовца или вдовы, состоявших в счастливом браке, ситуация выглядит совершенно иной. Никогда не забуду, как отец, оставшись один, заметил, что для остальных со смертью супруга появляется свобода заниматься своими интересами и увлечениями или взяться за добрые дела, которым брак мешал. Но лично он ничего не приобрел и все потерял – очень трогательное признание, которого моя мать заслуживала больше, чем он представлял. Но после разрыва долгожданного все несколько иначе. Кое-чего, конечно, не хватает, например секса. Но долгое время сексом мы с Бриджет занимались скорее потому, что так положено, чем потому, что одна или другая сторона проявляла подлинный интерес к другой. Не стану скрывать, мысль снова начать с кем-то встречаться, чтобы заполнить пустоту, людей за пятьдесят пугает, но свобода – это слово, которое манит всегда.

На следующее утро, усевшись за письменный стол, я заново проанализировал свои несуществующие успехи в поисках счастливого ребенка, и мне показалось, что я все-таки приближаюсь к их завершению. Из списка оставалось вычеркнуть всего двух женщин: Кандиду Финч или

Терри Витков. После этого моя миссия, вероятно, будет закончена. Раньше, размышляя об этих двух кандидатурах, я полагал, что сперва проверю Кандиду, потому что она в Англии. Если она окажется той, кого мы ищем, мне не придется лететь в Лос-Анджелес, что было довольно тяжелой задачей, так что логично было взяться за нее следующей. Но когда я набирал номер Кандиды, четко напечатанный в списке Дэмиана, меня неизменно встречали механические любезности автоответчика – практически единственный раз за всю историю моих поисков. Хуже того, я оставлял одно сообщение за другим, и пока без видимого результата. С тех пор как Киран невольно меня разоблачил, меня больше не устраивал мой надуманный повод с благотворительным мероприятием. Вместо того чтобы городить новую ложь, я решил просто назвать свое имя, сказать, что Кандида, вероятно, меня не помнит, но когда-то мы были знакомы, и предложить ей встретиться, когда у нее будет свободная минутка. После чего надиктовал свои телефонные номера, аккуратно положил трубку и стал надеяться на лучшее. Но это лучшее все не шло, и после трех недель таких манипуляций плюс одна неотвеченная открытка я уже терялся, что мне предпринять, дабы порадовать своего работодателя. В конце концов у нас оставалось не так много времени на раздумья.

– Поезжай в Лос-Анджелес, – ответил Дэмиан на другом конце провода. – Отдохни, задержись там на несколько дней. И Терри вычеркнешь, и себя порадуешь. У тебя есть там агент?

– Только партнер моих лондонских агентов. Я с ним никогда не встречался.

– Ну вот! Побалуй его. Возьмите каких-нибудь девочек, своди его в ресторан, пусть это будет лучший вечер в его жизни! Я плачу.

Стоило ли обижаться на эту попытку показаться щедрым? Или он и впрямь пытался проявить щедрость?

– Мой местный агент говорит, что он гей.

– Тем лучше! Пофлиртуй с ним. Заставь его считать, что он единственный мужчина, которого ты когда-либо находил привлекательным. Попроси у него совета, а когда получишь, скажи, насколько он оказался полезен, потом сунь ему в руки незаконченную рукопись и дай почувствовать его незаменимость во всех твоих делах.

После таких сентенций я с горечью осознал, насколько больше меня Дэмиан знает о жизни.

Я рассказал ему о вечере, который провел с Кираном де Йонгом, – не обо всем, без последней части, но дал понять, что Киран мне понравился и что умерший мальчик наверняка не был сыном Дэмиана. Тот молчал

минуту или две.

– Бедная Джоанна, – наконец проговорил он.

– Да.

– Она обладала всеми талантами, востребованными наступающей эпохой.

– Согласен.

– Жаль, что она не была циником. В каком-то смысле она умерла от оптимизма.

– Как и многие дети шестидесятых.

– Я рад, что он тебе понравился, – сказал Дэмиан непривычно великодушным тоном. – Он, конечно, меня терпеть не может.

– И мы знаем почему.

Я не решался продолжать, размышляя, хочу ли возвращаться к тому тяжелому эпизоду. Но каждая вскрывшаяся подробность этого путешествия настойчиво возвращала меня туда.

– Все ли мы знали, что ты замышляешь? Тогда, в Эшториле? То, что мне рассказывают, – правда? Или память играет с ними злую шутку? Мне начинает казаться, что за два дня ты переспал со всеми женщинами сразу.

– Я был молод, – ответил он, и мы оба рассмеялись.

Как уже было сказано, с Терри мы познакомились на балу, который давали в честь принцессы Моравии Дагмар. Люси Далтон невзлюбила ее сразу, как и некоторые другие, но я нет. Не скажу, что был без ума от нее, но, переиначивая грубоватую фразу Кирана, она вовсе не была пустое место. Полна энергии и того, что когда-то называли куражом. Мне нравилось желание Терри и ее матери прежде всего получать от жизни удовольствие. Ее отец, которого мы почти никогда не видели, заработал целое состояние на рекламном агентстве, которое сперва базировалось в Цинциннати, а потом на Мэдисон-авеню – как раз в те дни, когда мир только начинал понимать, на что способна реклама. На протяжении пятидесятих во многих сферах деятельности бытовало представление, что достаточно сказать: «Возьмите! Оно хорошее!» – и все сработает, продукт придет к благодарной публике. Так было до того момента – он пришелся на то время, когда я был подростком, – когда мир маркетинга изменился навсегда и начал свою беззастенчивую кампанию по завоеванию нашей цивилизации. Джефф Витков распознал наступление новой эпохи раньше большинства. Он был простой, незатейливый малый, по-своему гениальный, но, как мы считали, непритязательный в своих желаниях и потребностях. Последний человек на земле, которого можно было

заподозрить в стремлении карабкаться по социальной лестнице. Даже после переезда в Нью-Йорк он продолжал считать Цинциннати своим домом и, возможно, оставил бы там свою семью, прилетая домой на выходные, а отпуск проводил в скромном, но уютном курортном отеле, если бы его жена Верена не сделала неприятного открытия: даже головокружительное улучшение финансового положения не принесло им признания в обществе, чего она так добивалась и резонно считала заслуженным. В Англии часто можно услышать ничем не обоснованное утверждение, что в Америке нет сословий. Как известно каждому путешественнику, это откровенная ерунда, и прежде всего – в провинциальных городках, уклад жизни которых может оказать упорное неприятие амбициозного приезжего. Кто-то недавно заметил, что легче было проникнуть в королевские покои Версаля, чем пробиться в круг местных жителей Чарльстона, и то же самое можно сказать обо всех городках истинно американского разлива.

Так было всегда. Одна из главных причин великого нашествия в 1880–1890-х годах американских наследниц, так называемых пираток, состояла в том, что многие дочери разбогатевших отцов устали видеть, как дома, в Кливленде, Сент-Луисе или Детройте, двери захлопываются у них перед носом, и предпочли окунуться в глубокую и искреннюю теплоту, с которой родовитые англичане всегда относились к крупным состояниям. Трудно отрицать, что карьера таких девушек, как Вирджиния Бонинг, виконтесса Дирхерст, изначально дочь осужденного убийцы со Среднего Запада, подтверждает, что по эту сторону океана все устроено гораздо проще. Нет нужды говорить, что вслед за этим часто следовала сладкая месть, когда матери герцогини Манчестерской, или графини Рослин, или леди Рэндолф Черчилль, или многих, многих других с триумфом возвращались домой, туда, где когда-то к ним относились пренебрежительно, и торжествующе напоминали о себе своим сестрам. Видимо, те же соображения стояли за планом, сложившимся в голове у Верены Витков к концу 1967 года: провести свою дочь через лондонский сезон.

В те годы у матерей были возможности при необходимости избежать некоторых расходов. Царило меньшее изобилие, чем до войны, когда в Лондоне каждый вечер проходило по три-четыре бала. До тех пор пока не прекратились представления при дворе, на каждую неделю выпадало по пять-шесть балов, но к моему времени – по два или три. А пятнадцать лет назад их количество сократилось до десяти за весь сезон. Даже в 1968-м некоторые девушки устраивали коктейльные приемы без балов, а другие организовывали и то и другое, но бал был один на двоих, и в этом не

усматривалось ничего постыдного. Серена Грешэм давала свой бал на пару с кузиной Кандидой Финч, хотя это, конечно, потому, что оба финансировала леди Клермонт. Но Терри Витков с самого начала была полна решимости сделать все, и ее наверняка поддерживала в этом мать, непотопляемая Верена. Если коктейльный вечер, проводившийся в самом начале всех мероприятий, когда семейство еще только набиралось опыта, был вполне обычным приемом, проходившим в отеле «Горинг», то бал они хотели сделать запоминающимся. Этого они вполне достигли, пусть даже и не совсем таким образом, как намеревались, но об этом позже. И место было выбрано, прямо скажем, оригинальное. Миссис Джеффри Витков, так было написано на приглашении, устраивала домашний прием в честь Терри такого-то числа в Музее мадам Тюссо на Юстон-роуд.

Не знаю, можно ли сейчас арендовать для частной вечеринки музей восковых фигур. Не просто комнату или специальный зал, отведенный для культурных программ, но все здание с его содержимым. Сомневаюсь. Ну а если можно, то стоимость, подозреваю, будет подъемной только для сверхбогачей. Но сорок лет назад такое было возможно. Конечно, тогда для музея это представляло намного меньшую опасность, чем сегодня. Помимо прочего, мы были более законопослушны. Вели себя осмотрительнее. Преступления в том виде, в каком они затрагивают средние и высшие классы, были редки. Люди завистливо охают, когда слышат, что дома в сельской местности не запирались, но это правда. И не только если хозяева просто вышли в магазин. В Центральном Лондоне преспокойно можно было ходить по ночам пешком. Никто не считал, что стащить товар в магазине – это круто. Это считалось банальным воровством. Вооруженные ограбления не были, как мне кажется, достаточно распространены, чтобы заслужить особое название. И опять же, мы гораздо меньше напивались. Это, конечно, не значит, что каждый званый вечер проходил гладко.

Вечером в день бала Терри я пообедал очень плотно, потому что хозяева дома, где должен был состояться обед, забыли про него. Я пришел к довольно симпатичному домику на Монпелье-сквер, и ко мне присоединились на крыльце Люси Далтон и какой-то молодой человек, которого я едва знал. Позже он стал главой «Шредерс» или какой-то другой столь же звездной компании, но тогда трудно было предсказать, что его ждет такое будущее. Я позвонил, и мы все трое стояли, переминаясь с ноги на ногу, пока наконец дверь не открыла миссис Нортбрук – так ее звали. Она была в джинсах и свитере, а в руке держала джин с тоником. Кровь отхлынула у нее с лица, когда она увидела нас. Приветствием нам были красноречивые слова:

– Господи, это что, сегодня?!

В результате пронзительным криком был вызван мистер Нортбрук, которому пришлось заказывать столик на десять человек в превосходном местечке напротив «Хэрродса», в том забавном треугольничке, перед которым росла трава, хотя, может, я это придумал. Тем временем мы сидели в симпатичной неубранной гостиной и накачивались довольно неплохим «Пуйи-Фюме». Лора Нортбрук – с момента первой встречи на крыльце наше знакомство продвинулось – чудесным образом обнаружила его в холодильнике. Снабдив нас вином, она отправилась наверх, спешно переодеваться. После такого приема они едва ли могли скупиться на этих непонятных незнакомцев, которых им навязали, и в результате это был один из лучших моих ужинов за весь год.

Так что когда около одиннадцати вечера наша группа подошла к знаменитому зданию, мы были в веселом и компанейском настроении. Возможно, на входе имелись какие-то охранники, какие-то люди, которые должны были нас пропускать, но, как уже было сказано, у меня не сохранилось в памяти никаких билетов или списков приглашенных. Основным пространством для вечера был выбран так называемый Зал королей, как он тогда назывался, а может, называется и сейчас. Восковые изображения членов английской королевской семьи были отодвинуты назад и полукругом обрамляли расчищенное в центре место для танцев. Фигуры при этом стояли на достаточном расстоянии друг от друга, и мы могли расхаживать между ними, и позже в прессе появились фотографии, хотя и не в «Татлере», как изначально планировалось: дебютантки и сопровождающие стоят рядом с Генрихом VIII или королевой Каролиной Ансбахской. Меня сфотографировали с девушкой, которую я знал по годам, проведенным в Гемпшире, после того как мой отец ушел с дипломатической службы. К счастью, фотография не появилась в печати, но по какой-то ныне забытой причине один экземпляр до сих пор лежит у меня. Мы как будто разговариваем с испуганной и оскорбленной принцессой Маргарет.

Любая восковая фигура выглядит будто человек под действием успокоительного или только что задержанный преступник, но в последние четыре десятилетия произошли некоторые изменения. Разве что за исключением выбора прототипов. Раньше все мы, то есть вся нация, не только привилегированные классы, знали историю намного лучше. Тогда система образования еще не нарушила связь между преподаванием и передачей знаний. Такие фигуры, как Веллингтон, Дизраэли, Гордон Хартумский, еще имели резонанс, который распространялся далеко за

пределы элиты, единственной сегодня социальной группы, которая, возможно, о них слышала. И, кроме того, в отношении к восковым фигурам не было нынешнего малодушного страха кому-то нанести вред, так что могу заверить: тогдашний Зал ужасов действительно был пугающим. В ту ночь зал выделили для дискотеки, и когда мы с Люси спустились осмотреть его, стало понятно, что руководство музея не беспокоили такие мелочи, что кому-то на голову может упасть горшок с настурцией или каштан.

Пространство разделяли каменные столбы, и на вершине каждого лежала на небольшой подставке отрубленная голова, изуродованная с невероятной жестокостью. Глаза вываливались из глазниц, болтающиеся куски кожи обнажали белеющую кость. В одной голове даже торчал железный прут, пронзивший ее насквозь, отчего лицо выглядело очень удивленным – оно и понятно. В длинной стеклянной витрине были выставлены миниатюрные изображения всех известных человечеству пыток, часть из них была мне внове. Мы медленно шли вдоль витрины, поражаясь человеческой жестокости. Дальше шли серийные убийцы – такое выражение, кажется, еще не употреблялось, но они у нас, без сомнения, были, даже если и под другим названием. Джордж Смит, утопивший несколько несчастных невест, восседал на ванне, в которой, как нам рассказывалось, он и творил свои злодеяния. Был здесь доктор Хоули Криппен и Джон Хэйг, который со своей главной жертвой встретился в отеле «Онслоу-Корт», хорошо мне знакомом, так как располагался на той же улице, где жила раньше моя бабушка. Хэйг выбрал среди всех посетителей ресторана миссис Дюран-Декон, втерся к ней в доверие, а потом отвез за город и утопил в ванне с кислотой. Мы с Люси молча стояли, потрясенные видом этих невзрачных и совершенно обычных людей, которые совершили такие неслыханные зверства. Сегодня подобные выставки имеют комичный, даже гротескный колорит, ограждающий посетителя от мыслей о том, что все увиденное им – правда и все эти ужасные события произошли на самом деле, но тогда устроители руководствовались противоположным стремлением: показать все как можно реалистичнее, и впечатление врезалось в память надолго. Испытанное тогда вспоминается мне даже сейчас, через столько лет.

Наконец, в самом центре зала мы наткнулись на мрачный занавес с инструкцией отдергивать его только в том случае, если вы хорошо подготовились. Думаю, там еще было написано, что запрещено смотреть до шестнадцати лет или что-нибудь столь же соблазнительное. Меня заворожил сам занавес. Он был старый, потертый и грязный, каким завешивают химикаты в садовом сарае, и от этого становилось более

жутко, чем если бы он был из щегольской алой парчи.

– Давай? – спросил я.

– Ты открывай. Я не хочу смотреть.

Люси отвернулась, но, конечно, не двинулась с места. Люди так говорят не потому, что намерены не смотреть, а потому, что не хотят брать на себя ответственность за ужасы, которые им откроются. Способ получать простые удовольствия, но сохранять при этом ощущение превосходства.

Я отодвинул занавес. И тут же меня настиг шок. Хотя вызван он был не видом молодой женщины, которая висела на железном крюке, пронзившем ее внутренности, и беззвучно кричала и корчилась в очень натуральной агонии. Это я мог вынести. Но я чуть не заплакал от боли, увидев Дэмиана, который стискивал в страстных объятиях Серену и так глубоко просовывал язык ей в рот, что бедняжке должно было нечем дышать. Впрочем, мне не показалось, что она сопротивляется его напору. Отнюдь. Серена вонзалась ногтями в спину Дэмиана, запускала пальцы ему в волосы, прижималась к нему всем телом, словно пытаясь слиться с ним в единое существо.

– Неудивительно, что на занавесе предостережение, – произнесла Люси, и они застыли, а потом посмотрели на нас.

Я лихорадочно подыскивал фразу, которая разом содержала бы в себе весь мой гнев на Дэмиана, мое разочарование Сереной и мое презрение к современной морали. Задача оказалась непосильной. По-немецки я бы еще, может, составил сложное слово, но английский более ограничен в возможностях.

– Даром время не теряете, – сказал я, что, конечно, не вполне соответствовало цели, которую я себе поставил.

Они уже оторвались друг от друга, и Серена приводила себя в порядок. Все ее движения ясно показывали, что ей крайне хочется попросить нас обоих, меня и Люси, ничего не рассказывать, но она, конечно, понимала, что просить об этом унижительно.

– Мы ничего не скажем, – проговорил я.

– Мне все равно, расскажете или нет, – с невероятным облегчением ответила Серена.

Дэмиан же сохранял свою всегдашнюю невозмутимость.

– Увидимся позже! – Он коротко приобнял Серену и носовым платком стер помаду со своих губ, после чего вернул платок в карман. Не сказав нам ни слова, он шмыгнул за занавес и исчез.

Звук записи О. С. Смита «Hickory Holler's Tramp», которая пользовалась тем летом большой популярностью, внезапно заполнил

пространство, составляя причудливый культурный контраст со всеми этими отрубленными головами, убийцами и несчастной жертвой, раскачивающейся на своем крюке. Но мы трое стояли и не двигались, пока не послышался шум и из-за занавеса не высунулось опостылевшее всем нам лицо Эндрю Саммерсби.

– Вот ты где! – воскликнул он, игнорируя нас. – Я тебя везде ищу. – Потом, глянув на нашу гротескную восковую подругу, скривился и рассмеялся: – Фу-у! Кто-то проснется утром с несварением желудка. – Он толкнул скульптуру, словно ребенка на качелях. Жуткая фигура медленно закачалась на веревке.

– Пошли танцевать! – предложила Люси.

И мы, не сказав Серене ни слова, оставили ее со своим благородным болваном, а сами отправились на темную маленькую площадку для танцев в тени гильотины, к которой два дюжих революционера привязывали французского аристократа в камзоле из дешевого вельвета. Из уютно задрапированного алькова на это безмятежно взирала вся французская королевская семья.

– У тебя все в порядке? – спросил я.

К моему удивлению, Люси чуть не плакала. Я не мог понять почему.

– Конечно в порядке! – в раздражении бросила она и резко задержала головой в такт музыке. Потом все же глянула на меня извиняющимся взглядом. – Не обращай внимания. Как раз когда я уходила из дому, пришли плохие новости, и сейчас вдруг вспомнилось. – (Я изобразил на лице приличествующую тревогу.) – Моя тетя, мамина сестра... У нее рак.

Сейчас я понимаю, что она придумала очень умно. В то время, о котором я пишу, англичане только-только переставали говорить о раке как долгой болезни, которую надо переносить стоически, но слово по-прежнему содержало в себе определенный страх, если не что-то постыдное, то, по крайней мере, такое, чего следует избежать любой ценой. В те дни этот диагноз, как правило, был равносителен смертному приговору, и когда про человека слышали, что он проходит лечение, его чуть ли не презирали за то, что он не в силах посмотреть правде в глаза. Хотя логика подсказывает, некоторые из этих людей должны были излечиться. Так или иначе, в те дни эту болезнь воспринимали не как сейчас, когда у человека есть неплохие шансы на выздоровление, пусть и не в каждом случае, как склонны предполагать не связанные с медициной люди. Одним тем, что Люси произнесла это слово вслух, она отвлекла меня. Но сегодня, вспоминая тот вечер, я немного стыжусь, что полностью поверил ее объяснению.

– Мне очень жаль, – ответил я. – Но сейчас многое научились делать.

Эти общие фразы говорят всегда, они столь же обычны, как «добрый день», но никто не считает, что в них есть хоть доля правды. Люси, как положено, кивнула, и мы продолжили танцевать.

По какой-то причине, не сомневаюсь, что вполне невинной, Терри – или, скорее, ее мать – решила разрезать торт в разгар вечера. Так обычно не делалось. В те дни, когда еще не принято было беспокоиться насчет вождения в нетрезвом виде, мы ужинали до прихода на бал и, как правило, больше не ели до завтрака, который подавался перед окончанием танцев. Иногда, нечасто, в самой середине веселья кто-нибудь произносил речь или тост, это был какой-нибудь престарелый дядюшка, он вставал сказать, какая замечательная девушка героиня нашего вечера, мы поднимали бокалы, и на этом все заканчивалось. В отклонении от этой традиции таились определенные опасности, но, честно сказать, когда никто не произносил речь, празднество даже становилось пресным. Мы приходили, выпивали, танцевали, разъезжались по домам, и за весь вечер не было ни одного, как выражалась моя мама, кульминационного момента, оставшегося в памяти. Отец дебютантки с горечью понимал, что заплатил не одну тысячу фунтов за вечер, который никто не запомнит. С другой стороны, опасность речей и тостов в том, что они могут оказаться плоскими. По крайней мере, если это не свадьба, где речей ожидают. Возможно, потому, что и Терри, и Верена плохо знали обычаи, в тот вечер они решили разрезать торт и произнести тост, словно и впрямь праздновалась свадьба.

Гостей, которые разбрелись между восковыми фигурами, созвал громкоговоритель, установленный в здании на случай эвакуации, но к тому времени мы с Люси вернулись в Зал королей и устало сидели за столиком с Джорджиной Уоддилав и Ричардом Трмейном, достаточно невероятной парой, а сверху на нас взирали какие-то унылые представители Ганноверской династии. Один из них был причастен к появлению на свет предка Ричарда, первого герцога Трентского, в результате необычной для него веселой ночи. Я забыл, почему Ричард сидел с нами. Возможно, устал и не нашел где сесть. Тем временем Джефф Витков, специально приехавший из Нью-Йорка ради бала, явно желал дать о себе знать. Он взял у певца из ансамбля микрофон и объявил, что хочет произнести тост в честь своей прекрасной юной дочери и еще более юной и еще более прекрасной ее матери. От таких заявлений в Англии всем становится неловко, и только-только мы отошли, как он прибавил, что сейчас на столе появятся настоящие американские брауни, в честь дебюта, так сказать, настоящей американской девушки. Помимо сводящей зубы

сентиментальности всей этой речи, для большинства из нас в те времена «брауни» означало девочек-скаутов, а «волчата» – мальчиков-скаутов, так что объявление вызвало немало веселья оттого, что мы сейчас будем их есть, но мы продолжали слушать, как Джефф расхваливает свою дочь. Потом Терри сама схватила микрофон и рассыпалась в слезливых благодарностях своим папе и маме, отчего мы вжались в стулья еще крепче. Взяв большой нож, она чиркнула им по горке тех самых брауни, после чего появилась целая толпа официанток с праздничными подносами, полными маленьких липких пирожных, которые сейчас мы все хорошо знаем, но тогда еще никто не пробовал. Я ненавижу шоколад, и Джорджина, насколько я помню, тоже, так что за нашим столиком мы ничего не ели, но сами пирожные, видимо, были неплохи, потому что почти все их попробовали, а Дэмиан, которого я увидел в другом конце зала, налегал в три горла.

Последовавшие чуть позже события начались так, как начинаются слухи. По всему залу распространилось ощущение, что происходит нечто странное, и поначалу никто не мог понять, откуда это идет. Вспоминаю, что я танцевал с Минной Бантинг, хотя наш маленький роман к тому времени уже закончился, и вдруг мы услышали, как кого-то неудержимо рвет. Это было весьма неожиданно. Люди на паркете начали переглядываться, услышав новые странные звуки – истерический мужской и женский смех. Не обычный веселый смех, а пронзительное кудахтанье, словно ведьмы на шабаше принялись за работу. Очень скоро из каждого угла уже доносились крики, пение и визги. Я посмотрел на свою партнершу, надеясь увидеть такое же недоумение, как у меня, но и она выглядела не вполне нормальной.

– Мне очень плохо, – пробормотала она и пошла прочь.

Я поспешил за ней, но, дойдя до края танцевальной площадки, Минна вдруг схватилась за голову и куда-то побежала – видимо, к какой-то далекой, но желанной уборной. Среди танцоров еще более или менее сохранялся порядок, однако как только мы покинули их, то увидели, что заполнявшая остальные комнаты и кружащая вокруг нас толпа немного не в себе, а вскоре стала не немного, а очень сильно не в себе. Мимо меня пробежала одна из мам, а из платья у нее вываливалась грудь. Аннабелла Уоррен, сестра Эндрю Саммерсби, вскрикивая, лежала на полу. Ее юбка задралась выше пояса, явив весьма необычное нижнее белье, видимо перешитое для нее бабушкой. В углу какой-то молодой человек стягивал через голову рубашку. В этой суматохе я скоро потерял Минну из виду, но кто-то схватил меня за руку.

– Что, черт возьми, происходит?!

Рядом со мной стояла Джорджина. Мне захотелось спрятаться за ее внушительной массой. Какая-то девица споткнулась и, хохоча, упала перед нами, разметав руки и ноги.

– Ну-ка все вместе! Хлопаем в ладоши! – раздался очень знакомый голос, усиленный микрофоном.

Мы обернулись и поняли, что раздевавшийся молодой человек оказался не кто иной, как мистер Бакстер, который скинул с себя остальную одежду и дико скакал по сцене в одних трусах, серьезно рискуя потерять и их.

Танцевальный зал превратился в бедлам. Кто-то, видимо, сбежал при первых признаках беды, подчиняясь безупречному инстинкту, который проявляет в подобной ситуации британский высший класс, но тем, кто сейчас был далеко от выходов, добраться до них становилось все труднее. Среди обезумевшей толпы я вдруг заметил Терри. Прическа у нее смялась, и несколько локонов растрепались, зацепившись на шее за молнию или крючок, из-за чего казалось, будто у нее на спине растет грива. Вид у Терри был дикий. Она пыталась проложить себе путь через массу гостей. Я обошел рыдающего мужчину с извергнувшимся ему на живот обедом, схватил Терри за запястье и потянул к нам:

– Что это такое? Что происходит?

– Кто-то подмешал в брауни шмаль!

– Что?

Можно ли поверить, что такое слово было мне неизвестно? Или от неожиданности я перестал соображать?

– Шмаль: гашиш или марихуану.

Терри была знакома с темой лучше меня, хотя выглядела разгневанной, как Чингисхан.

– Зачем? Кому могло это понадобиться?

– Тому, кто хотел испортить мне бал и решил, что это хорошая шутка.

Диагноз она поставила очень точный. Терри была богата, красива, и она была чужой. Этого оказалось более чем достаточно, чтобы во многих разжечь враждебность, хотя выбор способа ее продемонстрировать оказался непропорционально жесток. Правда, злоумышленник мог и не подозревать, какой переполох повлечет за собой его веселый розыгрыш. В те годы мы еще плохо в этом разбирались.

– С тобой вроде все в порядке.

– Потому что я на диете! – огрызнулась Терри, и это было бы смешно, если бы мы не стояли посреди всего этого безумия.

Рыдающая Верена Витков издалека окликнула дочь. Кто-то наступил ей на платье, и оно оторвалось на поясе по шву, показав даже не ее ноги, а гораздо хуже: пояс с резинками.

– Давай отсюда выбираться, – сказал я Джорджине, и та кивнула, но тут случилось два события.

Первое, я видел, как на сцену взобралась Серена Грешэм со смокингом в руках и попыталась накинуть его на Дэмиана, невзирая на протесты последнего. Его брюки тоже были у нее с собой, перекинута через руку, но эта задача была явно преждевременной, и Серена даже не попыталась ее осуществить. Второе, что привлекло наше внимание, был пронзительный звук полицейского свистка, который разнесся по залу как судный колокол. И воцарившийся хаос немедленно превратился в паническое бегство. Сейчас о таком понятии, как наркорейд, можно думать легко, даже спокойно. За сорок лет, прошедших с тех событий, сами наркотики перестали быть чем-то экстраординарным. Неблаговидным – да, тем, от чего большинство из нас даже сегодня считают нужным держаться подальше, но уже не необычным. В те дни большей части собравшейся толпы незнакомо было само понятие. В каком бы свете ни пытались подавать шестидесятые годы поп-звезды и четвертый канал, если их байки и реальны, в чем я часто сомневаюсь, то случались они в другом мире, не в том, где жил я и мои друзья. Конечно, плохие мальчики уже начинали экспериментировать, и семь-восемь лет спустя многие из нас познакомились со всей модной культурой наркотиков и всего с ними связанного, но еще не тогда. Вообще, большая часть того, что стало называться «шестидесятые», относилась к следующему десятилетию. И при этом мы, дебютантки и их кавалеры, вкупе со множеством матерей и отцов, попадаем в настоящий наркорейд, который, как мы все прекрасно понимали, на следующий день станет отличной газетной сенсацией. Хотя бы из преданности семьям, все эти благородные сыновья и дочери графов и виконтов, судей Высокого суда и генералов, банкиров и глав корпораций просто обязаны были выбраться из зала так, чтобы не попасться никому на глаза и не угодить в полицию. Иначе их ни в чем не повинные папочки рисковали подвергнуться шквалу общественного презрения, а оно и так уже начинало подниматься и грозило захлестнуть через край. Если бы комнату охватил пожар, и то все бы ринулись к дверям не так поспешно.

Мне бы тоже следовало отправиться в том направлении, что и всей толпе, но Джоржина потянула меня назад.

– Безднадежно, – сказала она. – Нас будут поджидать на тротуаре.

– Тогда куда?

– Здесь должен быть служебный выход для музыкантов. И официантки откуда-то сверху приносили напитки.

Мы вместе стали протискиваться через толпу. Я заметил Кандиду Финч, позеленевшую и едва держащуюся на ногах. Она стояла, прислонившись к стене, но слишком далеко, чтобы я мог ей помочь. Между мной и ею какие-то девушки танцевали нечто вроде рила, попеременно сопровождая свой танец взвизгами. Потом Кандиду смели в сторону, и я больше не видел ее.

– Какой кошмар!

Серена чуть не налетела на меня, только тогда я понял, кто это. Она придерживала рукой Дэмиана, который продолжал веселиться и призывать всех хлопать в ладоши.

– Я тебе сейчас похлопаю, если ты не заткнешься! – прикрикнула она, но без особого эффекта.

Дэмиан упал, и толпа понеслась по нему, так что я забеспокоился, как бы он серьезно не пострадал.

– Помоги мне его поднять!

Серена присела на пол, рискуя быть затоптанной, и я понял, что надо действовать. Вдвоем мы смогли подхватить Дэмиана под руки и волоком перетащить к стене.

– Почему с тобой все нормально? Ты тоже ничего не съела?

– Мне не хотелось есть, – наморщила нос Серена.

– Сюда! – Деятельная Джорджина обнаружила за занавеской черный ход, через который тоже уходили люди, но не так много. Позади нас громче становились крики и свист, и было понятно, что те, кто попытался уйти традиционным способом, подвергались при этом отвратительному унижению.

– Господи, на улице пресса! – произнесла Люси, которая пошла было по главной лестнице, но, сделав это неприятное открытие, ретировалась. – Если я попаду в газеты, папа меня убьет.

Забавно, но тогда мы гораздо больше руководствовались подобными соображениями, чем сегодняшние молодые люди.

Следуя за нашим провожатым – Джорджиной, мы вышли на площадку каменной черной лестницы. По ней поспешно спускались гости в разной степени расстройства. Одна девушка сломала каблук и, вскрикнув, остаток лестничного марша прокатилась кубарем. Но тотчас же кое-как поднялась на ноги, сорвала туфлю с другой ноги и побежала дальше. Дэмиану, к несчастью, становилось хуже. Он прекратил свои просьбы хлопать в ладоши и вместо этого решил поспать.

– Я прекрасно себя чувствую, – бормотал он, уронив подбородок на грудь. – Только сейчас немножечко прикрою глаза и буду как огурчик.

Подбородок опустился еще ниже, веки тоже, и Дэмиан захрапел.

– Придется его оставить, – сказала Джорджина. – Его же не убьют. Ну запишут фамилию, сделают предупреждение или что там, и все.

– Я его тут не оставляю, – заявила Серена. – Кто знает, что они сделают? И что будет потом? Если его имя попадет в списки задержанных в ходе наркорейда, то, не дай бог, заграничный паспорт не получит, или дадут низкий ранг благонадежности, или не возьмут на работу в посольство. Да мало ли!

Этот нескончаемый поток слов рисовал картину удивительного контраста с происходящим: мы сидели съезжившись на грязной служебной лестнице, опасаясь попасть в руки полиции. Эти слова, словно заклинания, вызывали в воображении посольские приемы, на которых будет блистать Дэмиан, заграничные путешествия и серьезные должности в Сити. Мне вдруг стало обидно, что о моей судьбе Серена не высказала столь романтических тревог.

Но Джорджина была непреклонна.

– Не глупи, – сказала она. – Он неинтересен для журналистов. Это единственное, о чем нам сейчас надо думать. Ты – это заголовок. Она – это заголовок. Даже я достойна упоминания. А он – нет. Положи его здесь, пусть проспится. Может, так далеко они не заглянут.

– Я его не оставляю, – повторила Серена. – Если хочешь, уходи без нас.

Я вспомнил, как на балу Дагмар, когда все мы молчали, только Серена вступилась за Дэмиана. И понял, что второй раз я это видеть не готов.

– Я помогу, – сказал я. – Если будем придерживать его вдвоем справа и слева, то справимся.

Серена посмотрела на меня. Я увидел в ее глазах признательность за то, что не согласился на предложение оставить ее одну против татаро-монгольских орд. Так что мы сделали, как я предложил. Подняв Дэмиана вертикально и не обращая внимания на его монотонные протесты, наша группа с горем пополам дотащила его до конца лестницы. Первый этаж мы постарались миновать побыстрее, слыша громкие протесты негодующих взрослых, которых останавливали и допрашивали газетчики, а также крики, визги и пение молодежи. Наконец мы очутились в подвале и стали искать незапертую дверь.

Мы были одни в мрачном коридоре, маленькая горстка людей против всего мира, как вдруг открылась какая-то служебная дверь и в нее просунулась голова девушки.

– Тут есть окно! Кажется, выходит на аллею, – сказала она и нырнула обратно.

Девушка была мне почти незнакома. Ее звали Шарлотта, фамилию не помню, потом она стала графиней – тоже забыл какой. Но я все равно буду помнить ее с благодарностью. Она совершенно не обязана была возвращаться и рассказывать нам о своей полезной находке, вместо того чтобы выбраться наружу и бежать что есть мочи. Такое проявление щедрости, когда для дарящего нет никакой выгоды, трогает больше всего. Мы последовали за девушкой. Это было нечто вроде кладовки уборщицы – комнатуха, сплошь уставленная щетками, тряпками, банками моющих средств. И действительно, в ней нашлось не забранное решетками окно, которое поддалось с огромными усилиями, словно его не открывали с Первой мировой войны.

Здесь, как и раньше, главную трудность представлял Дэмиан. К этому моменту он уже впал в подобие коматозного состояния. Некоторое время мы безуспешно с ним возились, потом Джорджина – она была сильнее любого из нас – наклонилась, подставила под Дэмиана плечо, как делают при переноске раненых, и с натужным выдохом швырнула его в оконный проем. Серена уже выбралась на улицу и ухватила его руку и голову. Они с Люси тянули, а мы с Джорджиной толкали и наконец смогли протащить его наружу. Мне показалось, что мы ассистировали при рождении слоненка. Когда через окно протиснулась Джорджина, в коридоре слышались мужские голоса, и я, видимо, оказался последним, кто ушел на свободу этим путем, пока его не отрезали враги. Мы быстро опустили окно и побежали по аллее. Джорджина и я вдвоем тянули Дэмиана. Тащить по улице довольно крупного молодого мужчину в одних трусах и смокинге было как минимум необычно, и мы не могли считать себя в безопасности, пока Серена, приказав нам встать в тень, не остановила ни в чем не повинного таксиста, не подозревавшего, во что ввязывается.

– Куда мы его отвезем? – громким шепотом спросила она через плечо, и я понял, что для семейства Клермонт это уже станет непосильным испытанием.

Дэмиан, скорее всего, изначально планировал выпить чашечку-другую кофе и уехать обратно в Кембридж – мне неловко об этом говорить, но так мы обычно тогда и делали, – но теперь этот вариант исключался.

– Ко мне на квартиру. На Уэзерби-Гарденс, – сказал я.

Там были мои родители, но они знали меня уже девятнадцать лет, и подобные эскапады вряд ли заставляли их врасплох. Серена назвала таксисту адрес и села в машину, оставив открытой дверь, чтобы мы с

Джорджиной, перебежав тротуар, побыстрее втащили Дэмиана в гостеприимную темноту такси. Мы вскарабкались внутрь, пыхтя и отдуваясь, а за нами торопливо вскочила Люси. Вы можете подумать, что такси оказалось перегружено, и это правда, но вы должны понимать, что на это мы не обращали внимания, ни пассажиры, ни водители, ни власти предержащие. Они не пытались, как сегодня, управлять нашей жизнью до последних деталей, и я думаю – нет, я даже уверен, – что нам от этого было только лучше. Некоторые новейшие изменения действительно к лучшему, насчет других надо еще поразмыслить, но что касается непрекращающегося, навязчивого вмешательства государства в нашу жизнь, раньше нам было намного спокойнее. Конечно, бывали времена, когда мы на самом деле подвергались риску, и надменные любители тотального контроля неодобрительно покачают на это головой. Но заставлять людей отказываться от свободы, чтобы избежать опасности, – отличительная черта тирании, и обмен всегда получается неравным.

– Наденем на него брюки?

Серена каким-то образом сумела не растерять оставшиеся детали одежды, хотя они явно мешали ей бежать. Мы посмотрели вниз, на малютку Дэмиана, свернувшегося, как эмбрион, и отказались от этой непосильной задачи.

– Давайте не будем, – твердо сказала Люси.

– Как же твои бедные родители? – спросила Джорджина. – А если они еще не спят?

Я посмотрел на Дэмиана еще раз и лишь укрепился в принятом решении.

– Они сильные, – ответил я. – Выдержат.

Такси с характерным дребезжащим звуком натужно тронулось. Снова выехав на Юстон-роуд, мы увидели, что у входа так и стоят полицейские фургоны. Слышался такой знакомый сейчас, но редкий тогда аккомпанемент затворов фотокамер, ослеплявших несчастных, которых застали во всей красе. На завтра им была уготована непрошенная слава.

Мои родители отнеслись к делу философски. Стоя в халатах и жмурясь спросонья, они смотрели вниз на скрючившегося в кресле Дэмиана, который был все в том же живом и выразительном костюме, только брюки валялись у его ног, словно ритуальное подношение.

– Спать ему придется на полу у тебя в комнате, – сказала мама тоном, не подразумевающим возражений. – Завтра в десять утра у меня здесь встреча благотворительного комитета, и нет никакой гарантии, что к тому времени он уже будет на ногах.

– Гарантии никакой, – подтвердил я.

И мы потащили Дэмиана по коридору и сложили его на пуховое одеяло с парой шерстяных сверху.

– Где его остальная одежда? – спросила мама, и я непонимающе посмотрел на нее. – Рубашка и так далее.

– В Мадам Тюссо, полагаю.

– Пусть он ее оттуда не забирает. – Ее голос мне показался чрезмерно суровым. – Он мог вас всех втянуть в серьезные неприятности.

– Вообще, это несправедливо, – возмутился я. – Не он виноват.

Но мама не обратила внимания на эту попытку оправдания. Это была совершенно типичная реакция для нее и таких, как она. Когда подобные люди оправдывают человека из компании своих детей, учитывая при этом его социальное положение, они будут находить бесконечные оправдания любому, сколь угодно непристойному поведению, не признаваясь в истинной причине. Но когда начинают порицать, опять же по социальным, а не по более осмысленным причинам, то все в нежелательном друге клеймится как неприемлемое. Так же и с описаниями маршрута. Если желательно, чтобы вы пришли на вечер, – «Да проще простого! Поезжайте по М4 прямо, и всё, вы на месте!» Но когда им кажется, что вам не стоило бы появляться, то же путешествие усложняется: «Ехать и ехать! Сперва долго тащитесь по М4, а когда съедете с нее, надо еще не заблудиться в этом сущем лабиринте дорог и деревенок. Оно и правда того не стоит!» Моя мать не была снобом, ее ужаснула бы сама мысль, что ее могут заподозрить в снобизме, но это не мешало ей чувствовать себя задетой, когда маме казалось, что ко мне «присосались» – ее фраза. Примерно это она и ощущала по отношению к Дэмиану. Доля справедливости в ее рассуждениях, конечно, была.

Дэмиан проснулся ночью, часа, наверное, в три. Я это знаю, потому что меня он тоже разбудил, прошептав мне в ухо: «Не спишь?» – так что после этого я действительно не спал. Он совершенно пришел в себя.

– Умираю с голода! – сказал Дэмиан. – У тебя есть еда?

– А подождать нельзя? Завтрак скоро.

– Боюсь, что нельзя. Если хочешь, я могу сам сходить посмотреть.

Такой расклад показался мне неприемлемым, и я заставил себя встать и натянуть на пижаму халат. По всем этим одеяниям легко проследить дату описываемых событий, так как, подобно большинству мужчин, за последующие десятилетия я в какой-то момент отказался от одежды для сна. Итак, я двинулся по спящей квартире, а Дэмиан шел за мной следом. С большим трудом удалось отговорить его от идеи поджарить яичницу, и он

согласился на миску мюсли, тост и чай. Чая я себе тоже налил. Мы кое-как уместились за крохотным кухонным столиком, и Дэмиан засмеялся.

– Что смешного?

– Да весь этот вечер! Бог знает, что завтра напишут в газетах!

– Не про нас, в этом-то все и дело. Бедная Терри!

Кажется, никто не пожалел нашу хозяйку за все понесенные потери. Мне подумалось, что пора кому-нибудь и посочувствовать ей.

– О ней не беспокойся, – покачал головой Дэмиан. – Она станет героиней новостей. Может быть, это был ключевой момент всего сезона.

– Вероятно.

Сейчас уже можно сказать, что этот прием и на самом деле стал знаменательным для многих из нас. В нем причудливо слились прошлое, настоящее и будущее. Анархическая, дестабилизирующая контркультура, которой суждено было впоследствии победить, хотя и не так, как тогда предсказывали, влетела в двери нашего маленького уютного мирка, напоминающего довоенный, и унесла с собой.

– Не знаю, почему мне так хочется есть. – Дэмиан закинул в тостер еще один кусок безвкусного хлеба. – Гашиш вызывает голод?

– Не у того спрашиваешь.

Он глянул на меня, выдержал паузу и решился:

– Ты, наверное, был шокирован, когда отодвинул тот занавес.

Я молчал, не от негодования и не от обиды. Просто не мог представить, какие слова адекватно донесут мою идею, потому что не знал, какую идею здесь стоит донести.

– Я знаю, что она тебе нравится, – кивнул Дэмиан, словно я ему ответил.

– А я ей? – невольно вырвалось у меня.

Порой мы бываем удивительно занудны. Странно то, что я не до конца понимал, какой ответ мне бы хотелось от него услышать.

Дэмиан пожал плечами, намазывая себе масла:

– Насколько я знаю, то, пожалуй, да.

– А ты?

Вопрос был странным по формулировке, и Дэмиан посмотрел на меня:

– Что ты имеешь в виду?

Дело было в том, что мне хотелось его ударить. Прямо в лицо, тяжелым, размашистым, болезненным ударом, от которого он опрокинется навзничь, а то и раскроит себе башку о плиту. Я часто задумываюсь, каково это – жить в более жестком мире, чем тот, к которому я привык, в обществе, где сначала бьют, а потом задают вопросы. Всегда говорят, как

отвратительно насилие, и оно, безусловно, отвратительно, но бывают в нем и приятные моменты.

– У тебя с ней серьезно? – спросил я.

– Прекрати этот дурацкий пафос! – рассмеялся Дэмиан.

– Я только хотел сказать...

– Ты хотел сказать, что ревнуешь. Так, что скулы сводит. И встаешь в жеманную позу старшего, чтобы уничижительно посмотреть на меня сверху вниз и дать мне понять, что я проявляю неслыханную дерзость, лезу не в свои дела и сошел с ума, раз осмеливаюсь мечтать о том, что мне не по чину. – Дэмиан положил себе на тост еще ложку джема.

Я не мог не признать, что каждое его слово – категорическая правда. Если бы, избив его до смерти, я вызвал любовь Серены к себе, то, не задумываясь, избил бы его, здесь и сейчас. Хрясь, наотмашь! Вместо этого я применил коварный прием:

– Мне казалось, что сейчас Серена – девушка Эндрю Саммерсби.

Это мне далось нелегко.

Дэмиан стрельнул в меня глазами:

– Почему ты так думаешь?

– Он как-то очень по-хозяйски с ней разговаривал, когда пришел ее искать. Ты тогда как раз ушел. А Эндрю появился и забрал ее с собой.

Дэмиан чуть раздраженно поморщился:

– Эндрю был на обеде, куда ей пришлось пойти, и сейчас ее родители действительно считают, что она встречается с ним. Поскольку и Эндрю разделяет это заблуждение, Серена не стала сегодня выяснять с ним отношения. Но наверняка скоро это произойдет.

Я задумался. Мне показалось из его слов, что Серена с Эндрю и впрямь вместе, и эта мысль вызвала у меня отвращение. Дэмиан же у меня на глазах преувеличивал свои шансы, хотя на самом деле добыл лишь один поцелуй. Даже притом, что тогда мы были намного невиннее, один поцелуй практически ничего не значил.

– Ты пойдешь на ее бал? – спросил я.

– Он еще спрашивает! Я для этого специально останавливаюсь в Грешэме.

Я никогда не был достаточно уверенным в себе человеком, хотя даже не знаю, почему так получилось. Да, я был не слишком красив в молодости, но довольно умен и общителен. Родители меня любили, в этом я не сомневаюсь, и друзей у меня всегда было много. Девушки тоже не были непреодолимой проблемой, хотя некоторые, может быть, и подыскивали варианты получше. Я даже ладил с сестрой до ее замужества. Но при всем

том я был нерешительным и поэтому восхищался Дэмианом. Никакие крепостные стены не могли сдержать его натиск, и я ему завидовал. Даже сейчас, когда я желал, чтобы его заковали в кандалы, залили бетоном ноги и бросили на дно моря. Даже когда я представлял, как его густые волосы колышутся прибоем, а рыбки снуют в его зияющих глазницах, я невольно чувствовал восхищение.

– Леди Клермонт тебя пригласила?

– Еще нет, но пригласит. Кандида и Серена договариваются между собой. Серена скажет матери, что я нравлюсь Кандиде.

Дэмиан смотрел на меня, говоря все это. В качестве алиби идея была вполне разумна, и леди Клермонт наверняка ей поверит, поскольку Кандиде нравились все лица мужского пола. Но был в этих словах и еще один смысл, который Дэмиан не до конца продумал, прежде чем произнести. Он ощутил досаду, когда они еще звенели в воздухе. Поскольку из его речи следовало, что, если леди Клермонт хотя бы на секунду заподозрит, что этот мужчина проявляет интерес к ее дочери, его не примут в этом доме.

– Все нормально, – ответил он на мой невысказанный вопрос. – Я понимаю такой тип людей. Я знаю, что смогу заставить ее полюбить меня.

На самом деле он явно не понимал такой тип людей, как леди Клермонт, так же как и ее мужа, и никого в их мире. И главным образом потому, что этим людям ни тогда, ни сейчас не было интересно, чтобы их понимали такие, как Дэмиан Бакстер. Мне даже кажется, что в иных обстоятельствах он вполне мог бы понравиться леди Клермонт. Она оценила бы его юмор и уверенность в себе, может быть, даже допустила бы в свой круг в качестве одного из образчиков реального мира, которых подобные семьи стремятся заполучить себе в дом. Но не более того.

Глава 12

Я не из тех англичан, что ненавидят Лос-Анджелес. Я не как те актеры и режиссеры, которые утверждают, что каждый проведенный там день – каторга, что там все так фальшиво, что каждая лишняя минута грязнит им душу и они вопят от радости, когда их самолет улетает из международного аэропорта Лос-Анджелеса. Наверное, некоторые из них говорят правду, но, думаю, не многие. Чаще они просто стыдятся своей тяги к благам, которые может предоставить только Голливуд, и хулят само это место и все, что там происходит, боясь потерять уважение среди собратьев, оставшихся в Блайти^[65]. До описываемой поездки я побывал там только однажды, много лет назад, когда хаотично искал славы и богатства. Но за последние годы я приезжал туда несколько раз и всегда оставался доволен. Это категорически жизнеутверждающее место, и после долгого периода, проведенного в британском пессимизме, приятно бывает взглянуть на светлую сторону жизни. Я знаю, что местные доходят до крайностей. Но все равно во всем этом есть какой-то порыв – «давай! Давай! ДАВАЙ!» – что действует тонизирующе на удрученную душу. Я люблю там бывать.

За сорок лет, отделявших мою юношескую дружбу с Терри Витков от нашей нынешней встречи, в ее жизни чего только не произошло. Даже лондонский период ее жизни пошел не совсем по плану. Они с матерью по большому счету все сделали очень правильно, но Терри в итоге так и не стала виконтессой, владеющей двадцатью спальнями в гостеприимном доме, на что семья изначально нацеливалась. Думаю, сложность была в том, что Витковы совершили обычную ошибку, путая большую зарплату и настоящие деньги. Зарплата может дать вам возможность хорошо жить, пока она поступает. Даже очень хорошо, но она не меняет сути вашего положения, и никто не знает это лучше, чем британский высший класс. Так же, как телевизионная слава: пока сериал идет, вам кажется, что вы достигли вершины кинематографического признания, но эта слава редко переживает окончание сериала. Конечно, все это было бы не важно, если бы в Терри влюбился хороший молодой человек, но она была противоречивая натура, плюс обладала крупными чертами лица и большими зубами, громко смеялась, плохо воспринимала юмор и отличалась нескрываемой жадностью, которая обескураживала даже самых практичных. В общем, большого улова ей не досталось. Был один момент, когда Терри могла заполучить майора, которого, возможно, ждал титул

баронета от стареющего дядюшки, хотя последний был не женат и с подобными делами никогда нельзя быть уверенным. Но молодой офицер испугался и пошел искать утешения у дочери судьи из Ратленда. В чем-то с Терри его жизнь была бы счастливее: по крайней мере, та наполнила бы дом людьми, которые умеют разговаривать, но в ожидании титула долго ли она выдержала бы жизнь, состоящую из прогулок под дождем и разговоров за летним пудингом о лошадях? Так что путь, избранный майором, был скучнее, но в конечном итоге для него спокойнее.

Последний раз я видел Терри примерно в то время, когда состоялась поездка в Эшторил, но не потому, что она там была. На самом деле ее немало разозлило, что она не получила приглашения. Жаль, а то мне бы повезло! Терри уже могла быть беременна, но если и так, никто из нас этого не знал. Знали только, что за ней ухаживает настойчивый американский миллионер, разведенный, но не слишком старый, за которого она в итоге и вышла, подгадав под время рождения ребенка. Миллионера звали Грег, и в то время он работал с Восточной Европой. Сначала уехал туда, они вместе вернулись в выжженную солнцем Калифорнию, где Грег устроился на работу в банк «Меррилл Линч», и мы потеряли их из виду. Мы никогда не были с ним близко знакомы, но он мне нравился и, судя по нескольким нашим встречам, намного лучше подходил Терри, чем любой ее английский поклонник. И я бы возлагал надежды на долгие годы их безмятежного счастья, пока Авраам не решит разлучить их. К несчастью, десятью годами позже Терри попыталась заменить его намного более состоятельным банкиром из Коннектикута, но последний бросил ее ради модели и оставил ни с чем. Ее первый муж тем временем решил бежать, пока не поздно, и обосновался в Северной Виргинии со второй семьей.

Терри с дочерью осталась в Лос-Анджелесе, где работала кем-то вроде телеведущей в передачах, называющихся «инфореклама». В них женщины в естественной, непринужденной манере болтают о продуктах для волос, кухонных принадлежностях и различных типах чемоданов, как, по смутному предположению режиссеров, они могли бы беседовать, если бы не пытались вам что-то продать.

Я позвонил из Лондона, убедиться, что Терри еще там, и она довольно охотно откликнулась на предложение встретиться. Я знал, что она не из тех, кого тронет идея благотворительности, поэтому сказал ей, что моей новой книгой заинтересовалась одна киностудия, и это, как легко было предположить, подействовало на ее воображение.

— Это же великолепно! — с волнением воскликнула она. — Расскажи мне все, когда мы встретимся!

Подробно изучив тему, я предложил пообедать на следующий вечер после моего приезда в Санта-Монике, в ресторанчике на побережье.

Терри я узнал сразу. Как только она вошла и встала рядом со столом метрдотеля. Он указал ей на меня, и я помахал рукой. Терри начала пробираться через столики в своей прежней деловитой манере. Одета она была как американка с Восточного побережья, богатая женщина, – совсем не джинсы и цепи, как любят работяги индустрии шоу-бизнеса. Стиль Парк-авеню, а не образ жены футболиста. Мне стало любопытно. Аккуратное бежевое платье спортивного покроя, оригинальный пиджак, накинутый на плечи, скромные дорогие украшения. Все не кричащее и подобранное со вкусом, в отличие от того, что я ожидал, но это, вне всякого сомнения, была Терри. Хотя я и узнал ее, она при этом была мне незнакома – эта идущая ко мне женщина с уложенным волосами. Знакомый подбородок все так же слишком выдавался, чуть великоваты были глаза и зубы, но все остальные черты лица пугающе изменились. Терри, судя по всему, накачала в губы какой-то пластик, как часто делают сейчас американские женщины. Подобная практика меня забавляет, потому что мне еще не попадался мужчина, который не признался бы, что она кажется ему омерзительной. Могу лишь предположить, что часть из них лжет, иначе бы бизнес у хирургов так не процветал. Может быть, американским мужчинам накачанные губы нравятся больше, чем европейским.

К счастью, хотя рот Терри раздался и вызывал некоторую оторопь, он еще не слишком шокировал. Но не он один являл характерные признаки вмешательства. Ее лоб был гладким, как у мертвеца. Ни чувства, ни мимика не трогали кожу над бровями, а глаза неподвижно сидели в орбитах. Безусловно, все эти ухищрения, как и неразрывно сопровождающие их образы окровавленной кожи, которую закалывают и растягивают, режут и сшивают, а также костей, которые дробят, немедленно всплыли у меня в воображении. Наверняка не я один считаю, что рядом с декларируемым освобождением женщин эта мода сосуществует весьма странно. То, что женщины кромсают себе лицо, чтобы порадовать мужчин, сложно назвать убедительным свидетельством равенства полов. По большому счету это западный вариант женского обрезания, обезображивания лица или какого-то иного древнего и мрачного способа утвердить мужское право собственности над женщиной.

Сейчас пластическая хирургия стала гораздо совершеннее, чем сорок лет назад, когда она была прерогативой актрис, в основном иностранных. Но даже сегодня, когда пластическая хирургия добилась потрясающих результатов, платить за нее приходится высокую и трагикомичную цену,

поскольку для большинства мужчин отсюда начинается дорога к прекращению отношений. Если мужчина знает, что женщину искромсали, это сводит на нет желание увидеть ее без экипировки. Хотя, должен признать, здесь женщины платят не такую высокую цену, как мужчины. Женщины, над которыми «поработали», теряют сексуальную власть над мужчинами. Мужчины, которые прибегают к тем же методам, теряют все.

Терри добралась до моего столика.

– Боже! Ты совсем... – Она запнулась. Думаю, она собиралась сказать: «Совсем не изменился!», но, подойдя ближе, увидела перемену столь значительную, что мне не мешало бы носить с собой паспорт – подтверждать свою личность перед теми, кто не видел меня с шестидесятих годов. – Ты чудесно выглядишь! – не вполне складно закончила она.

Я улыбнулся. Поскольку я уже встал, мне пришлось наклоняться, чтобы чмокнуть ее в щеку.

– Это ты просто чудесно выглядишь! – сказал я, и мы сели, повеселевшие и довольные нашей взаимной великодушной нечестностью.

Вежливый и милый официант стремительно приблизился к нам и сообщил, что его зовут Гари и он от души надеется, что мы проведем здесь замечательный вечер. Я разделил его надежду, хотя никогда не мог понять, какое это имеет значение для таких Гари по всему миру, замечательным будет наш вечер или нет. Официант налил нам по стакану ледяных кубиков с небольшим количеством воды, рассказал о блюдах дня, все из которых, по-моему, были какими-то пугающими и доселе неизвестными видами рыб, и, пообещав принести нам шардоне, ушел, предоставив нас самим себе.

– Ну как жизнь в Калифорнии?

Это было не слишком оригинальное начало разговора, но на этом этапе миссии «Дэмиан» я уже выработал привычку подступать к главному постепенно, зная, что к концу вечера перейду к исследованию проблемы отцовства детей моей собеседницы.

Терри одарила меня яркой патентованной улыбкой.

– Прекрасно! – ответила она.

Иного я и не ожидал. Я знал, что у калифорнийцев этот первый акт любого разговора обязателен, ибо они всегда принимают только правильные решения. Позже, в некоторых случаях, степень правдивости разговора может повыситься, но даже те редкие индивидуумы, которым не терпится освободить себя от гнетущей боли, этот ритуал соблюдать обязаны. Это как сначала надо съесть бутерброд, и только потом бабушка даст пирожное.

– Никогда не тянуло назад в Цинциннати?

– Мне туда никогда не хотелось, – покачала головой Терри. – У Грега здесь был бизнес. – Она улыбнулась и махнула рукой в сторону окна. Из-под гула ресторанной толпы едва пробивался шум моря. – И не приходится жаловаться на погоду!

Я кивнул – главным образом потому, что с такими фразами полагается соглашаться, но я наверняка не единственный англичанин, которому бесконечные солнечные дни кажутся однообразными. Я люблю нашу погоду. Мягкий свет ее серых дней и запах воздуха после дождя. И больше всего – ее внезапную изменчивость. «Если вам надоела погода в Англии, – гласит старая пословица, – просто подождите пять минут». Безусловно, с таким климатом трудно организовывать мероприятия под открытым небом, и ни одна хозяйка, если у нее есть мозги, не станет планировать развлечения, полностью зависящие от милостей природы, но все равно... В общем, я не стал возражать.

Славный Гари вернулся и налил нам вина, пока мы в последний раз проглядывали меню.

– Можно сделать так, чтобы в салат с морепродуктами не клали креветки и кальмары? – Терри приступила к расчленению официально предложенных в меню блюд, что для жителя Западного побережья представляло собой неременный атрибут посещения ресторана. – И чем он заправлен? – (Гари отвечал по мере разумения, но не очень в этом преуспел.) – Артишоковый суп – он на курином бульоне?

Ему казалось, что нет. Но он точно знает? Нет, он не вполне уверен. Поэтому официант отправился на кухню и вернулся с радостной вестью, что бульон вполне подходит для вегетарианцев, но за время его отсутствия у Терри накопились новые вопросы.

– А в тесте для темпуры мука есть? – (Я покосился на Терри.) – У меня аллергия на глютен, – улыбнулась она, явно получая удовольствие от процесса.

Для Гари все это тоже было привычно. Он и сам, наверное, был мальчиком с Западного побережья и вырос с пониманием того, что только люди низкого социального статуса заказывают блюда точно по меню. Но мы все начинали понимать, что Терри подходит к моменту, когда даже в Санта-Монике пора уже принимать решение.

– Мне, наверное, сначала спаржу, но без сливочного масла и без заправки, только оливковое масло. Потом морские гребешки, только салата из свежих овощей туда не надо. Пусть будет один салат ромэн.

Гари умудрился все это записать, мысленно вздохнув с облегчением,

что свобода близка. Он повернулся ко мне. Но поторопился.

– Можно, я еще возьму шпинат?

Почему американцы в этом случае говорят «возьму»? Они же не собираются сами идти за ним на кухню.

– В виде пюре, но не на сливках. Только чтобы никаких сливок!

Терри повернулась ко мне, но я опередил:

– У тебя аллергия на молочные продукты.

Она радостно кивнула. Гари тем временем подробно записал все инструкции в блокнотик. Но Терри еще не закончила:

– А шпинат готовится с солью?

С бесконечным, достойным восхищения терпением наш официант отважился сказать, что да, шпинат готовится с небольшим количеством соли. Терри покачала головой, словно удивляясь, как это возможно в наш век:

– Пусть совсем не кладут соли при готовке.

Не могу себе представить, как, даже после такой провокации, Гари, само терпение, сохранил спокойствие. Он выразил надежду, что это окажется возможным.

– Это возможно, – отрезала Терри. – Без соли.

К этому моменту Гари, невозмутимый ребенок солнечной Калифорнии, был уже готов вонзить свой карандаш глубоко в шею Терри и смотреть, как из-под грифеля будет вытекать кровь. Но он кивнул, недостаточно себе доверяя, чтобы дать ответ словами.

Потом повернулся ко мне, и мы обменялись взглядами, отмечая возникший между нами особенный альянс, который порой возникает между совершенно незнакомыми людьми, ставшими свидетелями некоего возмутительного происшествия.

– Мне суп из артишоков, стейк, слабо прожаренный, и зеленый салат.

Гари даже опешил, что процесс закончился столь стремительно.

– Это все?

– Да.

С намеком на вздох облегчения он уже уходил, как Терри заговорила вновь:

– В вашем коул-слоу есть майонез?

Гари ответил не сразу. Когда он снова заговорил, его голос приобрел преувеличенную мягкость, с которой доктор разговаривает с потенциально опасным пациентом.

– Да, мадам. В нашем коул-слоу есть майонез.

– Ясно. Тогда не надо. – Она отпустила его легким, слегка

оскорбительным движением руки и подняла бокал, чтобы ей налили еще вина.

Слишком долго просидев молчаливым свидетелем, я почувствовал неудержимое желание вмешаться.

– Терри... – (Она повернулась, кажется удивившись, что у меня есть мнение.) – В салате коул-слоу всегда есть майонез.

И снова это движение головы, обозначающее недоумение.

– Но не в нашем доме, – ответила она, и Гари наконец ретировался.

Эта маленькая сценка рассказала мне, что жизнь в Калифорнии у Терри вовсе не «прекрасна!». Эти попытки отличаться от остальных, настойчивое желание все менять, проявить власть в незначущей ситуации в ресторане – уловка тех, кто не имеет возможности проявить власть в других случаях. Лос-Анджелес – город, где статус – это все, а статус получает только тот, кто добился успеха. Герцоги, миллионеры, повесы могут десятками приезжать сюда и пользоваться некоторое время радушным приемом, но они поступают неблагоразумно, если решают остаться здесь жить, ибо традиционно только профессиональный успех город признает непреходящей ценностью, и, пожалуй, это делает ему честь. Тем самым обременительная обязанность, налагаемая на всех его жителей, состоит в том, чтобы свой успех открыто демонстрировать, иначе в этой среде они теряют право на уважение. «Как семья? Отлично! Новая работа! Лучшее решение, которое я принял в своей жизни! Дом? Восхитителен!» А на самом деле ваш собеседник банкрот, банк за долги отбирает дом, дети сидят на наркотиках, а сам он балансирует на грани развода. В этом городе нет места забавным неудачникам и тем, кто не стремится постоянно расти.

– Так что там было с Грегом? Я слышал, вы расстались.

Это ее приободрило.

– Значит, обо мне говорят? Там, у вас?

– О да, – ответил я, хотя с того момента, как ее имя кто-то произносил, прошло лет тридцать – до Дэмиана, я имею в виду.

– Наверное, до сих пор помнят мой бал.

Никто не помнил, но даже я понимал, что вполне могли бы.

– Ты так и не узнала, кто все подстроил?

– Очень не скоро. Кто-то потом рассказал, что это был парень, женившийся на Люси... Не помню фамилию. Твоя приятельница. Он был знаком с девушкой, которая пекла брауни, и пока она не видела, подмешал туда эту штуку. С ее слов, по крайней мере.

Филип Ронсли-Прайс. И помогло это ему?

– У Грега все в порядке, – вернулась к теме Терри. – Сейчас мы с ним

не видимся. – Она пожала плечами и налила себе еще.

Мы уже почти прикончили бутылку, а первое еще не принесли. Я предложил перейти на красное. Терри не возражала. Мой добрый приятель Гари принес заказанные нами блюда и тут же удрал за вином, чтобы Терри не начала расспрашивать его о содержимом своей тарелки. Она презрительно что-то отодвинула вилок:

– Господи, надеюсь, они сюда не кладут кукурузную муку.

– А зачем сюда кукурузная мука?

– Иногда кладут. Тогда на следующее утро я похожа на енота.

Как трудно, должно быть, жить в атмосфере перманентной опасности. Терри принялась за еду довольно увлеченно, невзирая на риск.

– Вообще, у Грега дела пошли в гору. Он увидел, как быстро развиваются все эти дела с микросхемами, и ушел из «Мерилл Линч», чтобы заняться новым бизнесом. Распознал его потенциал, когда еще никто не верил. Правда. Надо было мне остаться с ним! – усмехнулась она, и в ее словах почувствовались отзвуки настоящих чувств.

– Почему же не осталась?

Мне было любопытно, начнет ли она рассказывать о ветреном миллионере, заставившем ее нарушить супружескую клятву.

– Ну понимаешь... – Терри одарила меня глубоко порочным взглядом. – Я встретила парня...

– И что потом было?

– Ничего не вышло, – пожала плечами Терри и, откинув назад волосы, невесело рассмеялась. – Боже, боже, как же я счастлива, что от него избавилась!

– Счастлива?

Взгляд, который я получил в ответ, красноречиво говорил мне, что на самом деле она глубоко несчастна, что избавилась от этого человека, и он, по всей вероятности, представлял собой тот самый «большой план», так и не осуществившийся.

– Давай не будем о нем.

Наверное, мне не следовало влезать в эту часть ее истории. Ведь она была связана с поражением, а это совсем не по-калифорнийски. Интересно, сколько раз Терри пожалела, что ушла от Грега, который сейчас наверняка богат, как Крез?

– Как твоя дочка?

– Сьюзи? – Терри даже несколько удивилась. – Ты помнишь Сьюзи?

– На самом деле помню, что ты вышла замуж и у тебя сразу родился ребенок. И намного раньше, чем у остальных.

К этому времени Терри уже достаточно выпила, чтобы скривиться при этом воспоминании.

– Черта с два, сразу! Я тогда на такой риск пошла и, знаешь, чуть не проиграла.

Начало было интригующим, так что я ничего не сказал и слушал, надеясь услышать больше. И услышал.

– В Грее соединилось очень многое. Подростком он был помешан на Трое Донахью и Сандре Ди^[66], ходил танцевать под «Бич бойз», ну знаешь, все в таком духе.

– Знаю.

Образ Америки времен моей юности был сопряжен с чистым, невинным миром, когда в голливудских фильмах все страны хотели походить на Америку и важным вопросом не только для Грея, но и для всех было, какой девушке ты подарил значок своего колледжа. Да, этот мир был обманчив, но и очарователен в своей неизменной вере в себя.

– Его родители были религиозны, – продолжала Терри, – типичное семейство Среднего Запада, и жизнь вели соответствующую. Но помимо этого, Грег был еще и парень из шестидесятых, все как полагается. Травку покуривал. Ну, ты знаешь, как оно было.

Конечно я знал. Все поколение ждало, по какую сторону Берлинской стены спрыгнет мир. И не меньше половины делали вид, что все эти дела для них не важны, но лукавили.

– И он все время говорил, что слишком молод, чтобы завести семью, и нельзя ли нам просто наслаждаться жизнью...

– Но нельзя было?

Глаза Терри на секунду сощурились.

– Я хотела жизни. Мне надо было двигаться дальше. – (Алкоголь вызывал ее на честность.) – Мне нужны были деньги.

– У твоего отца были деньги.

– Мой отец сидел на зарплате. – (О разнице между двумя этими понятиями я уже говорил.) – И мне нравился Грег. Я думала, что мы будем счастливы. И знала, что он никогда не позволит своим родителям узнать о его незаконнорожденном сыне... – Она замолчала.

– Это было рискованно.

– Как я и сказала. Мы жили вместе несколько месяцев, что в те времена, если помнишь, считалось довольно смелым. Потом банк, где работал Грег, отправил его работать в Польшу, и Грег попросил меня поехать с ним. Я поехала. А он все никак не мог решиться. И тогда я забеременела.

– Пока вы жили там?

– Конечно. Мы поженились, и дочка родилась прямо там. В Варшаве.

– Как романтично!

– Тогда это было далеко не так романтично, как кажется сейчас, уж поверь.

– Что сказали твои родители?

– Обрадовались. Они любили Грега... Они разошлись, ты знаешь?

– Нет, не знал. Извини.

– Все нормально кончилось. Оба прекрасно живут. Мама снова вышла замуж.

– Передай ей привет от меня, – сказал я, и Терри кивнула. – А что случилось с отцом? Он женился?

– Пока нет, – покачала она головой. – Решил, что он гей. Можно, конечно, все равно жениться. Сегодня-то. Но папа не стал.

– Он счастлив?

– Не уверена. У него нет никого... ничего серьезного. Но зато и мама его теперь не пилит.

Мы оба улыбнулись нашему общему воспоминанию о великолепной Верене. Но меня в миллионный раз поразило, каких крутых изменений личности требует от нас новый век. В любую другую эпоху, кроме нашей, могло ли Джеффу Виткову, милому, скучному, старому Джеффу, прекрасному предпринимателю и семьянину, прийти в голову размышлять о своей половой принадлежности, давно разменяв шестой десяток? Родись он лет на двадцать пораньше, он бы просто занялся гольфом, чаще виделся с приятелями в клубе и больше себе подобных вопросов не задавал. Было бы ему хуже? Сомневаюсь. Впрочем, это не та тема, чтобы вызывать ностальгию. Хотя я не поклонник перемен как таковых, да и вообще не жалую большинство из них, я вполне уверен, что в итоге все мы выиграем, если будем жить в мире, где сексуальность любого вида идет рука об руку с понятиями порядочности и преданности. Но на самом деле мне, наверное, просто хочется, чтобы вся эта тема дискуссии ушла в тень, где раньше находилась, и перестала быть непременным аксессуаром, которое общество обязано постоянно надевать.

Я не нашел что сказать о Джеффе и его тяжелых испытаниях, так что просто улыбнулся:

– У тебя все в порядке, а это главное.

– Да. – Терри тоже улыбнулась, но улыбка не тронула ее глаза. – Донни хороший.

Донни, очевидно, был ее новым мужем. Я не уверен, что слово

«хороший» полностью раскрывало его, но, по крайней мере, они уже несколько лет жили вместе.

– У него нормальные отношения со Сьюзи?

Меня, естественно, намного больше интересовало продолжить тему моих изысканий.

– В общем, да, – пожала плечами Терри. – Я имею в виду, Сьюзи уже взрослая женщина. Но да, пожалуй, ладят.

«Пожалуй» стоит где-то рядом с «хороший» – по уровню наполнения экстатическим восторгом. Я, как ни старался, не мог по этим описаниям представить себе дом, купающийся в лучах счастья.

– Чем она занимается?

– Она продюсер.

В Лос-Анджелесе это значило немногим больше, чем «она принадлежит к человеческой расе». Позднее, после этого визита, когда миссия Дэмиана, как ни забавно, дала толчок моей собственной американской карьере, я намного ближе познакомился с традициями города, но тогда я был совершенно невинен.

– Как здорово! – воскликнул я. – Что она спродюсировала?

Как я только что написал, если бы я знал больше, то не задал бы такой вопрос.

– У нее много очень интересных проектов, – улыбнулась еще лучезарнее Терри. – Сейчас работает над каким-то фильмом на «Уорнер». – Она кивнула, словно этим ответом все сказала, что, в общем, так и было.

– Она замужем?

– В разводе. И сильно себе этим напортила. – Замечание вырвалось случайно и слишком громко, и Терри тут же об этом пожалела. – Честно сказать, мы мало с ней видимся. Ты меня понимаешь. Она очень занята. – Терри пожала плечами. Вряд ли она воображала, что этим скрывает свою боль, но, может, и так.

– Конечно.

Я понимаю, что мой рассказ об этом диалоге звучит все менее выразительно, но голос Терри становился все громче, и я уже с тревогой осознавал, что люди, сидящие слева и справа от нашего столика, делают вид, будто беседуют, но на самом деле подключились к нашему разговору.

Гари, сама осторожность, вернулся к нашему столику с огромными калифорнийскими тарелками, полными еды, от которой у меня пропал аппетит, и Терри заказала еще одну бутылку.

– Ты с кем-нибудь сейчас видишься? – спросила она между двумя глотками вина. – Из нашей старой банды?

Я не был убежден, что Терри когда-либо по-настоящему состояла в нашей старой «банде», да и была ли эта банда, но момент показался мне удачным для того, чтобы заговорить о Дэмиане, и я не преминул этим воспользоваться. Наконец-то Терри искренне заинтересовалась тем, что я говорю.

– Как он?

Я рассказал и увидел, что даже ее каменное сердце тронут.

– Как жаль! – Но ее мысли тут же унеслись от слезливых сантиментов обратно в знакомые края. – Он столько денег заработал!

– Да.

– Ты мог бы догадаться, что он станет миллионером? Тогда?

Я задумался:

– Мне всегда казалось, что его ждет успех.

– Несмотря на то, что ты ненавидел его?

То есть о старых днях Терри помнила не так уж мало.

– Я не все время его ненавидел. В начале – нет. – Она согласилась, и я решил, что можно продолжать избранную тему: – У вас ведь с ним что-то было?

Своей дерзостью вопрос заставил ее выпрямиться и удивленно фыркнуть, хотя не убежден, что с такими людьми, как Терри, можно оказаться чересчур дерзким.

– У меня «было» много с кем! – ответила она.

И это, конечно, вполне справедливо, необычно справедливо для эпохи, в которой мы жили, и из уст Терри звучало естественнее, чем у меня. Фразу она сопровождала взглядом в мою сторону, и немудрено, ибо один из тех, без сомнения, счастливых людей, с кем у нее «было», – это я. Всего на одну ночь, но все же произошло. Почувствовав, что я углубился в воспоминания, Терри подняла бокал.

– За старые добрые времена! – произнесла она с таинственной, будоражащей улыбкой, и я еще сильнее почувствовал то любопытное, чуть отстраненное ощущение, когда разговариваешь с женщиной, с которой однажды спал, но это событие так далеко от твоей нынешней жизни, что вы словно обсуждаете чужих людей. Как бы то ни было, между нами это произошло.

Я гостил в Стаффордшире. Когда я приехал, то застал в доме, где меня разместили, супружескую пару в самом разгаре яростного, убийственного скандала. Меня отправили туда перед балом той самой Минны Бантинг, с которой у нас был краткий и абсолютно целомудренный совместный выход.

Время, когда мы встречались, закончилось, и поскольку забывать нам было нечего, мы остались друзьями. Как ни странно может показаться, в те дни это было возможно. В 1968 году представить кого-то «моя девушка» совершенно не означало «моя любовница», как сейчас. Я бы даже сказал, если она не любовница, то вам кажется, будто вы солгали. Но не тогда! Так или иначе, я получил стандартную открытку: «Будем рады, если на бал Минны вы остановитесь у нас». И вот я уже парковался у большого, довольно милого каменного дома приходского священника, как мне помнится, где-то около Личфилда. Приглашение подсказало, что мою хозяйку зовут миссис Питер Мэйнуоринг, и она подписалась на открытке как «Билли», так что, выходя из машины, я обладал всей необходимой информацией. Кстати сказать, эти имена, которые произносятся не так, как написаны, могут представлять немалую проблему. Окажется ли она по замашкам великосветской дамой и назовется Мэннеринг или не окажется и произнесет так, как написано? Прикинув, что одеться слишком пышно – лучше, чем одеться недостаточно солидно, я сделал выбор в пользу Мэннеринга. Позже выяснилось, что мне можно было не переживать, поскольку хозяйке было совершенно безразлично, как я буду к ней обращаться.

– Да? – спросила она, рывком открыв дверь и сурово на меня глядя. Лицо у нее раскраснелось от гнева, а на шее выступили вены.

– Дело в том, что я приехал на бал у Бантингов и буду жить у вас, – пробормотал я.

На секунду мне показалось, что она сейчас меня стукнет.

– Ох, да ради бога! – рывкнула она, развернулась и ушла в холл.

Даже сейчас, постарев и, надеюсь, помудрев, могу признаться, что для меня непросты ситуации, когда попадаешь в беспомощное положение из-за того, что ты здесь чужой и не можешь отплатить той же монетой. В те дни, юношей, я просто не знал, что мне делать. Помню, я задумался, не будет ли вежливее и в целом правильнее сразу возвратиться в машину и ехать в ближайший отель? Или этим я еще больше все испорчу? Но миссис Питер Мэйнуоринг, она же Билли, еще не закончила:

– Чего вы ждете? Входите же!

Я подхватил чемодан и, спотыкаясь, вошел в большой светлый холл. Яркий, подсолнухово-желтый с белой росписью, он не сочетался с мрачностью сцены, которая в нем разыгрывалась. На дальней стене висел очаровательный портрет матери с ребенком работы Рейнольдса. На широкой лестнице стоял высокий мужчина, вероятно мистер Питер Мэйнуоринг.

– Кто это?! – крикнул он.

– Еще один из гребаных гостей Бантингов. Сколько ты им разрешил? Тут тебе не гребаный отель!

– Заткнись! И покажи ему комнату.

– Сам показывай эту гребаную комнату!

Видимо, другого прилагательного в ее арсенале не было.

За все время этого нелюбезного обмена репликами я стоял в центре прелестного зала, замерев от испуга, похожий на статую индейца, какие ставят в табачных магазинах. И тут мне пришла в голову блестящая идея, что я могу сыграть роль успокоительного средства.

– Не беспокойтесь, я сам найду дорогу, – сказал я.

И это оказалось ошибкой.

Она повернулась ко мне, как рыщущий в поисках добычи зверь:

– Не говорите гребаных глупостей! – Недовольство Билли моим появлением перерастало в активную неприязнь. – Как вы найдете дорогу, если не знаете этого гребаного дома!

Будь я старше и увереннее тогда, я бы, наверное, велел ей сдерживаться, следить за выражениями, идти ко всем чертям и уехал бы. Но участь молодых – принимать обвинения на свой счет и думать, что в каждой проблеме так или иначе виноваты они сами, и я тоже был таким. Уверен, большинство молодежи конца 1930-х считало Вторую мировую войну своей виной. Я стоял, краснея и заикаясь, а мои хозяева орали друг на друга, и вдруг каким-то божественным провидением на лестничной площадке над Питером Мэйнуорингом появилась Терри Витков и помахала мне. Не могу вспомнить, когда еще я был так рад кого-то видеть.

– Терри! – крикнул я, словно был влюблен с четырнадцати лет, и побежал вверх по лестнице мимо злобной хозяйки, мимо хозяина навстречу Терри.

– Я покажу ему, где он спит. Это комната рядом с моей. Правильно?

И едва они успели кивнуть, я был спасен.

В последующие часы мы с Терри стали группой взаимной поддержки. Как выяснилось, Питер, не сказав жене, купил где-то во Франции дом или виллу, и Билли впервые услышала об этом минут за двадцать до приезда Терри. Та приехала на поезде – не помню, почему я не подвез ее. Может быть, ехал откуда-то из другого места. Суть в том, что она прибыла за час до меня. За это время стычка разгоралась и дошла до того, что Билли стояла в холле, выкрикивая слова, даже сегодня кажущиеся шокирующими, и грозила разводом, который будет стоить Питеру «все до последнего гребаного (а какого же еще!) пенни». Я так до конца и не понял, почему его

преступление сочли столь ужасным. Подозреваю, что там был замешан кто-то еще. Либо у Билли были другие планы на деньги, погибшие в результате этой покупки.

Моя комната оказалась довольно милой и примерно такой, как я рассчитывал, побывав у незнакомых хозяев в небольших домах Англии: приятные обои с бледным псевдовикторианским рисунком, шторы на подкладке, пусть даже и не совсем такие, как у леди Коулфакс, и гравюры цветов в золоченых рамках на подставках цвета нильской воды. У меня была собственная ванная, что в те дни отнюдь не считалось само собой разумеющимся, к тому же она могла похвастаться не слишком большим количеством ухверток и мокриц, а также вполне добротная кровать. Но никаким комфортом не компенсировался нереальный накал криков, продолжающихся внизу и усиленных тем, что хозяева снова остались одни и свободно могли вцепиться друг другу в глотку, пока им никто не мешает.

Позже приехали еще двое гостей. Сперва мальчик по имени Сэм Хоар, которого я запомнил лучше, потому, что он собирался стать актером – совершенно невероятная мечта для того времени. В моем кругу желание попасть на сцену рассматривалось не столько как обреченное на провал, сколько как требующее врачебного вмешательства. Он был высоким, красивым парнем и в конце концов стал довольно заметной фигурой на телевидении, так что, видимо, он был прав в своем упорстве, несмотря на то что это раздражало его родителей. Последним гостем, который не просто приехал на ужин, а останавливался в доме, была славная девушка по имени Карина Фокс. Мне она всегда нравилась, хотя я ее особо и не знал. Мы слышали лай собак и разговоры в холле и, как ранее сделала Терри, прокравшись по коридору к верхней лестничной площадке, спасли вновь прибывших. Мэйнуоринги передали новых гостей на наше попечение, даже не оглянувшись на нас. Питеру и Билли было не до того, что их гости, может быть, устали с дороги и хотят чая. Такие инциденты очень сближают. Мы четверо сидели у меня в комнате, обмениваясь впечатлениями, и прикидывали, как переживем грядущий вечер, пока наконец не почувствовали себя почти друзьями, а не чужими людьми, как было бы при обычных обстоятельствах.

Обед начался сравнительно неплохо. У Мэнуорингов как-никак было время поостыть, и, кроме того, за столом сидели в числе приглашенных две незнакомые нам пары из соседей, возраста наших хозяев. Безо всяких приключений выпив в саду бокал шампанского, мы все вдесятером без четверти девять сели за стол и некоторое время вели светскую беседу, словно и не было недавнего эпизода. Я уверен, что последние гости,

генерал с очень милой женой и пара соседей-землевладельцев, и не подозревали, что их дорогие друзья Питер и Билли только что разыгрывали гастрольную версию спектакля «Кто боится Вирджинии Вульф?» и только перед самым их приходом разбежались принять ванну. Столовая была довольно приятная. На столе стояли превосходные фарфор и стекло, а стены украшали еще несколько удивительно хороших картин. Видимо, Питер происходил из семьи, которая утратила свои владения, но во многом сохраняла антураж, что тогда было достаточно распространено. Впрочем, как и сейчас. Но не уверен, что денег у него осталось несметное количество, и Билли, судя по всему, готовила сама. В домах не слишком шикарных, таких как дом приходского священника, даже если их владельцы принадлежали к классу, когда-то именовавшемуся джентри, временный персонал в шестидесятых годах действовали гораздо реже, чем сегодня, и большинству хозяек приходилось стряпать самостоятельно – возможно, пережиток этики военного времени. Еда бывала не особенно хороша и часто готовилась по отвратительным рецептам из журналов. Женщины вырезали их и вклеивали в кулинарные блокноты, печатавшиеся специально для этой цели. Когда все было приготовлено, считалось вполне нормальным позвать пару соседок помочь накрыть на стол, помыть посуду и так далее, как и было сделано в тот вечер. Первая перемена блюд прошла достаточно спокойно: обязательный мусс из лосося, который в те дни появлялся на каждом обеденном столе с такой регулярностью, что уже не воспринимался на вкус. Вслед за ним подали эскалоп в густом соусе, чем-то сверху посыпанный, с морковкой, нарезанной аляповатыми розочками. Это мы тоже пережили. Но прежде чем на столе появился пудинг, послышались первые раскаты беды. Я сидел примерно в середине стола, на своем обычном для младших гостей месте. Генеральская жена, леди Грегсон, как только горничная забрала ее пустую тарелку, повернулась к сидевшему справа Сэму Хоару.

– Правда же вкусно? – спросила она, что вряд ли можно было расценить как повод для ссоры.

Сэм открыл было рот, чтобы согласиться, но не успел.

– Вкуснее, чем было по первости, но это не слишком лестный отзыв, – вставил хозяин, сидевший по другую руку от леди Грегсон.

– Что?! – прорезал воздух голос Билли Мэйнуоринг, заставив умолкнуть всех остальных, даже тех, кто не знал, что происходит.

Леди Грегсон, славная, но не особенно умная женщина, теперь оценила ситуацию и, пока Питер не успел ответить, произнесла:

– Мы как раз говорили о том, как нам понравилось последнее блюдо.

Но Питер уже некоторое время налегал на превосходный кларет, и какую-то плотину у него внутри наконец прорвало.

– Да, – сказал он. – Мне оно всегда нравится. Каждый раз, когда ты его готовишь. Это примерно каждый раз, когда кому-то выпадает несчастье обедать в этом доме.

Именно в этот момент, как назло, слева от леди Грегсон встала служанка, оказавшись рядом с Питером. В руках она держала блюдо с белым чизкейком.

– О боже, дорогая! – закатил глаза Питер. – Опять!

– Я люблю чизкейк! – Тон леди Грегсон стал тверже, словно она, почуввав первые признаки мятежа, решительно настроилась установить в собрании порядок, хотим мы этого или нет. Такая женщина оказалась бы очень полезна при Лакхнау^[67].

– А клубника? – Питер смотрел на жену в упор.

– Мы будем есть чизкейк! – Голос Билли по оживленности можно было сравнить с говорящими часами. – Я не думала, что нам захочется клубники.

– Но я специально купил ее для сегодняшнего вечера.

– Хорошо.

В воздухе стояло такое напряжение, что мне вспомнились очень популярные в ту эпоху фильмы об угрозе ядерной войны – тема, которой в то время все были одержимы. Кульминация этих фильмов, как правило, заключалась в ожидании, нажмет ли чей-то президент красную кнопку.

Выдержав паузу, Билли произнесла:

– Миссис Картер, пожалуйста, сходите за клубникой.

Бедная женщина не знала, что ей делать. Она недоуменно посмотрела на свою работодательницу, словно не веря, что та говорит всерьез.

– Но она же...

Билли перебила ее, подняв руку и кивнув, как римский император, отдавая сигнал приступить к казни:

– Миссис Картер, пожалуйста, просто принесите клубнику.

Конечно, порой такие происшествия разряжают обстановку. Ничто не развеселит унылый званый обед вернее, чем ссора между мужем и женой. Но инцидент набирал такую силу, что становился не совсем подходящим в качестве развлечения для гостей. Слишком жестко и слишком всерьез. Но по крайней мере, долго следующего акта ждать не пришлось. Тем временем остальная часть компании разобрала куски злосчастного чизкейка, но к еде никто не приступал. Сэм украдкой подмигнул Карине, а стул Терри, стоявший слева от меня, начал трястись от сдавленного хихиканья. За

этими мелкими исключениями, мы сидели и ничего не делали, догадываясь, что, как говорят в эстрадных программах, мы еще ничего не слышали. Миссис Картер вернулась в комнату с вазой и подошла к леди Грегсон, но когда та взяла одну клубничину, всем стало понятно, что ягоды заледеневшие и твердые, как стальные пули. Их только что достали из морозилки. Несчастная женщина взяла несколько штук на ложку и положила леди Грегсон на тарелку. Они упали с металлическим звоном, словно гайки. Миссис Картер переместилась к Питеру, который стал аккуратно накладывать себе большую порцию. Ягоды с грохотом падали ему в тарелку, а он все наваливал и наваливал их кучей. Миссис Картер подошла к следующему гостю, потом к следующему, никого не пропустила, никто не осмелился отказаться, и жесткие маленькие камешки с шумом упали на каждую тарелку. Даже на мою, хотя не представляю себе, почему мы не отказались, как обычно люди отказываются за столом от любого другого блюда. Миссис Картер с озадаченным видом удалилась на кухню, и начался процесс поедания этих кусочков гранита. К тому времени в комнате уже замерли все разговоры или хоть что-то отдаленно их напоминающее. Десять человек пытались есть маленькие каменные шарики. В какой-то момент генералу одна такая ягодка попала в дыхательное горло, и он резко запрокинул голову, как стреноженный зверь, и не успели мы отойти от этого опасного происшествия, как жена землевладельца, миссис Таунли, с пугающим хрустом откусила кусочек клубники и схватилась за щеку, ахнув, что сломала зуб. Даже этим мы не выпросили себе помилование у хозяев. И продолжали грызть, особенно Питер, который откусывал, жевал и посасывал лед, словно самые изысканные сласти.

– Вам, я смотрю, нравится, – проговорила леди Грегсон, чья миссия в тот вечер была в том, чтобы все портить, как раз когда она старалась сделать противоположное.

– Такое наслаждение попробовать что-то необычное! – ответил Питер. – Во всяком случае, в этом доме.

Он говорил громко и отчетливо, в молчаливо хрустящей льдом комнате. Все глаза немедленно повернулись к его жене.

Поначалу я думал, что она не станет отвечать. Но Билли ответила.

– Урод гребаный! – воскликнула она, возвращаясь к своей стандартной лексике, которую применяла в моменты ярости, хотя на этот раз она говорила довольно тихо, и слова, несмотря на недостаток оригинальности, прозвучали весьма внушительно.

Потом Билли встала и подняла вазу с оставшимися несъедобными

ледышками. Жестом, которым заливают огонь водой из ведра, она швырнула на Питера остатки замороженных ягод, по пути обрызгав и нас, а также стол и пол болезненно острыми осколками. В довершение Билли метнула в Питера вазу, которая не попала в цель, так как он увернулся, и ваза разбилась об изящное ведерко для вина времен Георга IV, стоящее в углу. В последовавшую паузу было слышно только дыхание.

– Не пора ли нам одеваться? – бодро предложила леди Грегсон. – Сколько машин нам нужно, чтобы ехать на бал?

В похвальном стремлении покончить с этим недоразумением раз и навсегда она встала, отодвинула стул и, наступив на ледяную клубничину, плашмя упала на пол, стукнувшись головой о край стола. Задравшееся вечернее платье обнаружило довольно неопрятную нижнюю юбку и стрелку на правом чулке, хотя последняя, возможно, появилась в процессе падения. Леди Грегсон лежала на полу совершенно неподвижно, и на секунду я забеспокоился, уж не умерла ли она. Подозреваю, что остальные подумали то же самое, поскольку никто не пошевелился и ничего не сказал, и какое-то время всех нас окутывала какая-то древняя, первозданная тишина. Пока наконец тихий стон не развеял нашу тревогу.

– Мне кажется, не обязательно всем ехать, да, дорогая? – поднявшись, спросил Питер, и обед закончился.

Все это я рассказывал для того, чтобы объяснить, как в ту ночь оказался с Терри в постели. Мы держались вместе, когда наконец добрались до бала, потому что было бы странно не держаться вместе тем, кто видел предыдущие события этого вечера. Сэм Хоар и Карина, которыми двигали те же соображения, скоро пошли танцевать. С того вечера у них начался роман, за ним последовал брак, рождение троих детей и скандально знаменитый развод, когда в 1985-м Сэм сбежал с дочкой итальянского автопроизводителя. А тогда из всей вечеринки для меня оставалась только Терри, и я не жалел. С того момента чем позже мы уходили в ночь, тем неизбежнее все казалось. Мы лихо отплясывали, пока была быстрая музыка, но когда около часу ночи свет притушили и диджей поставил «Noneу», приторно сентиментальный хит того времени, одну из бесчисленных баллад о погибших возлюбленных, мы тотчас взяли за руки. Стиснув друг друга в объятиях, мы начали медленно и ритмично покачиваться, что в завершающей стадии таких мероприятий считалось танцем.

Эти жестокие и сладкозвучные погребальные песни были своего рода символом эпохи, хотя мода на них уже давно угасла. Странное явление, если задуматься: песни о мужах, женах, чьих-то девушках, чьих-то парнях,

и все они погибают в автомобильной катастрофе, или при крушении поезда, или от рака, а чаще всего разбиваются на мотоцикле – этот последний сценарий соединял в себе сразу несколько повальных увлечений того времени. Видимо, было в их незатейливой слезливой эмоциональности нечто такое, что перекликалось с нашим по большей части ложным ощущением «прокладывания новых путей» и «освобождения». Эти баллады варьировались от крепкой и мелодичной «Tell Laura I Love Her» до таких, как «Terry» и «Teenangel», включая и «Honey», кстати тоже слащавых до невозможности. Но выделялась на фоне других – исключением, подтверждающим правило, – одна песня, которая, как и более поздняя «Dancing Queen», чаще всех других хитов исполнялась в душе: это «The Leader of the Pack» группы «Shangri Las». В ней есть строфа, которая меня всегда забавляла:

Однажды папа мне сказал: «Найди себе другого!»

И я сказала Джимми: «Не увидимся мы снова!»

Он лишь спросил: «Но почему же нет?»

Я только горько плакала в ответ.

Прости, что я обидела тебя, Вожак стаи!

Нетрудно догадаться, кто здесь во всем виноват: папа. Крутой мальчик-байкер, затянутый в кожу, со сверкающими колесами своего мотоцикла, и девочка в объятиях страсти – оба не стали даже спорить, когда папа топнул ногой. «Найди себе другого! Сейчас же!» – «Да, папочка. Как скажешь». Как бы изменился текст песни, если бы сегодня ее переделали на новый лад? «И я сказала папе: отвали»? Не знаю другого примера, который бы так кратко, но емко рассказывал о крахе нашего семейного уклада и дисциплины. Неудивительно, что над нами смеется чуть не весь мир.

Во всяком случае, в тот вечер печальный рефрен сделал свое дело, и к тому времени, как мы с Терри налегали на завтрак в большом шатре, довольно изобретательно украшенном сельскохозяйственными орудиями и снопами пшеницы, мы уже оба знали, к чему движемся, и я был этому рад. Многие из нас вспомнят, как сладко знать – особенно в ранние годы активного поиска, – что нашелся новый амурный партнер и он не против.

Я, хотя и был нетрезв, повез нас обратно в дом Мэйнуорингов на своей машине, а Терри все время толкала меня в бок, чтобы я не отвлекался от дороги. Внутрь мы вошли через незапертую входную дверь, как нам было указано. Как бы существовали подобные договоренности в наши дни, когда люди всего боятся? Думаю, их просто не было бы. Мы поднялись по лестнице, стараясь как можно меньше шуметь. Вряд ли мы для приличия

сделали вид, что расходимся по разным комнатам. Уверен, что я без лишних разговоров и, не спрашивая разрешения, просто последовал за Терри в ее комнату, тихо закрыл дверь и не стал терять время.

Есть одна мужская проблема, которая, видимо, существовала всегда и никогда не исчезнет. Молодые люди руководствуются железобетонным императивом: любой ценой добиться постели. Это особенно касается тех времен, когда множество наших сверстниц такого императива не имели, и в результате, лишь только забрезжит возможность добиться согласия, малейшая трещинка в незыблемой стене добродетели, мужчина бросался в атаку, не раздумывая, то ли это, чего ему на самом деле хочется. К сожалению, понимание ответа на этот вопрос иногда приходит позднее. Как правило, когда ты уже в постели и отступать поздно. Мое поколение, включая мужчин, что бы ни твердили стареющие ловеласы, не было настолько неразборчиво в связях, как те, что пришли после нас, еще до наступления сегодняшнего сексуального разгула. Но это было его начало. Двадцатилетний девственник – обычный экземпляр для поколения моего отца – нам уже казался чем-то необычным, и цель достичь как можно большего количества побед была вполне распространенной. Поэтому время от времени каждый мужчина неизбежно оказывался в постели с женщиной, скажем так, малопривлекательной.

Обычно, когда так случалось, мужчина не останавливался на полпути, а ошеломленный вопрос «О чем я только думал?!» появлялся у него в мозгу лишь на следующее утро. Но бывали ситуации, когда момент прозрения заставлял его в самый разгар процесса. С глаз падала пелена, и все происходящее вдруг представлялось полнейшим и не поддающимся оправданию безумием. Внезапно мужчина осознавал, что лежит голым и сжимает в руках чужое нежеланное тело.

Так случилось в ту ночь и у меня с Терри Витков. Она меня ничуть не привлекала, она мне даже не нравилась в обычной жизни, и если бы не сражения Мэйнуорингов и вся истерия вечера, который мы пережили, я никогда не оказался бы с ней. Если бы события не зародили у нас в сердцах искусственное чувство близости, я бы преспокойно пошел спать один. Но теперь я лежал с ней в постели, ощущал чуть резковатый запах ее тела, чувствовал ее тонкие волосы и рыхлую талию, мямл слегка обвисшие груди и с ужасающей ясностью понимал, что хочу быть в любом другом месте, только не здесь. Я перекатился на спину, отвалившись от ее тела.

– В чем дело?! – угрожающе спросила Терри.

– Ни в чем, – ответил я.

– Смотри, чтобы и правда ни в чем.

И это, само собой, не оставило мне выбора. Мне мгновенно представилось, как я становлюсь персонажем анекдотов, обманщиком, который не справился, предметом шуток. Они, прыскавая в ладонь, будут обсуждать происшедшее с девчонками и насмешливо тыкать в меня маленькими пальчиками. На все это Терри была вполне способна.

– Все отлично, – сказал я. – Иди сюда.

И со всей решимостью, на какую я был способен в тот момент, я исполнил свой долг.

Обед шел не слишком успешно. Гари нас почти забросил, а Терри к этому моменту уже находилась в прострации. Мы разглядывали пудинги в меню, и, когда Терри начала задавать каверзные вопросы об ингредиентах какого-то штруделя, по выражению лица Гари было понятно, что мы приблизились к границам возможного.

– Мне только кофе, – сказал я, в жалкой попытке сдвинуть Терри с места и перейти к следующей части вечера. К сожалению, это натолкнуло ее на новую идею.

– Поехали пить кофе ко мне. Ты же хочешь посмотреть, где я живу? – Растяжка, с которой она произносила слова, начала увеличиваться до типично южных масштабов. Это необъяснимо, поскольку родом она со Среднего Запада. Ее манера напомнила мне, как описывала свою свекровь Дороти Паркер: единственная женщина, способная сделать четыре слога из слова «яйцо».

– Принести счет? – с надеждой спросил Гари, ухватившись за возможность избавить себя от потенциальной скандалистки, пока не разразилась буря.

Всего несколько минут спустя мы уже стояли на парковке.

Здесь мы столкнулись с дилеммой. Я пил мало, зная, что поведу машину назад, но Терри уговорила бóльшую часть наших трех бутылок.

– Давай я поведу, – предложил я. – А за своей машиной утром кого-нибудь отправишь.

– Что ты такой зануда! – засмеялась она, словно мы затевали подростковую шалость, а не совершали правонарушение, которое легко может повести за собой человеческие жертвы. – Поезжай за мной!

И началось одно из самых жутких переживаний всей моей жизни. Сперва мы рванули по Беверли-Хиллз, потом, буксуя на поворотах, закладывали широкие виражи по гористым дорогам Лос-Анджелеса, пока наконец не выехали – не спрашивайте меня как – на Малхолланд-драйв, этот горный хребет, позвоночник, отделяющий сам Лос-Анджелес от

долины Сан-Фернандо. Есть один триллер, «Портрет в черном», кажется, с Ланой Тёрнер, где женщине, не умеющей водить машину, велят садиться за руль и гнать на машине за своим любовником, который и есть убийца. Она виляет из стороны в сторону и чуть не гибнет, когда начинается дождь, потому что не знает, как включаются дворники. Она дико петляет во все стороны и истерически рыдает. Или это было в «Злых и красивых»? В общем, примерно так выглядели мои ощущения в тот вечер, когда Терри Витков везла меня к себе домой. Только в моей версии я гнался за безумной женщиной, не контролирующей свою машину, а не она за мной. Не знаю, как мы вообще добрались живыми.

Дом, куда мы приехали, оказался чуть скромнее, чем я рассчитывал, хотя вполне приличен. Большой открытый холл, слева бар, притворяющийся библиотекой, и большая гостиная, стеклянная со всех трех сторон, так что открывался поразительный вид на лежащий внизу город – миллионы огней всевозможных цветов, словно гигантская шкатулка драгоценностей, сверкали под нами. Казалось, что мы приземляемся. Но комнаты были дешевыми и неопрятными, с грязными ворсовыми коврами и длинными диванами под плетеными покрывалами, слегка вытертыми на подлокотниках. Довершали оформление две фальшивые антикварные статуэтки и пастельный рисунок нарочито болеестройной Терри, видимо сделанный уличным художником рядом с Национальной портретной галереей.

– Чего тебе налить? – нетвердо направляясь к бару, спросила Терри.

– Мне ничего, мне и так хорошо.

– Не может быть хорошо, если не выпьешь!

– Тогда виски. Спасибо, я сам налью. – Так было разумнее, иначе я рисковал получить налитый доверху бокал. Терри плеснула себе бурбона, добыв льда из льдогенератора – агрегата, громогласно производящего холодные кубики в любое время дня и ночи. – Донни здесь?

– Вряд ли.

Она так равнодушно это произнесла, что мне снова показалось: это не тот союз, в котором один все знает про другого. Я глотнул виски, не зная, радоваться ли мне, что мы одни, хотя не скажу, чего я опасался: сексуальных домогательств или алкогольного отравления. В любом случае пора было аккуратно вернуться к истории Грегга и этой женщины, Сьюзи, и сделать это надо до возвращения Донни.

– Как долго ты уже замужем на этот раз?

– Около четырех лет.

– Как вы познакомились?

– Он продюсер. На телевидении, – поспешно добавила Терри, чтобы различать человека, работающего продюсером, и простого жителя Лос-Анджелеса. – Я делаю программы, где мы обсуждаем товары на рынке...

– Знаю. Инфореклама! – улыбнулся я в намерении показать, насколько владею жаргоном современного телевидения.

Но вместо этого Терри посмотрела на меня так, словно я дал ей пощечину.

– Ненавижу это слово! – Но ресторанные войны за еду лишили ее сил, и еще к одной битве она была не готова. Вместо этого Терри сделала глоток, а потом со всей серьезностью сказала: – Мне нравится считать себя послем покупателя. – Она проговорила эти слова внушительно и основательно, видимо, рассчитывала, что я восприму их как должное. И, выдержав паузу, продолжила: – Некоторое время мы встречались с Донни, а когда он сделал мне предложение, я подумала: а какого черта? Почему бы нет?

– За тебя! – Я поднял бокал. – Надеюсь, ты очень счастлива.

Терри сделала еще один глоток и откинулась на подушки. Как я справедливо предположил, расслабившись, она отключила защиту, и вскоре я узнал то, что и так уже подозревал, а именно: что не слишком она счастлива. Более того, я оказался бы в непростом положении, если бы мне пришлось свидетельствовать, будто она счастлива. Донни был намного старше ее, а поскольку оба мы уже добрались до конца пятого десятка, ему, должно быть, не меньше семидесяти. И денег у него оказалось меньше, чем он ее убеждал. «И мне это очень обидно, и хуже всего, у него было две дочери, которые не хотели слезть с его шеи».

– В каком смысле?

– Названивают все время, хотят его видеть. Я знаю, что, когда он уйдет в мир иной, деньги достанутся им.

На это трудно было что-либо ответить. Ничего предосудительного нет в том, что дочери хотят видеть отца, и, конечно, после его кончины они ожидают получить деньги. Это не означает, что они его не любят.

– По крайней мере, они не рассчитывают на деньги раньше, чем он отойдет в мир иной, – попытался пошутить я.

– Ты не понимаешь! – категорично замотала головой Терри. – Эти деньги нужны мне. Я их заработала.

Сейчас она была уже совсем пьяна, и немудрено, если вспомнить, сколько шардоне, мерло и «Джека Дэниелса» она отправила за вечер в свою вместительную глотку.

– Я уверен, он планирует и тебе что-то оставить. Почему бы не

спросить его прямо?

– Он планирует отдать мне пожизненный доход с половины своих денег, который после моей смерти перейдет к его дочерям.

Станным было только то, что эти слова произносились так, словно описывали некое противоестественное преступление, хотя такое завещание мне показалось в высшей степени разумным и даже щедрым. Так далеко зайти я не осмелился, заключив, что хотя и знаю Терри, но Донни мне незнаком, так что он не вправе полагаться на мою помощь. Я решил ограничиться тем, что спросил:

– Но это не то, чего ты хочешь?

– Черт, еще бы! – Терри потянулась к бутылке и долила себе бокал. Взгляд ее упал на одну фотографию в рамке, стоящую среди других таких же на полках за баром. Это было фото седовласого пожилого мужчины с двумя молодыми женщинами по бокам. Все улыбались. – Сучки! – с затаенной злобой произнесла Терри и свободной рукой повалила фотографию лицом вниз. Фото звучно ударилось о дерево, но непонятно было, разбилось стекло или уцелело.

– И вы женаты четыре года? – наугад спросил я в попытке вырुлить на более безопасную почву. К сожалению, характер моего поручения не позволял мне избежать разговоров о личной жизни Терри.

– Ага.

В ее бездонную глотку отправился очередной глоток «Джека Дэниелса».

– Когда вы проживете вместе подольше, он, может быть, что-то изменит.

– Четыре года с Донни – это огромный срок, поверь мне.

Что меня всегда забавляет в таких людях, как Терри, а я повидал их немало, – это их абсолютная вольность в обращении с моральными вопросами. Мы с вами знаем, что она дошла до отчаяния, кропая свою ужасную инфорекламу и едва надеясь когда-нибудь начать новую жизнь. И тут появляется славный и одинокий пожилой человек, и Терри решает выйти за него замуж в надежде унаследовать все, на что не имеет никаких прав, и чем скорее, тем лучше. Потом узнаёт, что он намерен оставить свое состояние двум своим горячо любимым дочерям, и это, безусловно, те люди, которым и должно по праву достаться наследство. Они тоже нежно привязаны к Донни, и, не считая того, что наверняка ненавидят мачеху, в остальном вполне нормальные, разумные женщины. Тем не менее Терри и подобные ей способны извратить эту простую историю какой-то порочной логикой и, глядя на нее через осколок кривого зеркала в глазу,

перераспределяют роли в этом мире, ставя себя в положение тех, кто имеет право жаловаться. Это они благородные оклеветанные жертвы бесчеловечной системы. Это они достойны жалости. По идее, они должны понимать, что живут во лжи, но не подают вида, и обычно друзья и знакомые рано или поздно им уступают, сперва делая вид, что принимают их сторону, а в конце зачастую искренне веря, что эти люди в своем праве. Моя система ценностей, однако, выдержала эту атаку. Мне даже захотелось прямо на месте написать Донни и выразить свою поддержку.

Мои размышления были прерваны резким голосом Терри, который вернул меня к реальности.

– Ну вот посмотри! – выкрикнула она вместо предисловия. Мне явно собирались представить еще один пример возмутительных убеждений Донни, с большей частью которых я уже заранее был согласен. – Он даже собирается оставить какую-то сумму Сьюзи. Напрямую. – Она сделала паузу, чтобы подчеркнуть неслыханную несправедливость этого решения. – Но не напрямую мне. А мне – пожизненный доход! – Терри с гадливостью выговорила эти слова и торжествующе покивала, как будто рассказала уморительный анекдот.

Донни начинал нравиться мне все больше и больше. Намного больше, чем его жена.

– Сьюзи ведь его падчерица.

– Смешно! – Терри закатилась деланным смехом.

– А где сейчас Сьюзи? Она в Лос-Анджелесе?

Мне стоило предвидеть, что этот вопрос лишний. Но время было позднее, я еще страдал от смены часовых поясов и находился уже в некотором подпитии, да и надо было сдвинуться с мертвой точки. Мои слова словно эхом разнеслись по комнате, в момент перемены атмосферы.

Терри можно инкриминировать многое, но только не глупость.

– Ты зачем приехал? – спросила она, и ее голос внезапно стал совершенно трезвым и рациональным.

Стоит помнить, что я почти подошел к концу своих поисков. Оставались только Терри и Кандида, так что с пятидесятипроцентной вероятностью моим Граалем была Сьюзи. Признаюсь, ради Дэмиана, я надеялся, что это будет ребенок Кандиды Финч, но почему бы не этот. Здесь, так далеко от дома, я мог просто задать вопрос напрямую. О списке я Терри рассказывать не намеревался, да и Дэмиан в этих краях не попал бы в новости, если бы даже Терри захотела публично рассказать, что была неверна первому мужу.

– Ты сказала, что, когда забеременела, вы уже некоторое время

встречались с Грегом.

– Да.

– Дэмиан помнит, что примерно в это время у него с тобой был роман.

Терри улыбнулась, не поняв, к чему я клоню:

– Никакого романа у нас не было, ни тогда, ни когда-либо еще. Это нельзя назвать романом. – Она снова расслабилась и опять начала растягивать слова. Мне показалось, что ей доставляет удовольствие об этом говорить. – У нас с ним много лет то начиналось, то обрывалось, то снова начиналось. Мы никогда особо не расходились и никогда не рвали отношения окончательно. Если ты спрашиваешь, изменяла ли я мужу, то у меня всегда было такое чувство, что с Дэмианом не считается.

– Но суть в том, что... – Тут я действительно перешел к сути. – Он не уверен, правда ли Сьюзи – дочь Грега.

Я ожидал хотя бы намек на негодование, но Терри, совершенно непредсказуемо, запрокинула голову и разразилась хохотом. На этот раз совершенно искренним. Некоторое время она была не в состоянии остановиться и долго вытирала глаза, прежде чем смогла ответить.

– Да, – наконец выговорила она, покачав головой, – она не дочь Грега. – (Я ничего не сказал.) – Ты прав. Я тогда уже долго спала с Грегом. Уже много времени прошло с того момента, как я решила забеременеть. Я перестала предохраняться, и меня уже одолели сомнения, а способен ли он вообще иметь детей. Ну, то есть не бесплоден ли.

– И ты решила возобновить отношения с Дэмианом, чтобы посмотреть, сможешь ли ты забеременеть таким способом?

Я легко себе представил, как это происходило. Терри хотела окрутить Грега, а вопрос определения отцовства в то время был делом темным. Ее схема вполне могла сработать. И даже сработала. Только она плохо сочеталась с тем письмом, от которого пошла вся эта история, поскольку Терри все спланировала сама. Дэмиана едва ли можно было обвинить в соблазнении и обмане. Скорее уж обвинения следовало бы предъявить второй стороне. Но это можно было прояснить позже.

– Да. Пожалуй, именно так я и сделала, – дерзко ответила она. Алкоголь придал ей храбрости и даже бесстыдства. Терри наклонила набок голову, с вызовом посмотрев на меня.

– Я здесь не для того, чтобы тебя осуждать. Только чтобы узнать правду.

– И что Дэмиан будет делать с этой правдой?

Значит, я достиг цели. Прибыли. С этой мыслью я решил, что теперь можно немного пооткровенничать.

– Он умирает, я тебе говорил. Мне кажется, он хочет знать, что его ребенок ни в чем не нуждается.

И хватит этого.

– Сьюзи должна об этом узнать?

Интересный вопрос. Я бы сказал, что Сьюзи стоило узнать, но обязательное ли это условие? И должна ли это решать ее мать? Ведь Сьюзи сейчас под сорок.

– Это мне нужно уточнить у Дэмиана. Будет тест ДНК, но, если надо, мы придумаем какую-нибудь правдоподобную причину или сделаем так, чтобы она ничего не узнала.

– Ясно.

По ее интонации я сразу понял, что мои слова что-то изменили, но не мог понять почему. Насколько помню, я не ставил никаких жестких условий. Терри встала и подошла к стеклянной стене, взялась за невидимую ручку и, отодвинув оконную панель, полной грудью вдохнула ночной воздух.

– Отец Сьюзи не Дэмиан, – сказала она.

Надеюсь, мне удастся передать, насколько мне это показалось необъяснимо. Я сидел и целый вечер слушал женщину, жадную до денег, чужих денег, любых денег, какие можно заполучить, женщину, разочарованную в жизни и во всем, что эта жизнь ей принесла, женщину, загнанную в ловушку своего существования и повязанную с мужем, которого ни в грош не ставит. И вот она внезапно оказывается на пороге самой крупной удачи, о какой только можно мечтать, получает шанс сделать свою дочь одной из самых богатых женщин Европы – и отвергает его без малейших объяснений.

– Почему ты так считаешь? – спросил я. – Ты сама говоришь, она не дочь Грега. Значит, она дочь кого-то другого.

– Да, – кивнула Терри. – Она дочь кого-то другого. Но она не дочь Грега и не дочь Дэмиана. – Терри замолчала, как я теперь понимаю, размышляя, говорить дальше или нет. – И она не моя дочь.

На секунду я так опешил, что не произнес ни традиционного «Что?!», ни «Как так?», ни даже «Ого!». Я лишь молча смотрел на нее.

Терри вздохнула, неожиданно вздрогнула от сквозняка и вернулась в комнату, к потертому дивану.

– Ты совершенно прав. Насчет того, что я пыталась делать. Я хотела забеременеть, потому что Грег бы тогда на мне женился. Пару лет я иногда спала с Дэмианом и была уверена, что он мне не откажет. Он и не отказал. Просто это случилось уже после той вашей сумасшедшей поездки в

Португалию.

– Он говорил, что до?

– Нет. Я позвонила ему, и сосед сказал, что Дэмиан уехал, и тогда я оставила для него сообщение. Он перезвонил мне в тот же день, как вернулся, и я к нему заехала. Забавно. Когда мы последний раз встречались... – У нее появилось мечтательное выражение лица, и, погрузившись в грезы юности, Терри на мгновение стала совершенно другим, гораздо более приятным человеком. – ...Я подумала, что, может быть, мы продолжим... Когда он вернулся домой, то был каким-то совсем другим, не таким... Даже не знаю, как сказать. Не таким недоступным. И день-два я думала: а может, это все-таки будет Дэмиан, а не Грег.

– Но этого не произошло?

– Нет. Он там познакомился с той красивой девушкой и, когда она вернулась в Лондон, начал с ней встречаться.

– По-моему, встретился только один раз.

– Правда? Мне казалось, больше. Как ее звали?

– Джоанна Лэнгли.

– Точно. Что с ней стало?

– Она умерла.

– Надо же... – Терри вздохнула, сокрушаясь о неумолимом ходе жизни. – Когда Дэмиан вернулся, он был в каком-то странном настроении. Я слышала о том, что произошло. – (Я кивнул.) – Думаю, дело в том, что он от всех нас устал. После того случая я с ним больше не виделась.

– И никто из нас не виделся.

– Джоанна Лэнгли умерла... Ух, как я к ней ревновала!

Я понимал, что новость ее ошарашила. Услышать о смерти человека, которого считал живым и здоровым, – это как будто убить его, потому что он внезапно погибает у вас в голове. Но для поколения шестидесятых смерть – нечто еще большее. Они так долго и громко превозносили молодость, что не могут поверить, как это недобрый боженька позволил им стареть. И еще меньше они готовы смириться с тем, что тоже должны умереть. словно их упорное стремление перенимать стиль и ценности, более подходящие для людей на тридцать, сорок, пятьдесят лет моложе, – живительный эликсир, способный помешать им встретить старуху с косой. Каждый раз, когда какой-нибудь старый рокер откинет коньки, идут телеинтервью и статьи в газетах, выражающие изумление и потрясение. А что иное, по их мнению, могло произойти?

– Я спала с Дэмианом два или три раза, потом мы расстались, – философски кивнув, продолжила свой рассказ Терри. – Никто ни на кого

зла не держал. – Она помолчала, ожидая подтверждения, что это совпадает с моими сведениями.

– Не сомневаюсь. Но дело ничем не кончилось?

– Ничем, – покачала головой Терри. – Потом Грег улетел в Польшу, я поехала следом и спала с ним, но по-прежнему ничего и ничего, и наконец я пошла к доктору, прямо там, и угадай, что выяснилось?

– Что дело не в нем, а в тебе.

Она улыбнулась, как учитель, довольный моим прилежанием.

– Дело было во мне. Все время только во мне. Каких-то труб не было, в общем, не знаю... – Она изо всех сил старалась говорить спокойно. – Знаешь, что первое пришло мне в голову? Какого черта я столько времени боялась залететь? Мои молодые годы могли быть одним сплошным праздником!

– У тебя и так неплохо получилось, – заметил я.

Терри рассмеялась:

– Короче, я понимала, что как только Грег узнает о моем бесплодии, как только о нем услышит его мать, все закончится, и я вернусь туда, откуда начала. И тогда я купила ребенка.

Это прозвучало бы странно и сейчас, но тогда я изумился до крайности. Почему? Не могу сказать. В те дни не было такого явления, как суррогатное материнство, а если и было, то мы о нем не знали. Терри призналась, что не могла иметь детей и завела ребенка, только чтобы заставить Грега жениться. Что мне надо было подумать? Но я все равно был огорошен.

– Как? – Единственное, что я смог из себя выжать.

– Ты тоже собираешься? – улыбнулась она. Но рассказ зашел уже слишком далеко, чтобы останавливаться. – Я тогда занималась кое-какой социальной работой в группе, которую спонсировало посольство. Шел семьдесят первый год, до конца коммунизма еще далеко. Не было еще «Солидарности». Не было никакой надежды. Польша оставалась оккупированной страной, люди нуждались. Это оказалось нетрудно. Я нашла молодую мать, у которой уже было четверо детей, и она только что обнаружила, что беременна. Я предложила забрать у нее ребенка, кто бы ни родился и все с ним будет в порядке или нет.

– И забрала бы в любом случае?

Терри задумалась.

– Надеюсь, что да, – сказала она, и я это оценил.

– Но как ты это все устроила?

– Оказалось довольно просто. Нашла врача, которого можно было

подкупить. – Видимо, потрясение было написано у меня на лице, потому что она вдруг пришла в негодование. – Господи, он только и делал, что выписывал подросткам наркотики. То, что сделала я, хуже?!

– Конечно нет.

– У меня «ничего не было заметно», пока не «стало пять месяцев». Я сказала Грегу, что мне неприятно заниматься сексом, и Грег, с его пуританским происхождением, тоже не захотел. Потом я спросила, не возражает ли он, если я попрошу его не присутствовать при родах, потому что мне неловко. Боже, надо было видеть облегчение у него на лице! Сегодня если отец не таращится тебе в дымоход, когда оттуда появляется головка, он плохой, но в семьдесят первом году это было не обязательно.

– Как ты устроила сами роды?

– По счастливой случайности, как раз перед тем, как ребенок должен был появиться на свет, Грегa вызвали в Нью-Йорк. Я назвала ему сроки на три недели позже настоящих, чтобы оставалось время для маневра. У меня был план заселиться в другой номер. Думаю, все бы получилось, но в итоге этого не потребовалось. У той женщины начались схватки, и я отвезла ее в родильный дом, где при содействии нашего врача она просто назвала мое имя. Ребенок родился и был зарегистрирован как обычно. Когда Грег вернулся, я ждала его дома с маленькой Сьюзи. Мы ревели в три ручья. Все были счастливы.

– И никто не узнал правды?

– А как? Я сказала Грегу, что люблю его, но не могу заниматься сексом, пока не восстановится фигура. Он ничего не заподозрил. Никому хуже не стало. Включая Сьюзи. Честное слово! – Терри говорила совершенно искренне и, наверное, была права, но в таких делах никогда нельзя быть уверенным. Хотя я не поддерживаю нынешнюю моду оставлять детей матерям, которые не в состоянии о них заботиться, вместо того чтобы подобрать каждому ребенку приличный дом. Рассказ Терри почти подошел к концу. – Одно время я думала, что меня начнет шантажировать врач, но он не стал. Может, боялся, что я начну шантажировать его.

– И никогда не проводилось никаких анализов, которые могли бы выдать правду?

– Какие анализы? У них обоих первая группа крови, что очень удачно. Но кто проводит тест ДНК у собственной дочери?

– У Грегa были еще дети?

– Своих – нет. Двое приемных. Сьюзи он обожает, а она обожает его. – Терри устало вздохнула. – Предпочитает его мне.

– Значит, он о ней позаботится, – кивнул я.

Почему-то я был этому даже рад. Сьюзи упустила крупное состояние, которым в моем воспаленном мозгу она обладала на протяжении двух, а то и трех минут. Хорошо, что она никогда не будет знать нужды.

– О да! Ее положение надежнее, чем мое.

– Если бы я не заговорил о тесте, ты бы мне ничего не сказала? – не мог не спросить я.

Терри задумалась:

– Наверное. Слишком велико было искушение. Правда, наверняка бы возникло какое-то препятствие, так что ты правильно сказал про тест. А то я слишком обрадовалась.

Снова наступил момент прощания, и на этот раз я точно знал, что мы больше не увидимся. Потому что даже если я снова окажусь в городе, то не стану ее разыскивать. Но что-то в этой истории заставило меня относиться к Терри чуть лучше. Мне вспомнились трогательные слова леди Каролины Лэм: «При всем том, что говорилось о краткости жизни, для большинства из нас жизнь длится очень и очень долго». Жизнь Терри уже была очень долгой и полной разочарований и весьма скудных вознаграждений за них. Не утешало и то, что во многом вина за это лежала на ней самой. Она упустила свой единственный шанс на достойное будущее с Грегом и не нашла ему равной замены. Теперь она потеряла даже ребенка, которого придумала, чтобы остаться с ним. Мы поцеловались у дверей.

– Пожалуйста, не рассказывай больше никому.

– Думаешь, я могу? – покачала головой Терри.

– Не знаю. Если напьешься или разозлишься – можешь.

Она не стала возмущаться, что заслуживало одобрения, но с твердостью отвергла мои предположения.

– С тех пор как мы в последний раз виделись, я уже много раз и напивалась, и злилась, но никому ничего не сказала.

Я не сомневался, что это была правда. Все, что она сейчас сказала.

– Хорошо. – Теперь я окончательно был готов уходить. Но у меня оставалось одно последнее пожелание. – Будь добрее к Донни, – сказал я. – Судя по всему, он славный мальчик.

После этого вечера я стал сентиментальнее в своей оценке Терри. Но мне следовало быть проницательнее. На самом деле, за единственным исключением чувств по отношению к неродной дочери, прежняя Терри Витков ничуть не изменилась.

– Да сволочь он! – ответила она и захлопнула дверь.

Кандида

Глава 13

Теперь оставалась одна Кандида Финч.

Я еще на несколько дней задержался в Лос-Анджелесе, точнее, в Беверли-Хиллз, в очень уютном отеле «Пенинсьюла» – рай для англичан, поскольку только оттуда можно пешком сходить на почту или поесть, не ожидая каждый раз, пока служащий отеля в накрахмаленной униформе поймает вам такси. Я с большим удовольствием познакомился с моим агентом, который оказался очаровательным человеком, и хотя я не стал досконально придерживаться инструкций Дэмиана, мы все равно нашли общий язык, и он отправил меня поехать по городу, встретиться с кое-какими людьми, пока я здесь. Поскольку мне была дозволена неопишуемая роскошь лететь назад в Лондон первым классом, вернувшись домой, я чувствовал себя вполне отдохнувшим и полным сил. Как странно: если хорошо выспаться, а значит, получать много энергии, то возникает ощущение, что жизнь хороша, тогда как нехватка сна и физических сил оказывает противоположное действие.

Однако если я ожидал по возвращении в квартиру обнаружить несколько сообщений от Кандиды в ответ на те, что оставил ей перед отъездом, то меня постигло разочарование. На автоответчике ничего не было. Тогда я наговорил ей еще одно, но на него тоже никто не ответил, и сел денек-другой поработать над новым романом. Это была история об экзистенциальном кризисе обывателей в приморском городке, которую я бы еще не назвал приближающейся к кульминации. Последнее время я, по понятным причинам, ее подзабыл. Утром следующего дня, когда я наконец сумел снова вписаться в ритм существования мятущегося любовного треугольника на фоне морских пейзажей, на моем рабочем столе зазвонил телефон.

– Вчера ты звонил Кандиде Финч, – сказал женский голос, и на мгновение, совершенно нелогично, я подумал, что говорит сама Кандида. Не знаю, почему мне так показалось, потому что это явно была не она.

– Да, я хотел спросить, не можем ли мы с тобой встретиться, хотя понимаю, что это звучит странно.

– Это действительно звучит странно, и я не Кандида, я Серена.

У меня внутри словно взорвались тысячи пакетиков с цветными гранулами для приготовления шипучего шербета.

– Серена?

Ну конечно, это была Серена! Ее голос, боже правый! О чем я только думал? Но почему Серена мне звонит? Как это могло получиться? Я про себя размышлял над этим вопросом, молча прижимая трубку к уху.

– Алло? – слышался громче ее голос.

– Да.

– А, ну хорошо, я думала, нас прервали. Все вдруг замолчало.

– Нет, я здесь.

– Хорошо.

Меня вдруг встревожило, что я слышу в ее голосе настороженность, словно она боится, как бы ее собеседник не оказался сумасшедшим и не опасно ли продолжать разговор. Я испугался, как бы она не прислушалась к этому предостережению подсознания. Все это лишь доказывает, до какого лихорадочного состояния дошло мое воображение.

– Чем могу помочь?

– Сегодня утром я разговаривала с Кандидой, и она сказала, что получила сообщение, в котором ты просишь ее тебе позвонить и что ты хочешь ее видеть.

– Боюсь, там было не одно сообщение. Я даже подумал, что она уехала из страны.

– Она уезжала в Париж и вернулась только вчера вечером.

– Замечательно, что вы с ней поддерживаете отношения.

Как только эти слова слетели у меня с губ, я услышал, насколько они бессмысленны. Зачем я это сказал? Почему замечательно? Почему бы им не поддерживать отношения? Я сошел с ума?

– Она моя двоюродная сестра.

Мне следовало это знать. Я просто обязан был это знать. На самом деле даже знал. Прекрасно знал. Господи, да они же вместе устраивали бал! И я на нем присутствовал! Каким же надо быть дураком, чтобы такое забыть?! Каким безмозглым олухом?!

– Ну да, конечно! – как ни в чем не бывало воскликнул я. – Вы же двоюродные сестры! Я должен был запомнить.

Что за бред я несу? Это Всемирный съезд идиотов? Почему я не могу сказать что-нибудь менее бессвязное и бестолковое?

– В общем, я хотела поинтересоваться, не связано ли это с расследованиями Дэмиана.

У меня замерло сердце. Что я ей тогда наговорил? Неужели меня так потрясло ее присутствие у Грешэмов, что я все разболтал? Мог ли я? Что именно я ей сказал? Мысли носились в воздухе, как стая ворон, которым негде усесться. Я ничего не помнил с того вечера, хотя мне казалось, что

помню каждое мгновение.

– С расследованиями? – переспросил я, решив, что это будет лучший способ получить от нее подробности.

– Ты сказал, что Дэмиан просил тебя найти кое-кого из прежних его друзей. Ты мне рассказывал, когда мы встретились в Йоркшире. Я решила уточнить, входит ли в их число Кандида, потому что она не может представить другой причины, по которой ты хочешь снова с ней увидеться.

– Она к себе несправедлива. Я могу тебе представить массу причин.

– Но это оно? Ты поэтому звонил?

– Вообще говоря, да. Хотел угостить ее обедом и расспросить про новости. Это все, чего он хочет.

– Тогда у меня есть идея получше. В следующие выходные Кандида приезжает сюда, так что, может быть, ты захочешь присоединиться к ней? К нам. Мы с удовольствием тебя примем.

Мое отчаяние от собственной глупости разом сменилось ликованием ангельского хора.

– Это невероятно любезно с твоей стороны. Ты это всерьез?

– Абсолютно. Приезжай в пятницу, к ужину. А уедешь днем в воскресенье.

– Если мы договорились – с удовольствием!

– Эндрю всегда хочется быть уверенным, что в воскресенье к ужину он получит дом обратно в свое распоряжение! – засмеялась Серена.

Не сомневаюсь. Невоспитанная жаба.

– А одежда?

– В субботу вечером он надевает смокинг без галстука. В остальное время мы будем ходить в чем попало.

– Ну, если ты уверена...

– Совершенно уверена. Как доехать – напишу по имейлу. Нас найти нетрудно, но пусть лучше будет описание. Только продиктуй мне адрес.

Я продиктовал. Мы обо всем договорились. Я решил, что надо, наверное, позвонить Кандиде, но она мне так и не ответила, а Серена должна была дать ей знать.

После этого разговора я несколько минут сидел за столом, не понимая, что творится у меня в голове. Само собой, от этого приглашения у меня в душе зазвонили и запели радостью серебряные колокольчики, от раскрывшейся передо мной перспективы целых два дня вдоволь на нее смотреть. Но есть старая пословица: лучше ехать и надеяться, чем приезжать. Сейчас я столкнулся с реальной возможностью, что благословенная Серена причудливым образом вернется в мою жизнь, и я не

был убежден, что это хорошо. Конечно, во всем виноват Дэмиан. Это его вина, что тридцать восемь лет назад Серена ушла из моей жизни. По крайней мере, начало конца я стал отмерять от того обеда. Теперь Дэмиан виноват, что она вернулась. То, что она всегда была и останется любовью всей моей жизни, уже раз и навсегда определилось, к моему удовлетворению, и если признаться себе честно, именно ее возвращение в мои сознательные мысли закончило наши отношения с бедной Бриджет, как я, в общих чертах, объяснил своему отцу. Напоминание о том, что такое любовь, чем она могла бы быть, сделало блеклую копию чувств, в которых я существовал, лишенной смысла.

Но Серена довольна тем, как устроена ее жизнь, и даже если не довольна, она никогда не бросит мужа, в этом я не сомневался. А если бы бросила, то не ради меня, а если бы ради меня, то я не смог бы ей предложить ничего, сравнимого с ее жизнью... и так далее. Столь же уверен был я, что она не пойдет ни на какие внебрачные связи, и даже если я ошибался, то наверняка не я был бы избран ею в любовники. Я отдавал себе отчет, что взросление и некоторый успех превратили меня в неплохую партию для одиноких разведенных женщин, которые плохо представляли, как они будут обеспечивать себе следующие годы жизни, но все же я не гожусь для того, чтобы довести девушку до греха. У меня для этого ни подходящей внешности, ни сил.

Нет, имеющиеся в наличии варианты будущего – точнее, возможные варианты, поскольку в наличии не имелось еще ничего, – это только лишь стать другом, сопровождающим лицом, компаньоном. Образованным приятелем, который время от времени нужен светским дамам, которые замужем за дураками или трудоголиками: угостить обедом, отнести пальто в театре, прийти на вечеринку на вилле в Амальфи и посмешить остальных гостей. Хотел ли я такого? В прошлом, конечно, я немало этим занимался, тысячу раз отработывал свой хлеб, но хотелось ли мне того же самого, но с гримасой боли? Сидеть и смотреть, как женщина, ради которой я готов был умереть, болтает об уик-энде в Трувиле, о спектакле в «Альмейде» или о последних покупках? Нет. У человека есть своя гордость, думал я, а моя пустая голова меж тем продолжала работать вхолостую.

Я поеду на выходные. Все равно мне нужно расспросить Кандиду, воспользовавшись этим как поводом, но после все закончится. Я был уже у самого конца своего похода, который провел меня по излюбленным местам моего далекого прошлого. Но как только поиски закончатся, ребенок Кандиды получит деньги, а Дэмиан умрет, я отправлюсь домой писать дальше свои книги и здороваться с Сереной, когда увижу ее на летнем

приеме в «Кристисе». И мне будет достаточно знать, что у нее все хорошо. По крайней мере, так я себе клялся.

Название Уэверли-Парк звучит чуть романтичнее, чем он выглядит на самом деле. Замок Меллингбург, исконная вотчина графов Белтон, покинул семью, когда в 1890-х годах старшая линия закончилась на наследнице женского пола, и сейчас похоронен под привокзальной стоянкой города Милтон-Кинс, для которой его стены послужили основанием. Но титул перешел к младшей ветви, и там его прибытие отпраздновали свадьбой с состоятельной американкой и покупкой Уэверли в Дорсете, неподалеку от Юрского побережья. Земельные владения уменьшились за время двух войн, а потом еще раз, совсем недавно. Когда умер старый лорд Белтон, отец Эндрю, выяснилось, что бумаги составлены неверно и поэтому невозможно избежать разделения половины поместья между всеми детьми. Полагаю, семья рассчитывала, что те незамедлительно вернут земли старшему брату, но, как часто бывает в подобных случаях, этого не произошло. В довершение их сестра Аннабелла увлеклась азартными играми и через три года продала свою долю, и в центре между фермами образовалась зияющая дыра. Второй сын Юстас женился на еще большей мегере, чем его мать, разделил свою часть между четырьмя дочерьми, ни одна из которых не осталась на своей земле надолго. Позже мне рассказывали, что вся неразбериха произошла из-за того, что по настоянию леди Белтон семейным адвокатом взяли сына кузена, а не человека, который знает свое дело. Не могу ручаться, что это так, но звучит весьма правдоподобно. В конечном счете у Эндрю осталось слишком мало земли, чтобы содержать дом, и ситуация усугублялась чуть ли не физическим отсутствием у него мозгов, вследствие чего привлечь себе на помощь дополнительный доход он не мог. На кое-какую поддержку от своего отца могла рассчитывать Серена, но такие семейства, как Грешэм, не сохранили бы свое богатство, если бы финансировали всех своих отпрысков, и помощь эта в любом случае была бы невелика.

Сам дом был довольно просторным, но невыразительным. В нем жили с 1660-х годов, но все, что осталось от того периода, – консольная лестница, самый примечательный элемент всего интерьера. Здание реставрировали дважды, в 1750-х – хорошо и в 1900-х силами вновь прибывших и полных энтузиазма Белтонов – плохо. В конце 1940-х годов взрыв оптимизма у деда Эндрю снес служебное крыло, передвинул кухни на место бывшей утренней комнаты и преобразовал большой зал в библиотеку. В результате главный вход переместился за угол, в сторону от главного портика, и нынешняя входная дверь вела гостя к лестнице по

некоему туннелю, подходя к ней сзади под странным углом. Бессмысленно сражаться с архитектурой дома, и Уэверли не был исключением из правил. Комнаты тасовали как попало, меняя их ролями, так что в конце концов столовая оказалась уставлена диванами, а гостиная набита столами и стульями. Огромные каминные трубы неожиданно стали отапливать крошечные кабинеты, а изящные украшения интерьера спальни оказались на стенах полупарадного бального зала. Не улучшало переделки и время, на которое пришлось работать: послевоенные годы, когда доступность строительных материалов была ограничена, так что всё ухитрялись делать из фанеры и раскрашенного гипса. Но были и положительные перемены. Потеря большого зала виделась безнадежной, она нарушила гармонию всего первого этажа, но сменившая зал библиотека оказалась очень удачной, и комната для завтрака была очаровательна, хотя и тесновата. В доме царил запах потертости и недоумения, как у частного дома, слишком поспешно переделанного под отель, где комнатам не дали времени привыкнуть к новому назначению. Эндрю, естественно, считал, что это дворец и каждому посетителю повезло не меньше, чем крестьянину из Наньчана, которому дозволено узреть несколько мгновений славы Запретного города.

Выехать из Лондона в пятницу днем оказалось, как всегда, убийственно, и когда я наконец приехал и, пошатываясь, вошел с чемоданом в коридор, было уже шесть часов вечера. В дверях появилась Серена. Она встречала меня, одетая в рубашку и юбку, – просто и сногсшибательно.

– Бросай все сюда. Потом поднимешься. Пойдем выпьем чая.

Я пошел вслед за ней в комнату, оказавшуюся библиотекой, и в мою сторону повернулись несколько лиц. Помимо Кандиды, там были и другие, но прежде всего я заметил уже помрачневшего Эндрю, изо всех сил старающегося показать, что поглощен журналом «Сельская жизнь».

Одну пару, Джеймисонов, я несколько раз встречал в Лондоне, а вторая, энергичная пара из Норфолка, Хью и Мелисса Пибрик, чья жизнь состояла лишь из фермерских забот, стрельбы по живым существам и ничего больше. Все они были какими-то знакомыми старой подруги моей матери, так что с этой стороны я серьезных неприятностей не предвидел.

– Хочешь чая? Или возьмешь себе наверх чего-нибудь выпить? – спросила Серена, но я отказался от того и другого и сел на диван рядом с Кандидой.

– Чувствую себя очень виноватой, – сказала она. – Когда я вернулась, автоответчик мигал, как иллюминация в Блэкпуле^[68]. Сперва подумала, что

я выиграла в лотерею, не иначе. Или кто-нибудь умер. Но оказалось, что все от тебя.

Кандида постарела некрасиво, не так, как Серена. Волосы поседели, а лицо было грубое, морщинистое и еще краснее, чем раньше, – не стану размышлять о причинах. В целом в отличие от кузины она выглядела на свой возраст, но манеры очень отличались от тех, что были раньше, и на первый взгляд существенно улучшились. Кандида казалась намного спокойней – нет, просто спокойной. Как говорят французы, *bien dans sa peau*^[69]. Я даже потеплел к ней, чего никогда не было в наши молодые годы.

– Боюсь, что я перестарался. Прости.

Она помотала головой, предлагая избавить нас от необходимости извиняться.

– Надо мне его выключать, когда уезжаю. По крайней мере, люди будут точно знать, что я не получила сообщение, а не будут гадать, что да как.

– Что ты делала в Париже?

– Да просто дурака валяла. У меня внучка помешана на искусстве, и я уговорила ее родителей позволить мне отвезти ее в музей д’Орсе. Конечно, как только мы оказались в Париже, то минуты три потратили на музей, а остальное время – на шопинг. – Кандида улыбнулась, но теперь ей было интересно узнать, в чем дело. – Ну и что это была за великая новость? Серена сказала, что ты приедешь в качестве посланника всемогущего Дэмиана.

– В каком-то смысле... Да нет, все правильно.

– Ты разыскиваешь его друзей из прежних времен.

– Вроде того.

– Мне льстит, что я в их числе. Кого ты уже повидал? – (Я рассказал.) – Теперь уже не так льстит. Какой причудливый список... – Она еще раз мысленно перебрала имена. – Они ведь все были тогда в Португалии?

– Все, кроме Терри.

Кандида задумалась.

– Тот вечер – это, конечно, совсем отдельная история. – Она перевела на меня взгляд, приглашая к воспоминаниям. – Мы когда-нибудь о нем говорили?

– Толком – нет. После возвращения мы почти не встречались.

– Да, ты прав... Терри Витков! – скривилась Кандида. – Надо же, и она подружка Дэмиана. Я считала, у него вкус получше!

– Да уж! – развеселился я.

Сколько людей из того времени сказали бы о ней самой примерно то же самое!

– Она такая же, как всегда?

– Такая же, если прибавить последствия сорока лет разочарований.

Кандида помолчала, оценивая услышанное, а затем спросила:

– Ты помнишь ее бал?

– Из тех, кто там был, никто не забудет, без медицинского вмешательства.

– Тогда я впервые после объявления о моем рождении попала в газеты! – засмеялась она. – Бабушка несколько недель со мной не разговаривала.

Я вспомнил последующую историю Кандиды, где был разврат, внебрачный ребенок и недавняя трагедия 11 сентября, и задумался, что бы сказала бабушка обо всем этом. Надеюсь, смерть избавила ее от необходимости узнать.

Кандида еще мысленно оставалась в Музее мадам Тюссо.

– Это Терри сама подстроила. Что бы она там ни говорила.

– Она утверждает, что нет. Говорит, это сделал Филип Ронсли-Прайс.

– Филип мог только помогать. Сам он слишком глуп. А она знала, что надо делать. Ведь неспроста же она выбрала брауни. Как мы тогда были невинны...

– Совершенно невинны. – Я не стал выгораживать Терри, хотя не счел обвинение справедливым, но мне было наплевать на нее.

Кандида смотрела на огонь. К тому времени я уже хорошо изучил процесс, мне не раз приходилось проводить через него этих людей. Я приезжал, и очередная женщина из списка вдруг погружалась в мир сорокалетней давности, о котором не вспоминала целую вечность.

– Да-а, повеселились мы в тот год! Помнишь бал у Дагмар?

– Как такое забудешь!

– Когда Дэмиан заявился без приглашения и подрался с... – Кандида зажала себе рот рукой, внезапно вспомнив, кто тогда был противником.

Хозяин резко тряхнул страницами журнала.

– Прекрасно помню! – ответил я.

Мы молча углубились в общие воспоминания, стараясь не замечать горбинку на переносице у Эндрю.

– Больше всего вспоминается, какими мы были юными, – вздохнула Кандида. – Как мало знали о том, что нас ждет.

– По-моему, мы были замечательные, – сказал я, на что она не

возразила и лишь улыбнулась. – Чем занимается твой сын?

– Вообще-то, у меня два сына и дочь. – Она бросила на меня осторожный взгляд. – Но ты имеешь в виду Арчи. – Видимо, ощутив, что от меня не нужно ожидать зла, Кандида успокоилась. – У него собственная риелторская компания. Он страшно богат и добился больших успехов.

Но сейчас у него нет и половины того богатства и успеха, что скоро придут, подумал я.

– Он женат?

– О да! Жену зовут Агнесс, двое детей: дочка-шопоголик, ей десять лет, и сын, которому шесть. Забавно, мать Агнесс – девушка, с которой ты когда-то встречался, Минна Бантинг. Она вышла замуж за одного парня по имени Хэвлок, военного. Ты ее помнишь?

– Прекрасно помню.

– Вот то-то и оно, – поморщилась Кандида. – А я – нет. В те времена я не была с ней знакома, но сейчас, конечно, мы делаем вид, что замечательно дружили, и уже почти убедили друг друга, будто это правда.

Эти постоянные переплетения одних и тех же сюжетов – дают ли они опору или сковывают? Вспыхивают революции в морали, рождается и отмирает социализм во всей своей неистовой ярости, но все время возникают вокруг все те же лица, те же семьи, те же отношения.

– Хорошее имя – Агнесс, – проговорил я.

– Мне тоже нравится. Даже очень, – прибавила она, невольно выдав, что думает о своей невестке.

– Очень трудно пришлось с Арчи?

Некоторое время Кандида молчала. Я воспринял как комплимент, что она не стала притворяться, будто не поняла, о чем я спрашиваю.

– В каком-то смысле легче, чем другим. Родители мои оба умерли, и бабушка к тому времени – тоже. Только-только. Мачеху я ненавидела, и то, о чем она подумает, меня волновало как прошлогодний снег. Денег, конечно, не было совсем. Мачеха не хотела дать мне ни пенни, да потом, у нее и самой уже почти ничего не осталось, но, по крайней мере, мне не пришлось чувствовать, что я всех предала. Тетя Ру очень хорошо себя повела, если учесть, что, по ее мнению, я совсем сбрендила.

– Но?

– Могу ответить то же самое, что и раньше. Родителей уже не было в живых, мачеху я ненавидела. У меня не осталось близких, никакой поддержки, кроме тети Ру и Серены, а они считали, что я совсем без ума. Друзья считали так же, только не так откровенно показывали.

– Я знаю, что потом ты вышла замуж.

– Вышла. Парня звали Гарри Стэнфорт. Вы с ним никогда не сталкивались?

– Имя знакомое, наверное, встречались, но даже если и так, не могу вспомнить где. То, что случилось, – ужасно.

– Да, – печально улыбнулась она. – Трудно, когда ничего не нашли и не найдут. Я всегда сочувствовала матерям сыновей, убитых в войнах за границей. Эти матери не могут похоронить тело, и теперь я по себе знаю, каково это. Не знаю почему, но надо, чтобы были настоящие похороны, гроб, чтобы не только фотография, как у меня, только тогда по-настоящему можно почувствовать, что все кончено.

– Американцы говорят: «отпустить».

– Я бы не стала так это называть, но понимаю, что они имеют в виду. Все время представляешь себе, будто он где-то валяется в коме, или борется с потерей памяти, или сбежал и лечит нервное расстройство где-нибудь в Вайкики. Конечно, говоришь себе, что надо смириться, ни во что не верить, но ничего не можешь с собой поделать. Каждый раз, когда кто-то неожиданно звонит в дверь или поздно ночью раздается телефонный звонок... – Кандида кротко улыбнулась собственной глупости. – Потом постепенно проходит.

– Как страшно...

– Ты только не думай, пожалуйста, что мне грустно. – Интонации Кандиды изменились, она теперь смотрела мне в глаза. Я видел, что ей очень хочется меня убедить, и, пожалуй, она говорила правду. Наверное, ради своего рода верности его памяти. – Совсем не грустно. Правда. Грустно мне было до того, как я встретила Гарри, когда я была загнана в тупик и на руках у меня был мальчишка, за существование которого половине моей семьи было стыдно. Я знаю, вы все тогда считали меня смешной.

– Не считали.

– Считали. Крикливая, красноречивая, развратная, даже рядом неловко стоять. – Все это была правда, так что я не стал ей возражать. Но как и при встрече со всеми женщинами, которых я нашел, меня поразило, насколько легче нам бы жилось сорок лет назад, если бы мы знали подлинный характер каждого из нас. Кандида разом отодвинула в сторону эти воспоминания, сменив их счастливыми. – А потом в один прекрасный день появился Гарри и спас меня. Нас. До сих пор не знаю, что он во мне нашел, но за все время я не знала больше ни единой несчастливой минутки.

– Он любил тебя. – Как ни смешно, я говорил искренне. Теперь я начинал понимать, что он в ней любил, и для меня это было откровением.

– Думаю, что любил, – кивнула Кандида, и глаза у нее заблестели. – Бог знает почему. И взял нас к себе обоих. Он же Арчи усыновил, совершенно официально, а потом у нас родилось еще двое детей, а когда он... – Несмотря на строгий тон, глаза ее наполнялись влагой, да и мои тоже. – А когда Гарри погиб, оказалось, что он оставил денег всем троим поровну. Просто разделил на три части. Не делая между детьми различий. И для Арчи это тоже много значило. Очень. Ты знаешь, что, когда они остались запертыми в башне, у всех работали мобильные?

– Я читал об этом, – кивнул я.

– И это так необычно, это удивительно, что они в основном звонили не с криками о помощи. Они звонили людям, которые были им ближе всех, своим женам, мужьям и детям, сказать, как они их любят. И Гарри тоже. У меня, правда, телефон был выключен – как обычно, – и когда я попыталась перезвонить ему, то не смогла дозвониться, но он оставил мне сообщение, в котором сказал, что женитьба на мне – самое лучшее, что он сделал в жизни. Я сохранила это сообщение. Оно до сих пор у меня. Гарри благодарит меня за то, что я вышла за него замуж. Ты можешь себе представить? Среди всего этого страха и ужаса он благодарил меня, что я стала его женой. Так что видишь, по большому счету я вовсе не грущу. Я счастлива.

Я смотрел на ее грубое румяное лицо, переполняющиеся слезами глаза и понимал, что она совершенно права.

– Да, ты счастлива, – ответил я. Я приехал готовый пожалеть Кандиду, но ее жизнь с момента нашего последнего разговора сложилась бесконечно удачнее, чем жизнь Терри, Люси, Дагмар, да и Джоанны тоже. Кандида Стэнфорт, урожденная Финч, оказалась самой счастливой из пяти в списке Дэмиана. По всем категориям, считающимся важными среди этих людей, она начинала с самых невыигрышных позиций, а закончила впереди всех. – Ты пробовала пойти в издательское дело? Раньше ты говорила, что хочешь.

– Пробовала, – кивнула она. – Но в настоящее книгоиздательство, а не в модную чепуху, через которую я надеялась пробиться в этот бизнес. Я-то считала, что для меня это единственный способ. Гарри меня сделал. Поднял свои контакты и нашел мне работу корректора в небольшом издательстве, специализирующемся на женской литературе. Я очень старалась, и меня там оставили работать. В итоге я даже отредактировала довольно приличное количество книг.

– Но больше этим не занимаешься?

– Сейчас нет. Но мне захотелось сделать перерыв, когда... – (Я поспешно кивнул, не желая возвращать ее в тот ужасный день.) – Но

подумываю вернуться. У меня ведь неплохо получалось!

Из этой простой фразы я понял, чем Кандида обязана Гарри Стэнфорту и почему она продолжает упорно доказывать всем, насколько ей посчастливилось его найти. Эта Кандида обладала самоуважением, которого не было и следа во времена ее неприглядной, злой, несчастной юности. В те дни, когда я знал Кандиду, ее детство было слишком недавно, чтобы игнорировать его пагубные последствия.

– Мне достались двадцать три года жизни с невероятным, благородным, очаровательным и любящим мужчиной. – Это была безыскусная и трогательная дань памяти, и после нее мне нетрудно было искренне полюбить Гарри. Кандида наклонилась ко мне и понизила голос до шепота. – Предпочитаю быть на своем месте, чем на месте Серены. – И мы рассмеялись.

На этом разговор и закончился. Вскоре мы пошли наверх переодеваться.

Мне предстояло ночевать в угловой комнате, обшитой панелями и окрашенной в серовато-белый цвет. На две стороны выходили большие окна, из которых далеко открывался вид на тенистый парк. Изящная кровать под балдахином была обита хорошим, хотя и старым мебельным ситцем, а по стенам развешены литографии Одюбона^[70] с изображениями птиц. Все довольно симпатично, пусть и неоригинально, но из-за выцветших тканей и ярко-малинового цвета паспарту, в которые были вставлены картины, создавалось непередаваемое ощущение семидесятых годов, словно по меньшей мере лет тридцать на эту комнату не тратили никаких денег. У меня была собственная ванная, в той же цветовой гамме, и кран с горячей водой, который многообещающе издавал далекие булькающие звуки, но когда появилась вода, она оказалась лишь чуть теплой. Я как мог обтерся губкой и натянул какую-то одежду из чемодана.

Аристократичные англичане любят изображать непринужденность. «Из гостей никто не приезжает, – говорят они. – Будем только мы». Что случается редко. «Тебе ничего не придется делать», когда придется, еще как. Чаще всего, когда они говорят «не переодевайся», они не имеют это в виду. Они хотят сказать, что от вас не ждут смокинга, а не то, чтобы вы оставались в той же самой одежде. Это в чем-то даже смешно, поскольку, в сущности, все, что вы делаете, готовясь к «неофициальному» ужину в загородном доме, – надеваете другой вариант той же самой одежды, что была на вас за чаем. Особенно это касается мужчин. Но главное, когда вы спуститесь, это должна быть другая одежда. Единственное, от чего стоит воздерживаться на уик-энде, – это темный костюм. За исключением

случаев, когда это благотворительное мероприятие, похороны или какое-то другое событие со своими особыми правилами, джентльмену в сельской местности городской костюм не пригодится. Загородные мероприятия все чаще требуют одного из двух видов одежды: вечерняя или крайне неформальная, никаких промежуточных вариантов.

Возвращение вечерней одежды в этой связи тоже интересно. Вопреки ожиданиям, высказывавшимся всего несколько лет назад, смокинги, на время утратившие интерес публики, и в еще большей степени – мужские домашние куртки снова на подъеме. Из них меня больше интересует домашняя куртка – предмет одежды, правила ношения которого полностью изменились на моей памяти. Совсем не так давно верхом невоспитанности было носить такую куртку в доме, где вы не ночуете, а лучше вообще носить ее только у себя дома. Но сейчас все изменилось. Все больше загородных обедов оживляются мириадами оттенков бархатных курток, туго обтягивающих спины гостей мужского пола. Носят домашние куртки обычно без галстуков – неприятная подробность для мужчин средних лет, чьи красные, покрытые пятнами шеи демонстрировать невыгодно. Но, посопротивлявшись немного этой моде, возражая, что так совершенно неправильно, сейчас я даже начал ей симпатизировать. Впервые за два века она раскрасила мужчин в разные цвета. Что касается правил ношения домашней одежды, то, как я уже сказал, когда вы спуститесь по лестнице, это должна быть другая домашняя одежда, отличная от домашней одежды, которая была на вас, когда вы поднимались к себе. Для меня снять рубашку, джемпер и плисовые брюки, чтобы помыться и надеть другую рубашку, другой джемпер и другие плисовые брюки, – процесс довольно комичный, но что делать. Нельзя бороться с Таммани-Холлом. В общем, в тот вечер я сделал все как полагается и был готов спуститься в гостиную, когда на глаза мне попала фотография на полке, справа от резного расписанного камина. Фотография запечатлела Серену и Кандиду, стоявших бок о бок среди хозяев дома, встречая гостей на свой бал дебютанток в Грешэме. Можно было разглядеть у них за спиной развешенные на стене зала портреты. Леди Клермонт на фотографии поворачивалась в сторону, видимо встречая следующего прибывшего гостя. Потом я увидел фигуру молодого человека в нескольких шагах позади девушек, но его лицо было неподвижно устремлено к ним, словно он не мог отвернуться. Я сразу понял, что он и в самом деле не в состоянии отвести глаз. Потому что это был я.

Если что-то в подлунном мире может быть совершенно, то бал в

аббатстве Грешэм в честь Серены Грешэм и Кандиды Финч был почти совершенством. Почему-то его устраивали довольно поздно, после летнего перерыва, в тот период года, который заканчивался Рождеством и назывался малым сезоном. К тому моменту мы уже достаточно пресытились, обходя балы с конца весны, и хозяйке мало что оставалось предложить, чтобы удивить нас, но леди Клермонт, прекрасно это понимая, решила не просто удивить, а достичь совершенства. Почему-то я довольно долго хранил все свои приглашения, но теперь потерял, так что не помню, проводился ли бал в конце октября или в начале ноября. Но это наверняка был зимний бал, и все мы знали, что он станет последним крупным частным приемом, перед тем как эстафету примут благотворительные балы, после чего вся канитель подойдет к концу, и это изначально придавало вечеру некий романтизм.

К тому времени я уже несколько раз гостил у Грешэмов и, конечно, надеялся, что меня включат в список гостей, остающихся ночевать в аббатстве, но конкурс был предсказуемо высок, и меня не взяли. Хозяином дома, где мне предстояло остановиться, оказался скучноватый, но все же не запредельно занудный отставной генерал со своей милой женой, типичной супругой военного. Они жили в небольшом поместье, отделанном в типично безвкусном стиле, который обожают такие люди. Не то чтобы уродливо или банально, но без души и даже без изящества, если не считать случайную картину или предмет мебели, доставшиеся по наследству, а не приобретенные самостоятельно. Из тех, кто остановился в том же доме, пару человек можно было назвать друзьями: Минна Бантинг и тот же самый Сэм Хоар, который в качестве одного из свидетелей принимал участие в битве Мэйнуорингов перед балом Минны. Остальные тоже были знакомы – как-никак мы уже шесть месяцев совместно исполняли этот ритуал. Как обычно, на ужин пришли несколько пар из числа соседей. Подавали безупречно приготовленные лососевый мусс – куда ж без него! – цыпленка по-королевски и крем-брюле – меню, более подходящее, пожалуй, престарелому беззубому инвалиду, чем группе прожорливых подростков, но мы добросовестно налегали на еду, не прекращая вполне светский разговор. Во всем этом не было ничего плохого, хотя и не представляло особого интереса и не затмевало главной цели вечера: попасть на бал. Иногда обеды и загородные приемы бывали такими увлекательными, что гости задерживались и на бал приезжали слишком поздно, чтобы вдоволь им насладиться. Но сейчас был никак не такой случай. Выждав положенное этикетом время, мы допили кофе, сбегали в уборную и расселись по машинам.

Когда мы вошли в холл, в воздухе носилось воодушевление, хотя в тот момент я еще не знал почему. Серена с Кандидой и Клермонты стояли и принимали гостей.

– Очень рада, что ты пришел, – сказала Серена, поцеловав меня в щеку, отчего у меня, как обычно, стиснуло в груди дыхание. – Жаль, что ты остановился не у нас, – шепотом прибавила она, скорее в качестве комплимента, чем искренне.

К концу того года я зачастил к Грешэмам. Пару раз, когда балы были ближе к северу, мне доставалось у них ночевать, а однажды, по дороге из Шотландии, я останавливался у них сам. Мне уже грозила опасность поддаться этому отвратительному самодовольству, с которым люди похваляются, будто их считают желанными гостями в некоем завидном месте. Я еще не подозревал того, что знаю сейчас: теплый прием, который всегда меня встречал, объяснялся тем, что Серене доставляло удовольствие видеть, как я в нее влюблен. Не потому, что она испытывала ко мне романтические чувства, о нет. Она только хотела, чтобы я продолжал быть в нее влюблен, пока ей это не надоест. В юности все таковы. Теперь я вспомнил, когда была сделана фотография. От замечания Серены я продолжал пребывать в блаженстве, не в состоянии покинуть комнату, где она стояла, хотя знал, что нужно дать дорогу следующим гостям. И тогда я встал позади хозяев, где можно было задержаться чуть подольше. Там-то и мелькнула вспышка, и я был пойман навечно, как муха в янтаре. Спасительницей стала Люси Далтон: взяв под руку, она увела меня прочь.

– Как у тебя прошел обед?

– Скучно, но респектабельно.

– Судя по твоим словам, в сравнении с моим это был рай. У нас не было воды. Вообще. Из кранов текла только грязная струйка жидкости, похожей на сливовый сок. Серена выглядит просто чудесно, правда? Хотя, конечно, ты не тот человек, чтобы на это возражать. Говорят, дискотека – просто потрясающая! Чей-то бойфренд ее устроил, только я забыла кто. Пошли! – Все это было выдано в один прием, без пауз, даже не переводя дух, так что вставить замечание я и не надеялся.

Дискотека действительно была потрясающая. Она занимала пространство в цокольном этаже, которое в обычное время, должно быть, исполняло роль комнаты для прислуги или составляло часть винных подвалов, наверняка весьма протяженных. Дверь под главной лестницей окружало искусственное пламя, а надпись гласила: «Добро пожаловать в ад!» По ту сторону двери все пространство, включая стены вдоль лестницы, ведущей вниз, были покрыты фольгой и языками пламени из

мишуры и атласа, которые раздувал вентилятор и подсвечивало вращающееся колесо, отчего они мерцали и прыгали, представляясь вполне настоящими. Внизу везде царила тема преисподней. Огромные копии самых мрачных полотен Иеронима Босха украсили стены изображениями страданий, а над головами танцующих играл огонь. В довершение диджей и две официантки были одеты в костюмы чертей, чтобы обслуживать танцующих, не разрушая иллюзии. Единственным диссонансом осталась музыка – некоторые из композиций в Аиде звучали неуместно. Когда мы спустились по лестнице, играли популярную балладу «Elenore» группы «Turtles». Слова «Ты клевая девчонка, пошли со мной в кино» плохо сочетались с картинами мук обреченных грешников.

Мы танцевали и сплетничали примерно до половины двенадцатого, а может, до полуночи, как вдруг внезапно все понеслось к лестнице, и мы поняли, что происходит нечто такое, чего нельзя пропустить.

Когда дошла очередь до нас с Люси, мы тоже взобрались по лестнице в холл, и толпа понесла нас в сторону парадной столовой, которая была назначена главным танцевальным залом вечера. Помещение освободили от мебели, и, в отличие от большинства домов, куда мне удалось проникнуть, здесь в дальнем конце зала была сооружена сцена для ансамбля и, что еще необычнее, выставлено профессиональное освещение. Это с самого начала дало происходящему особый импульс, еще до того, как мы поняли, что происходит. Не знаю почему, но было особым наслаждением танцевать в величественном здании, а не в шатре со скользкими ковриками из кокосового волокна и переносной танцплощадкой, а аббатство Грешэм по праву могло считаться лучшим образцом такого здания. По стенам огромного зала висели строгие портреты мужских представителей рода Грешэмов в полный рост – в броне и парче, в викторианском бархате, в париках и с локонами. Кавалеры вытягивали ноги в белых чулках, демонстрируя целую коллекцию разнообразных подвязок. Над мраморным камином красовался величественный конный портрет первого графа Клермонта кисти Кнеллера, возвышаясь над всем залом, – помпезный, внушительный триумф самолюбования. Контраст между суровым великолепием этой аллегии благородного происхождения и высоких свершений с одной стороны и дергающейся внизу толпой подростков – с другой был пугающим.

В этот момент открылась дверь, которая в обычные дни вела в сервировочную и дальше, в кухни. Сегодня через эту дверь вошла группа молодых людей, они пружинящей походкой поднялись на сцену. По толпе прокатился общий вздох, когда все мы вдруг поняли, что ведь это Стив

Уинвуд, солист группы, основанной человеком, который взбежал на сцену сразу после него и чьим именем была названа группа: Спенсер Дэвис. Живой, настоящий Спенсер Дэвис! Как только эта мысль проникла в наши мозги, музыканты заиграли свою песню, появившуюся за пару лет до того: «Keer on Running». Трудно объяснить, что мы тогда испытали. Сегодня мы пресыщены. Мы повсюду видим кинозвезд, певцов и всевозможные иные формы проявления славы. Судя по журналам, знаменитых людей больше, чем неизвестных. Но в шестьдесят восьмом году это было не так. Находиться в одном зале с настоящей музыкальной группой, исполняющей собственный хит, который большинство из нас купили два года назад и слушали без перерыва, – это как оказаться внутри мечты. Это было ошеломительно, это взрывало мозг, это невозможно было осознать. Даже Люси невольно замолчала, хотя и ненадолго.

– Ты можешь поверить?! – спросила она.

Я не мог. Вот такие мы были неиспорченные.

Тогда-то я и увидел Дэмиана. Он стоял в оконном проеме, так что наполовину оказывался в тени, и взирал на сенсационное зрелище, внешне не выказывая ни восторга, ни даже удовольствия. Стоял, слушал, смотрел, но смотрел без интереса. Мое внимание было поглощено музыкантами, и честно сказать, про Дэмиана я совсем забыл и вспомнил намного позже, но образ меланхолика на карнавале врезался мне в память. После этого я вернулся к гостям, несколько часов танцевал, болтал, пил и, наконец, примерно в половине третьего, отправился искать завтрак и нашел его в оранжерее. Это было огромное сооружение из стекла и чугуна, какие раньше называли зимним садом, построенное в 1880-х годах для одной из графинь. В ту ночь его расчистили и уставили круглыми столиками и стульями. Каждый столик украшала пирамида из цветов. На длинном столе стояли закуски, и экзотические вьющиеся цветы на каменной стене позади него служили своего рода живыми обоями. Еще необычнее выглядело то, что по торжественному случаю пол был устлан ярко-красным ковром, плотно огибавшим каменный фонтан в центре помещения, а короткая дорожка к оранжерее, идущая вдоль террасы, на один день превращена в деревянный крытый переход, детально воспроизводящий гостиную, с которой соединялся: цоколи, панели, карнизы, даже ручки окон в точности повторяли свои оригиналы. Есть уровень совершенства, когда предмет или действие достигает столь исключительных высот, что сам по себе становится формой искусства, и для меня этот небольшой пристроенный коридор этого совершенства достиг. Как и все остальное в тот вечер.

Я прошелся вдоль стола, выбирая себе угощение, потом побродил по

залу, болтая с группками гостей. Там была Джоанна, и я перекинулся с ней парой слов, и Дагмар, присевшая за столик к Кандиде, что само по себе было необычно, потому что к этой стадии вечера Кандида обычно уже смеялась, как больной с неизлечимым коклюшем, и я старался держаться от нее подальше. Но сегодня, на балу в свою честь, она была удивительно тиха, так что я сел с ней рядом. От Люси я уже избавился, но не подыскал себе партнершу на этот вечер, как обычно принято, и почему я этого не сделал – не знаю. Развлекаться мне это несколько не помешало. Может быть, мне показалось неудобно и нечестно флиртовать, выделять кого-то одного, делать вид, будто в центре моего внимания сегодня какая-то другая девушка, когда я был в доме Серены и на балу в ее честь.

– Виделся со своим другом Дэмианом? – спросила Кандида.

И снова она показалась мне совершенно непохожей на обычную себя и очень задумчивой – слово, которым редко можно было описать ее в половине третьего ночи.

Мне пришлось сосредоточиться. Вопрос оказался неожиданным.

– Давно. Видел его в столовой, когда мы слушали группу. А что?

– Просто так.

И она повернулась к Тремейну, подошедшему к столику с приятелями, держа в руке тарелку колбасок.

Я все доел и, уступив место Карле Уэйкфилд, вышел из оранжереи и не спеша побрел обратно через пустеющий дом. Почему-то мне захотелось свернуть в маленькую овальную комнату перед столовой, где через потолок еще отдавалась эхом музыка. Меня заинтересовала серия из пяти картин, изображающих пять чувств, и я наклонился, чтобы разглядеть их подробнее, как вдруг в меня ударил порыв ледяного ветра. Я выпрямился и увидел, что дверь, ведущая на террасу, открыта и из ночи в дом входит Серена. Она была одна, и, хотя я не мог вообразить себе женщины прелестнее, с виду она дрожала от холода.

– Что ты там делала? – спросил я. – Ты же вся замерзла.

Секунду ей пришлось соображать, кто я такой и что говорю, но, совладав с мыслями, она кивнула:

– Холодновато там.

– Но что ты делала?

– Просто размышляла, – повела плечами Серена.

– Ты сейчас вряд ли захочешь танцевать? – шутливо, но без особых надежд спросил я.

Вполне понимаю, что в своих описаниях отношений с Сереной Грешэм я должен казаться утомительным пессимистом, но вы должны

понимать, что в ту пору своей жизни я был молод и некрасив. Тот, кто не испытал, каково быть в молодости уродливым, не имеет права заявлять, будто понимает это. Замечательно говорить о внешних ценностях, красоте души и прочей чуши, которую некрасивым подросткам приходится выслушивать от своих матерей. И как чудесно быть ни на кого не похожим и так далее, но горькая истина состоит в том, что в единственной валюте, имеющей цену, вы банкрот. У вас может быть друзей без числа, но, когда заходит речь о романтических отношениях, вам нечем торговаться, нечего предложить. Вами не похвастаешься, не щегольнешь, вы последняя надежда, когда не осталось никакого стоящего партнера для танца. А если вас поцеловать, вы не превратитесь в принца. Вы так и остаетесь лягушонком, которого поцеловали, и целовавший обычно наутро жалеет о содеянном. Лучшая репутация, какую вы можете снискать, что вы не болтун. Если вы неплохой собеседник и умеете не распускать язык, что-то еще может вокруг вас завертеться, но горе уродливому воздыхателю, который преисполняется самоуверенности и начинает похвастаться. С годами, конечно, все меняется. Кто-то начинает видеть дальше вашего лица, замечает другие ваши качества, и наконец лет в тридцать-сорок в игру вступают иные соображения. Жизненный успех слегка подправит вашу внешность, неплохо с этим справляются и деньги, и вовсе не потому, что проявляющие к вам интерес женщины меркантильны. Просто вы начинаете иначе пахнуть. Успех делает вас другим человеком. Но вам никогда не забыть тех немногих, очень немногих восхитительных женщин, которые любили вас, когда не любил никто. Говоря словами одного триллера, «я знаю, кто вы, и вам всегда будет принадлежать местечко у меня в сердце». Но со мной ничего даже приблизительно похожего не происходило, пока мне не исполнилось лет двадцать пять. Когда мне было восемнадцать, я был уродлив и влюблен и знал, что люблю безответно.

– Да. Пошли потанцуем! – сказала Серена, и я до сих пор помню странную смесь восторга и дурноты, охватившую меня.

Группа Спенсера Дэвиса уехала. Может, уже мчалась по шоссе, превратив наш вечер в легенду и тем с лихвой отработав гонорар. Храни их Бог! Пусть они знают, какое счастье нам принесли. Было уже три часа ночи, бал приближался к концу. Диск-жокей снова принял эстафету, но по голосу было слышно, что он подводит вечеринку к концу. Он поставил нравившуюся мне медленную песню «A Single Girl», которая была хитом за год-два до этого, и мы с Сереной придвинулись друг к другу. Своеобразная штука танцы. Вы в полном праве положить руку женщине на талию, прижать партнершу к себе, сквозь рубашку чувствовать грудь ее груди и

тонкий шелк вечернего платья. Ее волосы касаются вашей щеки, ее запах будоражит вас, но при этом в танцах нет ничего интимного, ни намек на что-то, кроме учтивости и дружеского расположения. Стоит ли говорить, что я пребывал в раю, пока мы переминались с ноги на ногу, обсуждая группу и бал и соглашаясь, что вечер исключительно удался. Но хотя Серене было явно приятно это слышать, она все же была задумчива и вовсе не в приподнятом настроении, как я ожидал. Как можно было ожидать.

– Ты видел Дэмиана? – спросила она. – Он тебя искал.

– Зачем?

– Думаю, хочет попросить завтра утром его подвезти.

– Я уеду довольно рано.

– Он знает. Ему тоже надо уехать побыстрее.

Я был целиком поглощен тем чудом, что танцую с Сереной, и не придавал значения этим словам, хотя у меня все же промелькнуло в голове, что, если бы мне посчастливилось ночевать у Грешэмов, я искал бы любой повод задержаться подольше.

– Тебе самой было приятно на этом вечере?

– Есть в жизни важные вехи, – ответила она, что мне показалось хотя и справедливым, но странным.

Для моего поколения такие события были как обряд посвящения во взрослую жизнь, и мы не задавались вопросом, насколько они нужны. Девушки начинали выходить в свет, юноши достигали совершеннолетия. Первое происходило, когда девушке исполнялось восемнадцать, второе – когда юноша достигал двадцати одного года. Все потому, что высший класс проигнорировал принятое много лет назад решение правительства изменить возраст совершеннолетия на восемнадцать, да и сейчас не слишком его признаёт. События, подобные этим балам, отмечают наступление взросления. После того как они пройдены, вы становитесь полноправным членом клуба, и ваше членство на протяжении всей жизни будет разделяться на периоды церемониями: свадьбы и крестины, вечеринки для подрастающего поколения, новые свадьбы и наконец похороны. Важные точки, через которые мы держим курс нашей жизни. Все это сейчас ушло. Обязательных церемоний больше нет. Единственное отличие аристократического происхождения от средних классов – то, что высшие классы по-прежнему вступают в брак, прежде чем родить ребенка. И если не вступают, то это исключение. Многие остальные традиции, некогда объединявшие их в единое племя, занесло песком времени.

Песня отзвучала, и Серену вызвали отъезжающие гости, а я пошел бродить по дому, не желая, чтобы вечер заканчивался. Я покинул

танцевальный зал, прошел через переднюю комнату, где на милом диванчике спала девушка в розовом, потом заглянул через приоткрытую дверь в гобеленовую гостиную. Сперва мне показалось, что она пуста. Горело всего несколько ламп, и комната была погружена в полумрак. Взгляд выловил из темноты часы императрицы Екатерины – одну из ламп расположили так, чтобы стекло циферблата блестело, но вообще было понятно, что на сегодня гостиная завершила свою работу. Но тут я заметил, что на самом деле она не пуста. Один из стульев под большим, доходящим до карниза, гобеленом, был занят, и сидел на нем не кто иной, как Дэмиан Бакстер.

– Привет! – сказал я. – Серена говорила, что ты хотел меня о чем-то попросить.

– Да. – Он поднял глаза. – Хотел спросить, не подвезешь ли ты меня завтра домой, если едешь сразу обратно. Я знаю, ты уедешь рано.

Меня это заинтересовало. Раньше я никогда не слышал, чтобы Дэмиан говорил о доме.

– А где дом? – уточнил я.

– В Нортгемптоне. Кажется, ты проезжаешь его по пути, если возвращаешься в Лондон.

– Конечно, я тебя возьму. Заеду за тобой часов в девять.

Все. Миссия была выполнена. Дэмиан встал.

– Пойду, пожалуй, спать, – сказал он.

Его манера держаться всегда представлялась удивительно простой. Позже я стал считать, что она глубоко продуманна. Но сегодня так не казалось.

– Что ты думаешь про вечер? – спросил я.

– Восхитительный!

– Тебе понравилось?

– Более или менее, – ответил он.

Как и обещал, на следующее утро я вернулся в аббатство около девяти. Дверь была открыта, и я просто вошел. Как я и ожидал, гости, ночевавшие в доме, видимо, еще оставались у себя в комнатах, но везде кипела деятельность. В день после приема большой дом всегда энергичен. Повсюду ходят слуги, собирают позабытые бокалы и прочее, расставляют по местам мебель. В столовой складывали стол, а передо мной раскатывали огромный ковер. Когда я спросил, где завтракают гости дома, мне головой показали на небольшую дальнюю столовую, довольно просто оформленную, но все же достаточно просторную. Ее стены оживлялись картинами с изображениями скачек, и всадники были одеты в цвета

Грешэмов. Леди Клермонт нарушила свое правило, и столов было три. Они едва поместились и были накрыты примерно на двадцать четыре персоны. Дэмиан сидел один и доедал тост. При моем появлении он встал.

- Мой чемодан уже в холле.
- Ни с кем не попрощаешься?
- Все спят, а попрощался я еще ночью.

Мы без спешки загрузили его вещи и уехали. По дороге Дэмиан молчал, только иногда подсказывал дорогу, пока наконец мы не выехали на шоссе A1 и не двинулись к югу. Тогда он все же заговорил:

- Я больше не буду ходить на балы.
- Никто не будет. Осталось, наверное, штуки две, и потом еще благотворительные, и все.
- И на них не пойду. Достаточно. Надо позаниматься, а то забуду, что именно изучаю.

Я покосился на него. В его облике появилась какая-то решительность и мрачность, чего раньше не было.

- Вчера что-то случилось? – спросил я.
- Что ты имеешь в виду?
- Ты как будто разочарован.
- Если и разочарован, то ко вчерашнему вечеру это не имеет никакого отношения. Я про всю эту самовлюбленную, унылую ерунду. С меня хватит.
- Дело твое.

После этого до самого Нортгемптона мы ехали практически молча. Этот город был мне незнаком, но Дэмиан уверенно вывел меня к шеренге вполне респектабельных смежных домиков 1930-х годов постройки. Все были кирпичные, с черепичными крышами, спускающимися чуть не до середины стены и с названием на каждом воротах. Тот, у которого мы остановились, назывался «Солнечная сторона». Пока мы разгружались, дверь открылась и из дома вышла пара средних лет: мужчина в кричаще-ярком джемпере и шерстяных брюках и женщина в серой юбке с накинутой на плечи вязаной кофтой, застегнутой на блестящую цепочку. Мужчина вышел забрать чемодан.

- Это мой отец, – сказал Дэмиан и представил меня. Мы пожали друг другу руки и поздоровались.
- Очень приятно, – произнес мистер Бакстер.
- Большая честь для меня, – ответил я, намеренно отгораживаясь от его радушного приветствия чопорным тоном. В моем дурацком юношеском самомнении это казалось мне светскими манерами.

– Может быть, зайдете? – предложила миссис Бакстер. – Выпьете кофе?

Но я не зашел и не выпил кофе. Сейчас я сожалею, что отверг их гостеприимство. В качестве извинения я сослался на встречу в Лондоне в три часа дня, куда и так уже почти опаздывал. Я убедил себя, что эта встреча важна, и, видимо, она и была важна, но сейчас мне жаль. И хотя я не смог заставить себя произнести эту простую фразу, мне на самом деле было приятно с ними познакомиться. Они были хорошие, достойные люди. Мать изо всех сил старалась быть любезной, а отец, мне кажется, был умный человек. Позже я узнал, что он управляющий на обувной фабрике и очень интересуется оперой, и меня даже огорчило, что я не знал их раньше. Их не звали ни на какие развлечения того года, даже в университет. Сейчас я понимаю, что это был для меня ключевой момент, один из первых случаев, когда я начал осознавать коварную вредоносность снобизма, его тиранию, бессмысленные ценности, что заставили меня отвергнуть искреннее предложение дружбы, а Дэмиана вынуждали скрывать этих двух милых, интеллигентных людей, стыдясь их.

В то утро Дэмиан, приведя меня сюда, можно сказать, заявлял о раскаянии в своем стыде. Он прятал родителей, словно за невидимой стеной, не желая, чтобы я судил о нем по его семье и смотрел на него свысока, и тут он был прав. Мы и впрямь смотрели бы на него свысока. Мне стыдно об этом писать, и мне понравились его родители, но мы бы демонстрировали свое превосходство, безо всякого на то морального оправдания. Дэмиан хотел проникнуть в другой мир и понимал, что для этого придется скрывать свое происхождение. Проникновение ему успешно удалось, но в то утро мне показалось, что он устыдился своих амбиций, устыдился, что предал свое прошлое. На самом деле нам всем не мешало бы устыдиться, что мы, не задумываясь, подыгрывали ему. Уверенно пообещав друг другу встретиться в Кембридже в понедельник, мы расстались, и я сел в машину.

Мы, разумеется, еще встречались, и неоднократно, но вплоть до окончания университета – ни разу один на один. В сущности, моя дружба с Дэмианом Бакстером закончилась в тот самый день, наутро после танца с Сереной Грешэм. И не могу сказать, что мне жаль, хотя тогда мои чувства по отношению к нему были еще не столь беспощадны, как в следующий раз, когда мы оказались под одной крышей. Но это случилось лишь через пару лет, когда мы поехали смотреть мир, и это совсем другая история.

Глава 14

Выходные прошли достаточно приятно. Мы ели, разговаривали, спали, гуляли. Софи Джеймисон, как оказалось, разделяет мой интерес к французской истории, а Пибрики были хорошими друзьями моих двоюродных братьев, которые жили неподалеку от них, так что все сложилось очень удачно. Эндрю с годами не стал лучше. Унаследовав графский титул и остатки имения, уцелевшие после разрушительной деятельности семейного адвоката, он словно расстался с последней видимостью рефлексии и сомнений. Он стал королем, и при этом очень злым королем, находящимся в постоянном гневе на садовников, повара и собственную жену. Серена относилась к этому невозмутимо, но один раз, в пятницу вечером, спускаясь к ужину, я услышал, как Эндрю распаляется перед ней о какой-то раме, которую надо было отремонтировать. Подходя к двери библиотеки, я поймал взгляд Серены, и та не отвернулась, а приподняла брови, чего Эндрю заметить не мог. Для меня это был самый большой комплимент, какого можно удостоиться от представителя английской аристократии: когда вас принимают в участники частной семейной драмы.

После субботнего обеда, когда мы допили кофе в гостиной, Серена предложила прогуляться вдоль реки, и большинство гостей сразу вызвались присоединиться.

– Понадобятся сапоги, – предупредила она.

Но для тех, кто забыл взять с собой подходящую обувь, в доме оказалось множество лишних пар, и вскоре мы, экипированные для прогулки, двинулись в путь. Парки в Уэверли были изысканные и предсказуемые, типичной викторианской планировки, которую делала скромнее необходимость оставить двух садовников вместо двенадцати. Мы громко восхищались по дороге, но не парк оказался гвоздем программы. Серена повела нас через ворота, потом по дороге через луг, в лес, и наконец мы вышли на поросший травой берег, где удобно было идти вдоль самого края широкой реки, название которой я позабыл. Я восхитился, как красива здешняя природа.

– Здесь все искусственное, – сказала Серена. – В тысяча восемьсот пятидесятом реку повернули и вдоль нового русла проложили дорожки.

Мне оставалось лишь позавидовать гениальности того поколения в их умении жить.

Мы удачно оказались вдвоем, остальные отстали. Я оглядывал окружающие виды, и Серена вдруг взяла меня под руку. На противоположном берегу к реке склонилась огромная ива, свесив к воде похожие на ползучие растения ветви, отчего течение шло рябью. Вдруг послышалось какое-то движение, и над деревьями появилась цапля. Она плыла по небу, медленно и ритмично рассекая широкими крыльями воздух.

– Они такие воришки! Эндрю говорит, их надо отстреливать, а то речка совсем опустеет. – Но глазами Серена продолжала восторженно наблюдать завораживающее движение большой серой птицы. – Какое счастье жить здесь! – сказала она через несколько минут.

Я глянул на нее:

– Надеюсь, что так.

– Правда! – Серена смотрела мне в глаза, так что, видимо, говорила искренне. – Когда мы с ним одни, он совсем другой человек.

Это весьма мне польстило, ибо отсутствие имен и пояснений подразумевало существование между нами некой связи, сама возможность установления которой приводила меня в волнение. И еще больше волновала мысль о том, что Серена признает наличие этой связи, но при этом еще и чувствует вину за то, что прошлым вечером в холле дала мне понять свое недовольство возмутительным поведением Эндрю. Своими теперешними словами она пыталась оправдать себя, как делают все женщины, оказавшиеся замужем или просто крепко связанными с мужчиной, которого все ее друзья считают несносным. Часто такое отношение окружающих становится открытием после достаточно долгого периода, когда женщине казалось, что ее спутник пользуется всеобщей любовью. И каким, верно, разочарованием бывает обнаружить, что все наоборот, но не это случилось с Сереной. Эндрю никто никогда не любил. Безусловно, превозносить скрытые достоинства своей второй половины – весьма эффективный способ защиты, поскольку такие слова невозможно опровергнуть по определению. Логика подсказывает, что порой они бывают и справедливы, но мне трудно поверить, чтобы Эндрю Белтон в личном общении был чутким, обаятельным и глубоким, трудно поверить не в последнюю очередь потому, что от глупости нет лекарства. Но я молил Бога, чтобы хоть отчасти ее слова оказались правдой.

– Если ты так говоришь, то я верю, – ответил я.

Мы прошли еще немного, и Серена заговорила снова:

– Скажи мне, что именно ты на самом деле делаешь по просьбе Дэмиана?

– Я тебе говорил.

– Ты влез во все эти заморочки не для того, чтобы просто раздобыть увлекательные истории сорокалетней давности. Кандида рассказала мне, что ты даже летал в Лос-Анджелес, повидаться с этой ужасной Терри.

Мне не хотелось лукавить сейчас, когда все так скоро должно было закончиться.

– Пока не могу тебе сказать, – ответил я, – это не моя тайна. Но скоро расскажу, если тебе будет интересно.

– Будет. – Серена задумалась над моими словами. – После той гадкой ночи я больше не встречалась с Дэмианом.

– Это понятно. Большинство гостей тоже с ним не встречались.

– Но я часто его вспоминаю.

Серена сама заговорила о Дэмиане, и я подумал, что можно попробовать разрешить вопрос, давно не дававший мне покоя.

– Когда вы с Кандидой все это придумали и заявили откуда ни возьмись, чего вы добивались? Помню, как вы стоите на широкой, выжженной солнцем площади, в этой ужасной черной одежде, которую вам где-то пришлось одолжить.

– Дурацкая затея! – со смехом фыркнула она.

– Но на что вы надеялись?

Серьезный вопрос, и долгие годы он был под запретом. Но Серена не упрекнула меня, даже не посмотрела сурово за то, что я припираю ее к стенке.

– Ни на что, поскольку с нами увязались мои родители. Надо было отказаться от этой идеи, как только они заявили, что едут. Не знаю, почему я сразу этого не сделала.

– Но с чего началось? Когда вам впервые пришла эта мысль?

Серена покачала головой, и солнце блеснуло в ее волосах.

– Честно сказать, не знаю, чего я собиралась добиться, учитывая то, как я повела себя после всего. Наверное, я чувствовала себя загнанной в ловушку. И злой. Я вышла замуж, родила ребенка, а мне еще не исполнился и двадцать один год. Мне казалось, будто меня заманили в клетку и захлопнули дверь. Дэмиан воплощал в себе все то, чего меня лишили. Но все так глупо... Мы не были честны друг с другом, а от этого вечно происходят беды. Если бы мы сейчас были молоды, все было бы иначе, но что об этом толковать?

– Ты до сих пор чувствуешь себя в ловушке?

Она улыбнулась:

– Есть такой лабораторный эксперимент: если животных, довольно долго проживших в неволе, выпускают, они возвращаются, потому что это

их дом. – (Мы неспешно шли, слушая пение птиц.) – Дэмиан когда-нибудь говорит обо мне?

Несмотря на раздражение, возникшее у меня условным рефлексом, как у собаки Павлова, вопрос был любопытен. Практически каждая женщина, встреченная мной в ходе поисков, спрашивала одно и то же, а Серена даже не была одной из претенденток. Дэмиан явно обладал качествами, о которых я в свое время и не подозревал.

– Конечно. Мы беседуем о тебе. Ты единственное, что нас с ним объединяет. – Я сказал это в шутку, но в ней было больше правды, чем я думал. Не знаю, как Серена восприняла ее, но она улыбнулась, и мы пошли дальше.

– Ты видел фотографию в твоей комнате?

– Видел.

– Очень показательная. Я для тебя ее поставила. Боже, как мы были молоды!

– Молоды, а ты еще и прелестна.

– Никак не могу понять, почему мы с тобой не сбежали за все то время, – вздохнула она.

От этого я остановился как вкопанный.

– Не можешь понять? А я легко могу. Я тебе не нравился. – Какой смысл было ходить вокруг да около.

Ее это немного задело, может быть, потому, что я как будто упрекал ее в чем-то, чего я, само собой, делать не собирался.

– Ты никогда не был достаточно настойчив, – наконец ответила Серена, явно пытаясь перевалить на меня часть вины за наш несостоявшийся роман.

– Просто я хорошо понимал, что, если будут настойчив, наша дружба станет невозможной и я исчезну из твоей жизни. Тебе нравилось, что я умираю от любви, пока это не переходит границы и не заставляет тебя испытывать неловкость. Я мог бы быть твоим в любой день, как только пожелаешь, стоило лишь поманить меня пальцем, и ты прекрасно это знала. Но я никогда не был тебе нужен, кроме как жрец в твоём храме. И я был счастлив. Если лучшего мне предложить не могли, я был рад угождать.

Когда Серена слушала этот откровенный монолог, в глазах у нее промелькнул ужас.

– Значит, ты все знал?

– Нет, – покачал я головой. – Разве что догадывался. Но теперь знаю.

– О боже... Слушая тебя, я чувствую себя тварью.

Но это была неправда, и надо было поспешить разуверить Серену, что

я так не считаю.

– Вовсе нет. Долгое время все шло нормально. Я, «как истый рыцарь, скромность соблюдал»^[71], а ты была la belle dame sans merci^[72]. Как-никак, такое распределение ролей за сотни лет отлично себя зарекомендовало. Все пошло наперекосяк только из-за Португалии, и это была не твоя вина. После того вечера продолжать было уже неловко, и мы исчезли из жизни друг друга, но если бы я стал настойчивее, все произошло бы раньше, только и всего.

Она задумалась, и некоторое время мы снова шли в молчании. В подлеске послышалось шуршание, и среди коричневого и зеленого коротко полыхнула рыжая шубка лисы. Словно узнав ее, Серена очнулась.

– Дэмиан за многое должен ответить, – проговорила она.

– Самое интересное, что он, мне кажется, с тобой согласится.

Нас потихоньку нагоняли остальные, и скоро разговор должен был стать общим. Но пока они не подошли к тому месту, где стояли мы, Серена тихо произнесла:

– Надеюсь, ты меня не ненавидишь.

Серена проговорила это мягко и, мне кажется, искренне, а когда я повернулся к ней, улыбнулась. Не думаю, что она ожидала ответа. Она словно просила прощения за то, что так часто ранила меня в те ушедшие годы, когда душевная боль бывала такой острой и причинить ее было так легко. Я смотрел на Серену и в миллионный раз поражался каждой ее черточке. В уголке рта у нее прилипла едва заметная крошка от обеда, и я представил себе мир, где я обладал бы правом ее слизнуть.

– А ты как думаешь? – спросил я.

Ужин в тот вечер был главным событием всего уик-энда, и я послушно принял ванну, надел вечерние брюки, неохотно натянул рубашку без галстука и домашнюю куртку. Вниз я спускался в довольно приподнятом настроении, но, оказавшись в гостиной, сразу почувствовал, что атмосфера сгустилась: сегодня среди гостей появилась мать Эндрю, ныне вдовствующая графиня. Она жила не в настоящем домике вдовы, роскошной георгианской вилле на краю парка, которую сдавали одному американскому банкиру, а в деревне, в доме, некогда предназначавшемся для управляющего. Когда я вошел, леди Белтон чопорно стояла у камина. Она, конечно, сильно постарела по сравнению с той встречей, когда я видел ее в последний раз, но возраст не смягчил подступающего к ней безумия. Леди Белтон по-прежнему смотрела на всех теми же голубыми кукольными глазами, а волосы были выкрашены в такой же итальянский черный цвет,

как и раньше. Нельзя сказать, что ее чувство стиля сделало существенный шаг вперед. На ней был причудливый наряд, нечто вроде длинной ночной рубашки цвета хаки с неровным вырезом. Не знаю точно, какого эффекта добивалась графиня, но вряд ли того, какого достигла. Есть ли смысл говорить, что ее украшения были превосходны.

Серена представила меня, сказав свекрови, что та может помнить меня по прежним дням. Леди Белтон оставила это без внимания.

– Приятно познакомиться, – сказала она, протягивая мне высохшую руку с выпирающими костяшками.

Есть ли что-то более раздражающее, чем когда люди говорят вам: «Приятно познакомиться», когда вы встречались уже тысячу раз? Если есть, хотелось бы узнать что. Недавно меня как незнакомца приветствовала женщина, которую я знаю с детства и которая за прошедшее время стала известной. Буквально годами, каждый раз, как я встречался с ней, она любезно кланялась, не подавая виду, что мы виделись раньше. Наконец я созрел до того, что, если она проделает то же самое еще раз, я все ей выскажу. Но видимо, эта решимость проявилась у меня на лице, а все любители колкостей снабжены антенной, которая подсказывает им, когда подкалывания надо прекратить. Дама все прочитала у меня по глазам и протянула руку. «Как я рада снова видеть вас!» – произнесла она.

Серена ушла за бокалом для меня, и я остался со старой каргой один на один.

– Как хорошо снова встретиться с Эндрю и Сереной после стольких лет, – промямлил я, чтобы как-то начать разговор.

– Вы знакомы с лордом Белтоном? – ответила она без тени улыбки.

Надо полагать, это был намек, что мне следовало именовать Эндрю сообразно титулу. Рядом с нами на столике стояла вазочка с соусом из авокадо, и на секунду мной овладело неудержимое желание схватить эту вазочку и запустить ею графине в лицо.

Но вместо этого я раскрыл рот, чтобы сказать: «Да, я их знаю, и тебя тоже, старая глупая курица!» Но какой смысл? Она бы скрылась за заявлением о моей «ужасной невоспитанности», не признавая собственной. К счастью, леди Белтон не досталась мне в соседки за ужином. Вместо этого я с жалостью наблюдал за Хью Пембриком. Героически сражаясь с ее молчанием, он пытался вовлечь графиню в разговор о людях, которых она должна была знать, но категорически это отрицала, или обсудить темы, которые, как она ясно давала понять, ее не интересуют. В общем, устроила бедному Хью нелегкую жизнь.

Молодым часто говорят – по крайней мере, говорили, когда я был

ребенком, – что нувориши и прочие люди не нашего круга иногда могут грубить, но истинные леди и джентльмены всегда безупречно вежливы. Это, конечно, несусветная чушь. Невоспитанные люди, как и вежливые, встречаются во всех слоях общества, но есть определенный вид грубости, основанный на дешевом снобизме, на представлении о собственном превосходстве у людей, ни в чем других не превосходящих и вообще ничего собой не представляющих, и это уникальное свойство высших классов, которое очень трудно стерпеть. Старая леди Белтон была тому классическим примером, ходячим скоплением дутых ценностей, пустышкой, воплощенным поводом к революции. Я невзлюбил ее еще в молодости, но сейчас, когда у меня было сорок лет, чтобы подумать, она представлялась мне хуже, чем просто неприятной и недалекой особой. Графиню можно было бы считать воплощением зла, если бы она не была столь глупа, ведь именно она стала причиной того, что жизнь ее детей оказалась пустой. Как ни тоскую я по Англии времен моей юности, как ни жалею о том, что утеряно, но нельзя не признать: там было много порочного и требующего перемен. Что касается высших классов, леди Белтон была живой тому иллюстрацией. Она воплощала в себе все плохое, что было в старой системе, не переняв ни одну из ее добродетелей. Не люблю испытывать ненависть, но признаюсь: вновь увидев леди Белтон, я почти возненавидел ее. За все, что она собой являла, и отдельно за ничемность Эндрю. Ибо если быть к нему снисходительным, а это непросто, должен признать, что с такой матерью у него не было никаких шансов. Эти два ничтожных человека на пару загубили жизнь моей Серены. За ужином Эндрю оказался вторым соседом леди Белтон, поскольку ее посадили по старшинству справа от него. От супа до орехов они не обменялись ни единым словом. Никто из них от этого не проиграл.

После обеда часть гостей составили партию в бридж, другие улизнули смотреть по телевизору новый фильм в какую-то загроможденную игрушками детскую каморку, куда Эндрю сослал «эту дьявольскую машину», так что когда местные жители разошлись по домам, а те, кто ночевал в доме, улеглись спать, мы оказались вдвоем с Кандидой в углу библиотеки и сплетничали, глядя на умирающий огонь в камине и обнимая ладонями бокалы с виски. Серена заглянула к нам и предоставила в наше распоряжение поднос с напитками, но ей самой нужно было устраивать на ночлег остальных, а мне хватало просто видеть, как она существует, как управляется с делами, из которых состоят ее дни. И я рад был остаться один с Кандидой, поскольку это означало, что я могу продолжить расследование. Я уже говорил ей о фотографии, которую накануне нашел у

себя в комнате, и сейчас, когда нам никто не мешал, мы принялись обсуждать тот давний прием, как он проходил и чем закончился. Я напомнил ей, что вез Дэмиана домой и тот был в довольно мрачном расположении духа. Тот вечер знаменовал конец его карьеры кумира дебютанток.

– Бедный Дэмиан! – вздохнула Кандида. – Никогда никого мне не было так жалко.

Замечание прозвучало довольно неожиданно. Я не понял, о чем она говорит.

– Почему?

Мой вопрос явно удивил ее, так же как меня ее фраза.

– Из-за всей этой драмы, – ответила она, словно это совершенно очевидно.

– Какой драмы?

Кандида недоуменно посмотрела на меня, словно хотела убедиться, не смеюсь ли я над ней, но мой взгляд был невинен, как у новорожденного.

– Потрясающе! – воскликнула она. – Он тебе действительно ничего не рассказывал?

Тогда я попросил ее рассказать и принялся слушать.

Кандида была хорошо знакома с Дэмианом задолго до той ночи. Флиртовала с ним в своей пугающей манере, танцевала, даже, как я заподозрил по ее тону, спала с ним и вообще за тот сезон они стали друзьями. Ей удалось включить его в список гостей, приглашенных остановиться в доме Грешэмов, чтобы никто не подумал на Серену, и...

– Ничего не понимаю. Почему ты? Я думал, он тебе самой нравился. – Я вспомнил ту, другую Кандиду, как она закатывала глаза на Балу королевы Шарлотты, и меня чуть не передернуло.

– Все уже давно прошло, – покачала головой Кандида. – А они с Сереной к тому времени полюбили друг друга. – И снова она говорила так, будто я должен был по меньшей мере подозревать об их отношениях, и я блестяще сумел притвориться, что ни о чем тогда не догадывался. – То есть я так считала, что они влюблены. Влюблена была Серена.

– Поверить не могу! – Конечно, я не хотел в это верить, да и не видел к тому оснований. Они целовались. Но если считать, что мы влюблены во всех, с кем целовались...

Кандида пожала плечами, словно говоря: хочешь верь, хочешь не верь, я говорю правду.

– Серена хотела за него замуж, как ни абсурдно это звучит. Ей, как ты знаешь, тогда было восемнадцать, а Дэмиану девятнадцать, и он еще

учился в университете, так что нужно было согласие ее родителей.

– Зачем? Ведь тогда уже поменяли закон.

– В начале семидесятых. В шестьдесят восьмом совершеннолетие еще наступало в двадцать один год.

– Но Клермонты никогда не согласились бы выдать ее замуж, будь он хоть герцогом Глостером.

– Согласились бы. Собственно, они и согласились. На следующий год заставили ее выйти за Эндрю, хотя ей было еще девятнадцать. – (Все верно.) – В общем, Серена втемяшила себе в башку, что если они поближе познакомятся с Дэмианом, то полюбят его и дадут разрешение на брак. Идея, как я сейчас понимаю, была безнадежная.

– Более чем. Просто безумная.

Моя реплика ее не остановила.

– Да, – продолжала Кандида. – Ну вот, это я сейчас понимаю, но тогда я себя убедила или меня убедила Серена, что может и получиться. И она вовсе не собиралась прозябать с ним в нищете. Она не сомневалась, что Дэмиан сделает невероятную карьеру, и оказалась тысячу раз права, как показала история.

Я кивнул. От этого разговора мне становилось не по себе. Я словно оцепенел и потерял чувствительность, как будто заболеваю гриппом. Не стану притворяться, будто не знал, что они симпатизируют друг другу – оба хороши собой, часто общаются, да еще тот поцелуй на балу у Терри. Этого хватало, чтобы я взревновал, разгневался, пришел в негодование, но так... Уже нечто совсем иное. В тот момент я усвоил урок, который уже не забуду, хотя преподан он мне был слишком поздно, чтобы я как следует сумел им воспользоваться. А именно: если вы впускаете людей в свою жизнь, это не значит, что вы и дальше ими управляете, и у вас нет права считать, что вы можете ими управлять. Пусть Дэмиан начал тот год под моей эгидой, пусть изначально познакомился с людьми через меня, но к концу года он жил среди них, в том мире столь же полноправно, что и я. Это я вытащил его из-под камня на свет, но в конце пути перед ним открывалась такая перспектива, которая для меня составила бы счастье всей жизни. Меня так сжигала ревность, что я был готов кого-нибудь убить.

– Каким-то образом ее родители разузнали о плане. Мне потом думалось, что это Эндрю стукнул мамочке, грозной леди Б. Правда, она сегодня была омерзительна?

– До невозможности!

– Так вот, ей отчаянно хотелось заполучить Серену для Эндрю, и она могла специально вставлять палки в колеса, но этого мы не узнаем никогда.

В тот день Дэмиан и Серена вместе уезжали из Лондона. Я ехала откуда-то из другого места, добралась сюда часов в пять, после всех гостей, и они уже пили чай в гостиной. Тетя Ру, конечно, была очаровательна...

– Почему ее называют тетя Ру?

– Точно не знаю, – задумалась Кандида. – Наверное, из «Винни-Пуха». Помнишь, маму кенгуру звали Кенга, а малыша Ру? – (Я кивнул.) – Когда они в детстве жили в Ирландии, в Берриманте, то играли в такую игру. Ее настоящее имя – Розмари, но в семье она всегда была Ру.

Почему-то мне показалось, что прозвище леди Клермонт лишь укрепило стальные стены той культуры, с которой много лет назад Дэмиан, в своем юношеском невежестве, пытался сразиться.

– Я вошла и увидела, что Дэмиан старается изо всех сил. Даже переигрывает, – продолжала Кандида. – Он улыбался, болтал, хихикал, краснел, суеился, а тетя Ру смеялась и расспрашивала его про Кембридж и прочее, но мне запомнилось, что дядя Пел сидел очень тихий – необычно для него в те дни. И, судя по взгляду, которым на меня посмотрела Серена, она видела, что все идет не так успешно, как считал Дэмиан. Гости, остановившиеся в доме, наблюдали за ним, не особо смеясь и не допуская его к себе. Вторая моя тетя тоже была там, и, пока Дэмиан молот чепуху, тетя Шейла и тетя Ру молча обменивались взглядами двух сестер, и выглядело это неприязненно и подло. Понимаю, что не вполне логично, но я разозлилась на Серену. На них обоих. – Она замолчала, переводя дух после бурных воспоминаний. – Наверное, именно в этот момент я поняла, что ничего не получится. – Кандида остановилась, словно впервые в полной мере осознала эту важную мысль. – Мы все пошли наверх переодеться, я сидела у себя за туалетным столиком и пыталась что-нибудь сделать с волосами. И вдруг вспомнила, что забыла их уложить. Глупо, правда, когда это твой собственный бал? Но ровно в этот момент раздался стук в дверь, и в комнату вошли Ру и Пел. Они уже переоделись, Ру вся в бриллиантах, и все должно было идти легко и весело, но разговор начался тяжелый. Дядя Пел спросил: «Сколько это уже продолжается?» И мы молчали, словно ждали, чтобы кто-нибудь переспросил, о чем он, но, конечно, я все поняла, так что не было смысла притворяться. Тогда я стала защищать Серену и Дэмиана, обоих, понимая, что все это очень смешно и по-детски, словно смотрела на себя их глазами. Дядя Пел никогда не бывал на меня так зол. Я даже никогда не видела, чтобы он вообще злился, но в тот вечер он просто кипел и лопался от гнева. «Она что, хочет сбежать с этим слащавым невежей? – спросил он. – Этим проходимцем с грязными волосами, сомнительным говором, с этим его „премного благодарен“ и в

одежде из „Маркс энд Спенсер“?!» Я этого никогда не забуду. «В одежде из „Маркс энд Спенсер“!»! Тогда я посмотрела на Ру, а она пояснила: «Уотсон распаковывал его вещи». Потом настала ее очередь. Ру сказала: «Мы хотим, чтобы Серена была счастлива. Это все, что нам нужно. Правда». Хотя, конечно, это было не все. «Но понимаешь, мы хотим, чтобы она была счастлива, как мы это понимаем: так, чтобы это было навсегда».

Я сказала, что это навсегда, но сама чувствовала, что похожа на школьницу, этакий персонаж Сандры Ди, которая просит разрешить ей погулять подольше. – Кандида вздохнула. – Боюсь, я ничем им не помогла.

– А что, Дэмиан правда ляпнул: «премного благодарен»?

– Видимо, да. Сразу видно, как он нервничал.

– Бедолага. Это все?

– Что ты! – покачала головой Кандида. – Дядя Пел ярился и грозил пальцем у меня перед носом, как учитель в комедии положений, словно это я виновата. Наверное, он так и считал, потому что это я подстроила, чтобы Дэмиана пригласили в дом. «Скажи Серене, чтобы избавилась от этой пронырливой сволочи! Ему хочется пролезть в общество да отхватить денег. Скажи, чтобы бросила его, а не то я сам им займусь! Этот парень войдет в мой дом только через вход для слуг!»

– Довольно вульгарно для лорда Клермонта, каким я его помню, – не удержался я.

– Ты прав, – кивнула Кандида. – Это словно был не дядя Пел. Мне кажется, он так разозлился, что его внутренний редактор выключился. К чести Ру, она тоже не выдержала и осадил его. Она сказала: «Пел, ну ладно тебе, не дури. Ты прямо как в историческом сериале. Следующим этапом велишь ему убираться с твоей земли». Когда она так сказала, я улыбнулась. Не смогла удержаться. Но Ру восприняла это как брешь в стене и обратилась ко мне самым елейным голосом. «Кандида, мы ничего не имеем против этого молодого человека», – сказала она очень спокойно, но ее спокойствие было губительнее для надежд Серены, чем ярость Пела, и я видела, что это не то состояние, которое развеется к утру. «Честное слово! Он старается быть милым, и мы рады ему как гостю. Но ты должна понять, что о женитьбе не может быть и речи. Вся эта затея просто курьезна, и говорить тут больше не о чем». Ру сделала паузу, видимо ждала, чтобы я кивнула. Я не кивнула, так что она продолжала наседавать: «Придумай, как сказать Серене, что нам эта идея не нравится. Намного лучше, если это будет исходить от тебя. Если мы попытаемся ее переубедить, может случиться непредсказуемый взрыв. Она благоразумная девочка. Я уверена, она увидит справедливость наших слов, когда у нее будет время подумать».

Я спросила тетю Ру, сказать ли мне Серене сегодня, но та покачала головой: «Нет. Не надо портить вечер. Скажи ей завтра или через день, перед тем как уедешь. Когда выдастся спокойная минутка». Она подождала моего ответа, и, наверное, промолчав, я в каком-то смысле согласилась.

– И сказала?

И снова Кандида покачала головой:

– Не потребовалось. В том-то все и дело. Когда мы все прекратили друг на друга шипеть и слышали, что первая партия гостей приехала на ужин, Пел и Ру пошли их встречать. А я так и осталась сидеть перед зеркалом, и мне казалось, будто меня огрели по голове дубиной. И я услышала: «Вот, значит, как!» Я оглянулась – там стоял Дэмиан.

– В твоей комнате?

– Да, – кивнула она, на секунду зажмурившись от этого воспоминания. – Он жил в соседней комнате, а я забыла или не знала. Там была двойная дверь, такие очень любили эдвардианцы: на небольшом расстоянии, пару футов шириной – превосходный звуковой барьер. Пел и Ру громко не кричали, так что я не беспокоилась. Дверь была закрыта, и так как перед ней стояло кресло, я думала, что она заперта, обе заперты, но оказалось, что нет. Наверное, Дэмиан стоял между двумя дверьми, а теперь открыл вторую, которая вела в мою комнату, и вошел. Все это было так ужасно, что я едва могу подобрать слова. По сей день помню, сорок лет прошло, но для меня это до сих пор один из самых ужасных моментов в жизни, а это, уж поверь мне, дорогого стоит. Сначала мы глазели друг на друга, потом наконец я что-то пробормотала, в том смысле, что они не понимают его чувств и не надо их за это ненавидеть. Но Дэмиан покачал головой, хохотнул и сказал: «Ненавидеть? За что мне их ненавидеть? Они меня раскусили». И сперва я его не поняла: Серена ведь убедила меня, что и он по-настоящему ее любит. Мне никак было не поверить, когда он начал говорить, что это неправда и он с самого начала все это подстроил, примеряясь к ее деньгам, и так далее. Я не хотела ему верить, но он так говорил. Серене он сам все сказал, в тот же вечер, так что мне вмешиваться не пришлось. Мы с ней говорили об этом, но лишь однажды. И мне кажется, больше они не виделись, за исключением того омерзительного вечера в Португалии, конечно. За столько лет наверняка сталкивались на каких-то сборищах, но Серена никогда об этом не упоминала. В тот год ни на какие балы Дэмиан больше не ходил. После этого инцидента он как будто решил нас бросить, и не могу сказать, что удивлена.

– Я тоже. Когда он ей рассказал?

– В самом конце. Я уверена, он не хотел портить вечер, но не мог

допустить, чтобы она услышала это от кого-нибудь другого. Наверное, уже тогда он решил уехать наутро как можно раньше. Помню, Дэмиан отвел Серену в гобеленовую гостиную, как раз перед тем, как вечер завершался, но, может быть, я это сама придумала.

– И он сказал ей, что всего лишь собирался пробиться в общество, а ее не любил?

– Полагаю, да. Я имею в виду, так и сказал. Хотя даже сейчас мне кажется, это была не вся правда. Дэмиан мог рассматривать женитьбу на Серене как лестницу в общество, но я уверена, что при этом был искренне влюблен.

– Думаю, правды в этом не было вообще. Если он сказал, что любит ее, значит любил.

Кандида посмотрела на меня удивленно:

– Я думала, он тебе не нравится.

– Я ненавижу его. Да и сейчас ненавижу, правда, чуть меньше, чем раньше. Но это не значит, что я считаю его лжецом, разве что если его будут откровенно провоцировать.

– Это мы знаем, – поморщилась она.

Но я не хотел, чтобы разговор уходил к тому другому, проклятому вечеру. Я хотел продолжать говорить о ночи того бала.

– Он лгал тебе, чтобы спасти лицо. Как ты не заметила? У Серены все равно никогда бы не было больших денег. Если Дэмиан гнался за деньгами, то занялся бы Джоанной Лэнгли.

– Ты считаешь, ему не нужна была светская жена с титулом? – Кандида покраснела.

– Ему на это было наплевать. К тому времени – уже да. Может быть, в начале это его и манило, но не тогда. Дэмиан отвергнул Дагмар Моравскую. Если бы ему захотелось, он получил бы в жены принцессу.

Кандида задумалась:

– Что ж, вынуждена с тобой согласиться, а иначе все португальское приключение не произошло бы. Наверное, годы сделали меня циничнее, чем раньше.

– Бедная Серена... Она решилась пойти против воли родителей и выйти замуж за того, кого искренне любила, и вдруг в один прекрасный вечер все было кончено, и ей ничего не оставалось, как выйти на террасу глотнуть свежего воздуха и вернуться с новыми планами на жизнь.

– Вот как? Ты знаешь больше меня.

– Да, было так. А потом она вернулась и увидела меня в передней комнате, и мы вместе танцевали перед моим уходом.

Я подумал о пустых глазах Серены и о том, как она пробормотала: «Есть в жизни важные вехи». Она могла бы сказать «есть вериги». Было бы тоже правильно.

– Понятно. Ну, может, ты и прав насчет Дэмиана. Надеюсь. Но он все равно за себя отомстил: стал фигурой намного большего масштаба, чем любой из нас. Интересно, думают ли об этом когда-нибудь Пел и Ру.

– Значит, ты тоже к нему была равнодушна?

– К Дэмиану? О да! Я обожала его. У нас с ним немножко было, я тебе рассказывала, но ближе к началу года. Как только Дэмиан сошелся с Сереной, не помню, чтобы он ухаживал еще за кем-то из нашей толпы.

– Только после.

– Ну да, – чуть вспыхнула она. – После. Но ты знаешь, как это бывает в одинокие годы. Пока жизнь не устаканится.

– Можно я задам неприличный вопрос?

– Мне кажется, после такой беседы я едва ли смогу тебе воспрепятствовать, – улыбнулась Кандида.

– Кто был отец Арчи? Я его знал? Он был один из наших? Или кто-то из тех, кого ты встретила, когда все закончилось?

– Трудно сказать.

Ответ показался мне странным.

– Ты сейчас с ним видишься?

– Не знаю. – Наверное, вид у меня был слишком озадаченный, и Кандида рассмеялась. – Это сейчас я старая, уважаемая вдова банкира, но так было не всегда. У каждого есть в жизни времена, которые трудно примирить с настоящим.

– Мне это известно лучше, чем многим, – кивнул я.

И ей это тоже было хорошо известно.

– Дело в том, что я не вполне уверена, кто отец Арчи. В то время я пустилась во все тяжкие. Оправдывала себя тем, что сбилась с пути, или пытаюсь найти себя, или каким-нибудь еще клише из шестидесятых, позволявшим мне делать что хочу, не чувствуя себя виноватой, и пользовалась этой философией на всю катушку. А потом в один прекрасный день проснулась беременной. Все до единого люди в моей адресной книге хотели, чтобы я избавилась от ребенка, – и друзья, и семья, но я не захотела и сейчас ужасно этому рада.

– И ты никогда не пыталась выяснить, кто это был?

– Не видела смысла. Чего бы я добилась? Кто-то начал бы совать нос, куда не просят. Какой-нибудь моральный урод, считавший, что имеет право давить на меня за то, что я выносила его ребенка? В какой-то момент я

думала, это Джордж Тремейн. Потом убедилась, что не он, но только представь себе, каково бы это было, если бы он сидел у меня на кухне и надирался! – (Я скривился.) – Так что – нет. Я решила бороться самостоятельно.

– А как ты убедилась? Что это не Джордж?

Кандида задумалась:

– Услышала, что его жене не удастся забеременеть. Та пухленькая девочка, у которой отец выпускал автомобили. У нее от первого мужа было двое детей, поэтому дело было не в ней. – Она кивнула, удовлетворенная своими выводами. – Так или иначе, рождение Арчи вернуло меня на путь истинный. Дорога была ухабистая, хотя и прямая, и совсем узкая. Но она привела меня к Гарри.

– Счастливая развязка?

– Как мило! – улыбнулась она. – Слышать, что Гарри называют моей счастливой развязкой. Сегодня все, кто произносит его имя, заливаются слезами. Но не правы они, а прав ты. Он был моей счастливой развязкой. А теперь... – Кандида встала и потянулась, – мне точно пора в кровать, а то я сейчас умру.

Я крепко спал и видел сон, в котором действовали Нил Киннок, Джоан Кроуфорд и одна женщина, работавшая у моей матери уборщицей. Ее звали миссис Пойнтер. Мы все пытались устроить пикник на Бичи-Хед, но шерстяной плед все время улетал, и все проливалось, а мы почему-то никак не могли его закрепить. Пока не решили лечь на него и таким образом удержать. И как у нас получилось и что мы делали с едой? Но это было не важно, потому что Джоан вжалась мне в спину, обвила меня рукой за талию, опускаясь ниже, и... сон закончился. Но я не проснулся, потому что хотя еще не рассвело и я уже был не на пикнике, но по-прежнему чувствовал, как тело Джоан прижимается к моему телу, а ее нежная рука обнимает мой напрягшийся член, а потом чей-то голос очень тихо произнес: «Ты спишь?», и он вовсе не был похож на голос Джоан. Ничуть. Он даже был без американского акцента. Я задумался об этом, потому что голос был знакомый, и я чувствовал, что должен его знать, но не узнавал, пока он не произнес мое имя, и вдруг я понял, вне всякого сомнения... это была Серена! Это был голос Серены Белтон, она была здесь, рядом со мной, и ее рука лежала на моем члене. А я все равно не мог поверить, что не сплю, ибо это была мечта всей моей жизни. Не сон ли это во сне, подумал я, когда кажется, что проснулся, а на самом деле нет. И я мог так размышлять еще долго, если бы ее губы не коснулись моей шеи. Я

повернулся, и это была она!

Во плоти. В моих объятиях. В моей постели.

– Это явь? – прошептал я, страшась, что, если заговорю слишком громко, мираж задрожит и рассеется.

Только начинало светать, и мягкий тусклый свет потихоньку проползал через складки занавесок, освещая комнату ровно настолько, чтобы я мог различить Серену, ее сияние, ее божественную голову на подушке рядом с моей.

– Если хочешь, чтобы это было явью, то это явь.

– Ты завела привычку по ночам залезать в комнаты к мужчинам? – улыбнулся я.

– Только когда они в меня влюблены, – ответила она.

– Но почему? – Я все никак не мог принять этот дар небес. – Я же знаю, что ты меня не любишь. Мы только вчера долго об этом говорили. – Больше всего на свете я не хотел ее отпугнуть, но мне нужно было понять.

– Я влюбилась в твою любовь, – сказала Серена. – Не стану лгать, что разделяю ее, и даже когда мы были молоды, меня она разве что забавляла. Но годы шли, и случались разные беды, а я всегда знала, что в мире есть по крайней мере один человек, который меня любит. И это был ты. Твое появление мне об этом напомнило.

– Для этого ты меня сюда позвала?

– Ты помогаешь мне чувствовать себя в безопасности. Когда мы встретились в Йоркшире, я была рада тебя видеть именно поэтому. В твоей любви мне спокойно и надежно. Жаль, что мы так ненадолго увиделись. Не знаю, почему мы исчезли из жизни друг друга.

– Я считал, это из-за слов Дэмиана.

Она покачала головой:

– Я знала, что все это ерунда. Еще тогда знала, а со временем лишь укрепилась в своей уверенности. Он страдал, только и всего.

– К концу того обеда я тоже страдал. – Никогда не мог себе представить, что настанет день, когда я буду в состоянии находить в этом повод для юмора.

Серена погладила меня по волосам.

– Надо было тебе остаться. Вам обоим надо было остаться, и мы вместе потом посмеялись бы.

– Я не мог.

Она не спорила, и мы ушли от горьких воспоминаний и вернулись к восхитительному настоящему. Внезапно осознание того, что теперь я волен дотронуться до нее, пронзило меня, как ребенка, который наконец

разрешил себе поверить, что сегодня и правда утро Рождества. Я очертил пальцем края ее губ.

Она нежно поцеловала мою руку:

– Ты можешь этого не знать, но ты прошел со мной самые темные времена и должен быть за это вознагражден. – С этими словами Серена придвинулась ко мне, коснулась моих губ своими, и мы, вот уж воистину, стали заниматься любовью.

Сколько раз в моей жизни эти слова не были точным описанием действия, которое ими называлось, но в этом случае они были истинны, как Писание. То, чем мы занимались в постели в то благословенное утро, была любовь. Чистая любовь. Страсть несколько не уменьшало то, что женщина в моих руках была матроной пятидесяти с лишним лет, а не стройной девушкой, которую я жаждал много лет назад. Это наконец была Серена. Я держал ее в объятиях и пусть только сейчас, единственный раз, принадлежал ей. Я пришел в результате к моей выстраданной цели. И хотя был так раскален ее присутствием, что боялся взорваться, если только прикоснусь еще раз, но, когда вошел в нее, ощущение, наполнившее меня жарким светом, как горячая лава, было не просто сексуальным возбуждением, а абсолютным счастьем. Я редко бываю сентиментальным, но в то мгновение, когда я оказался внутри Серены, почувствовал, как меня охватывает ее тело, в первый и, скорее всего, в последний раз в моей жизни, после сорока лет ожидания. Это был счастливейший момент, который мне довелось пережить, высшая точка моего существования, и вряд ли до тех пор, когда меня позовет могила, мне суждено испытать нечто подобное.

Лавры умелого любовника никогда меня не прельщали. Полагаю, что я не лучше и не хуже большинства мужчин, но если я когда и показал все, на что способен, то это было в тот день. Мне бы стоило стыдиться, но мне не было стыдно. Ее мужу досталась в подарок вся ее взрослая жизнь целиком, и он так и не понял ценности этого подарка. Но я эту ценность знал и чувствовал, что заслужил свой час и не навлеку на себя гнев множества богов. С радостью и облегчением могу сказать, что мое усталое, жирное, дряблое тело было на высоте, когда ему выпал шанс оказаться в раю. Никогда больше я не был так самозабвенно погружен в происходящее, забыв обо всем остальном на свете. В это время у меня не было ни будущего, ни прошлого, только Серена. Мы трижды сливались в экстазе, и потом она тихонько исчезла, а я лежал и смотрел вверх, на собранный складками шелковый балдахин над головой, и знал: я теперь другой человек, не тот, что ложился спать. Я занимался любовью с женщиной, в

которую глубоко и беззаветно влюблен. Женщина, которой принадлежало мое сердце, открыла свое тело всему мне. Не уготовано для нас большей радости. Не на этой земле. Вспоминая слова Кандиды, после одного этого эпизода, одного этого часа за многие годы жизни, после того, как я познал подлинное, ничем не ограниченное блаженство, я больше никогда не буду грустен. Я думал так в тот момент, думаю так и сейчас и преисполняюсь благодарности. Если к этому привело меня расследование Дэмиана, я получил вознаграждение сполна, и намного больше, чем заслуживает любой смертный.

Португалия и после

Глава 15

Так получилось, что роковое приглашение в Португалию пришло мне совершенно неожиданно. В один прекрасный день в квартире моих родителей раздался телефонный звонок – я до сих пор жил там, за неимением выбора, – и когда я ответил, знакомый голос попросил к телефону меня, назвав по имени.

– Это я.

– Как все просто! Я думала, придется разыскивать тебя по десяти адресам. – Это была Кандида. Кандида Финч.

– Привет. – Мы никогда не были особо дружны, так что я не смог сдержать недоумения в голосе.

– Ты удивляешься, почему я звоню? А звоню я с приглашением. Как ты думаешь, смогу я соблазнить тебя в конце июля поехать с нашей компанией на пару недель в Эшторил? Один мой старый приятель нашел работу в Лиссабоне, в банке, что ли, и ему предоставили огромную виллу, в которую ему некого поселить. Он говорит, нам надо только добраться туда и можно жить, сколько пожелаем, бесплатно. Я и подумала: может, устроим нечто вроде встречи выпуска шестьдесят восьмого года, пока мы все не забыли друг друга в лицо? Что скажешь?

Мое недоумение нисколько не уменьшилось. Я не замечал, чтобы ходил у Кандиды в любимчиках, пока шел сезон, да и почему именно меня надо выбрать для закрытой встречи?

После окончания сезона я редко видел Кандиду Финч, и к моменту звонка прошло почти два года с тех событий. Это было начало лета семидесятого года, мое время как партнера по танцам уже давно миновало. В июне я окончил Кембридж с вполне респектабельным, хотя и не блестящим дипломом, и меня уже манила рискованная карьера писателя. Или не слишком манила, потому что я быстро понял, что пытаюсь пробиться сквозь крепкую кирпичную стену. Отец отнесся к моему плану без враждебности, как только справился с разочарованием, что я не собираюсь заняться ничем приличным, но отказался поддерживать меня финансово.

– Если из этого ничего не получится, мой мальчик, лучше мы узнаем об этом раньше, чем позже, – беззлобно сказал он. Это был своего рода вызов.

Со временем я нашел работу старшего курьера в издательстве,

выпускающем детские журналы, приступать надо было в сентябре, и платить мне должны были неплохое жалованье, вполне достаточное для безбедного существования простого йоркширского терьера. Но я там проработал три года, добравшись до младшей редакторской должности, и как-то умудрялся сводить концы с концами. Мама немножко жульничала, как любая мама на ее месте: подсовывала мне деньги, оплачивала одежду, забирала мои счета за бензин и ремонт машины, но и она не могла мне предоставлять регулярное содержание – это было бы нечестно по отношению к отцу. Скажем так: в тот период моего земного существования я жил, я справлялся, но это была жизнь без изысков и излишеств. И эта суровая реальность была уготована мне до конца того лета, поэтому предложение Кандиды становилось довольно заманчивым.

– Спасибо тебе огромное. А кто еще едет? – Произнеся это, я понял, что уже обязан согласиться, потому что нельзя спросить, кто еще в числе приглашенных, а потом отказаться. Сразу покажется, что я мог бы и согласиться, если бы гости были повыше рангом.

Кандида это поняла:

– Думаю, будет весело. С нами Дагмар, Люси, братья Тремейны.

От Тремейнов я был не слишком в восторге, но и не ненавидел, а первые две были мне решительно симпатичны, так что идея становилась еще привлекательней. Я понимал, что в тот год у меня больше не было ни малейшего шанса на нормальный отпуск, пока я не начал, как мне нравилось говорить, свою «карьеру».

– Я нашла один чартер, где они чуть ли не тебе приплачивают, так что билеты обойдутся, считай, даром. Так я точно тебя записываю?

Мне неловко это говорить, но последний аргумент все решил. Я был уверен, что смогу упротребить мою дорогую мамочку спонсировать дешевый билет, так что мне потребуются лишь деньги на карманные расходы и пара чистых рубашек – и у меня десять дней понежиться под солнцем. Радовала мысль увидеть Люси, и Дагмар, и даже, в общем, Кандиду, с которыми я давно уже не встречался.

– Да, я с вами! – ответил я.

– Отлично! Я забронирую билеты, все бумажки пришлю. Да, вот что... – Она умолкла, словно подыскивая слова. – У нас маловато мужчин. Многие уже начали работать, и им трудно выбраться без предварительного уведомления. Я уже позвала, кого могла.

– О чем говорит включение в список Тремейнов.

– Какой ты злой! Джордж-то вполне ничего!

Я мимоходом отметил, что у лорда Джорджа, возможно, какие-то виды

на Кандиду, но не мог понять, зачем она ему.

– Но если еду я, разве нас не получается трое на трое?

Кандида явно подсчетов не сделала, и моя фраза ее слегка озадачила.

– Да, наверное, получается... – замялась она.

Мне показалось, что я услышал, как она кряхтит, и решил ей помочь:

– Но ты хочешь взять еще кого-нибудь про запас, на случай если кто-нибудь отвалится.

– Верно. Терпеть не могу, когда девушек больше, чем парней.

– Может быть, Сэм Хоар?

– Работает.

– Филип Ронсли-Прайс?

– Фу! – Кандида засмеялась и снова стала заходить на тему: – Знаешь, я хотела спросить, может быть, ты попросишь, ну, этого, как его, Дэмиана Бакстера? Твоего кембриджского приятеля, который приходил на все балы. – Тщательная невозмутимость фразы подсказывала, что это давно запланированная часть общего плана. Я сразу не ответил, и Кандида начала снова: – Конечно, если это трудно, то...

– Нет-нет! – Я не имел тогда ничего против Дэмиана. Ему больше меня повезло с Сереной, и мне это было отвратительно. Но в то время я только это и знал. Худшее, в чем я мог его обвинить, – это что он флиртовал с Сереной. И главное, ни он, ни я в конце концов ее не добились. К общему ужасу, в апреле прошлого года она вышла замуж за Эндрю Саммерсби, а на следующий год в марте, за три месяца до этого разговора, родила дочь. Иными словами, бесконечно от нас отделилась. – Ладно, попробую, – ответил я.

– Ты считаешь, что он не согласится?

– Не знаю. Он так резко выпал из сезона, что, возможно, там было дело принципа.

– Вы это не обсуждали?

– Мы ничего не обсуждали. После твоего бала я толком и не видел его.

– Но вы же не ссорились?

– Нет, просто не виделись.

– Ну, меня ты тоже не видел, и мы не ссорились.

Не знаю, почему я так сопротивлялся.

– Ладно. Убедила. Я попробую. Не уверен, что телефон у него тот же, но постараюсь его отыскать.

– Великолепно! Спасибо! – повеселела Кандида. – Скажи мне, что он тебе ответит, и будем действовать дальше соответственно.

До распространения мобильных телефонов жизнь была сложнее. Как

только человек переезжал, вы теряли его, хотя надеялись, что только временно. Автоответчиков тоже не было, поэтому если человек ушел, то он ушел. Но как-то мы все же справлялись. Посмотрев в свою старую телефонную книжку, я увидел, что у меня до сих пор сохранился телефон родителей Дэмиана, и они охотно предоставили мне новый телефон его лондонской квартиры, в которую он только что переехал.

– Я потрясен! – признался я. И говорил это искренне.

– Мы тоже. – Я слышал, что его мать улыбается. – В гору у него дела пошли-то, у нашего Дэмиана!

То же самое я повторил и Дэмиану, когда он подошел к телефону.

– Я снимаю квартиру на пару с приятелем, в дальнем конце Воксхолла, если, конечно, есть какой-то «ближний» конец. И до «бизнесмена года» мне еще самую капельку далековато.

– Мне все равно это представляется серьезным достижением. Ты уже нашел работу?

– Я договорился о месте, когда еще доучивался в Кембридже. – Дэмиан назвал один головокружительно знаменитый американский банк. – Они набирали персонал... Ну и взяли меня. – (Я проникся благоговением. Одну истину я усвоил навсегда: тот, кто добирается до вершин, начинает, как правило, тоже высоко.) – В конце августа приступаю, – добавил он.

– И я тогда же, но не в таком блестящем месте. – Я рассказал про свою скромную работу мальчиком для битья в редакции журнала.

Мы замолчали. Видимо, для обоих этот разговор подчеркнул, насколько мы, еще за время учебы в университете, отошли друг от друга. Дэмиан не только вышел из сезона, он вышел из моей жизни, и до этого разговора я, кажется, в полной мере это не осознавал.

Я рассказал ему о причине своего звонка.

– Не знаю, – без энтузиазма ответил Дэмиан.

– Я сказал Кандиде, что тебе, наверное, с нами надоело.

– Кандида мне всегда нравилась.

Это меня немало удивило. Раньше я не замечал, чтобы они дружили, но, с другой стороны, много ли я замечал? Но я не смог удержаться от мысли, что, если Кандида знает, что ее помнят, почему ей было не позвонить ему напрямую, вместо того чтобы приставать ко мне?

– Ну ладно, – сказал Дэмиан. – Почему бы и нет? После того как я заплатил задаток за квартиру и купил одежду, чтобы ходить на работу, у меня не осталось ни пенни, так что в этом году все равно никакого другого отпуска не предвидится.

– В точности все как у меня. – Я слегка удивился, что он согласился,

но в целом, пожалуй, был доволен. Эта поездка предлагала нам возможность забыть несколько странное окончание нашей дружбы и давала шанс после этого лета продолжить двигаться каждый своей дорогой, но более мирно.

– Ты ходил на свадьбу?

Я ждал, сколько времени пройдет, пока он задаст этот вопрос.

– Да.

– А я нет.

– Знаю.

– Меня приглашали. – Ему было важно сообщить мне, что его отсутствие – это его собственный выбор. – Ты видел ребенка?

– Один раз. Копия Эндрю.

– Повезло девочке! – насмешливо фыркнул Дэмиан, пытаясь обратить в шутку боль, которую мы оба, не подавая вида, испытывали. – Ну хорошо. Пришли мне всю информацию, когда она у тебя будет, и увидимся на солнышке.

На этом разговор закончился.

Вилла оказалась на побережье, между Эшторилом и Кашкайшем. Сейчас оно застроено гораздо больше, но тогда, тридцать восемь лет назад, с террасы вниз были видны только скалы, спускавшиеся прямо к широкому, роскошному пляжу с песком и уходящие дальше, в море. Ни о чем другом нельзя было и мечтать. Этот дом и два-три таких же выстроились вдоль берега в 1950-х годах, во времена, когда плановой застройки еще не существовало. Они состояли из большой жилой комнаты – трудно было назвать ее гостиной, хотя она и уставлена была ротанговой мебелью – и столовой, она же холл, во всю переднюю стену. Дальше шли кухни, куда попасть было непросто: там всегда толпилось множество деловитых португальских женщин, которые смотрели на нас строго всякий раз, как мы к ним входили. Спальни располагались на двух этажах, первом и втором, в длинном крыле, сзади отходившем под прямым углом от основной части дома. У каждой комнаты имелась своя ванная и высокие французские окна. Наверху они выходили на балкон, с которого вниз вела наружная лестница, а на первом этаже – на широкую террасу с балюстрадой, откуда открывался вид на море.

Нашим хозяином был добродушный и умный парень Джон Далримпл, немножко не от мира сего, позднее он играл какую-то роль в правительстве Тэтчер, но не знаю, какую точно. Учитывая его прямолинейность, девушка у него была несколько неподходящая – невротичная американская блондинка с насморком, постоянно жаловавшаяся на больное горло. Ее

звали Алики, что, видимо, было сокращенным от Александры. Помню ее лучше, чем мог бы, потому что на моей памяти это был первый человек, постоянно тревожащийся, что правительство подмешивает нам в еду яд и что весь мир вот-вот взорвется. Мы считали ее психопаткой высшей пробы, но сейчас мне кажется, она в каком-то смысле обогнала свое время. Это Алики решила, что по соображениям безопасности, хотя в те время мало кто мыслил такими категориями, девочки будут спать наверху, а мальчики – внизу, так что нам достались французские окна, выходящие на террасу с восхитительным видом на море. Моя спальня находилась в дальнем конце крыла. Светлый кафельный пол, плетеная мебель, белые покрывала и занавески вкупе со свежим запахом моря создавали знакомое ощущение летнего жилья. Удивительно, почему все попытки воспроизвести подобную комнату в Англии неизменно проваливаются. Может быть, под северным светом все исчезает.

Я летел на одном самолете с Кандидой, Дагмар и Люси, но Дэмиан, как оказалось, прибыл отдельно. Когда мы приехали, он уже переодевался у себя в комнате, и мы последовали его примеру. Тремейны отдыхали в Париже и проехали на машине через всю Испанию, чтобы продолжить отпуск бесплатно. Они тоже восстанавливали силы, и вся компания наконец собралась на террасе только через час-два. Девушки, одетые в восхитительные летние цвета, я в своем заурядном, типичном для англичанина летнем неофициальном наряде, в котором мы выглядим так, словно нам не терпится влезть обратно в костюм, что можно сказать о большинстве из нас. И это было очень славное начало отпуска. Джон распорядился принести всем по бокалу шампанского, а сам стал рассказывать план на первый вечер. План состоял в том, что мы все прыгаем в машины и едем вдоль берега смотреть руины замка мавров в Синтре, недалеко от нас, и там обедаем на природе. В качестве первого приключения поездка показалась нам весьма подходящей.

Синтра – магическое место, по крайней мере, было тогда. С тех пор я его больше не видел. В XIX веке взбалмошный король Браганса построил на вершине холма огромный замок с башнями, больше подходящий владениям графа Дракулы, чем конституционной монархии, а за ним, придавая месту еще более своеобразный и необычный вид и оттеняя диснеевское очарование Королевского дворца, тянулись с холма на холм длинные полуразрушенные стены неприступной мавританской твердыни, оставленной отступающими войсками в Средние века. В этот летний вечер оба памятника двум забытым империям очень кинематографично вырисовывались на фоне садящегося солнца.

С момента нашего приезда я понял, что Джону Далримплу очень скучно на новом месте работы, но трудно было сказать, виной тому банк или – что более вероятно – его выбор дамы сердца. Так или иначе, он ликовал, что ему выпала возможность принимать гостей. Они с Кандидой, судя по всему, были знакомы довольно давно, хотя не как любовники, а как друзья. Уже по первому пункту нашей программы стало понятно, что все прекрасно организовано. Стол поставили под стенами замка между какими-то деревьями – возможно, оливковыми? Запомнились они мне искривленными и чахлыми – трудно цепляться за жизнь в этой сухой, как пыль, почве. На почти голых ветвях мы развесили фонарики со свечками, внизу разложили подстилки и подушки, отчего пикник стал походить на пир арабского султана. Взяв напитки, мы пошли гулять к подножию руин, куда многие века скатывались случайные камни. Тремейны стали немного получше по сравнению с тем, какими я их помнил. Их ждала карьера в Сити, которая выстроилась как по волшебству, из ничего, стараниями друзей их отца. Тремейны увивались вокруг Дагмар, Люси беседовала с Алики и Джоном.

Чуть поодаль под руку с Кандидой прогуливался Дэмиан. Глянув на них украдкой, я с упавшим сердцем заметил, что у Кандиды начинает проявляться ее пугающая, уродливая манера флиртовать. Дэмиан сделал какое-то невинное замечание, которое было встречено ее громовым хохотом, отчего все подняли голову и увидели, как она закатывает глаза, считая, что это загадочная и привлекательная манера. Как обычно, когда дело доходило до флирта, вкус ей отказывал. Дэмиан начал бросать на всех красноречивые взгляды, ища пути к отступлению. Но все равно было очень мирно, как бывает, когда окажешься в правильное время в правильном месте. Но еще до конца пикника это ощущение обернулось горькой иронией. В этот момент зазвонил колокольчик, извещая, что можно приступать к первому блюду, и мы переместились к столу, а потом, нагруженные тарелками, бокалами и всем, что полагается, пошли к подушкам. Люси опустилась рядом со мной.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросил я.

О многих девушках я почти ничего не слышал, а о Люси не знал вообще ничего.

Она перестала жевать и дернула краем рта:

– Помогаю одной знакомой держать галерею в Фулеме.

– Что в ней выставляют?

– Да так... Разное. – (Я бы не сказал, судя по формулировке, что ответ показывал глубокую преданность своему делу.) – Наш следующий проект –

запустить выставку одного польского парня. Для меня его картины выглядят так, словно он повесил холст в гараже и швырял в него банки с краской, но Коринна говорит, что смысл гораздо сложнее и что это связано с гневом автора по отношению к коммунизму. – Люси слегка пожала плечами. Я заметил, что одежда на ней более хипповская, чем раньше: индейская рубашка с потертым вышитым жилетом, а поверх джинсов стекали платки, или накидки, или нечто подобное, в несколько слоев, так что трудно было понять, брюки на ней или юбка. Видимо, то и другое. – А ты? – (Я рассказал об ожидающей меня унылой работе.) – Тебе повезло. Знаешь, чего хочешь.

– Не уверен, что мой папа с тобой согласился бы.

– Я серьезно. Мне бы знать, чего я хочу! Думала, поеду попутешествую, но даже не знаю... – Она потянулась и зевнула. – Все пустая суета.

– Зависит от того, чего ты хочешь от жизни в целом.

– То-то и оно. Я точно не знаю. Только не какого-нибудь скучного мужа, который будет ездить в Сити и обратно, пока я даю обеды, а в пятницу утром отправляюсь в деревню принимать гостей.

Люси говорила так, как говорят все люди, когда делают подобные заявления: так, словно ее невысокое мнение о жизни, ею обрисованной, общепринято среди здравомыслящих людей. На самом деле женщинам, подобным Люси, наоборот, трудно вести иную жизнь, слишком отличную от только что описанной. Они могут воспроизводить ее хиппи-версию, со свисающими с кухонного потолка пучками трав, с неубранными постелями и богемными друзьями, без приглашения заявляющимися на выходные. Но между таким образом жизни и установками их более традиционалистски настроенных сестер, которые встречают своих гостей с заранее согласованных поездов, заставляют их переодеваться к обеду и ходить в церковь, – разница минимальна. Помимо всего прочего, гости тех и других обычно связаны кровными узами. Но Люси еще не закончила:

– Я просто хочу чего-нибудь другого, жить как-то по-другому. Наверное, я последователь председателя Мао. Хочу жить в состоянии перманентной революции.

– Это не для меня. – К нам присоединилась Дагмар, усевшаяся на лежащую рядом узорчатую подушку. Она натянула коврик себе на колени и только потом приступила к еде. Ночь начинала намекать, что тепло будет не всегда. – На самом деле я не согласна с твоим определением судьбы, которой следует непременно избежать. Я готова по пятницам ездить в деревню принимать гостей. Но кроме этого, хочу что-то сделать в мире

сама. Что-то полезное. Я не хочу быть просто женой, я хочу быть личностью.

Отсюда можно заключить, что философия шестидесятых начала набирать обороты в последние годы десятилетия и они оказали свое влияние на принцессу с Балкан. Она подхватила классическое заболевание эпохи: потребность постоянно занимать высокую моральную позицию. В качестве философии это может быть утомительно, когда каждая звезда сериалов и каждый диктор телевидения должны доказывать, что тревожит их лишь благо окружающих. Но здесь, в эту португальскую ночь, я не видел в том большого вреда.

– Что-о?! – в притворном изумлении переспросил я. – Принцесса из дома Людингаузен-Анхальт-Цербст ищет нормальную работу?

– В том-то и дело, – вздохнула Дагмар. – Мама не хочет, чтобы я работала, но я начала кое-что делать для благотворительных организаций, против чего даже она возразить не может, и надеюсь пойти дальше. А когда появится мой мужчина – я же надеюсь на это, – он наверняка не будет против, чтобы у меня была собственная личность, иначе я просто не выйду за него замуж. Не хочу быть молчаливой женой. – Она была довольно молчаливой дебютанткой, так что я был тронут, слушая ее. – Хочу ощущать себя... да, пусть будет так, как я уже сказала: полезной.

И тут, к своему удивлению, я заметил, что, описывая этот сценарий, состоящий из современных представлений, Дагмар следила глазами за Дэмианом. Тому удалось сбегать Кандиду нашим хозяевам, Джону и Алики, отойти от которых ей не позволяли хорошие манеры, а сам тем временем пошел к столу под деревья взять еще еды. Нагрузив полную тарелку, он повернулся, оглядывая компанию, и в этот момент Дагмар и Люси одновременно помахали ему. Он увидел нас и подошел, и нас стало четверо.

– Мы обсуждаем наше будущее, – сказал я. – Люси хочет стать хулиганкой, а Дагмар – миссионеркой. А ты?

– Я просто хочу, чтобы моя жизнь была идеальной.

– А что делает ее идеальной? – робко спросила Дагмар.

– Сейчас подумаю... Во-первых, деньги. Я собираюсь заработать много денег.

– Прекрасно! – слаженным хором ответили мы все, причем совершенно искренне.

– Потом, идеальная женщина, которая любит меня, а я люблю ее, и вместе мы родим идеального ребенка, и начнем жить вдоволь, и станем предметом зависти для каждого, кто будет нас видеть.

– Ты не так много хочешь, – заметил я.

– Я хочу лишь то, что мне причитается.

Помню эту фразу очень четко. И хотя множество людей произносят это в шутку, очень немногие в такие слова искренне верят. В данном случае время подтвердило его притязания.

– Что составляет идеальную женщину? – Это снова спросила Дагмар.

– Красота и ум, конечно, – поразмыслив, ответил Дэмиан.

– А происхождение? – Меня удивило, что об этом спрашивала Люси.

– Происхождение – настолько, насколько оно даст женщине изящество, грацию, утонченность и понимание мира. Но происхождение не должно ее ограничивать. Не должно подавлять. Она не должна позволять своим родителям или покойным предкам диктовать ей, что говорить и как поступать. Она должна быть свободной и, если необходимо, расстаться со всеми до единого людьми, которых любила до меня, и остаться верной мне.

– Не могу понять, что в этом контексте означает «верной», – задумчиво произнес я, но мой вопрос никого не интересовал.

Две девушки, обе, судя по разговору, претендующие на свободное место в душе Дэмиана, задумались над его словами.

– Безусловно, должна, если чего-то хочет, – сказала Люси, сразу добившись преимущества.

– Трудно отбросить все, что для тебя важно, – возразила Дагмар, но все же уступила: – Я имею в виду, если считаешь это важным. – (Дэмиан неопределенно кивнул, словно разрешая ей продолжать.) – И трудно отказаться от людей, которых любишь, от людей, которые, может быть, заслуживают твоей любви. Твоя идеальная женщина, будет ли она честна перед самой собой, если полностью оторвется от своих корней?

– Я прошу многого, – задумчиво проговорил он. Судя по ответу, Дэмиан отнесся к словам Дагмар с уважением, и Люси, таким образом, теряла инициативу. – И не оправдываю своих требований. Возможно, они необоснованны. Но я говорю о том, что мне нужно знать, способна ли она на это, если потребуется.

Тогда Дагмар сказала:

– Думаю, она могла бы, если придется, но я лишь хочу заметить, что это будет нелегко.

– Я и не говорил, что это просто.

Разумеется, в тот момент я не уловил всего смысла, не зная многого из того, что происходило в течение сезона два года тому назад, но с тех пор я узнал, что этот диалог предварял последнюю ночь, когда Дагмар еще мечтала стать избранницей Дэмиана. Надеюсь, ей в эту ночь было хорошо.

Следующие пару дней мы ничего не делали. Вставали поздно, купались, ели за длинными столами, выставленными на террасе под зонтиками, и ходили гулять в деревню. В сущности, занимались тем, что такие люди, как мы, умеют лучше всего: пользовались чужими деньгами. Но в следующий понедельник, 27 июля, если быть точным, мы проснулись и услышали пугающую новость: Антониу ди Оливейра Салазар, бывший премьер-министр Португалии, основатель «Эстадо ново» – последнего, наряду с Испанией, фашистского государства в Западной Европе, – скончался ночью в возрасте восьмидесяти одного года.

– Невероятно... – проговорил я, когда все собирались на террасе к завтраку, разбирали горы фруктов, выставленных нам на радость, наливали кофе, мазали маслом тосты. Я думал, что мое заявление заставит всех замолчать. Но ошибся.

– Почему? – спросил Джордж Тремейн.

– Потому что умер последний из диктаторов, задававших тон середине века, воевавших, изменивших мир. Гитлер, Сталин, Муссолини, Примо де Ривера...

– Франко еще жив, – заметил Ричард Тремейн. – Так что это он будет последним.

Что, конечно, было справедливо.

– И тем не менее удивительно, что мы оказались в Португалии, рядом с Лиссабоном, когда этого человека не стало, – не сдавался я. – В газетах пишут, его тело будет несколько дней выставлено в Лиссабонском соборе. Надо съездить, встать в очередь.

– Чтобы что? – спросил Джордж.

– Пройти мимо тела. Исторический момент!

Я повернулся за поддержкой к Дэмиану, но он как раз наливал себе в мюсли молоко.

Не знаю, что это говорит о разнице между полами, но поехали все девушки и никто из юношей, кроме меня. Подходящей одежды, конечно, ни у кого не было, и они одолжили черные юбки, платки и мантильи у суровых женщин на кухне. Но поехали все, включая Алики, невзирая на непрекращающиеся на протяжении всего нашего паломничества жалобы о том, что у нее распухло горло и больно глотать, что к тому моменту нам уже порядком поднадоело.

Правда, преимущество того, что с нами была Алики, состояло в том, что она умела очень строго обращаться с водителем, которого предоставлял Джону банк. Водитель высадил нас на краю огромной площади перед собором, и Алики четко проинструктировала его, где ждать. Нет, она не

имеет ни малейшего представления, сколько времени это займет. В удлинняющихся тенях клонившегося к вечеру дня мы заняли место в бесконечной шаркающей очереди из угрюмых мужчин и рыдающих женщин. Помимо прочего, на меня произвела большое впечатление людская скорбь. Я привык думать, что Салазар – последний из подлых стариканов, что погрузили Европу в кровавый хаос, а здесь мы видели широкий срез всего португальского общества, от дворян до крестьян – последние больше всех имели основания быть недовольными его правлением, – и все открыто оплакивали его уход. Видимо, от привычек всегда тяжело отказываться.

– Кандида? – Голос прорезал меня насквозь, как нож для бекона. Этот голос я знал как свой собственный, не оборачиваясь, и не мог поверить, что слышу его в этой древней морской столице так далеко от дома. – Кандида, что ты здесь делаешь?! – При этих словах мы все повернулись поздороваться с Сереной, которая шла к нам через площадь, волоча за собой измученную от жары леди Клермонт и вслед за ней – ненавистную леди Белтон. В их компании мужчины тоже не интересовались политикой. Увидев нас всех, Серена вскрикнула: – О боже! Что это? Глазам своим не верю! Откуда вы все здесь взялись?

Мы принялись объяснять, и выяснилось, что по невероятному стечению обстоятельств ее родители сняли другую виллу неподалеку от нашей, пригласили родителей Эндрю, что приехали они накануне и остаются на неделю и... разве это не удивительно?

Едва ли мне нужно говорить, что это вовсе не было удивительно. Отнюдь. Даже не было совпадением. Как я узнал позднее, и то лишь потому, что через три-четыре года случайно встретил на скачках Джорджа Тремейна, план возник в голове у Серены, которой хотелось еще раз повидаться с Дэмианом. Даже когда Джордж меня просветил, я не понял, зачем Серене это было надо, но сейчас, конечно, понимаю. Так или иначе, она серьезно взялась за дело. Джон действительно уже давно просил Кандиду привезти друзей погостить, и они вдвоем решили, что если Кандида сможет заманить Дэмиана в поездку, то Серена и Эндрю «случайно» снимут виллу по соседству. Дэмиан наверняка бы не поехал, если бы в компании оказалась Серена, так же как отказался бы ехать и Эндрю, если бы там был Дэмиан, так что нужна была хитрость. Сбой в плане случился тогда, когда родители Серены несколько подозрительно заявили, что берут на себя расходы по поездке и присоединяются. Отказаться от такого предложения Серене не позволил бы Эндрю, поскольку это была существенная экономия. Последним штрихом стало то,

что леди Белтон тоже захотела поехать, вместе со своим недалеким мужем: она была рада представившемуся случаю поближе познакомиться с Клермонтами. Я так и не узнал, что должно было произойти, если бы Дэмиан отказался от моего предложения. Видимо, все бы отменилось. Но в то время я ни о чем не подозревал. Случайная встреча показалась мне действительно случайной, посланным небесами чудом, что Серена Грешэм – прошу прощения, Серена Саммерсби – стоит на выжженной солнцем южной площади, в таких же позаимствованных у кого-то черных одеждах не по мерке, и так же, как я, ждет своей очереди почтить память мертвого тирана. Я позволил себе изумленно ее разглядывать.

– Как ты? – спросил я.

– Умоталась до смерти. Мой тебе совет: не путешествуй в одной компании со своими родителями, родителями мужа и своим двухмесячным ребенком.

– Я запомню. – (Серена почти не изменилась. Трудно было поверить, что девушка моей мечты стала женой и матерью.) – Как вообще дела?

Она украдкой обернулась на леди Белтон, но старая калоша отчитывала какого-то туриста, который пытался завести разговор, и слишком наслаждалась процессом, чтобы замечать нас.

– Нормально. – Но, почувствовав, что ее ответ не слишком сочетался с образом «мечты любви молодой», улыбнулась: – У меня теперь ужасно взрослая жизнь. Ты не поверишь, что это я. Днями напролет то разговариваю с водопроводчиками и слежу, чтобы все было в порядке, то спрашиваю Эндрю, не забыл ли он уплатить налог с продаж...

– Но ты счастлива?

Я рисковал, задавая этот вопрос, и нам с ней не нужно было смотреть друг другу в глаза, чтобы понять это.

– Конечно счастлива, – ответила она.

– А где Эндрю?

– Остался на вилле, – пожала плечами Серена. – Говорит, история его не интересует.

– Это не наука история. Это сама история в процессе развития.

– Что я тебе могу сказать? Ему неинтересно.

Вызвав гнев людей, стоящих в очереди позади нас, мы пустили к себе Серену, ее мать и свекровь и по ступеням собора двигались уже вместе. Оттуда мы вошли в прохладный полумрак грандиозного храма, где звуки рыданий слышались громче и, эхом отражаясь от проходов и галерей, приобретали причудливое потустороннее звучание. Горе есть горе, заслуживает его покойный или нет. Наконец мы прошли мимо гроба.

Голова усопшего была покрыта чем-то вроде шарфа, а руки, восковые, застывшие, сжатые, словно в молитве, лежали на груди.

– Интересно, как их скрепляют? – спросила Серена. – Как ты думаешь, у них есть какой-нибудь специальный инструмент?

Я рассматривал тело. Покойник, как, видимо, все диктаторы после смерти, был одет в довольно скверный и несолидный костюм, словно от «Бертон тейлоринг».

– Никак не могу привыкнуть, – прошептал я, – что как только люди умирают, они выглядят так, будто мертвы уже тысячу лет. Словно никогда и не жили.

– Одного этого достаточно, чтобы поверить в Бога, – кивнула Серена.

Когда мы вновь оказались на улице, у нас появился план. Клермонты, Белтоны и Саммерсби едут домой переодеться и через пару часов приедут на ужин к нам на виллу. Воодушевленные этим приятным сценарием, мы разошлись по машинам.

Сейчас мне кажется, что некоторая часть вины за все, что произошло позже, лежит на мне. По какой-то причине, которую объяснить не могу, я не сказал Дэмиану, что мы столкнулись с Сереной. В свою защиту могу сказать только, что я почти ничего не знал о том, как они расстались. Видел один поцелуй и искренне полагал, будто больше ничего и не было. Но если даже и так, все равно мое поведение кажется странным. Я не собирался умолчать о нашей встрече сознательно, просто Дэмиана нигде не было, когда мы вернулись. Люси сказала, он плохо спал прошлой ночью и ушел вздремнуть, чтобы к ужину быть в форме.

– Давайте не будем его будить, – сказала Дагмар, и мы не стали.

На самом деле мне стоило пойти к нему в комнату, заставить открыть глаза и рассказать все, что знаю, но я не понимал всей важности этой встречи и, видимо, решил, что поймаю его перед тем, как приедут остальные. Потом Люси вызвалась пойти сказать ему, и не успели мы ничего ответить, как она исчезла, а Дагмар осталась кусать губы. Я заподозрил, в чем состояла главная причина, по которой Люси отправилась в спальню к Дэмиану, но и думать не мог, что она не скажет ему о встрече у собора, о планирующемся на этот вечер ужине и о Серене. Но она ни о чем ему так и не обмолвилась.

В этот удивительно полный неожиданностями день нас ждал еще один сюрприз – я имею в виду, еще до главного сюрприза, – которым встретил нас Джон.

– Звонила ваша знакомая, – начал он, когда мы вышли на террасу. Я, вероятно как и все остальные, решил, что это была Серена, которая хотела

что-то поменять в вечернем расписании, но Джон вывел нас из заблуждения. – Джоанна де Йонг? Так, кажется, ее зовут?

Кандида была потрясена.

– Джоанна де Йонг? – переспросила она. – Откуда она звонила?

– Она здесь. Отдыхает неподалеку с мужем и родителями. Сегодня приехали. – Джон улыбался, словно принес нам радостную весть, но реакция оказалась совершенно не такой, как он ожидал.

Мы молча переглядывались. Это какое-то безумие. Неужели больше некуда поехать на отдых, кроме как в Эшторил? Все это начинало напоминать русскую пьесу. Явственно помню ощущение абсурда, которое позже оказалось погребено ужасом. Дагмар тогда отметила, что мы планировали скромную встречу старых знакомых, но судьба решила вмешаться и вызвать на сцену сразу всех важных действующих лиц. Иными словами, Дагмар, так же как и я, не подозревала ни о чем из того, что происходило за кулисами.

– Чего ей нужно? – очнулась Люси. Она всегда симпатизировала Джоанне меньше остальных, я это хорошо помнил.

Джон явно опешил от такого ответа на свою новость.

– Просто с вами всеми повидаться. Я пригласил их с мужем на вечер. Надеюсь, никто не против? Она спросила, кто приехал, и, по-моему, все имена были ей знакомы, ну я и решил, что вы обрадуетесь... – Он неуверенно замолчал, чувствуя, что допустил ляп.

– Конечно обрадуемся! – ответила Кандида, но выглядела она не слишком радостной, и теперь я знаю почему.

Сомнительный в моральном отношении ужин, подстроенный для того, чтобы Серена снова встретилась с Дэмианом, теперь волей-неволей должен был пройти при участии родителей Серены и родителей ее мужа, что уже было не идеальным раскладом. Теперь ужин разрастался до масштабов правительственного банкета.

– Она придет с родителями, – сказал Джон.

А это уже была полная катастрофа.

– Господи... – пробормотала Люси, выразив состояние большей части всей компании.

Как вы могли предположить, приезд де Йонгов тоже был далеко не случайностью, и я узнал об этом странном повороте событий много раньше, чем об остальных. Я еще переодевался, когда послышался стук в дверь, и, не дожидаясь разрешения, вошла Джоанна. Не здороваясь, не произнеся ни слова, она с глубоким вздохом легла на кровать.

– Я не понимаю, что мы все здесь делаем, – произнесла она.

– Отдыхаем и наслаждаемся жизнью? – Я не видел ее с окончания праздников шестьдесят восьмого года, но смотреть на нее по-прежнему было чудо.

– Если бы! – Джоанна посмотрела на меня снизу вверх и, поскольку я ждал, пока она объяснит, что имеет в виду, закатила глаза к небу: – Ты знаешь, мама же все подстроила, ничего мне не сказав.

– Совершенно точно не знаю. О чем ты говоришь?

– Я позвонила Серене...

– Вы общаетесь?

Джоанна уловила в моих словах удивление и улыбнулась:

– Не все меня бросили.

– Не сомневаюсь.

Она восприняла это с ироничным выражением лица, как будто толковывала что-то умалишенному.

– Так вот, Серена сказала мне, что едет в родителями в Португалию. И что здесь в это же время будет Кандида с друзьями, включая тебя и Дэмиана.

– Серьезно?

Это плохо согласовывалось со сценой, которую мы только что разыграли в Лиссабоне перед собором, но, прежде чем я успел разобраться, Джоанна продолжила. Самое глупое, что сейчас я прекрасно помню ее слова, но тогда забыл про них, так что у меня никак не получалось сложить два и два и получить четыре.

– По какой-то необъяснимой, дурацкой причине я рассказала все маме, и – откуда ни возмись, неделю назад она сообщает, что приготовила для меня сюрприз и забронировала виллу в Эшториле. Разумеется, я сказала ей, что это невозможно.

– Но?

– Но она все причитала, охала, заламывала руки, спрашивала, за что я ее так ненавижу, и разве она не пытается мне помочь с самого замужества, а теперь они заплатили уйму денег за виллу, чтобы взять ее без очереди, и так далее, и я сдалась. – Джоанна держала в руке бутылку кока-колы старого образца, довольно симпатичную, в виде бокала, и сейчас с наслаждением медленно отпила из нее солидный глоток.

– А я доволен, что ты сдалась. Рад тебя видеть.

– Мама считает, что мне надоел Киран, – пожала плечами Джоанна. – Думает, она меня от него избавит, если использует вас всех в качестве приманки. Вы призваны напомнить мне об увлекательной жизни, которая проходит мимо меня. За этим она нас и привезла. Даже поинтересовалась,

хочу ли я снова увидеть Дэмиана. – Она громко рассмеялась, запрокинув голову. – Дэмиан! Два года назад она хотела покончить с собой, когда считала, что у меня с ним все всерьез.

А я по-прежнему не сумел сопоставить услышанное и понять: Серена знала, что Дэмиан едет. Что на меня нашло?

– Бедный Киран, – отозвался я.

К тому времени мы уже с ним познакомились: через несколько недель после сенсационного побега в Дорчестере был коктейльный прием для новобрачных – Валери Лэнгли пыталась придать происходящему видимость благопристойности. Признаюсь, тогда я в Киране толком не разобрался. Но я был молод и не стал относиться к Джоанне хуже из-за ее выбора. О вкусах не спорят.

– Как твой брак?

– Ничего, – ответила она, но после паузы добавила: – Дело движется.

Это прозвучало пугающе красноречиво. Я ничего не сказал.

– Дэмиана не видела?

Джоанна покачала головой:

– Он еще у себя в комнате. Мы слишком рано приехали. Мамино нетерпение не позволяло ей ждать. Это мир, которого она всегда для меня хотела, и она считает, что выпала я из него из-за Кирана. По ее мнению, я иду ко дну. В смысле положения в обществе. А мама хочет вытащить меня на берег. Мечтает о скорейшем разводе.

– Ты шутишь...

Трудно объяснить, как нелепо это казалось в семидесятом. Уже через десять лет такая история станет вполне правдоподобной.

– Нет, я серьезно. Мама считает, что, если я сейчас брошу Кирана, все о нем забудут. Детей у нас нет, хотя стараемся мы, как кролики. – Она сделала паузу и убедилась, что я шокирован. Странно думать, что такие намеки, когда они исходили от женщины, могли тогда шокировать, но многих из нас – вполне. Джоанна заметила, что я покраснел, и, покраснев сама, продолжала: – Если она сумеет меня освободить сейчас, за мной не останется такого следа, который нельзя будет благополучно скрыть за образом моего второго мужа, кто бы он ни оказался.

– А Дэмиан бы ее устроил?

– После Кирана ее устроит даже случайный рабочий из китайской прачечной.

Я улыбнулся, хотя целеустремленность Валери Лэнгли произвела на меня впечатление. Мои родители в подобных обстоятельствах пожали бы плечами и вздохнули и лишь несколько самым проверенным друзьям

позволяли бы изредка им посочувствовать, но ни тому ни другому и в голову бы не пришло что-либо предпринимать. И самого плана я не одобрил. Джоанна как-никак приносила клятвы в церкви, а в те дни это означало гораздо больше, чем в наши. Но относиться хуже к ее родителям я, конечно, не стал.

– Что твой отец думает?

– Ему Киран нравится, но с ним не советовались.

– А Киран здесь?

Джоанна кивнула:

– И прекрасно знает, чего мама добивается.

– Ничего себе... – (Подробностей мы обсуждать не стали.) – Ты позволишь себе его бросить?

Джоанна задумалась над моим вопросом, но вряд ли у нее возникали в голове сомнения.

– Нет, – ответила она. – Я не доставлю ей такого удовольствия.

Киран де Йонг был первым, кого я заметил, когда наконец присоединился к общей компании. Его трудно было не заметить. Его волосы были покрашены в ядовитый розовый блонд, и надел он облегающие джинсы с каким-то военным мундиром, который, видимо, когда-то украшал гвардейского офицера, но теперь манжеты были отогнуты, так что виднелась розовая атласная подкладка. Рубашку с плотным орнаментом он широко расстегнул, демонстрируя две или три висящие на шее толстые цепи. Общий эффект был не столько отталкивающий, сколько жалкий, и после всего, что я услышал, мне стало жаль Кирана.

– Ты бывал в Португалии? – спросил я, стараясь изобразить живую заинтересованность.

– Нет, – покачал он головой.

К нам подошла Люси и тоже попыталась его разговорить:

– Где вы с Джоанной сейчас живете?

– В Пимлико.

Мы с ней оба терялись. Нельзя же до конца вечера стоять и задавать вопросы, получая односложные ответы. Но тут Киран произнес фразу, которая указывала, что он вовсе не так недогадлив, как мы предполагали:

– Я знаю, к чему это все. Она считает, я не знаю, но я-то знаю. И никуда не уйду.

Люси, естественно, ничего не поняла, но я знал, о чем он говорит, и мысленно оценил, что он согласился прийти. Это было решение смелого человека. Я не мог открыто комментировать, чтобы самому не ввязаться в

историю, но улыбнулся, наполнил ему бокал и попытался дать понять, что я не враг.

Дэмиан по-прежнему не показывался. Я отметил, что его окна оставались плотно закрытыми, даже когда слышался шум подъезжающих машин, голоса, звук хлопающих дверей. На террасу вышла вся объединенная делегация Клермонтов и Белтонов. Серена несла на руках малышку, и ее появление вызвало немалую суету. Я предложил им поставить кроватку в моей комнате, потому что она выходила на террасу в том месте, где мы ужинали, и все согласилось. Мне грустно было видеть, что маленькая Мэри – точная копия Эндрю. Это не только показалось мне несчастливой предзнаменованием для девочки, но и вызвало в подсознании болезненные картины.

Чтобы отмежеваться от всех этих «женских дел», лорд Клермонт окликнул меня в своей странной приподнятой манере. Мне показалось, что он вздохнул с облегчением, увидев знакомое лицо и найдя повод сбежать из общества родственников зятя. Я сразу заметил, что они ему не по душе, хотя на браке настаивал он сам. Лорд Клермонт хотел подойти ко мне, но соблазнился компанией Джоанны и Люси и отвлекся пофлиртовать с ними за бокалом сангрии, или как там называется ее местный португальский аналог. Белтоны держались вместе, глядели на море, – она слишком высокомерна, а он слишком утомлен, чтобы разговаривать с другими. Ко мне, улыбаясь, подошла леди Клермонт.

– Как ваши дела? – спросила она, и я рассказал. – Значит, уходите в богемную жизнь? Как увлекательно!

– Мои родители тоже меня не одобряют.

– Не в том дело! – засмеялась она. – Сама идея мне нравится. Однако это все так непредсказуемо. Но если вы не против несколько лет поголодать в мансарде, то вы все делаете правильно. Зову сердца надо следовать.

– Целиком согласен. И есть дела похуже, чем голодать в мансарде.

Пока я это говорил, мой взгляд упал на Серену, которая разговаривала у балюстрады с Кандидой. Так получилось случайно. Мне просто не на чем больше было остановить глаз, кроме нее, но я сразу почувствовал, что леди Клермонт восприняла мои слова как осуждение жизненного выбора Серены, за который она считала себя во многом ответственной, что неудивительно. Ее лицо посуровело, улыбка стала натянутой.

– Вам обязательно надо приехать в гости к Серене и Эндрю. Они чудесно обосновались, замечательный дом на краю поместья. Серене не терпится его обустроить, она это любит, а до деревни можно дойти пешком. Просто идеально! Вы знаете Дорсет?

– Не слишком. Ездил в детстве в Лалуорт, не более того.

– Это восхитительное место, просто чарующее, и до сих пор остается тайной для внешнего мира. В общем, ей невероятно посчастливилось.

– Рад слышать, – ответил я. Мне почему-то было важно дать понять леди Клермонт, что я не желаю скандала. – Мне очень дорога Серена.

Леди Клермонт снова рассмеялась, но более непринужденно, обрадовавшись, что мы миновали трудное место.

– Мой милый мальчик, – сказала она, – мы все это знаем!

В тот момент я и услышал, как у меня за спиной открылась дверь, я обернулся и увидел, что там стоит Дэмиан. На фоне темной комнаты его фигура вырисовывалась как горельеф. Он был совершенно неподвижен, но мне не нужно было смотреть, куда прикован его взгляд. Еще несколько человек тоже заметили его появление. И не в последнюю очередь лорд Клермонт, чей лоб заметно нахмурился. Если у него были какие-то подозрения относительно того, что здесь происходит, то в это мгновение подтвердились худшие из них. Он бросил беглый взгляд на жену и заметил, как она едва различимо качает головой. Безмолвная неподвижность Дэмиана становилась неловкой, и я решил подойти к нему.

– Представляешь, как неожиданно! – начал я. – Родители Серены сняли виллу почти рядом с нами. Сегодня днем мы столкнулись с ними у собора. Бывает же такое! Надо было тебе с нами поехать.

– Очевидно, – проговорил Дэмиан, оставаясь на месте.

Я указал на Джоанну и с оживлением поведал о втором якобы случайном совпадении.

– «О дивный новый мир, в котором обитают такие чудеса»^[73], – улыбнулся Дэмиан, но не присоединился к присутствующим и даже не переменял позу.

Все это время Серена наблюдала за ним и, могу лишь предполагать, ждала, чтобы он сделал первый шаг. Если я прав, то ее постигло разочарование и она решила, что пора официально заметить его присутствие. Ее манера восхитила меня. Долгая привычка скрывать эмоции иногда оказывается полезной. Серена радушно подошла к нему с широкой улыбкой.

– Дэмиан! – воскликнула она. – Какой подарок! Как ты?

Эндрю, который сразу двинулся вслед за ней, грозно стоял теперь и не сводил взгляда с человека, который уложил его на балу Дагмар в присутствии всех нас. Дагмар, видимо тоже со стыдом вспомнив этот инцидент, оборвала разговор и подошла ближе.

– Ты же помнишь Эндрю! – начала Серена, словно не происходило

ничего экстраординарного.

– Да, – ответил Дэмиан. – Я его помню.

– Я тебя тоже помню, – отозвался Эндрю.

Думаю, в ту секунду у многих промелькнула мысль, что сейчас мы увидим реванш, но Кандида, почуввав опасность, захлопала в ладоши и воскликнула:

– Давайте перед ужином все прогуляемся! Там есть тропинка, она идет через скалы вниз, прямо на пляж. Согласны? – И пока Серена не успела возразить, добавила: – Твоя свекровь говорит, что останется здесь и присмотрит за ребенком. – Позади нее на стуле восседала леди Белтон, с лицом как у обвиняемого на Нюрнбергском процессе в момент зачитания приговора.

Никто не возражал против такого решения. Мы разбились на группы и пошли следом за Кандидой, которая захватила своего дядю, лорда Клермонта, в качестве личного гида. Он не сильно сопротивлялся, только наполнил бокал и отправился в путь, прихватив выпивку с собой. Мы не спеша спустились на песчаный пляж, и вид оттуда открылся великолепный: широкое синее море, сверкающее и переливающееся в прозрачном вечернем свете. Мы постояли, слушая волны, а когда двинулись вдоль пляжа, я вдруг с упавшим сердцем – хотя с чего бы? – она теперь замужняя женщина и ее судьба не должна меня заботить – осознал, что Серена и Дэмиан отстали и идут в хвосте. Со своим великолепным инстинктивным умением избегать неприятностей леди Клермонт тоже это поняла, метнулась к зятю и, подхватив его под руку, увлекла какой-то бурной беседой бог знает о чем – о чем можно говорить, чтобы заинтересовать Эндрю Саммерсби? – и потащила его прочь по пляжу. Но ее муж наблюдал, как дочь с Дэмианом идут в конце процессии, и нетрудно было понять, что это зрелище тревожит его все больше и больше.

Джоанна поравнялась со мной и шепотом спросила:

– Как думаешь, нам сегодня покажут фейерверк?

– От души надеюсь, что нет.

– Мама в ярости. Она думала, что Дэмиан целиком в моем распоряжении, но ясно, что ему вообще наплевать, жива я или мертва. Когда рядом Серена.

В тот момент я подумал, что она преувеличивает. Вот как медленно до меня доходило.

Эндрю уже оторвался от тещи. Он бросил сердитый взгляд на пару, которая довольно далеко от нас отстала, но к нему подросла Люси. Мне кажется, что в этот момент все мы, по негласному соглашению,

действовали сообща, чтобы избежать столкновения. Когда Эндрю отошел, к леди Клермонт приблизился Пел Клермонт:

- Ты видишь, кто там?
- Конечно вижу.
- Ты знала, что он здесь?
- Естественно, нет!
- О чем он с ней разговаривает?
- Откуда мне знать?
- Ей-богу, если он что-то замышляет...

– Если ты скажешь хоть слово, будет только хуже. Пообещай мне. Ты не скажешь ни единого слова поперек вплоть до того, как ляжешь на подушку и закроешь глаза.

Фразу «ни единого слова» леди Клермонт прошипела, словно гигантская разъяренная змея, и видно было, что она не шутит. Не знаю, получила ли она желаемый ответ, потому что последние из их приглушенных реплик я мог уловить, только если бы подошел и вытянул шею, и ответ мужа растворился для меня в шуме прибоя. Не зная многих фактов, я не понимал их враждебности по отношению к Дэмиану.

Я снова повернулся к Джоанне, которая шла от меня слева.

- Ты что-нибудь слышала? О чем они?
- Я не прислушивалась, – покачала головой Джоанна.

С другой стороны к нам подошла Дагмар.

- А ты? – спросил я ее, но Дагмар тоже ничего не слышала.

Она вообще в тот вечер казалась притихшей и необычно задумчивой. Я вопросительно поднял брови, но она покачала головой и печально улыбнулась:

- Ничего. Просто размышляю, что мне в жизни делать дальше.
- О господи!

Дагмар дождалась, пока Джоанна не отстала и не пошла к Джорджу Тремейну.

– Ты все это начал вчера вечером. Вы с Дэмианом, – с горечью сказала Дагмар, и ее влажные губы подрагивали. – Все, что мне нужно, – это хороший человек, который меня любит. Звучит мелодраматично, но это правда. Мне не важно, как я буду жить, главное, чтобы не совсем уж в сарае. Мне просто нужен человек, который относится ко мне с уважением.

- Он появится! – пообещал я.

Как необоснованно оптимистичны мы в молодости! Хотя в тот момент я и подумать не мог, сколь безжалостно будут отвергнуты ее мольбы о не более чем сносном будущем.

Дагмар кивнула, тихонько вздохнув. Я не понимал, почему ее охватила такая меланхолия, но теперь-то, конечно, знаю. Прошлой ночью, по окончании их последнего свидания, Дэмиан сказал ей, что она никогда его не получит. Тот, кто был для нее важнее всех, кого она любила и желала, никогда не будет принадлежать ей. Любой из нас, кто пережил подобный отказ, мог только посочувствовать.

– Может быть, – наконец мечтательно улыбнулась она. – *Que será será*^[74].

– Уверен, все обернется к лучшему.

– А я сомневаюсь, – проговорила Дагмар.

Наконец Кандида, то ли почувствовав, что опасность миновала, то ли молясь, чтобы так и вышло, повернула нас назад, и мы побрели обратно к вилле. Свет тускнел, и служанки уже расставили на столе зажженные свечи и включили прожектора, направив лучи на дом, так что по тропе между камнями мы словно взбирались к волшебному дворцу, сложенному из драгоценностей.

Ужин начался довольно мирно. Сперва подали некую португальскую разновидность салата «Триколор», с добавлением оливок. Я забыл его название, но оказалось вкусно, мы съели довольно много, что пришлось как раз кстати, потому что продержаться до следующего утра нам суждено было на нем одном. Беда приблизилась, когда строгие женщины из кухни принесли главное блюдо, нечто вроде рыбного рагу. Оно было соблазнительно на вид и аппетитно пахло, хотя попробовать мне его не довелось. Женщины не стали подносить белые фарфоровые супницы к каждому из нас, а поставили их на столе в трех местах, предоставив нам самим накладывать дымящееся варево себе и друг другу. Лорд Клермонт тем временем с самого момента возвращения, как водится, налегал на выпивку. Отдавая ему должное, надо сказать, что он просто был крайне зол, обнаружив Дэмиана в этом доме, куда, как он понял, его и жену заманили хитростью. Помимо того, что ему навязали этого хама, что уже было достаточно неприятно, он оказался за столом рядом с какой-то незнакомой вульгарной женщиной, которая все время пыталась вовлечь его в разговор о предметах и людях, совершенно ему неведомых. Валери Лэнгли, напротив, была в восторге от доставшегося ей места, поскольку одной из главных целей, ради которых она уезжала из Англии, было сойтись с семейством Клермонт ради себя и ради своей дочери, и совершенно не понимала, что своих целей она таким образом не добивается.

Чтобы проследить, с чего случился взрыв, надо вспомнить, что Пел Клермонт считал Дэмиана Бакстера лжецом и невежей, который, преследуя

собственные подлые и гнусные интересы, попытался соблазнить Серену вступить в брак, чем разрушил бы всю ее жизнь. Это не мое понимание событий, а лорда Клермонта, и ему было не взять в толк, почему он должен сидеть за одним столом с виновником своих злоключений. Печальная правда состояла в том, что ни Серена, ни Кандида как следует не продумали свой план. Вся затея была обречена на провал, так же как их первый план, когда они решили, что, если приведут Дэмиана в Грешэм, родителей Серены можно будет переубедить. Понятно, что, как только Клермонты навязались в эту поездку, Кандиде следовало все отменить. По крайней мере, составить совершенно другой план устройства встречи Серены и Дэмиана, ибо Серена, как я теперь понимаю, была не в состоянии отказаться от возможности увидеть Дэмиана, если ей выпадет такой шанс. Увы!

Когда мы вернулись с прогулки, Дэмиан молчал и весь вечер отвечал односложно. Я видел, что Серена попыталась сесть рядом с ним, но он намеренно уселся на другой стул, места справа и слева от которого были уже заняты Кандидой и леди Клермонт. Последняя несколько удивилась, когда он выбрал в качестве соседки ее, но виду не подавала. После этого Дэмиан разговаривал исключительно с Кандидой, и если бы он так и продолжал, всем бы это лишь пошло на пользу, но леди Клермонт жила по определенным правилам, и одно из них гласило, что за обедом при перемене блюд положено поворачиваться к другому соседу. Следуя этому предписанию, она оставила Джорджа Тремейна на Дагмар и повернулась в другую сторону, к Дэмиану.

— Ну, чем вы сейчас занимаетесь? — любезно спросила она. — Есть какие-то планы на будущее?

Дэмиан посмотрел на нее в ответ, достаточно долго, чтобы большинство сидящих за столом почувствовали его демонстративную надменность.

— Вы действительно хотите знать? — спросил он.

С готовностью свидетельствую, что это было несправедливо по отношению к леди Клермонт. Остальные присутствующие были совершенно озадачены, не понимая, что такого сделала леди Клермонт, чтобы заслужить подобное обращение, и хотя сейчас я признаю, что жизнь Дэмиана разбилась при ее содействии, я тем не менее считаю его резкость несправедливой. В той ситуации леди Клермонт просто старалась, чтобы обед прошел как полагается. Просто хотела дать Кандиде, Джону и Алики почувствовать, что вечер удался. Что в этом плохого?

Сделав глубокий вдох, она кивнула.

– Да, хочу, – сказала она как можно более ровно. – Мне очень интересно, что ждет впереди всех старых друзей Серены.

Готов поклясться, леди Клермонт говорила это из дружеских побуждений. Да, она не хотела, чтобы Дэмиан женился на ее дочери, но не верю, чтобы она желала ему зла в целом. Это не касается ее мужа, но справедливо в отношении ее.

На секунду Дэмиан показался пристыженным. Он взял себя в руки и открыл было рот, чтобы рассказать, скорее всего, про свой банк. Но не успел выговорить ни слова, как вмешался лорд Клермонт.

– Да, – сказал он, потянувшись через весь стол к бутылке красного вина, – отчасти нам, конечно, интересно. Но главное – это убедиться, что если у вас есть планы, то они не включают в себя нас.

Эффект был громовой. В одно мгновение все разговоры умерли. Леди Клермонт медленно прикрыла глаза и держала их закрытыми, ожидая надвигающегося шквала. Джон и Алики гадали, почему вдруг их гости решили друг другу грубить. Семейство Лэнгли было шокировано, как и младшие гости, включая меня, леди Белтон напустила на себя свой обычный вид негодующего презрения. В наступившей тишине лорд Белтон громко отхлебнул вина.

– Не включают, – невозмутимо ответил Дэмиан. – Что заставляет вас думать, будто я совершу столь крупную ошибку дважды?

– Прекрати! – вдруг выкрикнула Серена, сверкая глазами. Такой разгневанной я ее никогда еще не видел. – Сейчас же прекрати!

Но было уже поздно.

Лорд Клермонт утихомирил ее резким жестом, потом посмотрел своему противнику в глаза и сделал еще один глоток. Затем медленно и осанисто опустил бокал на стол и, прежде чем заговорить, улыбнулся. Но эта неспешность не помогла скрыть, что он очень пьян.

– Послушай меня, ты, маленький гаденыш...

Сидевшие за столом буквально подпрыгнули. Все по очереди вздрогнули и сжались, как мыши. Леди Клермонт воздела руку и пробормотала нечто вроде «о боже», а может, это был просто горестный стон. Валери Лэнгли завопила: «Что?!», ни к кому конкретно не обращаясь.

Но Дэмиан уже встал.

– Нет, – произнес он. – Это ты послушай меня, надутый, вздорный, надоедливый, маразматичный, тупой, манерный, нелепый паяц!

В предложении было семь прилагательных, и они завораживали. Я не мог представить себе, что семь слов могут изменить человеку жизнь.

Когда Дэмиан только вскочил, это был еще мелкий инцидент, который

быстро загладили бы несколько извинений и предложение: «Выпей, старина». Но когда он – не прошло и минуты – закончил свою речь, то исчез из этого мира навсегда, лишившись возможности вернуться. Двери гостиных Англии семидесятых громко захлопнулись перед ним, а в воздухе остался висеть густой дым сожженных мостов.

Лорд Клермонт и сам был ошеломлен, словно его сбила машина и он не вполне понимает, насколько серьезны полученные им раны.

– Как ты смеешь... – начал он.

Но Дэмиан не выдержал. Эту стадию мы уже давно прошли.

– Я? Как я смею? Да кем ты себя возомнил? Старый болван! Какая блажь дает тебе право говорить со мной в таком тоне?

Забавно: все это, за исключением последнего оскорбления лорда Клермонта в адрес Дэмиана, вполне могло быть сказано большинству присутствующих, так что возникло странное ощущение, когда эти слова оказались направлены в другую сторону. За пятьдесят восемь лет жизни к лорду Клермонту наверняка никто и никогда не обращался, хотя бы приблизительно, в такой манере. Подобно всем богатым аристократам, лорд Клермонт не имел представления об истинном уровне своих способностей – немудрено, когда с детства его превозносили за таланты, которыми он не обладал, и сложно удивляться, что он не задумывался над эпитетами, которыми полвека его награждал каждый подхалим. Ему не доставало ума понять, что все они несут обычный вздор и нормальному миру он не способен ничего предложить. Когда лорд Клермонт внезапно почувствовал, что он вовсе не исполненная достоинства фигура, окруженная всеобщим обожанием, а просто дурак, – это было страшное потрясение.

В этот момент леди Белтон весьма опрометчиво решила, что настало время вмешаться.

– Дрянной мальчишка! – Она говорила громко, пытаясь донести свою мысль не только до Дэмиана, но и до всех присутствующих, но, к сожалению, деспотичная манера и пронзительный голос больше подходили для фарса, чем для серьезного выступления. Видимо, ей представлялось, что эта манера придает ей величественности, а на самом деле она напоминала Мари Дресслер в фильме «Обед в восемь». – Сию же минуту прекратите! – завизжала леди Белтон. – И извинитесь перед лордом Клермонтом!

Дэмиан резко обернулся, и не успели мы глазом моргнуть, как вдруг, к нашему общему ужасу, он схватил с доски нож для нарезки хлеба. Это был большой кухонный нож, которым мог орудовать и мясник. Смертельное

оружие. Происшествие начало превращаться в настоящий кошмар, уже никому из нас не подвластный. Прошу понять меня правильно: я был полностью уверен, что Дэмиан не воспользуется своим орудием, чтобы причинить кому-то вред, это было не в его характере. Опасность нам не грозила. Но он умело поигрывал ножом, сопровождая свои движения и речь, чтобы воздух звенел от напряжения. Здесь он рассудил правильно. Если до того мы были неподвижны, то сейчас нас просто парализовало.

Медленно и спокойно Дэмиан крался вдоль стола к леди Белтон. Видя его приближение, она вцепилась в подлокотники и вжалась в спинку кресла. Единственный раз в жизни я пожалел ее.

– Ты, убогая старая карга, пугало огородное, психопатка, тебе-то какое дело? – Он ждал ответа, словно это был осмысленный вопрос. Леди Белтон смотрела на лезвие и молчала. – Дряхлая, выжившая из ума ведьма в уродливых платьях и с еще более уродливой псевдоморалью, помешавшаяся на почве своего снобизма. – Дэмиан уже поравнялся с ней и остановился, чуть наклонившись, словно чтобы получше разглядеть жалкий объект своего любопытства. – Что-то там такое у тебя было... Погоди-ка. Сейчас вспомню. – Он тронул нижнюю губу кончиком ножа, словно решая заковыристую задачу. – Кажется, папочка у тебя был сомнительный? Или мамочка? – И Дэмиан снова замолчал, словно леди Белтон могла ответить и подтвердить одну или другую версию. Но она лишь молча таращилась на него, и под внешним высокомерием ярким дрожащим огоньком разгорался страх.

Должен признать, что это был блестящий удар, выпад точно в цель. На самом деле мать леди Белтон была не слишком благородных кровей, но леди Белтон считала, что никто об этом не знает. Как многие люди ее положения, она полагала, что если никто никогда не высказывает ей истинного мнения, то никто и не знает о тайнах, которые она хотела скрыть. Но мы все знали. Что ее мать вышла замуж за человека более высокого положения, чем она сама, а потом благородный супруг оставил ее одну с малолетним ребенком, а сам без оглядки ускакал в светлую даль в поисках новой жизни и больше не возвращался. Этим отчасти и объяснялся безудержный снобизм леди Белтон.

– Не волнуйся, – продолжал Дэмиан. – Никто не узнает, что ты полукровка. Нелепая, тронувшаяся умом стерва!

Леди Белтон слушала его, но по-прежнему ничего не говорила. Ее дыхание участилось, как после долгого бега, щеки подрагивали и по сравнению с началом разговора еще больше покраснели и пошли пятнами. Я забеспокоился, не хватит ли ее удар.

Надо было как-то это остановить. Каким бы ни был лорд Клермонт самовлюбленным, а леди Белтон – безумной, все это начинало переходить всякие границы. Я встал.

– Ладно, Дэмиан, хватит, прекрати! – воскликнул я и услышал, как за столом пролетел вздох облегчения, словно я обозначил границы и теперь мы все вернемся к душевному равновесию. Но не вышло.

Дэмиан обернулся. Глядя ему в лицо, я наконец понял, что гнев лишил его разума. Может быть, временно, но лишил. Так путешественник оказывается на поляне и вдруг замечает, что к нему медленно подкрадывается волк. Я увидел, как Дэмиан сжал рукоятку своего орудия, и испугался. Признаюсь: я боялся.

– Что? Теперь твоя очередь меня отчитывать? – фыркнул он. – Занудное, мелочное ничтожество! Кусок грязи! Дерьмо! Трус!

– Дэмиан, ради всего святого, он же твой друг... – Это сказала Дагмар.

Я был тронут, что из всех нас одна она попыталась защитить меня от нападок. Может быть, еще Серена могла бы вмешаться, но от одного взгляда на нее стало понятно, что она сейчас пребывает в собственном аду.

Дэмиан посмотрел сперва на Дагмар, потом на всех остальных:

– Что? Ты считаешь, он мой друг? Ты считаешь, он твой друг? Как же! – Он покачал головой, продолжая расхаживать вдоль стола, как пантера, и не выпуская оружия из руки. Я заметил, что в тени кухни прячутся две служанки, но к столу не идут. Они видели, каково пришлось леди Белтон, и не имели ни малейшего желания оказаться под огнем следующими. – Да он вас презирает. Думаете, он считает вас остроумными? – Дэмиан адресовал этот вопрос лорду Клермону. – Элегантными? – Он ждал ответа от леди Клермонт, но не дождался. – Или хоть сколько-нибудь интересными? – Это было обращено ко всему столу. – Он думает, что вы глупы и скучны, но обожает ваш образ жизни. Любит ваши дома. Ваши титулы. Жалкое ощущение собственной важности, которое он получает, зная, что люди знают, что он вас знает. – Дэмиан с равной силой подчеркнул все эти «знают», так что это прозвучало как песня, а не как обычная фраза. – Ему нравится за вами таскаться и целовать вас в зад, а дома этим похвалиться. Но не думайте, что он вас любит.

Во время всего этого монолога Серена сидела совершенно неподвижно, опустив голову, и теперь я заметил, что она плачет. Из ее глаз бежали две ровные струйки слез, оставляя на своем пути вниз темные следы туши.

– А ты думаешь, он в тебя влюблен, верно? – Теперь Дэмиан стоял рядом с Сереной, и она смогла поднять на него взгляд, но не ответила. –

Твой обожатель, который таскается за тобой, а ты смеешься над ним... – На это ей захотелось возразить, но он заставил ее замолчать, подняв ладонь. – Смеешься над ним и смеялась над ним со мной вместе, но терпишь его, потому что он тебя любит, а тебе это кажется таким милым. – (Серена смотрела теперь на меня. Думаю, она качала головой, чтобы откреститься от всего, что он говорит, но я в это время был в каком-то другом, глухом и пустынном месте, пронизанном одиночеством, и пытался там спрятаться, но никак не мог.) – Не тебя он любит. Он любит то, что ты собой представляешь, любит то, чем он может похвастаться: твоё имя, твои деньги. – Дэмиан перевел дух, чтобы набрать сил для финального удара. – Вам бы послушать, что он о вас говорит, обо всех вас, когда нас с ним никто не слышит. Он просто мелкий подхалим, услужливый лизоблюд, который стелется вокруг вас, как педераст, чтобы только всеми правдами и неправдами протиснуться в вашу жизнь.

Лорд Клермонт высказался от имени всех, громко и с отвращением произнес:

– Боже мой!

Если Дэмиан хотел покрепче измазать меня грязью, то грязь он выбрал самую верную и несмываемую. Но он еще не разделался с Сереной.

– Идиотка! Дурочка! – Он произнес это с таким концентрированным презрением, что присутствующие содрогнулись. – Ты могла отсюда сбежать. Могла бы прожить нормальную жизнь. А вместо этого ты предпочла провести свои дни с этим... олухом! – Проходя мимо Эндрю, Дэмиан ухватил его за плечо. – С этим ничтожеством! С этим пустым местом! И ради чего? Чтобы жить в большом доме и чтобы люди, которые тебе не нравятся, выказывали тебе всяческое почтение и пресмыкались перед тобой. – Дагмар уже рыдала в голос, и Дэмиан, дойдя до нее, остановился. Удивительно, но заговорил он довольно тепло: – Ты неплохой человек. Ты заслуживаешь большего, чем все то, что тебя ждет. – Говоря, он двигался дальше и теперь стоял ближе к Джоанне, которая смотрела на него с потрясением кролика, встретившегося с горностаем. – Ты тоже могла бы спастись отсюда, если бы не твоя хитрая мамаша-сучка. Не сдавайся, у тебя получится!

Абсурдности происходящему придавало то, что все были здесь же. Все объекты его нападок сидели перед ним. Миссис Лэнгли взвизгнула, но муж взял ее за руку, призывая молчать.

Пыл Дэмиана угасал, и это было заметно, потому что Ричард Тремейн поднялся со стула и даже Эндрю, казалось, готов что-то делать. Хватка, которой Дэмиан держал аудиторию, ослабевала.

– Всех вас ненавижу! – выкрикнул он. – Терпеть не могу ваши лживые ценности! Желаю вам зла во всем, что вы делаете. Но даже сейчас мне вас жалко. – Почувствовав, что его речь заканчивается, все едва заметно расслабились. Может быть, Дэмиан это заметил, а может, так и планировал, но главное, он еще не закончил. – Теперь я ухожу, но хочу вам оставить по себе воспоминание, – ухмыльнулся он.

– По-моему, ты уже оставил, – снова приняла на себя огонь Кандида.

– Нет. Надо что-то более красочное, – проговорил он, резким, неожиданным движением отбросил нож и, схватив ближайшую супницу с рыбным рагу, опрокинул ее на стол.

Дымящаяся масса из вареных обитателей моря обрызгала леди Клермонт, Люси, Кирана и Ричарда Тремейна. В общем смятении слышались крики гнева и боли, когда обжигающая жидкость попала на них, но от шока все застыли на месте. Никто еще не успел пошевелиться, как Дэмиан подхватил среднюю супницу. Рраз! Рагу шваркнулось на стол, теперь угодив в Кандиду, лорда Клермонта, Дагмар, Джорджа и Джоанну. Но когда он рванулся к третьей, последней супнице, все вдруг очнулись и сами бросились к ней. Альфред Лэнгли встал и двумя руками схватился за ее край. К несчастью для него, Дэмиан был силен, как тигр, и одним рывком вырвал супницу. Он поднял ее высоко над головой, как языческий жрец – подношение злобному и мстительному божеству, и на мгновение все и вся замерло. И он резко швырнул супницу о край стола так, чтобы все содержимое покрыло леди Белтон, которая, получив свою долю горячей жижи, ответила душераздирающим воплем. Каждый тамошний рецепт включает томатный соус, и теперь стол напоминал конец битвы при Бородине. А сидящие за этим столом были покрыты липкой, пахучей, дымящейся рыбной трухой. Разлетелись повсюду и осколки фарфора. Люси трогала порез на лбу, а у Джорджа из щеки довольно сильно текла кровь. Чудо, что никто не лишился глаза.

– А теперь спокойной всем ночи! – подытожил Дэмиан и, не сказав больше ни слова, прошел через всю террасу в открытые двери своей спальни и закрыл их за собой.

Раз и навсегда он был вычеркнут из их жизни.

Когда он ушел, мы еще некоторое время сидели неподвижно, пребывая в полном потрясении. Как жертвы авиакатастрофы, которые выжили, но еще не до конца в этом уверены. Потом Серена и Дагмар громко зарыдали, а леди Белтон, похожая на красноносого клоуна из «Цирка дю Солей», с торчащими из волос щупальцами лобстера и крабьими клешнями, принялась выкрикивать приказания своему остолбеневшему и тоже

украшенному рыбой мужу:

– Уведи меня отсюда! Немедленно! Уведи меня!

В этот момент Валери Лэнгли закричала, что надо вызвать полицию, но Альфред, и не заметив быстрых испуганных взглядов, понял, что полицию никто звать не будет. Не хватало только закончить вечер тем, что предоставить прессе лучшую скандальную историю на многие годы вперед. Молча кивнув, Альфред поспешил отвлечь Валери от этой идеи.

Сказать, что гости быстро разошлись, будет принципиально неверно. Все словно взорвалось, разлетелось осколками и осыпалось руинами. Клермонты и Лэнгли побежали к своим машинам, словно в окне прятались снайперы, взявшие их на прицел. Оставшиеся сидели, воняя рыбой, и ждали, что будет дальше. Джордж Тремейн налил себе выпить и другой бокал принес мне, и я подумал, что это очень благородно с его стороны, даже если подтверждало ужасное ощущение, что все они меня жалеют, презирают и жалеют. Они в разной степени поверили словам Дэмиана, но некоторым из этих слов поверили все, и я понимал, какими должны быть последствия. Дома все услышат эту историю, многократно приукрашенную, и в Лондоне после нее меня заклеят как пресмыкающегося лизоблюда, мошенника, сиящегося пробиться в высшее общество, куском липкой презренной грязи. Воздаяние за то, что я привел Дэмиана и навязал его этим людям, наконец настигло меня. В мире, где прошли мои юные годы, мне больше не было места. Я был изгой. Пария.

Подошла Кандида, наверное, выразить симпатию, но, прежде чем она успела заговорить, я отвел ее в сторону.

– Завтра я уеду. – Я говорил вполголоса, чтобы не раздувать скандал дальше и, главное, не вынуждая никого вставать на мою защиту. – Как можно раньше.

– Не глупи.

– Нет, я должен уехать. Это я со всеми познакомил его. Это моя вина, что он здесь появился. Мне нельзя оставаться. После того, что произошло. – Я был благодарен Кандиде за попытку поддержать, но говорил искренне: я не мог оставаться среди этих людей ни минутой дольше.

К нам подошел Эндрю Саммерсби, и Кандида попросила его уговорить меня не уезжать.

– Я бы сказал, это единственный открытый для него путь, – покачав головой, заявил Эндрю в своей самой невыносимой самодовольной манере.

Удачно, что служанки унесли нож.

– Утро вечера мудренее, – не желала больше спорить Кандида. –

Посмотришь, как тебе будет назавтра. Мы все знаем, что он молол чушь.

Я улыбнулся, поцеловал ее и тихонько смылся к себе в комнату.

Сейчас, когда я лучше узнал Кандиду, думаю, она могла искренне отметить обвинения в мой адрес, но тогда я в это не поверил. В тот же день позже, когда я принял ванну и больше не вонял, как прилавок с моллюсками на рынке Бермондси, я спросил себя: чушь ли молол Дэмиан на самом деле? В каком-то смысле, да. Бóльшая часть того, что он наговорил о Серене, например. Каждое слово было подобрано так, чтобы нанести по моему реноме среди этих людей непоправимый удар. Покончить со мной в их глазах. Собираясь исчезнуть из их поля зрения, он поклялся себе, что исчезну и я. Это был жестокий удар, и больше всего Дэмиан наслаждался тем, что погубит и унизит меня перед ней. Он хотел выставить мою любовь мелочной, ничтожной страстишкой, поводом заполучить приглашение на обед, а не движущей силой всей моей жизни.

И тем не менее не все из этого было чушью. Забавно, что бывали времена, когда я завидовал Дэмиану. Его власти над этими мужчинами и этими женщинами. Многих из них я знал всю жизнь, но через каких-то несколько недель после того, как они познакомились с Дэмианом, он приобретал над ними бóльшую власть, чем я за все время. Он, конечно, был хорош собой, располагал к себе, а про меня нельзя было сказать ни того ни другого, но дело не в этом. Хотя и человек пришлый, он не позволял им диктовать правила игры, а я... Я позволял. Разве не попустительствовал я шуткам лорда Клермонта и ему подобных больше, чем если бы эти шутки исходили от людей рангом ниже? Разве не делал вид, избегая спорить, что благоглупости, которые приходится выслушивать в благородных обеденных залах, – это проницательные замечания? Я засиживался допоздна с дураками, смеялся и кивал, льстил их непомерному самолюбованию, не выдавая и тени своих подлинных чувств. Стал бы я возиться с Дагмар, была бы она не принцесса? Разве не проявлял я благовоспитанность в общении с такими, как Эндрю, – с человеком, которого я презирал и мог бы испытывать активную неприязнь, если бы Серена не появилась на свет? Оказывал бы я ему хотя бы это небольшое уважение, если бы внутри меня не возникал легкий трепет перед его статусом? Не уверен. Если бы была жива моя мама и смогла прочесть эти строки, то сказала бы, что все это ерунда, просто я воспитан быть вежливым, и почему надо меня за это порицать? Одна половина меня считает, что она была бы права, но вот вторая...

Так или иначе, тот вечер на долгие годы закончил мое пребывание в их мире. Дэмиана они больше не видели, но и меня, в общем, тоже. За очень и

очень редкими исключениями, я не появлялся среди них. Сперва мешала неловкость, потом отвращение к самому себе. Даже Серена сторонилась меня, как мне казалось. Некоторое время я продолжал изредка наезжать, раз-два в году, повидаться с ней самой, посмотреть на детей, потому что не мог не приехать, но чувствовал, что тень того вечера навсегда осталась с нами, нечто в нас умерло, и я наконец принял это и обрубил все связи.

Сегодня, когда я стал старше и снисходительнее, я считаю, что был к себе слишком строг. Вряд ли в моем изгнании была виновата Серена. Не виню я и остальных, потому что, мне кажется, я ушел, чтобы наказать себя, и был не прав. В ту ночь Дэмианом двигал гнев и желание мести, хотя до сих пор не понимаю, почему мишенью этих тяжелых, неоправданно жестоких ударов оказался именно я. Может быть, он обвинял меня в том, что я втянул его в весь этот бедлам. Если так, то сейчас я склонен думать, что в чем-то он прав.

Глава 16

Я позвонил Дэмиану, когда вернулся из Уэверли, и рассказал ему все, что услышал. И заодно высказал мысль, которую с большой неохотой обнаружил у себя в голове:

– Глупый вопрос, но ты уверен, что это не Серена?

– Уверен.

– Потому что теперь я знаю: в твоей истории гораздо больше подробностей, чем мне казалось.

– Я рад, но нет, это не она. Наверное, мне бы даже этого хотелось, но это невозможно. – Судя по голосу, ему было приятно, что я начал понимать, какое место занимал в его жизни тот год. – В последний раз я спал с Сереной осенью шестьдесят восьмого. Замуж она вышла весной шестьдесят девятого, и ребенка за это время не появилось. После ее бала мы виделись только раз, и это был вечер в Португалии, когда она приехала на виллу, притащив с собой своего ужасного мужа, своих глупых родителей, отвратительных родителей мужа, да еще и младенца. Кроме того, если я даже спутал все даты, то моим ребенком должна была быть эта Мэри, а она, как я понимаю, вылитый мерзкий папочка Эндрю.

Все так. Неизвестной матерью не могла быть Серена Белтон.

– Значит, Кандида. Наверняка.

– Ты говорил с ней обо мне?

– Немного. Она упоминала, что вы с ней встречались, но, как я понял, это было в самом начале сезона.

– Да. Но мы не ссорились. Мы всегда оставались друзьями и потом еще встречались, когда все закончилось, пару раз, не больше, в память о прежних временах. Я знаю, что вы ее недолюбливали, но мне она была симпатична.

Мне стало интересно. Насколько неизмеримо больше меня он уже тогда знал обо всех этих женщинах, насколько лучше понял их натуру!

– Кандида намекала, что она немного пошалила, когда год закончился, – сказал я. – Думаешь, ребенок был зачат в то время?

– Нет, не тогда. То время закончилось задолго до поездки. – На другом конце провода установилось продолжительное молчание. – Кандида пришла ко мне после того ужина, когда все улеглись. Я проснулся среди ночи, и со мной была она, обнаженная, в моей постели, и мы занимались любовью. А когда проснулся утром, она уже ушла.

– Ты виделся с ней до отъезда?

– Когда я уехал, еще никто не выходил. Я просто вызвал такси и исчез. Но Кандида оставила у меня в комнате записку, так что расстались мы в хороших отношениях.

– А потом вы встречались? В Лондоне?

– Никого из них я больше не видел. Включая тебя.

– Ясно.

Я тоже уехал в аэропорт на рассвете, но каким-то образом нам с Дэмианом удалось разминуться. С моей стороны – сознательно. И как все мы, я больше его не видел с того дня и до тех пор, как он меня вызвал к себе.

– Вернее, Джоанну я видел, – прервал он мои мысли. – Один раз. Но мы знаем, что это не она.

– И Терри ты тоже видел.

На секунду Дэмиан озадаченно замолчал, но потом просиял:

– Ты прав! Мне запомнилось, что это было до поездки. Но ты прав. На самом деле мы встречались по приезде. Бедняжка Терри.

– Что было написано в той записке? От Кандиды?

– «Я все равно тебя люблю», и подпись этими ее забавными каракулями. Я был очень тронут. Мне кажется, я никогда не был несчастнее, чем в ту ночь.

– То же самое можно сказать и обо всех присутствовавших.

– Я молил Бога, чтобы такого несчастья больше со мной никогда не случилось. Поскольку осталось мне всего ничего, можно быть уверенным, что хотя бы это мне удастся. – Дэмиан усмехнулся, перебирая в голове неприятные воспоминания. Я сказал, что он усмехнулся, но звук больше напоминал грохот в старых проржавевших трубах заброшенного дома. – Я лежал на кровати, слушал, как вы там снаружи разговариваете, как все расходятся, и мне хотелось умереть. В какой-то момент мне подумалось, что они вызовут полицию.

– Эта братия? Ни в коем случае! У них нет ни малейшего желания попадать на газетные полосы. Единственное, что с того времени не изменилось. – (Мы подошли к цели. Остались последние штрихи.) – Поехать сказать ей, что ее сына ждет крупное состояние?

– Давай. Потом приезжай ко мне. Хочу услышать, что она скажет.

На этот раз Кандида охотно ответила на мой звонок и столь же охотно разрешила мне умыкнуть ее тогда же утром на чашку кофе. Она жила все в том же типичном для Фулема доме, в которые переселились со времен моей

юности многие люди ее круга. Гарри явно неплохо зарабатывал, а Кандида очень мило обустроила их жилище. Она приветствовала меня в своей обычной, хотя и еще не привычной для меня спокойной и благовоспитанной манере и провела в уютную, обитую ситцем гостиную, а потом принесла поднос с кофе. На столике за диваном стояла большая фотография в рамке – видимо, покойного Гарри Стэнфорта. У него было грубоватое улыбочное лицо, довольно простое, но таково уж великое и вневременное чудо любви. Я молча поздоровался с ним, а Кандида тем временем налила для нас две чашечки кофе. После чего подняла на меня взгляд.

– Итак? – спросила она.

Я рассказал о расследовании Дэмиана и о своей роли в нем.

– Я не хотел в это ввязываться, но даже мне было понятно, что никакой другой возможной кандидатуры у него нет.

– Я знала, что ты не просто так приходил. – Кандида глотнула кофе. – Хотя зачем именно, не догадалась. И что мне нужно делать для получения наследства? – Она сидела и ждала, чтобы я продолжал, а я никак не мог взять в толк, почему она не может проследить связи.

– Мы думаем, что это ты. Что Арчи – сын Дэмиана.

Некоторое время Кандида озадаченно молчала. Потом коротко рассмеялась:

– Каким образом? Я же не слониха! – (Теперь озадаченным выглядел уже я.) – В последний раз я спала с Дэмианом года за два до рождения Арчи.

– Но когда мы с тобой говорили, ты дала мне понять, что у вас с ним уже после окончания отношений случился еще один скоротечный роман.

– Правильно. Летом шестьдесят девятого. Я пожалела его, когда у Серены все так закончилось. И когда она разослала приглашения на свадьбу, я заглянула к нему, посмотреть, как он это пережил. После этого мы встречались еще несколько раз. Но потом потеряли друг друга из виду. Почему через год я и просила связаться с ним тебя, чтобы вытащить его в Португалию. Не была уверена, что он захочет снова со мной разговаривать, хотя, наверное, зря беспокоилась.

– Но ты спала с ним в ту ночь.

– В какую ночь?

– Когда на Дэмиана что-то нашло и он облил нас всех рыбным рагу. Ты же помнишь?

– Ты с ума сошел? Как же не помню! Как такое можно забыть? Но я с ним не спала.

– Он проснулся среди ночи, и ты была рядом с ним, в постели.
– Это точно не фрагмент из бульварного романа?
– Ты оставила у него в комнате записку, в которой написала, что любишь его.

Кандида сосредоточенно нахмурилась. И уверенно кивнула:

– Да, я написала записку. Мне показалось, ему должно быть так мерзко после того, что он нам устроил, и я накорябала на бумажке... Уже не помню что. «Прощаю тебя», или как-то так...

– «Я все равно тебя люблю».

– Да? Ну не важно, что-то в таком духе. И перед тем как пойти спать, просунула записку ему под дверь.

– Ты уверена, что не спала с ним?

Я видел, что Кандида вот-вот взорвется от негодования.

– Знаешь, я, конечно, в свое время была та еще шлюшка, – произнесла она, – но мне кажется, я бы запомнила, переспала я в тот гадкий вечер с Дэмианом Бакстером или не переспала. Из той ночи я вряд ли могла что-нибудь забыть.

– Да, конечно. – Я растерянно смотрел себе в чашку. Неужели я снова вернулся к началу? Невозможно...

Кандида продолжала прокручивать в голове мои слова.

– Он проснулся и обнаружил у себя в постели женщину, которая занималась с ним любовью? – Я кивнул, и она, запрокинув голову, расхохоталась: – Вот и доверяй теперь Дэмиану! Как раз когда у него все хуже некуда, он оказывается персонажем сцены из фильма про Джеймса Бонда! – Ее веселость мало-помалу, с тихой усмешкой угасла.

– Но это была не ты...

– Спешу тебя заверить: если бы я завела себе подобную привычку, то помнила бы.

И тогда я все понял.

Леди Белтон наверху, но она с радостью примет меня, если я не против подождать в утренней комнате, поскольку именно там ее светлость всегда пьет чай. Я оказался не против подождать.

Утренняя комната была одной из самых прелестных комнат Уэверли, не роскошная, а уютная, там висели лучшие из их картин и стоял поистине великолепный дамский рабочий столик работы Джона Линнела. Столиком Серена как раз активно пользовалась: он был завален бумагами, письмами и неотвеченными приглашениями. Обходительная женщина из соседней деревни, отворившая мне дверь, накрывала чай, когда появилась Серена.

– Большое спасибо, миссис Бениш! – Серена уже приобрела ту равнодушную любезность, которую благовоспитанные люди используют для того, чтобы добиться хорошей работы прислуги, а не потому, что испытывают к ней искреннюю признательность. Да и по одежде Серены, ее позе и даже улыбке я видел, что она далеко продвинулась на пути к тому, чтобы стать светской дамой, как это и по сей день называется. – Как хорошо, что мы так скоро снова видимся! – Она поцеловала меня в обе щеки.

То, что в предыдущую нашу встречу мы занимались любовью, и не просто любовью, а между нами была самая бурная страсть за всю мою жизнь, – это каким-то непонятным образом оказалось спрятано и отодвинуто на безопасное расстояние самой манерой и тоном Серены. Она встретила меня тепло и приветливо, но тогда я понял, что та ночь больше никогда не повторится.

– Не верю, что ты не знаешь, зачем я здесь, – начал я.

Серена налила себе чая и села, аккуратно расправив складки юбки. Сделала маленький глоток, потом посмотрела на меня и стыдливо улыбнулась:

– Думаю, знаю. Кандида позвонила и рассказала, о чем вы с ней говорили. – Она казалась смущенной, что выглядело непривычно, но я не предполагал, что это чувство ей свойственно. – Не хочу, чтобы ты считал, будто я всегда только и делаю, что украдкой пробираюсь в постели к спящим мужчинам.

– Ты сама говорила, что только к тем мужчинам, которые в тебя влюблены.

– Спасибо, что помнишь, – кивнула она.

– Я все помню.

– Сперва я не решалась, ведь, если ему это было важно, он бы что-нибудь сделал, когда я послала то идиотское письмо. – (Было видно, какое для нее облегчение больше не держать все это в себе.) – Но он ничего не сделал. Вообще ничего, и это я знаю точно, ведь двадцать лет назад я еще поддерживала связь с теми немногими девушками, которые могли бы его написать. Что изменилось?

– Он умирает.

Это вернуло ее на землю.

– Да. Конечно. – Серена подняла глаза к потолку. – Хочу кое-что объяснить. Насчет той ночи в Эшториле. Много лет я чувствовала себя виноватой, особенно перед тобой.

– Почему именно передо мной?

– Потому что тебе досталось ни за что ни про что. Ты всего лишь пригласил его на несколько вечеринок, и вдруг тебя окрестили пресмыкающимся подхалимом, рвущимся в высший свет, и еще бог знает кем. Представляю, каково тебе было.

– Да уж, невесело.

– И главное, все это была неправда. И прежде всего то, что он сказал о твоих чувствах ко мне. Я знаю. Еще тогда знала. – Серена улыбнулась мне тайной улыбкой, напоминающей о нашем общем наслаждении, и я был этому рад. Это немного, но лучше, чем ничего. – Что тебе известно о событиях, происходивших у меня на балу?

– Думаю, почти все. Но узнал я только сейчас.

– Дэмиан сказал, что использовал меня, что он меня не любит и мне без него лучше, в общем, все как полагается. А я стояла и молчала, не в силах поверить ни слову из того, что он говорит. Еще играла музыка, за дверью в передней комнате хохотала какая-то девушка, и у меня, помню, пронеслось в голове: как ты можешь смеяться, когда мне тут разбивают жизнь? Я ведь любила его всеми фибрами души. Хотела с ним убежать, быть с ним, любить его до конца дней, и если это означало со всеми порвать, я бы это сделала. Но когда он заговорил, я просто застыла на месте. Как сейчас говорят, я была «в шоке» – правда, тогда у нас не бывало «шока». Считалось, что надо просто пойти прогуляться и взять себя в руки... Дэмиан ждал, что я скажу. И я посмотрела на него и сказала: «Хорошо, если ты действительно считаешь, что так лучше». А когда я замолчала, он кивнул и отвесил шутливый поклон. Я так часто все это вспоминала. Как сейчас перед собой вижу. Легкий поклон, как официант или секретарь в посольстве, которого послали проследить, чтобы ты правильно пересел на свой поезд – препроводить тебя с Северного вокзала в Париже на Аустерлицкий. Потом он ушел. А я вышла на террасу, через некоторое время вернулась и пошла танцевать с тобой.

– А я был тому несказанно рад.

Но на сей раз Серена решила рассказать мне всю историю целиком:

– После этого мне было уже все равно, что со мной происходило. Наверное, это был своего рода нервный срыв, правда, опять-таки, в наши дни у людей не бывало нервных срывов. Разве что у актрис да у мужчин, которые растратили деньги своих клиентов. А такие люди, как мы, могли быть в подавленных чувствах, устать от суеты, считать, что им нужно отдохнуть. Мама с папой все подталкивали и подталкивали меня к Эндрю, он и сам был не прочь. – Она остановилась, заметив мое выражение лица. – Нет, он и правда к этому стремился! Я знаю, ты его не любишь, но Эндрю

не такой плохой, как тебе кажется. – (Я постарался изобразить на лице понимание, чтобы не выдавать себя.) – И я не знала, что еще делать. Нам тогда не давали никакого практического образования.

– Помню.

– Мне казалось, что это выход. Дэмиану я была не нужна, а поскольку я думала о нем день и ночь, то не знала, что еще можно поделать. Ну, в общем... – Серена беспомощно пожала плечами. – Так все и произошло. Вот как все у меня получилось. – Она вздохнула и замолчала. Потом вдруг вздрогнула и, подняв глаза, встретила со мной взглядом. – Кто-то прошел по моей могиле^[75]. – Какое все-таки странное и потустороннее выражение. Некоторое время мы сидели в молчании, пока наконец Серена не произнесла энергично: – Хочешь еще чая?

– Да, пожалуйста. – Я протянул чашку.

Но это еще было не все.

– Я вышла замуж, довольно быстро забеременела. И знаешь, вся эта суматоха очень увлекает. Столько всего надо сделать, столько всего купить, столько людей вокруг тебя хлопочут, так что я на время и забыла, как несчастна, а потом, когда родилась Мэри, ко мне приехала Кандида и мы с ней разговорились. И она тогда сказала, что с Дэмианом у меня бы все равно ничего не получилось, если мои родители были до такой степени против, а я и не знала, что они против. То есть я догадывалась, что они его не одобряют, после нашего ужина уже стало понятно, но я не думала, что у них есть сколько-нибудь продуманные основания противиться. Он признался в своих мотивах и бросил меня еще до того, как они его узнали. А потом я услышала, что на самом деле произошло. Ты знаешь, что тогда было?

Я кивнул.

Серена начинала злиться. Это было заметно. Несмотря на весь ее опыт скрывать эмоции, следы гнева все-таки проступали на поверхность. Она поставила чашку, встала и принялась нервно переставлять статуэтки и перекладывать приглашения на каминной полке.

– Чем больше я задумывалась, тем больше приходила в ярость от того, что со мной сделали. Ведь теперь я понимала, зачем меня привязали к Эндрю. И в конце концов решила, что должна встретиться с Дэмианом. Просто обязана. – Она тяжело дышала, чуть не задыхаясь. Думаю, этой темы она не касалась уже достаточно давно. – Что было дальше, ты знаешь.

– Знаю.

– Конечно, как только навязались мои родители, и уж тем более свекровь, надо было отменить поездку, но мне так отчаянно хотелось хотя

бы увидеть его, хотя бы прикоснуться к его руке, хотя бы почувствовать его запах, и я оставила все как есть. Сейчас я думаю, они боялись, что готовится именно нечто подобное.

– Судя по всему, да.

– Но после того как я услышала, что ты его привезешь, отступить уже была не в состоянии. Знала, что надо бы, но не могла себя заставить. В тот вечер мы приехали на эту виллу и отправились гулять по берегу. Я спросила о тех его словах, и он признался, что солгал. Все, что он тогда сказал, была неправда. Сказал, что на самом деле любит меня. И всегда будет любить. А я ответила, что если бы только он на балу сказал мне правду, я бы в ту же ночь с ним уехала. Собрала бы вещи, уехала и обвенчалась с ним в ту минуту, как мне исполнится двадцать один год, и мы были бы вместе до конца наших дней. На что Дэмиан ответил, что ему казалось, будто он сделал правильный, благородный поступок.

– На самом деле да.

– Да?! – Серена развернулась ко мне, яростно сверкая глазами. – Тогда пошло оно к черту, это ваше благородство! Чтоб ему пусто было, вашему тупому благородству! Мне не важно, каковы были его мотивы! Он солгал мне и разрушил и свою жизнь, и мою!

– Значит, это тот самый «обман», о котором ты писала в письме? Я думал, это о чем-то другом.

Серена нахмурилась, не понимая моего вопроса:

– А-а, ты имеешь в виду, пообещать любовь, чтобы затащить меня в постель?

– Да.

– У него получилось наоборот. Он изобразил безразличие. В этом и состояла ложь.

– Почему ты не ушла от Эндрю? Когда узнала правду?

– Это была моя слабость, – печально ответила она, ее гнев потихоньку улегся. – Та слабость, о которой я писала. – Серена вернулась к своему стулу и села. – Дэмиан предлагал мне. Он сказал, если я действительно люблю его, это единственное, что мы можем сделать. Умолял меня. Но время было иное. Знаешь, как говорят: «Прошное – чужая страна, там все по-другому»^[76]. У меня был ребенок. Я была занята семьей. Скандал вышел бы огромный, даже в семидесятом году, и хотя мои родители были отчасти виноваты...

– Отчасти?

– Хорошо, – кивнула Серена. – Они были виноваты, но считали, что поступают в моих интересах. – Она увидела мое лицо. – Ладно, они

считали, будто их интересы – это и мои интересы. А я устала, что меня дергают в разные стороны, но... – Она издала нечто похожее на стон, и я физически чувствовал дыхание, вырвавшееся из ее груди. – Конечно, если бы все это произошло сегодня, я бы уехала с ним. Надо было уехать. Но у меня сдали нервы. Дэмиан был лишь одной причиной, что наши жизни не сложились. Второй причиной была я.

– А что произошло позже в тот вечер?

От этого воспоминания она почти улыбнулась.

– Мы вернулись в дом, который снимали не очень далеко, и, конечно, все были совершенно разбиты. Все стали снимать напряжение обильной выпивкой, даже леди Б., потом разбрелись по ванным чиститься от рыбы, и я тоже. После этого просто рухнули. Но когда Эндрю ложился спать, я сказала, что не устала и хочу еще посидеть. Подождала, пока он наверняка заснет, и пешком пошла обратно.

– Пешком?

– Сейчас бы так никто не поступил, да? Или поступил бы, если бы был молод, влюблен и страдал. Наверное, есть такое, что никогда не меняется. В какой комнате живет Дэмиан, я знала, мы все видели, как он туда бросился. Не знаю, как бы я дальше поступила, если бы дверь оказалась заперта. В наше время точно была бы заперта, как считаешь?

– Разбудила бы его.

– Да. Наверное. Но она была не заперта, я проскользнула внутрь, залезла к нему в постель и в кромешной темноте занялась с ним любовью. Зная, что это в последний раз. Он потом немного проснулся, но все равно не до конца. Мне было все равно. Я прощалась с жизнью, которая могла бы у меня быть. Это была моя ночь.

– Но почему в последний раз? Даже если ты была не готова на развод, можно было бы продолжать встречаться.

– Нет, – покачала головой Серена. – Я не могла бы стать его любовницей. Изобретать обеды со школьными подругами и объясняться, что опоздала на поезд... Это было не для нас. Не для тех, кем мы были. Мы должны были объединиться в союз, который бы «шагнул над тесным миром»^[77] и разметал всех, кто стоял у нас на пути. Встречаться в потайных местах, бросать трубку, если к телефону подошел благоверный, – это все было не для нас. Как только я решила, что не уйду от Эндрю, все было кончено.

– Надеюсь, Эндрю хотя бы подозревает, чем он тебе обязан.

– Нет, но если бы подозревал, это стало бы для него катастрофой, так что пострадал бы в итоге он сам. В общем, в ту ночь я встала, оделась и

больше Дэмиана никогда не видела. Конец.

– Откуда ты знала, что Пенистон – его сын? Подозреваю, Эндрю все же иногда к тебе навещался.

– Неудачный оборот, я бы сказала, – ответила Серена, а потом с нежностью улыбнулась при мысли о своем сыне, зачатом в любви. – Знаю, потому что, когда Пенистон родился, он был очень похож на Дэмиана. Но к двум годикам все ушло. Кажется, была какая-то теория, что новорожденные походят на отцов, чтобы обеспечить себе безопасность и пропитание? Его нос, его глаза... Я благодарил Бога, что никто не заметил, хотя видела, как в самом начале мама бросала на него странные взгляды. Но сама я всегда это знала.

– Зачем ты написала письмо? Почему просто не поехала увидеться с ним?

– Не знаю. Мне было себя жалко. Эндрю становился утомительнее, чем обычно, и я одна поехала в Лондон докупить последние подарки на Рождество и там напилась. Не знаю, зачем я это все написала. Если бы оно отлежалось до утра, я бы не стала его отправлять, но кто-то забрал со стола в холле все письма, пока я спала.

– Именно так Дэмиан и подумал! – рассмеялся я.

– И что теперь дальше? – серьезно спросила Серена.

– Расскажу Дэмиану. Он изменит завещание. Твой сын очень, очень богат. Дом Белтонов возвысится.

– Когда-нибудь.

– Уверяю тебя, Пенистону не придется ждать долго. – Я припомнил одну проблему, которую нам необходимо было решить. – Наверное, надо будет провести какой-нибудь тест на ДНК. Не возражаешь?

Не говоря ни слова, Серена подошла к столу, открыла ящик и, достав оттуда конверт, протянула мне. На конверте было написано: «Волосы Пенистона. 3 года».

– Это подойдет? – спросила она. – Или нужно поновее?

– Наверняка годится.

– Только все не используйте... – Что-то еще занимало ее мысли. – Пенистон должен узнать? Это входит в условия?

– Ты не хочешь, чтобы он узнал?

Она оглядела комнату. Над камином висел портрет викторианской женщины из предков Эндрю, с каштановыми кудрями и пышной грудью: «Третья графиня Белтон» Франца Ксавера Винтерхальтера^[78]. Серена вздохнула:

– Если он узнает, ему придется выбирать: жить двойной жизнью или

испортить жизнь своему отцу, отрезав себя от истории Белтонов и чувствуя себя идиотом перед всеми, с кем он вырос.

– Богатым идиотом.

– Богатым идиотом. Но идиотом. Нет, – вздохнула она, – не хочу, чтобы он знал. Пусть считает, что Дэмиан просто был замечательным человеком. С удовольствием расскажу Пенистону, что мы были влюблены. Так скажу, и достаточно.

– Я передам Дэмиану.

– Мне бы хотелось самой ему сказать, – попросила Серена. – Можно? Он разрешит?

Я посмотрел на эту женщину – еще здоровую, еще очаровательную, еще полную жизни – и подумал о том едва дышащем трупце.

– Вряд ли, – ответил я Серене. – Но ты всегда можешь написать ему письмо. Ты уже раньше так делала. – Мы оба улыбнулись, но ее глаза начали наполняться влагой. – Не уверен, что сейчас он кого-нибудь готов видеть. Особенно человека, который не встречался с ним с тех времен, как он был... – Я умолк, не в силах подобрать нужное слово.

– Красивым, – подсказала она, и первая капелька отправилась в путь по ее щеке.

– Именно так, – кивнул я. – Потому что он и правда был красив.

Перед отъездом я поговорил с Бассеттом, изложив ему обстоятельства дела, и, по его совету, прямо из Дорсета поехал в Суррей. Когда через два с половиной часа я приехал, меня ждал юрист, сообщивший мне, что составлено и подписано новое завещание в пользу виконта Саммерсби. Я был рад, хотя вначале стало странно, что я так порадовался за имя, которое так долго ненавидел. Дэмиан попросил, чтобы меня провели к нему, как только я приеду. Когда я вошел в его спальню, мне стало ясно, что мы едва успели. Дэмиан лежал на кровати в окружении пугающей батареи тюбиков и пузырьков, из закрепленных на стойках шпательчиков текли по трубочкам жидкости, и все они соединялись с разными частями его изнуренного, высохшего тела. Вокруг вертелись сиделки, но при виде меня он рукой отослал их, и нас оставили одних.

– Готово. Я подписал, – сказал Дэмиан.

– Юрист передал мне. Ты не стал дожидаться результатов теста?

Я достал прядь, вытащил ее из конверта и протянул ему. Но он покачал головой:

– Нет времени. И тест будет положительным. – Гораздо важнее для него была сама прядь. Он вытащил из золотистого скрученного локона две-три волосинки и жестом велел мне их взять. – Отдай это Бассетту. Прямо

сейчас. Больше им и не нужно. – (Я позвонил, дворецкий пришел и забрал с собой драгоценные нити. Когда я вернулся к кровати, Дэмиан медленно поднес к губам остальную часть детского локона.) – Ну что, у нас все получилось.

– У нас все получилось.

– И как раз вовремя. – Его тонкие губы снова сложились в подобие ухмылки, но на нее было больно смотреть. – Расскажи мне, как все прошло.

Я рассказал. Дэмиан слушал молча, разве что за исключением момента, когда я подошел к истории его разговора с Сереной на балу. Я сказал, что считаю его поведение благородным.

– Тебе так кажется, – покачал он головой. – Но это была гордыня. Я мечтал, чтобы им захотелось принять меня к себе. И когда я приехал туда с ней, мне казалось, что смогу этого добиться. Но они не стали со мной знаться, а я не готов был считаться неподходящей партией. Это только гордыня. Ею я испортил жизнь себе и ей.

– Серена считает, что испортила жизнь себе и тебе, испугавшись тогда на пляже в Эшториле.

Это почему-то даже развеселило его.

– Она ошибается. Но мне даже сейчас радостно думать, что она чувствует то же, что и я. Эгоизм с моей стороны, конечно. Если бы я любил ее не так эгоистично, я бы захотел, чтобы она меня забыла. Но не могу.

– Серена не хочет, чтобы мальчик знал. То есть она хочет рассказать ему о тебе, но не упоминать, что ты его отец. – (Дэмиан кивнул, не протестуя. Похоже, он был заранее готов на это согласиться.) – Она спросила, можно ли ей приехать объясниться. – В слезящихся глазах промелькнула тревога, но я сразу покачал головой, чтобы успокоить его. – Я сказал, что нельзя, но она передала для тебя записку.

Присев на стул для посетителей, поставленный у изголовья кровати, я достал плотный кремовый конверт. Дэмиан кивнул мне, чтобы я вскрыл его. Под тисненым синим адресом «Уэверли-Парк» Серена написала хорошо мне знакомым сжатым курсивом: «Я любила тебя все это время, с того дня, как мы виделись в последний раз. И буду любить до конца жизни». Подписана записка была одним словом: «Серена». Я держал листок у него перед лицом, а он читал и перечитывал, водя глазами по строчкам.

– Ты должен сказать ей, что успел показать мне записку и что я тоже ее люблю, – проговорил он. – И буду любить до конца жизни... Ты останешься? Тебе подготовят все, что нужно.

Не могу себе поверить, что я замялся. Голову заполнили мелкие

отговорки, которые вечно валяются в самый неподходящий момент: званый ужин, где я обещал быть, обед на завтра с друзьями из Мюнхена... Что находит на человека в такие минуты? Не успел я ответить, как он положил руку на мою, лежавшую на одеяле:

– Прошу тебя. Обещаю, что больше никогда тебя не потревожу, это в последний раз.

Я быстро кивнул, устыдившись, что так долго колебался:

– Конечно я останусь!

И я остался. Нам подали обед, мне и юристу, некоему мистеру Слейду, – тот предложил мне называть его Алестером. Мы вяло поговорили о глобальном потеплении в XIV веке и о «странной истории» Гордона Брауна, ковыряя в тарелках на фоне роскоши обеденного зала, располагавшегося этажом ниже спальни, после чего наконец меня проводили в комнату, которую я занимал в свой первый визит. Казалось, это было в иную эпоху, хотя происходило всего пару месяцев назад. Бассетт принес мне все для бритья, зубную щетку и пасту, постельное белье.

– Я заберу в стирку вашу рубашку и остальную одежду и верну наутро, сэр, – сказал он.

Последние несколько лет Дэмиан провел в волшебной, но совершенно необитаемой стране.

Тот же Бассетт растолкал меня после полуночи:

– Вы можете прийти, сэр? Он отходит.

Я глянул на него и увидел, что его глаза полны слез. Когда человек умирает и плачет его дворецкий, видимо, что-то в своей жизни этот человек сделал очень правильно. Я схватил выданный мне новенький халат и поспешил по коридору в комнату смерти. Когда я пришел, там было неожиданнолюдно: обе сиделки, врач и Алестер Слейд, которому, видимо, приказали быть, на случай внезапных изменений завещания, но он не потребовался. Атмосфера была спертая и тревожная, и мне вспомнился Людовик XVI, разбивший стекло кулаком, чтобы дать побольше воздуха рожавшей жене. Когда я вошел, все обернулись и настолько слаженно отошли, расчищая мне путь к кровати, что, видимо, это была еще одна заранее подготовленная часть плана в этом исключительно продуманном уходе.

Дэмиан был едва жив, но, когда увидел меня, его губы задвигались. Я опустился на колени и наклонился над ним, поднеся ухо как можно ближе к его губам. И услышал, как он отчетливо произнес:

– Пожалуйста, скажи ей, что я тоже ее люблю...

И все было кончено.

Тест дал положительный результат, как мы с Дэмианом и предполагали, так что не оставалось сомнений в том, что справедливость восторжествует, как только уладятся все формальности. Перед нашим отъездом Алестер дал мне копию завещания и предложил внимательно его прочитать, на случай если у меня возникнут вопросы, но все было предельно понятно, хотя и потрясало масштабами. У Дэмиана не осталось в живых близких родственников, так что никто не мог оспорить его, скажем так, эксцентричные решения. Я узнал, что меня назначили на хлопотную роль исполнителя завещания. Моя задача становилась чуть менее обременительной из-за двух фактов. Первый: я занимал эту должность в одиночку и все остальные менеджеры, банкиры, члены благотворительных комитетов, финансовые консультанты обширной империи Дэмиана должны были ко мне прислушиваться. Вторым подсластителем горькой пилюли было то, что Дэмиан оставил мне крупную сумму, в благодарность за любезное исполнение кропотливой задачи, чего я не ожидал, но за что был и остаюсь безмерно ему благодарен. С уверенностью могу сказать, что это наследство категорически изменило мою жизнь к лучшему.

Еще он выделил огромную, по моему представлению, сумму: «Она должна быть поделена мной между остальными людьми в списке, на его усмотрение. Он знает, что под этим подразумевается. Я не оставляю рекомендаций о том, как это следует осуществить, поскольку благотворителем будет выступать он, а не я». При разделе этой суммы я проявил бесстыдную пристрастность, отдав львиную долю Дагмар, которая, счастлив сообщить, после этого немедленно оставила Уильяма. Я не забыл, что в своей ужасной тираде Дэмиан к одной Дагмар обратился по-доброму, из чего я заключил, что ее счастье, так или иначе, имело для него значение. Немалую долю я отдал Кандиде, за что она была очень благодарна, и еще одну – Люси. Филип потерял эти деньги за три года, потратив на очередные непродуманные бизнес-проекты. Терри, как ни странно, удачно вложила свою долю и получает неплохой доход. Кирану я выплачивать ничего не стал, поскольку он в деньгах не нуждался, но, видя в нем законного наследника доброго имени Джоанны, я выкупил так понравившийся мне морской пейзаж Тернера, висевший в библиотеке, и подарил ему. Думаю, Киран был польщен. Единственное наследство, за получение которого я несу ответственность лично, но как исполнитель имел полное право назначить, была существенная сумма в пользу Мэри, сестры Пенистона. Отчасти я чувствовал укол вины – в отличие от Пенистона, в ее жилах действительно текла кровь Белтонов, – а отчасти

желал подкрепить обманную версию, что Дэмиан решил разделить свои деньги между теми, кого он любил, и их детьми. Состояние было так велико, что наследство всех вышеупомянутых женщин оставило в нем лишь незначительный след, а кое-какие подарки способствовали распространению легенды, которую Серена была готова охотно поддерживать. Конечно, мне еще нужно было заручиться обещанием молчать от Кандиды и Терри, последних, кто знал правду, но Кандида – двоюродная сестра Серены, и на нее всегда можно было положиться. Я больше опасался за длинный язык Терри и хотел было выдать ей наследство только при условии, что она подпишет договор о неразглашении информации, но оставался риск, что это предложение покажется оскорбительным и я добьюсь лишь обратного. Так что я решил полагаться на остатки ее добропорядочности. И пока не разочаровался.

Похороны были скромными. Тело выставили на кладбище церкви Святой Терезы Авильской – неудивительно, учитывая, что церковь видела от Дэмиана при жизни немало благодеяний. Несколько месяцев спустя мы устроили более пышную и собравшую большее количество народа поминальную службу в церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер. Завещание к тому времени уже стало достоянием общественности и дало почву для множества разговоров в лондонских гостиных и за лондонскими обеденными столами, так что на переполненных церковных скамьях можно было увидеть множество знакомых лиц из прошлого. Надеюсь, что не исключительно из-за обеда в «Клериджиз», запланированного после церемонии для всех присутствующих. Серена много помогала с подготовкой, и по ее предложению Пенистон выступил с речью. Речь была традиционной, о том, что «смерти нет», что меня всегда раздражает, но в данном случае она была более конкретна. Он говорил о том, как восхищалась Дэмианом его мать и как любила его, и это показалось мне довольно смелым и благородным. Поразил меня Эндрю. Он пришел и всю службу и траурный прием сохранял мрачную и надменную важность – видимо, самое близкое к скорбному выражение, на какое он был способен. С учетом обстоятельств, даже тех немногих, которыми с ним поделились, едва ли можно было ожидать от него проявления глубокого горя. Конечно, огромное состояние за одну ночь вознесло династию Эндрю в число двадцати самых влиятельных семей Англии, так что ему не подобало выглядеть неблагодарным, но нельзя ожидать как само собой разумеющегося, что люди будут проявлять хороший тон в любых обстоятельствах, и я был рад наблюдать его у Эндрю.

Люси пришла в своеобразном одеянии, весьма приблизительно

напоминающем траурное платье: черное шелковое вечернее пальто и огромный искусственный цветок пурпурного цвета, приколотый к воротнику. Кандида приехала вместе с Дагмар, обе элегантные и искренне огорченные, что меня тронуло и укрепило в уважении к покойному. Появился даже Киран, хотя, возможно, только чтобы убедиться, что Дэмиан действительно мертв. Терри путешествие из Калифорнии не осилила, но не стоило просить от нее слишком многого. Зато она прислала букет модных и ужасных цветов, обожаемых городскими цветочными магазинами. Такое ощущение, что эти цветы питаются мухами.

Одна женщина в толпе весьма меня заинтересовала. Высокая и крупная, но по-своему роскошная, в хорошем костюме и с одной из прекраснейших алмазных брошей, которую я видел в своей жизни. Она посмотрела на меня, улыбнулась и кивнула, так что я наверняка должен был ее знать, и на тот случай, если она подойдет поздороваться, я обратился за помощью к Серене и спросил, кто это может быть.

– Ты должен помнить Джорджину Уоддила! – немало удивилась моему вопросу Серена.

– Толстая Джорджина? – Я не мог скрыть изумления. – Что случилось?

– Давненько тебя не было в свете! – улыбнулась Серена. – Она вышла замуж за маркиза Конингсби.

Да, я действительно выпал из высшего света!

– Когда?

– Лет пятнадцать назад. Не могу поверить, что ты ничего не слышал. Правда, они много времени проводят в Ирландии. Для нее это был первый брак, для него второй, но чудо в том, что раньше у него рождались только девочки, а Джорджина сразу выдала двух мальчиков, первого, когда ей было сорок три года, а через год второго. Так что она теперь мать наследника первой и второй очереди.

– А он хороший человек?

– Замечательный! Внешне очень похож на Джона Тоу^[79]. И боготворит Джорджину за то, что спасла его. Его первая сбегала с его другом, и он, когда встретился с Джорджиной, был совсем потерянный, а сейчас веселится, как ребенок.

Меня эта новость немало порадовала. Я смотрел на улыбающуюся и даже, в общем, привлекательную маркизу Конингсби и понимал, что уныние не всеобщее свойство даже в наш век мрачного жанра автобиографических «историй страданий». Для некоторых людей все складывается удачно.

– Как чудесно! – сказал я. – Надеюсь, ее мать дожила до свадьбы.

– Дожила. Но даже если бы нет, она бы встала из могилы, чтобы туда попасть! – рассмеялась Серена, и я вслед за ней, и она ушла к гостям.

Итак, поиски Дэмиана закончились, и я был рад их исходу, а заодно и тому, что мне удалось узнать в путешествиях по своей юности. Раньше я считал, что тайная любовная история шестьдесят восьмого года была лишь моей тайной и неразделенной страстью, которая привела меня к уединенному существованию, но теперь я выяснил, что Серену Грешэм и моего соперника любой истинный романтик назвал бы созданными друг для друга. Но я все равно верю, что, вновь обретя и осознав стремления своего сердца и соединившись наконец, хотя и лишь однажды, с предметом своей страсти, я придал смысл своей жизни, как прошедшей, так и будущей, до окончания моих дней. Что еще случится со мной, будет ли что-то важное в моей жизни или не будет ничего – увидим, но я узнал, о чем пишут поэты, и исполнен за это благодарности.

Я стоял в холле отеля с живописным полом из черного и белого мрамора, когда меня тронул за руку Пенистон Саммерсби. Мы вместе вышли на улицу, на все еще яркое осеннее солнце, и заговорили о том, что делать дальше, поскольку в таком поместье, какое было у Дэмиана, работы хватит на долгие годы. Я чувствовал, он хочет мне что-то сказать, дать понять, что знает, какая ему выпала удача.

– Это уникальная возможность. Я имею в виду, надо постараться быть ее достойным, – наконец решился Пенистон.

– Не сомневаюсь, что вы будете достойны.

– И я хочу продолжать дела, которые были для него важными. Потом еще, конечно, исследования в области рака, и я думаю, можно учредить несколько стипендий его имени.

– По правде сказать, вряд ли его интересовало увековечение собственного имени, но я с вами согласен. Давайте так и сделаем.

Пора было прощаться, но я видел, что Пенистон еще не закончил. Бедняга выглядел довольно растерянным, хотя, в конце концов, действительно несколько странно, когда тебе достается королевство стоимостью больше всего национального долга, и все потому, что сорок лет назад какой-то тип влюбился в твою матушку. А большего Пенистон никогда не узнает.

– Мама говорит, он был потрясающим человеком. Ей жаль, что мне не довелось с ним познакомиться.

– Думаю, он был храбрый человек. – И я действительно так думал. – Не боялся правил, которые пугают других людей. Устанавливал собственные правила, и этим нельзя не восхищаться. Он был настоящим. К

этому многие стремятся, но мало кто добивается цели.

На этом мы пожали друг другу руки, и я пошел прочь вдоль по Брук-стрит.

Предыстория «Теней прошлого»

«Тени прошлого» существуют в том же мире, что и «Снобы», но, пожалуй, занимают более мрачную его часть.

Я долгое время разрабатывал тему романа о времени как таковом, о том, что каждому из нас – во всяком случае тем, кому за пятьдесят, – приходится прокладывать свой жизненный путь через три, если не через четыре совершенно разных исторических периода, прежде чем нам дозволено будет уйти на покой. Эти периоды различаются своими философиями, своими истинами, общественными нравами и модами. Но переменялся не только мир вокруг нас – изменились мы сами. Мы уже мыслим не так, как в юности, не питаем былых предубеждений, не придерживаемся тех же идей, что и раньше. В книге неназываемый рассказчик, отправляясь на поиски потерянного ребенка Дэмиана Бакстера, вынужден столкнуться не только с прошлым Дэмиана, но и со своим собственным.

Что касается структуры повествования, в прошлом году я снимался в документальном фильме о завершении в 1958 году традиции представления при дворе, но когда посмотрел программу, то понял, что ее создатели ошибочно полагают, будто это был последний сезон дебютанток. На самом деле сезоны продолжались еще три десятилетия, и я это знаю доподлинно, ибо лично принимал в них участие. Потом я случайно встретился со своей большой юношеской любовью, ныне матроной со взрослыми детьми, и вдруг понял, что размышляю о мире сорокалетней давности и о том, что стало с девушками и молодыми людьми, которые танцевали тогда со мной рядом, в те давние годы, когда жизнь была сравнительно простой, или, по крайней мере, такой она кажется сейчас. Так у меня сложился образ путешествия из настоящего в прошлое и обратно. А потом, уже работая над романом, я услышал, что один мой товарищ по Кембриджу, как и я весело кутивший в сезон шестьдесят восьмого года, умирает от рака, и это, пожалуй, было самым странным из совпадений. Так родился роман «Тени прошлого» – книга о времени и о том, что оно с нами делает.

Джулиан Феллоуз

СНОСКИ

Лондонский сезон – период балов и прочих публичных мероприятий высшего света. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Джоррокс – комический персонаж английского писателя Роберта Смита Сёртиза, бакалейщик-кокни.

Публикующийся газетой «Санди таймс» ежегодный список самых богатых людей, проживающих в Великобритании.

«Движение искусств и ремесел» – художественное течение в Англии конца XIX в., охватывавшее живопись, архитектуру, декоративно-прикладное искусство; пропагандировало индивидуализм, возврат к традиционным ремеслам, практичность.

Остин Дж. Гордость и предубеждение. Перевод И. Маршака.

Персонаж произведения Ч. Диккенса «Повесть о двух городах», долгое время пробывший в заключении в Бастилии.

Уильям Моррис (1834–1896) – английский художник-прерафаэлит, лидер «Движения искусств и ремесел».

Артур Либерти (1843–1917) – английский предприниматель; зачинатель «стиля Либерти» в живописи и дизайне, разновидности модерна.

Перевод Г. Гампер.

«Даты не совпадают» (*фр.*).

Мистер Пейстри – британский комический телевизионный персонаж середины XX в., рассеянный старик.

Балморал – королевский замок в Шотландии.

Чатсуорт-Хаус – дворец герцогов Девонширских в Англии, славящийся пышностью и богатой коллекцией произведений искусства.

Стратфилдсей – поместье герцога Веллингтона.

Леди Памела Берри (1918–1998) – английская светская львица 1950-х годов.

«Гри-трианон» (Gris Trianon) (фр.) – светло-серый.

Аллюзия на монолог Гамлета «Быть или не быть». Перевод Б. Пастернака.

Теренс Рэттиган (1911–1977) – английский драматург и сценарист; в большинстве его пьес действуют персонажи верхнего среднего класса.

«*Перья Принца Уэльского*» – головной убор с тремя перьями, расположенными как на гербе принца Уэльского.

Стивен Полякофф (р. 1952) – английский драматург, режиссер и сценарист российского происхождения.

«Потерю одного из родителей еще можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих похоже на небрежность». *Уайльд О.* Как важно быть серьезным. Перевод И. Кашкина.

Как гласит легенда, во время Первой мировой войны в битве при Монсе британских солдат защитили спустившиеся с неба ангелы.

Лиззи Борден (1860–1927) – американка, обвинявшаяся в убийстве отца и мачехи топором; несмотря на недоказанность обвинений, ее имя стало нарицательным именем убийцы.

«*Мадам Мать*» – титул, которым Наполеон Бонапарт приказал именовать свою мать.

Слоун-Рейнджер (от Слоун-сквер – площадь в Лондоне, между районами Белгравия и Челси) – молодой аристократ, проживающий в фешенебельном районе Лондона. В начале 1980-х годов стал популярен журнал «*Настольная книга Слоун-Рейнджера*».

Пи Джей Проби (р. 1938) – американский певец, музыкант и автор песен, пользовавшийся большой популярностью в Англии в 1960-х годах.

«*Tatler*» – английский журнал о светской жизни.

«*Земля, забытая временем*» – роман американского писателя Эдгара Берроуза (1875–1950) и одноименный кинофильм.

Лорд Патрик Личфилд (1939–2005) – известный английский фотограф; кузен королевы Елизаветы II.

Прайори – психиатрическая больница в Лондоне.

«Вокруг тутового куста».

На коронации королевы Елизаветы английский драматург Ноэл Кауард (1899–1973) увидел в карете тучной королевы Тонга невысокого человечка и, когда его спросили, кто это, ответил: «Ее завтрак».

Кампания, поощрявшая гордость за свою страну; буквально: «Крутая Британия»; название по созвучию с патриотической песней «Rule, Britannia».

«Гусары смерти», или «гусары с мертвой головой» – полк прусской армии XVIII в. с эмблемой в виде черепа и костей.

Джерemi Хаккет, Оливер Браун – английские дизайнеры мужской одежды.

Онслоу-Гарденс – фешенебельная площадь в Лондоне.

Леди Сибил Коулфакс (1874–1950) – английский дизайнер, производитель мебельного ситца для аристократических интерьеров в английском стиле.

Валери Хобсон (1917–1998) – английская актриса, воплотившая на экране образ идеальной английской леди.

Корабельный колокол с фрегата «Лутина», установленный в штаб-квартире страховой корпорации Ллойда и использующийся для церемониальных целей.

Инвернесс – город в шотландских горах.

Дом Раутона – ночлежный дом для рабочих, построенный лордом Раутоном в Лондоне в конце XIX в.

Поуп А. Поэма «Опыт о человеке». Перевод В. Микушевича.

Джон Ванбру (1664–1726) – английский драматург и архитектор; самый значительный представитель английского барокко.

Мак Сеннет (1880–1960) – американский кинорежиссер, классик эксцентричной комедии.

Чарльз Бэрри (1795–1860) – английский архитектор викторианского стиля, автор нового здания парламента в Лондоне.

Хелен Келлер (1880–1968) – известная слепоглухонемая писательница и общественный деятель.

Трастафарианец – сын богатых родителей, живущий разгульной жизнью на деньги трастового фонда.

Джордж Альфред Генти (1832–1902) – английский писатель, журналист и путешественник, автор приключенческих романов.

Десюдепорт – украшение над дверью.

«*Есть вопросы?*» – популярная английская радиопередача, отвечающая на вопросы слушателей.

Ежегодный последний концерт в серии популяризаторских «променадных» концертов в Лондонском Альберт-холле. Помимо популярной классической музыки, включает британские патриотические произведения.

Дерби, Оакс – два вида ежегодных скачек в городе Эпсом.

Петер Лорре (1904–1964) – американский актер театра и кино австро-венгерского происхождения.

Нелл Гвин (1650–1687) – английская актриса, фаворитка короля Карла II.

Уайльд О. Портрет Дориана Грея. Перевод М. Абкиной.

Ричард Д'Ойли Карт (1844–1901) – английский театральный антрепренер и композитор, основатель оперной труппы и отеля «Савой».

Хьюмидор – деревянный ящик для хранения сигар.

«Грециан 2000» – крем для восстановления естественного цвета седых волос.

Шекспир У. Ричард III. Перевод А. Радловой.

«Колесо миллениума», или «Лондонский глаз» – колесо обозрения в центре Лондона.

Фредерик Лонсдейл (1881–1954) – английский драматург и либреттист, автор комедий из жизни высшего света.

Леона Хелмсли (1920–2007) – эпатажная американская предпринимательница и миллиардерша; оставила своей собаке в наследство 12 млн долларов.

Напоминает по звучанию *futtocks* (англ.) – большие ягодыцы.

Cock (англ.) – половой член (одно из значений).

Блайти – жаргонное название Англии.

Трой Донахью (1936–2001), *Сандра Ди* (1942–2005) – американские киноактеры, кумиры молодежи середины XX в.

Лакхнау – город в Индии, один из центров крупного восстания против англичан в 1856–1858 годах.

Блэкпул – английский город, где проводится большой ежегодный фестиваль света.

Ощущать внутренний комфорт, ощущать себя на своем месте (*фр.*).

Джон Джеймс Одюбон (1785–1851) – американский натуралист, орнитолог и художник-анималист.

Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. Перевод И. Кашкина, О. Румера.

«Безжалостная красавица» (*фр.*) – баллада Джона Китса.

Искаженная цитата из «Бури» У. Шекспира. Перевод О. Сороки.

«Что будет, то будет» (*исп.*) – название популярной песни.

Устойчивое выражение, обозначающее состояние, когда человек необъяснимо вздрагивает. Связано с поверьем, что в этот момент кто-то прошел по тому месту, где будет могила говорящего.

Популярная цитата из произведения английского писателя Л. П. Хартли (1895–1972) «Посредник».

Шекспир У. Юлий Цезарь. Перевод М. Зенкевича.

Франц Ксавер Винтерхальтер (1805–1873) – немецкий художник и литограф, мастер светского и придворного портрета.

Джон Тоу (1942–2002) – английский актер и продюсер.